

БОРИС ВАНТАЛОВ
ЗАПИСКИ НЕОХОТНИКА

Алтейя

Борис Ванталов

Записки неохотника

Неполное собрание текстов

Санкт-Петербург — Киев
АЛЕТЕЙЯ — ПТАХ
2008

ББК 84.4РОС6

Ванталов, Борис.

В17 Записки неохотника : неполн. собр. текстов / Б.Ванталов ;
послел. В.Максимова. — К. : Птах ; СПб. : Алетейя, 2008. — 320 с.

ISBN 966-8828-00-3 (Издательство «Птах»)

ISBN 978-5-91419-143-3 (Издательство «Алетейя»)

Творчество Бориса Ванталова многогранно. В настоящем сборнике представлена его проза, написанная в 70-е, 80-е, 90-е годы прошедшего века и в начале нынешнего. При всей значительности эволюции автора он сохраняет ярко выраженное, незабываемое единство принципов. Эти принципы балансируют между модернизмом и постмодернизмом: между глубокой проблематикой и поиском сущности, с одной стороны, и разрушением любых форм и бесконечным комментированием самого себя — с другой.

ББК 84.4РОС6

*В оформлении обложки и книги
использована графика Б. Констриктора*

ISBN 978-5-91419-143-3

9785914191433

© Б. Ванталов, 2008
© Б. Констриктор, 2008
© Птах (Киев), 2008

I

Расползаются мысли по швам.
Это имени смертная боль.
Дайте маску скорее...

— Не дам!

Лищедей, ты не выучил роль.
Ты утратил могущество сна,
заклинаний забыл лепестки
и поэтому сходишь с ума
в чернокнижной пустыне тоски.
Ты покинул пленительный сад
и от дома ушел далеко,
наблюдать как глотает закат
белоснежных ночей молоко.

Конец, цитаты

*записки блудного сына
книга облаков
точка в виде запятой*

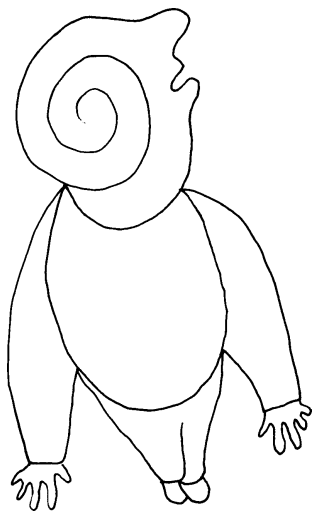

Эра ментальных путешествий

Когда эпоха великих открытий завершилась, настала эра ментальных путешествий. Новое: литературный хронотоп сверхсознания. Шаманы и христианские пророки, суфии, брахманы и Бодлер, Крученых и де Квинси... Мы отчуждаем этот запредельный опыт и отыскиваем законы топотеологические. Главный герой этой «литосферы» — не-я. Эмоции не окрашены в субъективные цвета, а высвечены космическими лучами. Это выход в открытый космос сознаний мира. Уже Толстой в своей эпопее остановился перед дверью, в которую валом повалили футуристы. «У-у-у» Ивана Ильича подхватили словно пароль обэриуты. Черта между тем и этим была стерта. И время пошло наоборот, стало вихлять и завихряться, распадаться и останавливаться. Пока физики расщепляли атомное ядро, лирики экспериментировали со временем. Их парадигма не знает углов. Это уже не уголовный роман, а роман между жизнью и смертью. Роман катастрофического сознания, роман вечного сдвига. Роман-оползень. Здесь все известные хронотопы дрейфуют, подобно химическим элементам в таблице Менделеева в бесконечной раме пра- и метасознаний. Здесь вся сумма культуры пульсирует в ритме организующего ее биополя, и само биополе организуется редакторскими силами пространства-времени. Космос открыли и покоряли поэты, а не офицеры. Это удивительное соответствие физики и литургии. Это зародыш того единственного сознания, которое есть внутри всех нас, от Иисуса до ботинка.

26 июля 1982 г.

*Записки блудного сына
Четыре тетради*

1.0.001

Пошел он, а дорога-то, ой-ой-ой, какая длинная!

Орочские сказки и мифы

1.0.002

Тут весь мир мне показался таким бесконечно далеким и огромным, а сам я таким покинутым, что в глубине души мне захотелось плакать.

*Иосиф фон Эйхендорф. Из жизни одного
бездельника (ЗК № 31)*

1.0.003

Как мне знать, не подобен ли страх смерти чувству (человека), утратившего в детстве (отчий дом) и не знающего радости возвращения.

Чжуанцзы (ЗК № 31)

1.0.004

Они — блудные сыны в каждом доме, пока не уйдут из него, чтобы уже и не вернуться домой никогда, потому что покинутый дом — не дом отчий; а дом Отчий смутно помнят, но пути к нему найти не могут. Оттого, должно быть, и не приемлют домашние пророка, что, покуда он живет под семейным кровом, сам, как волк, все в лес смотрит и норовит не собирать в дом, а расточать. Но пророк все же под конец уйдет в Отчий дом, одинокому же один путь — стать бродягой духа.

Вячеслав Иванов. Борозды и межи

1.0.005

...нам надо продраться через столько грязи и вздора, чтобы прийти домой! И у нас нет никого, кто бы повел нас, единственный наш вожатый — это тоска по дому.

Г. Гессе. Степной волк (ЗК № 37)

1.0.006

Значение хронотопа дороги в литературе огромно: редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных встреч и приключений.

*М. Бахтин. Формы времени
и хронотопа в романе (ЗК № 33)*

1.0.007

Зритель обманут. Все то, что он считал уклонением от пути, привело его именно туда, куда он стремился все время, а когда он попал в конечный пункт, он не сознает его как цель своего странствия.

*Л. Выготский. Психология искусства.
М., 1968 (ЗК № 35)*

1.0.008

...то Инь, то Ян — это и зовется Путем.

Сицчжуан (ЗК № 34)

1.0.009

Путешествовать — значит быть живым, но прибыть куда-либо — это быть мертвым...

Ален В. Уотс. Путь Дзен (ЗК № 38)

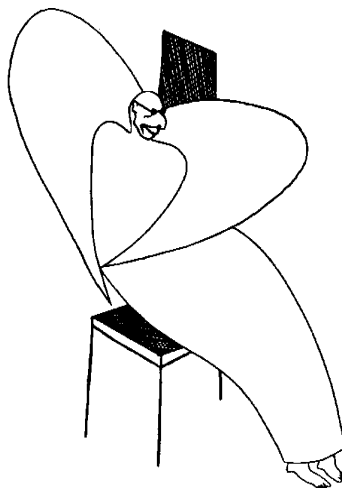
I

И все же закрытые двери не просто раздражают меня. Посудите сами, ну какое же это путешествие.

*Хулио Кортасар.
Выигрыши*

Если книга не является зеркалом мощной личности, она остается зеркалом любопытных слабостей ума.

*Марсель Пруст.
О чтении*

6.0.001

Утром у меня на голове выросли колокольчики. Мать заплакала: я всегда говорила, что ты плохо кончишь. Отец густо покраснел и уткнулся в газету. А колокольчики звенели тихо и мелодично: дин-дон-дон.

6.0.002

Когда сшили халат, то подумал: вот доспехи благородного рыцаря дивана. После смерти меня переложат из одного места в другое. В сущности, ничего не изменится.

6.0.003

Родителей я любил, но не понимал. Теперь понимаю и жалею. Как сын я для них труп. Поэтому меня оплакивают и даже побаиваются. Похороны затянулись на годы.

6.0.004

Очень хочется научиться рисовать пятна.

6.0.005

Когда исчезнет чай, тогда и наступит отчаяние.

6.0.006

Пришел в гости. Все пили чай и говорили шепотом. Кто-то предложил занавесить окно. Потом выключили свет и стали говорить еще тише. Долго сидели в темноте не шевелясь, слушали, как воет ветер на улице.

6.1.01

М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература. 1826–1856 гг. СПб., 1909.

Э. Сведенборг. О сообщении души и тела. СПб., 1910.

Э. Дюркгейм. Самоубийство. СПб., 1912.

Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан. Берлин–Петербург–Москва., 1922.

В. Парнах. Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции. М.-Л., 1934.

6.2.01

— Фары машин освещали ее запрокинутое лицо. Думала ли она о чем-нибудь тогда? Обладать женщиной — это так мало... Душа, трепещущая и изменчивая,

— вот сокровище!

— Увидеть чужую душу — не значит ли это увидеть собственную смерть?

(из диалогов с собой)

6.0.007

Любимые предметы: калейдоскоп, песочные часы, аптекарские весы, мыльные пузыри и камни. Пожалуй, еще зеркала.

6.0.008

Начиная с 1968 года делаю выписки из книг. Записные книжки складываю в голубую картонную коробку. Сейчас пишу в тридцать девятой.

6.0.009

Отец с восторгом говорит об уменьшении дня на такое-то количество минут. Вообще он очень любит листать отрывной календарь.

6.0.010

Стать неподвижным. Стать камнем, хотя бы на мгновение. Камни выше людей. Камень всегда гениален.

6.0.011

Самосознание проявляется, когда некуда идти. Это состояние именуют тоской. Люди заурядные бегут от нее, люди выдающиеся пытаются преодолеть. Последние, впрочем, начинают тосковать о тоске.

2.22

28.08.75

Вечер. «Дом».

Мокрое утро. Встал в пять, потом бежал за троллейбусом. Около пивного ларька продавали пирожки. Было грязно... Зал, где спят вповалку, сняв ботинки, в рваных носках, черных костюмах и прочем; тетка сказала, что не знает, и потащила тачку дальше. Две девушки в красных плащах целовались с солдатами на перроне, видел еще солдат с портфелями и ружьями в чехлах. А что в портфелях? Стон горы наверное.

Ветер шелестит чешуей осени. Рыбки на синем цилиндре. Сон. Сделал письмо. Скорее всего, ничего этого не было.

6.0.012

Несовершенство: несовершенная вера.

6.0.013

Самое главное — прыгнуть в пропасть порыва. Без расчета и надежды отдаться неожиданному дуновению. Разбиваются те, кто не прыгает.

4.02.01*¹

17.07.67

Здравствуй!

Живем мы хорошо. Живем мы на станции «Слободка». У нас жарко. Бывает +37 жары. У нас рядом три озера. За километр есть озеро, за три километра и за пять. Я хожу ловить рыбу. Сдесь у нас ведро вишни стоит 1 р. 50 к. и 2 р., ведро яблок 2 р., кило огурцов 50 копеек, ведро Абрикос 2 р., кило помидор 1 рубль. Но все равно все дешевлеет. Видел зайца в лесу. Видел ужа.

Ну пока и все. Жду ответа.

6.1.02

За двадцать лет, прожитых в деревне, Лу Ю написал около семи тысяч произведений.

6.0.014

Моего в этом мире ничего нет. Не мое и тело, и мысли, и стихи, и рисунки. У меня нет моего.

---

¹ Здесь и далее тексты, отмеченные знаком *, передают пунктуацию и орфографию первоисточника без изменений.

6.0.015

Из всех возможных самоубийств выберем благороднейшее — творчество.

1.0.012

Вот, говорит, сидел он за столом со всеми, обедали, а он сидит скучный, слова не скажет и почти что ничего не ест. Отец его и спроси: «Ты что ж, говорит, сыт должно быть? Если сыт, так нечего стул просиживать». Да. А мальчик как вскинется и закричит: все вы, кричит, падаль едите, не стану я падаль есть! Ну, кулаком об стол постучал при этом, отец на него прикрикнул и, наверно бы, за такие слова выпорол. Только мальчик в обморок. Побрызгали его водой, нашатырю понюхать дали — очнулся. Оглядел всех, да вдруг как вскочит и давай буйствовать. Стул сломал, окно высадил, выброситься хотел — еле связали. А у него пена с губ, как у лошади. Одним словом, пришлось везти в больницу, а там сказали: с ума сошел по всей форме, ну вот, совершенно, как полагается, вполне точная картина болезни.

*О. Савич. Воображаемый собеседник.
1928 (ЗК № 38)*

2.23

30.08.75

Вместо цветов в зеркале увидеть собственную физиономию, украшенную рубиновым прыщом и четырехдневной щетиной, со слипшимися от сна глазами, спутанными волосами; грязные ногти, вечно сползающие трусы, гниющие зубы, стон пылесоса, криканье часов, звон тарелок, пьяная баба и семь утра...

— Иди кушать, сын!

6.0.016

После наводнения были в Лисьем Носу. Видели мертвую крысу на берегу, куски птиц валялись, ошестинясь перьями, железные бочки, чашка, листы железа и чей-то ботинок.

1.0.013

В них (*вещи*. — Б. В.) надо раньше поверить, а потом только воспринимать; если ты не научился смотреть на мир его собственными' глазами, то он распадется на бесконечные частности, существующие в такой же тоскливой отъединенности, как звезды в ночи.

Р. Музиль. Тонка (ЗК № 3)

6.0.017

Век разбитых горшков. Ностальгия по гончарному кругу.

2.01*

9.11.64

Вот снова взялся я за авторучку, чтобы продолжить дневник. Сегодня последний день каникул на душе грустно и тоскливо опять тащиться в школу, вести пустые разговоры терять время понапрасну. Странная я все-таки натура, я как бы представляю раздвоенную собой личность в одно и тоже время, я хочу быть и одухотворенным человеком и быть чем-то наподобие С. Сейчас я

вспомнил Х. И вот уже в который раз я разбираюсь в своих чувствах к ней, люблю я ее и люблю как?

6.0.018

Мы имеем дело с возделанным полем сознания, но есть еще пустыни и океаны. Йоги — туристы, путешествующие в самих себе.

6.1.03

Федоренко писал где-то, что в «Полную антологию танской поэзии» вошло более пятидесяти тысяч стихотворений, написанных двумя тысячами поэтов.

6.0.019

Летом коллекционирую закаты.

1.0.014

Тусклое освещение Невского сменяет темень Малой Садовой. Огни у входа погашены. Швейцар отказывается впустить, жестами показывает, что мест нет. Извозчик торопит. Ответными жестами умоляю открыть дверь. До трагической развязки дело не доходит. За стеклами возникает длинноволосая голова Введенского.

*Игорь Бахтерев. Когда мы были молодыми. —
«Воспоминания о Заболоцком».
М., 1977 (ЗК № 38)*

6.0.020

Вот отгибаю газетный киоск (кто-то наступает на ногу, кого-то толкаю) и замечаю рыжебородого родственника в мышинном пальто и заячьей шапке, курящего; рядом марк аврелий со сломанной ружкой.

1.0.015

Была в индийском городе Сурате кофейная. И сходились туда из разных земель проезжие и иностранцы и часто беседовали.

Л. Толстой. Бог один у всех

5.2.01

Играющие берут себе карточки со словами. Слово надо прочитать, определить количество букв и подобрать для каждой буквы нужные картинки. Картинки надо отбирать с одинаковым орнаментом как по цвету, так и по рисунку. Из отобранных картинок составить слово. Если слово подобрано правильно, то, перевернув картинки, получится эпизод из какой-нибудь сказки, если слово сложено неправильно, то сказки не получится.

4.10.07

5.08.72

Набираюсь сил. Жив. Коричневый цвет кожи. пляж, море и кефир.
Ваш блудный сын.

6.0.021

Чем свежее постельное белье, тем явственней шорох червей.

6.0.022

Люди, которые оплакивали свою участь еще до появления на свет, обычно плохо видят.

2.08*

10.10.65

Я Я Я — это самое дорогое для меня, не будет моего Я и тогда ничего не будет а что такое Я, это не внешность, не тело — это образ мышления, это мозг следовательно я должен заботиться о его развитии о развитии своего Я, я должен давать ему пищу для роста.

1.0.016

Невежество в раннем буддизме есть причина эгоизма или ощущения «я». Оно заставляет индивидуума чувствовать себя обособленным от всего остального существующего, не связанным с мировым порядком.

С. Радхакришнан.

Индийская философия. Т. 1 (ЗК № 27)

1.0.017

Песнь о Матери Вселенной

и о человеческом Теле.

I. Какую удивительную машину человеческого тела создала Божественная Мать!

Как удивительны игры, в которые Она играет с этой машиной!

II. Живя внутри машины, Она держит в руках все нити, которые приводят машину в движение. Но машина думает: «Я движусь по моей собственной воле». Она не знает, что заставляет ее двигаться.

III. «Машина», осознавшая волю Божественной Матери, больше не будет рождаться. Но сама Мать привязана к некоторым машинам нитями любви.

Провозвестие Рамакришны.

СПб, 1914 (ЗК № 37)

1.0.018

МАШИНА

Судья: Обвиняемая, доказано, что вы плохо собраны и скверно сконструированы. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Ответ: Не я себя сконструировала. Не я себя собирала.

Судья: Доказано, что вы двигались, когда вам не следовало двигаться; что вы свернули, когда надлежало ехать прямо; что вы продвигались через толпы прохожих с быстротой, запрещенной законом и опасной для общественного спокойствия; что вы распространяете вонь и упорствуете в этом, хотя вам известно, что это непристойно и другие машины так не поступают. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Ответ: Я — машина. Я рабски подчиняюсь закону моей конструкции и не могу его нарушить ни при каких условиях. Сама по себе я ничего не делаю. Меня приводят в движение внешние силы, сама себя в движение я приводить не способна.

Судья: Вы свободны. Ваше объяснение достаточно. Вы — жалкое творение, наделенное кое-какими хорошими и кое-какими дурными качествами, но хвалить вас за поведение, проистекающее из первых, и порицать за поведение, проистекающее из вторых, было бы нечестно и несправедливо. То есть по отношению к машине — по отношению к машине.

М. Твен. Письма с земли. М., 1964

1.0.019

...я позволю себе оказаться в числе не явившихся на вызов суда...

С. Беккет. Безымянный

1.0.020

— Бывает, видишь ли, такое безбожие... — тут он немного наклонил голову вбок, блеснул очками, — которое... понимаешь ли, выше и чище всякой веры... вот из него-то... как бы тебе сказать... и возникает настоящая философия.

С. Бобров. Мальчик. М., 1966

4.10.03*

28.07.72. 08 ч. 43 м

ЛЕЧУ ДОМОЙ 16 СРОЧНО ТЕЛЕГРАФОМ 50 РУБ ГУРЗУФ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

2.24

31.08.75

Трактор. В садике сидел до одиннадцати. Когда стемнело, пришел эльф с больной печенью. Утром носились в мозгу трамваи и некие образы. Рисовал очкастого, с омерзением представляя маразм предстоящего дня. До ночи еще так далеко. Смеется.

6.0.023

Людям необходима только одна наука: наука умиранья.

6.0.024

Одна из самых гнусных выдумок человечества — телефон. Любопытно, что сначала изобретатель конструировал аппарат для глухих. Потом для слепых изобрели телевизор. (Убойная сила гуманизма.)

6.0.025

Соседка (маленькая горластая женщина в очках, учительница английского языка) каждый день била своих детей, употребляя при этом следующие слова:

- а) гадина паршивая,
- б) идиот,
- в) скотина,
- г) выродок,
- д) зараза,
- е) гнида,
- е) змееныш,
- ж) морда.

6.0.026

В.Соловьев был гуманным человеком. Он считал, хуже чем на земле не будет.

6.0.027

Чаще заглядывайте на дно тарелки с супом. Там *чечевича*.

2.04*

18.04.65

Кстати, Т. Г. оказывается пятнадцать лет, вот уж не ожидал от нее, вот уж не думал, что ей пятнадцать, да для пятнадцати лет она не слишком-то хорошо развита как женщина, ведь у нее почти никаких форм ничего у нее еще нет от евы.

6.0.028

В общежитии я был однажды, еще будучи студентом. Танцы без света. Старательно протискивал ногу меж бедер толстой барышни из провинции. И так долгих пять минут терлись друг о друга. А потом снова танцы. Уехал на такси.

4.10.01

25.07.72

Живу в грязи, как и весь этот жуткий город. Буду искать способа вернуться домой или поеду в Артек.

Анапа.

6.0.029

Был снег. Пили в парадной. Ждали двух девиц, они пошли мочиться во двор.

6.0.030

Я люблю целовать женщин. Такое ощущение будто выдуваешь большой и красивый мыльный пузырь.

6.0.031

Недорезанная свинья положила голову на мое плечо и шумно вздохнула: не прошу.

(из записок семнадцатилетнего)

6.0.032

Что же делать, Гаврилыч?

0.01

О сингулярной точке ни слова!

2.16*

25.08.66

Итак скоро 16 скоро!!! хорошо это или плохо это как посмотреть, я во многом, конечно, болван, но во многом и поумнел.

6.2.02

- Сновидения сыграли в истории человечества огромную роль.
- Но какую?

(из диалогов с собой)

1.0.021

Не ограничиваясь отрицанием души, он (*буддизм*. — Б. В.) вводит новое понятие, которое должно правильно определить то, что в других доктринах ошибочно называлось «душой». Этим понятием становится *сантана* (букв. поток, последовательность). Выбор слова сам по себе чрезвычайно показателен. По учению буддизма, личность — лишь ряд взаимосменяющих друг друга состояний, но она остается, хотя бы частично, чем-то единым и все ее элементы сохраняют связь между собой. Это происходит, учил Будда, благодаря некой внутренней силе (*прапти*), обеспечивающей ее целостность и удерживающей в равновесии комплекс, который включает явления трех типов. К первому относятся все физические характеристики организма (отдельные части, функции), ко второму — ментальные свойства личности (сознание, эмоции, восприятие — психика в широком смысле слова), к третьему — внешние предметы и явления, рассматриваемые в той мере, в какой они воздействуют на ментальные объекты сантаны (впечатления, воспоминания, воображение и другие психические категории, отражающие опыт, который возник от общения с окружающим миром).

Эти три типа явлений вступают между собой во взаимодействие и как бы растворяются в друг друга благодаря прапти. Так создается сантана, т.е. разноплановая, сложная, неоднородная конструкция, которая в обычной жизни именуется личным «я».

*Г. М. Бонгард-Левин, А. В. Герасимов.
Мудрецы и философы Древней Индии.
М., 1975 (ЗК № 33)*

6.0.033

Человек, словно кем-то забытое зеркало, в нас никто не смотрится, нашли зеркало получше. Мы, наверное, искривились и неверно отражаем.

(из недописанной пьесы)

4.05.01*

7.07.69

Здравствуй!

Вот я и на юге, уже два дня. Ура! Погода стоит пока чудесная. Все великолепно. Конечно, это не Адлер, т.к. нет кипарисов и любви, но все-таки хорошо. В море купаюсь, но пока только как Чапаев — рука!

Доехали мы хорошо — было весело и каждый день поддавали. Почти полная свобода. Слежки никакой. Девицы, конечно, не фонтан. Поэтому с некоторыми наивными маленькими симпатюлями не с нашего фака катаемся на лодках и загораем, а на ночь — по бабам. Их здесь предостаточно и многие не отказывают.

Ползли виноградники. Есть мозоли, но работать можно. Кормят же прилично. Много мяса, холодного молока, огурцов. Но что бы там ни было, море для меня — это все! Пью, помимо крепленого, регулярно — каждый день по 2 стакана. Вот и все. Передай привет *** и М. С., да Катю не забудь. Ну, пиши, не забывай.

Чао!

1.0.022

Все случаи жизни — это материалы, из которых мы можем делать что хотим. Кто богат духом, тот делает много из своей жизни. Всякое знакомство, всякое происшествие было бы для всецело вдохновенного человека первым звеном бесконечной вереницы, началом бесконечного романа.

Новалис. Фрагменты. М., 1914

6.1.04

В Китае написано о чае более девяноста книг.

6.0.034

Обломов просто устал от перерождений, дом вдовы Пшеницыной на Выборгской стороне — Сукавати, ламаистский рай.

0.02

О сингулярной точке ни слова!

2.25

3.09.75

Вчера лилось пиво, и бабы дрались у ларька из-за золотой цепочки. Мужики подзадоривали. Умерла Лидия Михайловна. Всегда о покойниках (почему-то) сообщают поздно вечером, чтобы разбудить человека и не дать ему (больше) уснуть. Сердцебиение. Утром выл племянник (Михаил Яковлевич) и просил не вести его в сад. Больше ничего не рисую. Говорят, сентябрь будет теплым. Дуется, наверное, ее тошнит.

6.0.035

Возрождение справедливее назвать декадансом.
(Плод созрел.)

4.07.01

30.07.72

Привет!

Мы живем в Артеке, пионер, лагерь «Горный», ехать на 38 автобусе. Живем в приемном корпусе, в Солярии.

P.S. Лучше всего каждый день с половины восьмого вечера на кольце 38 автобуса в Артеке.

1.0.023

«кашемировый халат Дориана» (К. Ч.)

4.10.02

25.07.72

...здесь за билетами огромные очереди и все только через десять дней. Лечу поэтому завтра в 12.20. самолетом в Симферополь (9р.50к.), осталось у меня 73 рубля. Если там с билетами то же, то возможно поеду к знакомым девицам через Гурзуф в Артек, возможно, понадобятся еще деньги.

Ваш солнцем палимый сын.

1.0.024

Здесь я не могу удержаться, чтобы не воздать хвалы тем чудесным возможностям, какие большинство тропических стран предоставляет не только бродягам вроде нас, но и вообще не имеющим никаких средств людям. В этих теплых краях потребности, естественно, сокращаются, а те, что остаются, легко могут быть удовлетворены; без топлива, без крова, если хотите, без одежды можно вполне обойтись.

Иное дело наши суровые северные широты! Увы! Участь бедняка двадцатью градусами северней тропика Рака жалка.

Г. Мелвилл. Ому (ЗК № 37)

4.06.01*

7.05.71

Действие второе

(те же и старик с седыми зубами)

Я слишком стар, чтобы мечтать о золотом месяце в Гурзуфе с обладательницей тонкой шейки и синего банта.

Завтра.

Около родильного дома потные мужчины пили пиво.

Вот! А Вы, Гриша, говорите что-то о тайнах абсолютного духа.

Ваш.

Забыл адрес ***. Зачитай ему.

6.2.03

— Смех и Ужас — родные братья.

— Как Каин и Авель?

(из диалогов с собой)

2.07*

25.09.65

Живу и учусь радоваться счастью бытия но мне это плохо удается я часто говорю себе мне 15 лет я молод все впереди но мысли, мысли лезут в голову и это очень плохо. Когда я один я очень много думаю слишком много так можно и свихнуться а когда я с приятелями мыслей мало, иногда очень мало я напоминаю какого-то двойника.

6.07.036

Все рисунки должны быть изданы в одной книге, в хронологическом порядке. (Летопись проказы.)

1.0.025

Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу.

*В. О. Ключевский.
Курс русской истории. Часть I*

1.0.026

Молчание есть таинство будущего века.

Св. Серафим Саровский

II

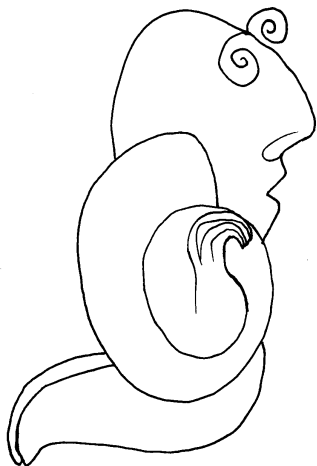
Ироник выпал из связи времен, встал лицом к лицу со своей эпохой, грядущее сокрыто от него, оно за его спиной, а действительность, которой он враждебно противопоставил себя, — это то, что он должен уничтожить, против чего направлен его всепожирающий взгляд.

Его отношение к своей эпохе может быть выражено библейским изречением: «Уже входят в двери те, кто тебя вынесет».

Киркегор

Отливая свои глупости в металлическом шрифте, мы как бы придаем им некое благородство.

Монтень

5.3..01*

10.03.72

АНАПА

Все были очень довольны, мамая кэро. Волшебник умер. Дело происходит в Англии, секса нет. Холодно. Снега нет. Говорят, там были эпидемии. Но это у меня в последний раз. В Новгороде угар поп-музыки. Билет по десятке. За что тебя прихватывают. За то, что костюм себе не куплю, мяса, мяса. Возьми школьную папку. Наш зеленый трамвай не дойдет, не доедет до завтра.

(автор неизвестен)

2.03

8.04.65

Часто снится Кашеева.

4.10.05*

31.07.72. 13 ч. 43 м

ОСТАЛОСЬ 10Р СРОЧНО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ 50 Р ГУРЗУФ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

1.0.029

Нам представляется, что построить интересную систему мыслитель может, только используя необычным образом обычные слова.

В. Налимов. Вероятностная модель языка.

М., 1974 (ЗК № 33)

6.0.037

Ночью нет условностей. Ночь — это первобытность духа, существование без ограничений. Вот она, поэзия автостоянок!

4.09.01

3.02.75

(год Зайца)

Я буду готов увидеть Вас 7 февраля, там, где Вы сами этого пожелали; я принесу книжки, а принесете ли Вы II том упомянутого собрания сочинений? 1-то том я принесу... Есть ли у Вас новые сочинения ***? Хотелось бы посмотреть. У меня кое-что есть; это кое-что я принесу. Извините, пожалуйста, что не сразу ответил. — Спасибо за письмо. Так значит — 7-го (или 11-го...).

1.0.030

Мне предстояло посещение лавки Хоп Сина, где будет осмотр каких-нибудь китайских редкостей и сюрпризов, беседа в конторе, чашка чаю такого совершенства, какого не встретишь за пределами этой священной обители, сигары, и потом поездка в китайский театр или храм.

Брет Гарт. Язычник Ван Ли

2.18

1.01.67

Такого нового года еще не было. Смерть смерть за столом, смерть за шампанским, за коньяком. Такое ощущение, что на столе лежит труп. Тяжело и неприятно.

1.0.031

Жители Венесуэлы считают чай очень неприятным и употребляют его только как лекарство.

Вокруг света. № 6. 1976, с. 79

1.0.032

Одного покойника, при Розенштраухе, начали подвергать мертвецкому туалету, при этом кто-то громко спросил: «Понял ли он, голубчик, о чем рыдала его жена?» А обмываемый мертвец неожиданно произнес: «Всё», то есть «понял всё» — и затем далее в нем не заметили никакого проблеска жизни.

Н. Лесков. О куфельном мужике и проч.

1.0.033

Когда мы говорим, мы каждым словом вздымаем прах тысячи смыслов, присвоенных этому слову и веками, и различными странами, и отдельными людьми.

В. Одоевский. Русские ночи (ЗК № 30)

6.0.038

Отец, одолев книгу Скрынникова, спросил: ты читал, что делалось во времена Ивана Грозного?

1.0.034

У горного ручья готовлю чай.
Мои чувства.

У ручья зачерпнул
Быстробьющей, журчащей воды.

Как вскипает, гляжу —
Бирюзово-зеленая пыль.

Только жаль не могу
Чашку вкусного чая налить

И послать далеко —
Человеку, влюбленному в чай.

Бо Цзюй-и (перевод Л. Эйдлина)

2.02*

24.03.65

Неясное и неразборчивое чувство охватило сегодня меня, чувство какое-то расплывчатое, повидимому это тоска по другу. Конечно можно уповать на Цвейга, ведь он говорит ничего не надо искать, так как все придет к тебе само. Счас я чувствую необходимость близости с существом противоположного пола. Очень чувствую эту необходимость, что поделаешь весна пришла весна пришла. У меня никого нет я одинок очень одинок, но с другой стороны это даже хорошо в одиночестве человек более углубляется, утончается он становится более нежным и чутким, по-крайней мере так происходит со мной.

4.06.03*

18.04.72

Уважаемый!

Я так и не понял вас, когда вы в телеграмме на Феодосию спрашивали, что такое Линия? Откуда мне знать, вы же сами знаете, что я. Погоды немного идет к осени. Воды 21°, t воздуха 24. Будет время и если к этому времени удастся продать телевизор — непременно приезжайте. Как узнал, в Одессе и Киве — холодно. Опять *планы* срываются, вчера посетил винсовхоз — показательная игра в домино — меня не привлекла. Интереснее было читать на плантации рабочим Маяковского, поэму «Хорошо». Им было стыдно.

вернулся пьяный.

Передайте открытку ***.

г. Керчь

1.0.035

Всякая линия есть мировая ось.

Новалис. Фрагменты.

1.0.036

Когда рука пришла к кистям и туши, бывает, что она блуждает и играет в забытьи... А годы, луны вдаль идут и в вечность — и кисть пойдет искать неуловимых тайн.

Ван Вэй.

Тайны живописи

(перевод В. М. Алексеева)

4.04.05*

12.05.69

Ты любишь думать о том, чего не будет, а я наоборот о том, что будет. У меня подобные сны как у тебя, но я хочу, чтобы когда-нибудь сон переместился в современность. Когда окончу учебу, тогда субботы, воскресенья и все свободное время посвящу тому, для чего теперь недостает времени: буду читать книги, которые хочу, не такие, которые должна читать, буду ходить в театр, в кино, гулять природой, и каждые каникулы выезжать или за границу, или куда-нибудь в незнакомые еще места.

6.2.04.

— Маленькая смерть (сон) несет в себе силы для следующего дня...

— Сколько же сил несет большая смерть?

(из диалогов с собой)

6.0.039

Поезд прибыл на бесконечную станцию.

(услышано в метро)

4.08.02*

21.02.73

...представь себе магазин, где зал чуть поменьше Елисея — центрального. Итак: справа продают кофе, слева пиво в кружках, далее минеральную воду, а еще далее крепкие напитки. Народу в таком магазине много, но очере-

ди нет нигде. Все быстро и ловко. Еще был в одном ресторанчике, т.к. все хотелось бежать по-советски. В первый день было плохо из-за того, что пальто меня продавало. И сразу купил куртку типа пиджака замшевую, 87 руб. примерно. Такой маленький магазин, где только замша и кожа. Представил, как бы разнесли на куски его у нас. Еще куча обуви, но купил лишь тапочки. Денег мало, а тут по правде все дороже, начиная с телефона-автомата. Но опять-таки по-советски сразу купил жевательной резинки и Кока-Колы. Книг тут оказывается достать легче русских. Просто можно заказывать каждую неделю. Но тут дороже. Но не дороже чем в садике.

1.0.037

Прислонившись к окну, что выходит на юг, я пространству отдам горделиво свою мечту, и постигну тогда, как легко быть довольным в закуте, где место одним лишь, пожалуй, коленям.

*Тао Юань-мин. Домой, к себе. —
«Китайская классическая проза
(в переводах академика В. М. Алексеева)».
М., 1959 (ЗК № 18)*

1.0.038

Мне часто приходила тогда мысль, что, если бы меня заставили жить в дупле засохшего дерева и было бы у меня только одно занятие: смотреть на цвет неба над моей головой, я мало-помалу привык бы к этому.

Альбер Камю. Посторонний (ЗК № 3)

6.2.05

- Чем вы занимались все это время?
- Обживал безнадежность, милостивый государь.

(из диалогов с собой)

4.04.01*

(дата не указана)

...я люблю читать, ходить и кино и театр слушать пластинки с современной музыкой, но я тоже люблю серьезную музыку. Иногда я теперь хожу в церковь, чтобы посмотреть мессу. Мне очень нравится литургия в православной церкви. В прошлом году я смотрела эти мессы на Новый год, это значит бога января.

1.0.039

Мне подали чаю; я пробовал и не знал, на что мне решиться, глотать или нет. Я стал припоминать, на что это похоже: помню, что в детстве, вместе с ревенем, мятой, бузиной, ромашкой и другими снадобьями, которыми щедро угощают детей, давали какую-то траву вроде этого чая. В Англии он казался мне дурен, а здесь *(в Китае?! — Б.В.)* ни на что не похож. Говорят, это смесь черного и зеленого чаёв; но это еще не причина, чтобы он был так дурен; прибавьте, что к чаю подавали вместо сахара песок, сахарный конечно, но все-таки песок, от которого мутный чай стал еще мутнее.

И. Гончаров. Фрегат «Паллада».

1.0.040

Сидевший тут же цзяшоу Сюн, родом из Цзяньина, рассказал, что в его краях чай издавна смешивают с рисовой мукой, затем еще добавляют диоскорею, а через два года кладут также почки бумажного дерева. Все это примешивается к аромату чая, делает его очень густым.

Лу Ю. Поездка в Шу. Л., 1968 (ЗК № 22)

1.0.041

Происхождение конкретных форм нашего мира не может быть понято путем исключения субъекта из мира и измерения систем. Оно должно описываться непременно с участием личности, то есть в терминах мифа.

А. Волохонский. Утверждение о мере и видимых формах

4.08.06*

(дата не указана)

За столом глупые разговоры. Русские говорят языком газет. Какое большое значение, прогресс, цивилизация и... знак качества. Денег у них много, здесь они даже получают от профсоюза на сигареты, Каждый день пьют — красивые лица. Тамара Пресс объявила голодовку: сбрасывает вес. Весь персонал испугался — «может ей невкусно, может ей другого...»

Тепло, горный воздух; горы видны, даже если лежишь в постели. Но это не Давос. Не хватает иезуитов и масонов.

Рыла кругом да дети.

0.03

О сингулярной точке ни слова!

6.2.06

— Удивительно

—?!?

— Все еще ходят поезда...

(из диалогов с собой)

4.06.02*

15.09 (год не указан)

Откинув и надев офицерский плащ, в двух словах: велосипед сломался по дороге, отправил домой. Обогнул Азовское море, от мрака и меланхолии видимо даже в Арктике не укрыться. Меняю планы каждый день. Денег — 80 руб., впереди месяц — вот почва для авантюры. Пью керченское пиво. Только с утра из Краснодара. Пьян, дышу Ч.М. (черное море). Потом снимал. Грязь и бетон, от 2500-летнего керченского цивилизации — новоизмайловский проспект, видимо это судьба многих, если не всех городов, сейчас 15.09., 20.00 сижу на вокзале между черным и Азовым. Луна. Бабы глупы и жутки. Не понимаю, что значит знойная женщина. Пью очень много пива, вздыхаю по финск. заливу, сегодня решил отснять весь крым, но увы, с Керчи начинание не удалось, сегодня в 22 еду в «феодосию», дальше «судак», «старый крым», «мисхор — Бахчисарай» Севастополь семииз, все время ночью нигде. Это трудно, но кайф. Покажи письмо ***. Я и к

нему пишу. Вы хоть подлецы, но все же... здесь тепло, сейчас ночь, пьян, только утром, — Ах уже говорил — самолетом из Краснодара. Таганрог, ростов, ейск, Новороссийск, Краснодар, керчь — пройдено, правда в каком-то наркозе, рваный, злой, голодный, пьяный, невыспаш... и т.д. рвущийся в ознобе всех несовершенств. Ах куды там, в Феодосии буду в 2 часа ночи. О кэй.

Ваш сын и брат.

1.0.042

Он был совершенно прав: здесь оставалось только пить. Но напиться было трудно: алкоголь тут же испарялся через поры.

Грэм Грин.

Путешествие без карты. М., 1961

4.04.02*

17.02.69

...на одной стене квартиры у меня много почтовых карточек, прежде всего Париж, Франция, Испания, теперь Россия и другие страны. Я их смотрю и вспоминаю, как я гуляла на Монтматре, между деревьями по маленькой площади, где летом большое число художников, которые пишут разные памятники Парижа или портреты. Когда я здесь была два года тому назад в 1967 году, это было в августе и была страшная жара. На этой маленькой площади было столько людей, что трудно было все спокойно посмотреть. Все было веселье; жара, земля высохла и против неба выдвигался собор Сакре Кер, белый красивый в контрасте с голубым небом. Когда я посетила эти места в этом году были грустные, мало людей, так как парижане имели другие заботы и иностранцев не было такое число как летом. Но все-таки я была восхищена старым Парижем, его монументальными памятниками. Больше всех я люблю храм «Нотр Дам». Очень хорошо он описан в романе Гюго «Нотр Дам Парижа». Я выступила вверх на одну из двух башен и передо мной находился весь Париж. В день Рождества 24 декабря мы здесь слушали полуночную мессу. Половина была на латинском а половина на французском языке. Ты сидишь и слушаешь прекрасную музыку как-то приходящую из неба. Нельзя описать мои чувства. Только один день шел снег, другие шел дождь или светило солнце. Парижане ходили легко одеты, без пальто и я тоже видела девочек без чулок. Было совсем тепло и тот день, когда шел снег все люди как-то с удивлением смотрели, потому что снег в Париже на редкость. Все улицы и бульвары были прекрасно освещены, магазины переполнены красивыми вещами, такое праздничное настроение.

Сейчас уже кончаю, так как пишу при свече, выключили свет в нашем квартале.

Сегодня выпало пол метра снега.

1.0.043

Зеркало — тело, обладающее полированной поверхностью и способностью образовывать оптические изображения предметов (в т.ч. источников света), отражая световые лучи.

БСЭ, т. 9, стр. 514

6.0.040

Ветер качает ветви деревьев. Если одну из них окунуть в тушь и поставить перед ней бумажную ленту, то она выведет кривую дуновений.

(притча о художнике)

1.0.044

Слышал я, растут там деревья, которые родят мужчин и женщин, и человечки эти бывают с локоть величиной, и к дереву прикреплены они пуповиной; когда дует ветер, они свежие, а если ветра нет, то засыхают.

Восточных земель описание, исполненное

братом Одорико богемцем из Форо

Юлио, что в провинции св. Антония. —

«После Марко Поло». М., 1966

(ЗК № 36)

1.0.045

Дует ветер, гнутся ветви, рассыпались цветы, но ведь у ветра нет и никогда не было злой воли, а деревья никогда не питали чувства враждебности.

Д. Т. Судзуки. Жизнь по Дзену

(ЗК № 37)

1.0.046

Глядя на эти согбенные деревца, на низкорослый боярышник, я думал, что, может быть, в этом истина. Дует ветер, им приходится покоряться. Они склоняются перед ним, а когда распускаются цветы, никто и не заметит, что ветки кривые. Они не уповали на доброту Бога, а мирятся с его жестокостью — не только с этим вонючим временем, идет оно там или не идет, но и со всем остальным дерьмом. Может быть, тот, кто сумел проплыть по этой огромной реке и миновать пороги, сможет потом плавать по тихим заводям и любоваться на звезды.

Сид Чаплин. День сардины

1.0.47

Не печалются только ветви —
одного они с нами склада:
в дождь не верят и спят так сладко,
словно каждая стала садом.
Федерико Гарсиа Лорка.

Касыда о ветвях. — Из цикла «Диван

Тамарита» (перевод А. Гелескула)

4.08.12*

19.05.76

Главное расслабиться. Пойми, что год такой. Я лишь тем и занимаюсь, что подсчитываю дни до конца года. Говорю каждый вечер, вроде сегодня все в порядке, ничего страшного не произошло, наверное это будет завтра, и сердце — тук, тук, тук.

Сны дурные, смурные и пасмурные. Я бы сказал грязноватые.

Да-с.

Сегодня в четыре часа утра в квартире над нами помер дядька и я задумался над смертью и испытал такой ужас, такой животный страх какой испытываешь только при слове СМЕРТЬ.

1.0.048

Ничего собственно не перерождается, происходит не трансмиграция, а бесконечная трансформация комплекса дхарм, совершается перегруппировка элементов-субстратов, наподобие того, как в калейдоскопе те же частицы группируются в новые более или менее похожие друг на друга фигуры, но все же индивидуально различные, никогда не повторяющиеся. Каждая отдельная фигура до известной степени обусловлена или связана с предыдущей и в известном смысле влияет на последующую.

О.О.Розенберг.

Проблемы буддийской философии

1.0.049

Смерть есть неизбежное прекращение сантаны, «приостановка потока», причем прежние связи рвутся и целое окончательно распадается на элементы. Однако действия и интенсивные психические напряжения, связанные с прекратившейся сантаной, не исчезают, они предопределяют изменения в элементах и сказываются на особенностях новых «потоков» (сантан), которые опять и опять возникают в непрерывном круговороте бытия.

Г.М.Бонгард-Левин, А.В.Герасимов.

Мудрецы и философы Древней Индии

1.0.050

В книге Л. Гумилева «Старобурятская живопись» (М., 1975) приводится следующий поздний тантрийский текст о шести местах перерождения:

«Будет освещать вас разный свет (то есть разных оттенков) из шести мест перерождения.

Свет того места, в котором вы будете перерождаться, будет сиять особенно ярко, но выбор его будет определяться вашей кармой. Лучи света, которые поведут вас в различные миры, будут казаться вам покойными и торжественными в сравнении с ослепительной вспышкой света, с которой вы встретились впервые.

Если вы этого заслужили, то вас поведет белый свет на одно из небес и на какое-то время вы будете счастливы среди богов. Зависть и гордость потянут вас к красному свету, который приведет вас к перерождению среди воинственных асуров, постоянно одержимых гневом и завистью. Если вас привлекает к себе голубой свет, то вы опять окажетесь человеком. Задумайтесь над тем, как мало счастья это вам принесет! Если вы глупы и тупы, то изберите себе зеленый свет, который поведет вас в мир животных. Это несчастье, потому что этот мир опасен и далек от знаний, которые приносят спасение. Лучи темно-желтого света поведут вас в мир призраков, а, наконец, лучи цвета чер-

ного дыма поведут вас в ад. Попытайтесь избавиться, если сможете! Думайте о буддах и бодхисатвах! Вспомните, что все эти явления нереальны, возьмите себя в руки, почувствуйте любовь ко всему, что живет! Не пугайтесь! Только вы являетесь источником всех этих различных лучей. Только в вас они существуют, как и миры, в которые они ведут».

(ЗК № 36)

4.06.04*

16.06.73

Иногда во сне ощущается чей-то внимательный глаз, он во мне самом, он рассматривает и, оценивая, решает, пересадить меня в другой эшелон или нет. И этот глаз рассматривает меня будучи в моем глазу. Он повернут зрачком в мозг.

Каменный остров.

1.0.051

Повторение — сама действительность и настоящий смысл бытия. Кто хочет повторения, тот созрел духовно, усвоил себе истинный смысл бытия.

С. Киркегор. Повторение (ЗК № 23)

1.0.052

Уточнение: «Далеко не полная “Антология китайской поэзии”, составленная в эпоху цинского императора Кан Си, насчитывает более 900 томов с более чем 48900 поэтическими произведениями, написанными 2300 крупнейшими поэтами.»

Китайская классическая поэзия (эпоха Тан). М., 1956

6.0.041

Халат превыше любой философской системы. Он — нетленная, овеществленная мудрость недеяния. Это замок, монастырь, склеп.

6.1.05

С.Г.Тер-Микельян. Большая душа Гончарова. — Русский филологический вестник. 1917. № 1—2.

4.10.04*

30.07.72

Любезные родители!

Наконец-то я обрел покой и сопутствующее ему довольство в городе Гурзуфе. Каждый день, выходя из дому, я вижу голубое море и горы, покрытые виноградниками, загорелых длинноногих девиц и прочие прелести южной жизни. Потихоньку мое белое, тощее тело приобретает желтоватый оттенок, и будем надеяться к концу моего отдыха станет коричневым. Анапа — пыльный город, за два дня, проведенных там, смертельно устал.

Все мои указания относительно книг следует неуклонно выполнять.

Да, в Симферополь летел на кукурузнике, сведущие люди объяснят, что перенес ваш сын.

1.0.053

...вписывать что-нибудь в дырочки букв до тех пор, пока все не потеряет смысл, станет одинаковым и то призрачное, что было написано, не станет тем, что оно есть — бессмысленным, безысходным несчастьем.

С.Беккет. Моллой (ЗК № 8)

1.0.054

И в книжках писано: «Китайская стрела в Россию вошла; кто пьет чай, спасенья не чай...»

М. Салтыков-Щедрин. Смерть Пазухина

4.04.07*

7.08.70

Все время я думала о том как бы себя чувствовала если бы мне это кто-нибудь сделал и мне стало стыдно, стыдно перед самой собой.

У нас существует такая поговорка «Поздно “бы” гонять» и в этом случае не надо больше говорить.

Если возможно, то прости, пожалуйста, прости.

5.4.01

К А М Е Н Ь

С незапамятных времен, в горной долине лежал большой камень и спал: и снились ему дивные каменные сны. Но однажды на него упала крохотная капелька, за ней вторая, третья, четвертая... а потом все чаще и чаще, быстрее и быстрее.

Все легче и легче, бледнее и бледнее становились сны камня. И вот однажды приснилось ему, что на дне стремительного потока лежит маленький плоский камешек.

Д.П.

1.0.055

Нет многочисленных тайн (изображения камня). Секрет раскрывается одним словом — они живые.

Слово о живописи из сада с горчичное зерно. М., 1969

1.0.056

Камень, дай мне увидеть шаманские сны!

Орочские сказки и мифы

1.0.057

Камень — это лоб, где стонут сонмы сновидений
без змеистых вод, без льдистых кипарисов.

Камень — как спина, что носит вечным грузом время
и деревья слез, и ленты вечные созвездий.

Федерико Гарсиа Лорка

Присутствующее тело. — Из цикла

*Плач по Игнасьо Санчесу Мехиасу
перевод М.Зеннкевича)*

4.05.02*

(дата не указана)

Здравствуй!

Очень признателен тебе за письмо и рад, что не забываешь. Поздравляю тебя с приездом на море. Большое спасибо за приглашение в Сочи, но, к сожалению, приехать не могу, т.к. совершенно нет денег. В свою очередь спешу пригласить к себе. Живем в лагере довольно скучно. Я уже успел соскучиться по Ленинграду, М. С., по Кате и т.д. Моря и солнца наглотался достаточно. Все. Желаю тебе хорошего отдыха.

P.S. Извини, что не написал раньше. Здесь так противно всё и все, а я здесь уже достаточно долго, так что поневоле впадаю во все это меланхолическое перегретое состояние и постепенно обрастаю чешуей скобарства, которую спешу отмыть в Ленинграде.

1.0.058*

Лапландец, рожденный почти в гробе Природы, не смотря на то, любит холодный мрак земли своей. Переселите его в щастливую Италию: он взором и сердцем будет обращаться к северу, подобно магниту; яркое сияние солнца не произведет таких сладких чувств в его душе, как день сумрачный, как свист бури, как падение снега: они напоминают ему отечество! — Самое расположение нерв, образованных в человеке по климату, привязывает нас к родине.

*Н. Карамзин. О любви к отечеству и
народной гордости. — Избранные
сочинения. СПб., 1892*

1.0.059

Калейдоскоп изобретен англ. физиком Д. Бростедом в 1817; впоследствии стал детской игрушкой.

БСЭ, т. 11, стр. 198

1.0.060

А разница в климате! Два дня тому назад, когда я оставил Петербург, все было покрыто снегом; здесь же, в центральной Германии, я ходил по платформе железнодорожной станции без пальто. Солнце припекало; почки уже налились, и цветы готовы были распуститься. А потом пошел Рейн, а еще дальше Швейцария, залитая яркими лучами солнца, с ее маленькими отелями, где завтрак вам дают под открытым небом, в виду снежных гор. До тех пор я никогда так ясно не представлял себе, что значит северное положение России и какое влияние на ее историю имело то обстоятельство, что центр ее умственной жизни лежит на севере, у самых берегов Финского залива. Только теперь я понял вполне, почему юг всегда так привлекает русских, почему они употребили такие невероятные усилия, чтобы достигнуть Черного моря...

*П. Кропоткин.
Записки революционера. М., 1966*

1.0.061

Какое полное повторение во всем!

Н. Лесков. Детские годы

6.0.042

Девочка тогда сказала правду: лицо у меня в самом деле черное.

1.0.062

Я проснулся в колыбели —
Черным солнцем осиян.

О. Мандельштам

1.0.063

Б. Рифтин пишет в предисловии к книге Ши Юй-куня «Трое храбрых, пятеро справедливых» (М., 1974.): «Черный цвет (лица. — Б.В.) имеет в Китае несколько другую символику, чем у нас. Он свидетельствует о честности и неподкупности героя».

1.0.064

Как я люблю тебя, халат!

Н. Языков. К халату

6.0.043

Один мой знакомый поэт однажды чуть не сошел с ума от радости, увидев в титрах какого-то многосерийного телевизионного фильма фамилию: ГАВЕНДО.

1.0.065

Мой собеседник ничего не понял. Я попытался объяснить подробнее: «Ваша музыка строится по прямой линии. Одновременная передача звуков создает гармонию в западной музыке. Индийская музыка движется по кругу, и последовательное расположение звуков создает «мелодию» в нашей системе».

В. Патанджали. Как понимать индийскую музыку. — «Индия». 1977, № 4

1.0.066

Все, что он видит вокруг себя на Западе, настойчиво навязывает ему впечатление границы, предела, точной определенности, строгой отчетливости и ежеминутного, повседневного присутствия человека с внушительными признаками упорного и продолжительного труда. Внимание непрерывно занято, крайне возбуждено. Он припоминает однообразие родного тульского или орловского вида ранней весной: он видит ровные пустынные поля, которые горбятся на горизонте подобно морю, с резкими перелесками и черной дорогой на окраине, — и эта картина провожает его с севера на юг из губернии в губернию, точно одно и то же место движется вместе с ним сотни верст. Все отличается мелко-стью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-

неясное впечатление. Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом — и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному, унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли.

В. О. Ключевский.

Курс русской истории. Часть II

6.0.044

Лежать часами и смотреть в потолок, который похож на страницу из книги; чистая, белая книга...

1.0.067

На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу все шире и шире. Халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным, но все еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани.

И. Гончаров. Обломов

6.2.07

— Как же мы с вами не догадались, дорогой друг, что виденное нами недавно желто-зеленое небо означает? Небо протухло наконец. И разве мог я подумать вчера, когда вы столь звонко мочились под вязами, что это приведет к сегодняшним дождям?

— Вот именно, все зависит от всего.

(из диалогов с собой)

2.05*

3.08.65

Почему везет дуракам? Этот вопрос встал передо мной в результате многочисленных встреч с Б. И. у него есть знакомые девочки есть друзья его любит Г. И., а он любит Т. В. и та любит его. Он часто ездит на машине и наконец у него есть трилоновая рубашка и 30 рублевые коры, за что свалилась на этого эдиота такая благодать. Да жизнь жестока по отношению ко мне!

1.0.068

Эти рыдающие слова он произносит в тот ужасный час, когда пришедшее утро погружено в неушедшую ночь, когда пришло утро, но еще ночь (Тень уходит *перед* самым наступлением утра); в тот мистический час, когда утро вдвинуто в ночь, когда время выходит из пазов, когда два мира — ночь и день — сталкиваются, сходятся.

Л. Выготский. Трагедия о Гамлете, принце датском, У. Шекспира

4.10.06

1.08.72. 14 ч.17 м.

ДЕНЬГИ ПОЛУЧИЛ СПАСИБО

6.0.045

Кинематограф. Пантагрюэль не знал этой подтирки.

18.07.76 (утро, легкое похмелье)

2.17

10.11.66

Прошли праздники, ну и слава Богу!!! я на праздниках неплохо поддал. У меня был С. с дамой....., а я смотрел телевизор под ее подвывания. А потом носил воду, стакана три. С ума сойти! Чмокнул эту даму на прощание в щеку. На морду мне она что-то не понравилась. Но С. она нравится. С. кинул ей четыре палки, а это не мало...

0.04

О сингулярной точке ни слова!

4.08.01*

(дата не указана)

...купил себе сигареты «Ком», которые тут стоят на наши деньги около 80 коп. (разорение и курить бросишь). Потом пошли и купили мне тетрадку, довольно симпатичную на мой советский взгляд. Далее наткнулись на ***. Мы должны были встретиться с ней позже. *** во всем из Франции и с косичками. Потом купили мне трусики вместо моих т.е. мамой купленных черных семейных. И далее еще перчатки (13 руб.). Потом еду купили на вечер и в кино. Французская фильмотека, где приличные франц.фильмы бесплатно. Фильм по Борису Виану. Вернее по его роману, но фильм с осколками лишь сюра. После кино искали где бы попить кофе. Нашли одну кофейню. Во всех остальных не было места, и очереди тоже. Приличное место у «Голема», что-то еврейское этот Голем. Дела там западные. Сидели за стойкой пили кофе и говорили. Появился один старый актер, фамилию забыл. Такой старик а ля Хем с бородой седой и очками. Потом ***, она платила, т.к. денег у нас уже мизер, заказала вина теплого. Ничего приятно. Актер пил «кровавую Мэри». Томатный сок, перец, три куска лимона и немного «Столицы» (Столичная — 7 руб.). Потом разошлись. Шел проливной дождь. Дома лучше всего. Сегодня пришла *** в гости. Я передал ей привет от тебя. Она теперь вся в себе. С грустью говорила — «Мы все постарели». Кажется готова плакать каждую минуту. Так мне показалось.

1.0.069

Дома она (*Маргарита Наварская*. — Б. В.) слушает толкование Св. Писания, поет с монахинями обедни и вечерни, с болезненной пытливостью наблюдает агонию одной из приближенных дам и отвечает, когда ей толкуют о вечной жизни: «Все это правда — но как долго придется лежать под землей!»

А.Н.Веселовский. Рабле и его роман.

Опыт генетического объяснения. —

Избранные статьи. Л., 1939

(ЗК № 39)

1.0.070

Струны ржавеют
Под мокрой рукой,
Грезы немеют
И кроются мглой...
А.Миропольский

6.0.046

Сегодня в троллейбусе пьяный мужик рассказал мне (почему мне?) о том, как он купил на базаре щенка, как из него вырос дог и прокусил тестю ногу; кость треснула, тещь до сих пор хромает, а дог съедает за три дня 10 кг мяса.

1.0.071

Впрочем, всем другим нациям простительно не уметь наслаждаться хорошим чаем: надо знать, что значит чашка чаю, когда войдешь в трескучий, тридцатиградусный мороз в теплую комнату и сядешь около самовара, чтоб оценить достоинство чая.

И.Гончаров. Фрегат «Паллада»

1.0.072

Здесь и там, меж ветвей, по цветам, мы вьемся, сплетаемся, кружимся, качаемся. Сестрица, сестрица! Скорее, скорее, и вверх и вниз, — солнце вечернее стреляет лучами, шуршит ветерок, шевелит листьями, спадает роса, цветочки поют, шевелим язычками, поем мы с цветами, звездочки скоро заблещут, пора нам спуститься сюда и туда, мы вьемся, сплетаемся, кружимся, качаемся; сестрицы, скорей!

*Э.Т.А.Гофман. Золотой горшок
(перевод В. Соловьева)*

1.0.073

Кроме молчания ничто никогда не будет значительно.

М. Метерлинк. Сокровище смиренных

III

Когда будучи молодым, я слышал звонок у своих дверей, то всегда испытывал чувство радости, потому что я говорил себе: «Ах, наконец-то!» Позже, находясь в зрелом возрасте, при подобных же обстоятельствах, у меня скорее являлось чувство страха, и я думал: «Как, уже?»

*Артур Шопенгауэр.
Афоризмы о
житейской мудрости*

Будучи умственно ограниченным, он давал советы мудрости; не будучи поэтом, он писал стихи и драматические сочинения; полагая быть историком, он рассказывал анекдоты; не имея ни образования, ни хотя бы малейшего понимания потребностей отечества, он сочинял для него проекты управления...

*Биографические сведения
о Козьме Пруткове*

1.0.076

Госпожа Маргарита ничего не ответила; она взяла мою руку, направила — не знаю куда, но, во всяком случае, я воскликнул: «Да тут ничего нет! Ничего нет!»

*Д.Дидро. Жак-фаталист и его
хозяин (ЗК № 36)*

1.0.077

Вот еще один поздний тантрийский текст из книги Гумилева:

«Прежде всего явится вам быстрее молнии яркий блеск бесцветного света Пустоты, который будет окружать вас со всех сторон. В ужасе вы захотите бежать от сияния, но в этом случае вы можете полностью потерять сознание. Попробуйте погрузиться в этот свет, отказавшись от веры в свое Я, отказавшись от всех привязанностей к своему иллюзорному Я...»

1.0.078

Есть даже экзотическая гипотеза, по которой Вселенная, выйдя из «исходного» сингулярного состояния, поначалу вообще была пустой, а все вещество и излучение возникли из вакуума в процессе ее дальнейшей эволюции.

*В. Комаров. Вселенная — одна, моделей —
тьма. Знание — сила. 1977, № 6*

6.2.08

- Наука вылупилась из мистики...
- Мистикой и кончит!

(из диалогов с собой)

6.3.01

Убить человека очень просто. Для этого достаточно закрыть глаза.

(из советов начинающему)

6.0.047

Обнажение архетипа.

2.20

17.04.69

Темная картина. Какая-то лестница изображена на ней, в саду столь же темном и мрачном фигурка нагой девочки с сачком; а лестница-то в крови, ступеньки в крови, кровь на перилах, она наложена грубыми мазками... Какую бездну носил в душе человек, писавший это полотно. Картина висит в комиссионном магазине близ Московского вокзала, написана она иностранным художником и стоит 120 рублей.

6.3.02

Женщина, которая много говорит о своей любви, непременно сколопендра. Береги голову!

(из советов начинающему)

6.0.048

Один знакомый прозаик говорил о знакомом поэте: улыбается так, что тарантул поседает.

6.2.09

— Ницше умер в 1900...

— Ас ума сошел, кажется, в 1888 году?

(из диалогов с собой)

6.0.049

Процесс мышления можно сравнить с настройкой приемника на нужную волну. Большинство ловит в одних и тех же диапазонах. Лишь гений выходит за пределы.

1.0.079

Прочь все грани и межи!

Сыкун Ту

6.2.10

— Вот вы говорите червь... А, может быть, это солнечный луч, сошедший на землю?!

(из диалогов с собой)

4.08.03

27.02.73

Теперь у меня такое чувство, что все это я видел где-то. И людей, и пейзаж, и все остальное. Много знакомых лиц, речей — все какой-то повтор. По-есть я в Америку, было бы то же самое. Так кажется...

1.0.080

Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,
Все равно!
Ангел Мери, дуй коктейли,
Пей вино!
Я скажу тебе с последней
Прямотой,
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.

О. Мандельштам

1.0.081

Прошлой ночью я изобрел новое наслаждение. И, испытав его впервые, увидел у своих дверей ангела и дьявола, споривших о природе этого наслаждения.

Один из них кричал истошным голосом:

— Это смертельный грех.

Другой возражал громче:

— Нет, клянусь жизнью, это благо!

Джебран Халиль Джебран. Слеза и улыбка. — Восточный альманах «Дневная звезда». М., 1974. Вып. II

2.21*

1969

Сегодня ночью ко мне опять подобрался этот гаденький страх перед смертью, вернее он не гаденький, а какой-то очень плотский. Его вызываешь разумом, а воспринимаешь через плоть, ибо она бунтует и заранее содрогается в страхе перед неизбежным разложением. На какое-то мгновение сие чувство отравляет, конечно, жизнь, но по истечении его торжество охватывает все твое существо: жив я, жив!

1.0.082

Бог мой, Бог мой, если мне предстоит и вперёд переживать такие же ночи, сделай, по крайней мере, так, чтобы хоть одна из мыслей, проносящихся в то время в голове, сохранилась и после. То, чего я прошу, не так бессмысленно; потому что я знаю, что они рождены боязнью, возникли оттого, что так велик мой страх. Когда я был мальчиком, меня за это били по лицу и говорили, что я трус. Но происходило это оттого, что я тогда не успел еще хорошо бояться; с тех пор я научился бояться по настоящему, боязнью растущей по мере того, как растет сила вызывающая ее. Мы можем представить себе этот страх только когда сами боимся, потому, что он сам по себе до того непонятен, до такой степени противен нашей природе, что мозг наш разлагается в постичь его (*Sic!*—Б. В.). И все же с некоторых пор я в тот самый момент, когда мы делаем усилие, думаю, что в нем наша сила, вся наша сила, но она оказывается не по силам нам. Верно то, что мы не знаем ее. Но разве же она не есть самой наше сокровенное, о чем мы менее всего ведаем? Иногда я представляю себе каким образом образовалось небо и смерть: это тогда, когда люди отбросили от себя самое драгоценное из-за того, что у них оказалось так много разного другого дела впереди и еще потому, что это драгоценное не было в безопасности среди нас — людей занятых. С тех пор все это затянулось временем и мы уже привыкли к более мелкому. Мы более не узнаем своей собственности и нас не приводит в ужас громадность ее. Разве же это не так?

*Р. М. Рильке. Заметки Мальте Лауридса Бригге. М., 1913.
(перевод Л. Горбуновой) (ЗК № 39)*

4.04.06*

(1969?)

...я снова читаю твои последние письма и мне кажется, что ты очень серьезным. У тебя не очень оптимизма. У меня тоже не хватает много оптимизма, и это состояние унижает человека. Часто мне приходится задумываться над тем, что такое смысл жизни, к какой цели мы стремимся и если мы не стремимся напрасно..... А ты занимаешься каким-нибудь спортом? У нас на факультете можно выбрать разные спорта. Я играю волейбол и пла-

ваю. В прошлом году у нас была неделя спортивного сосредоточения. Мы утром 4 часа плавали в бассейне и после обеда мы играли волейбол. Раньше у меня был биксилет и я все время ездила по окрестностям нашего города, то ездила к подруге, то к бабушке. Но потом мама хотела купить холодильник и тогда мы должны были мой велосипед продать. Теперь хожу пешком. Ты мне никогда не писал о музыке. Ты ее любишь?

Ложусь спать с любопытством, что мне будет видеться во сне. В последнее время приходят особенные сны, не реальные и неосуществительные. С какого импульса они приходят?

1.0.83

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

Ф. Тютчев

1.0.084

Итак, двадцатичетырехкратное преломление поэтического наития в различных фазисах есть, собственно, преломление Великого Дао, которое является его великим регулятором. Как же выразить это Дао, живущее в поэтическом наитии? Дао есть *сущность*, есть нечто статически абсолютное, есть *центр круга*, вечная точка вне познаний и измерений, нечто единственно-правое и истинное. Оно есть *Великое Дао*, *невыразимо* живущее в наитии и *неделающее себя утварью* людей, объектом пользования и уделом формы. Оно — *самопроизвольная с амоестественность*. Оно для мира вещей, человека, поэта и его наития есть *Истинный Владыка*, *Изначальный предок*, *Созидатель Превращений*, *Духовный Преобразователь*, *Небесный Станок*, лепящий формы; *чудесный*, непознаваемый, полный *неуловимых чар Механизм*, *Высшая Гармония*; Магнит, притягивающий к себе непротивящуюся ему человеческую душу; древнее начало, исповеданное патриархами Хуан Ди и Тан Яо; Нечто, *приравнявшее себя к праху мира*; и, наконец, *Черное Небытие*.

*В. Алексеев. Китайская поэма о поэте.
Пг., 1916 (ЗК № 23)*

3.01*

1965

НАРКОМАН

Пойдем сказал я ему. нет сказал он я еще пройдуся, я сказал я знаю куда ты пойдешь, не надо туда брось ты это. Не могу. И он пошел, а я еще долго видел его поникшие плечи сутулую спину, он шел к Бонсу. Вы наверное не знаете кто такой Бонс, Бонс — это содержатель ночлежки для наркоманов, он продавал там им опиум и морфий или еще что по выбору. Ночлежка эта была весьма неуютной и грязной, вдоль стен тянулись нарты на которых в самых разных позах лежали посетители, он пристрастился к наркотикам во время моего отсутствия он остался без работы и Бонс дал ему работу он стал прислуживать в его заведении и вот таким образом он втянулся в это дело и стал наркоманом

он теперь так и остался служить у Бонса хотя мог бы получить работу в десятки раз с большей оплатой, но он остался у Бонса и все жалование тратил на наркотики. Я давал ему кое-что чтобы он не голодал, мне удалось показать его доктору я спросил его с ним можно что-нибудь сделать тот ответил поздно слишком поздно он теперь не сможет оторваться от наркотиков, а употребляя их в таком количестве в каком он употребляет их сейчас он умрет года через три значит нельзя ничего сделать спросил я ничего сказал доктор. Прошел год, он совсем согнулся кожа обтянула кости как брезент обтягивает каркас лодки, глаза ввалились глубоко, он угрюм неразговорчив скоро он умрет и ни одна душа кроме меня не помянет его.

(автор неизвестен)

1.0.085

...предался опиуму, который заменяет истощенному азиату мясо, табак и лекарство.

*Дж.Р.Киплинг. Ким. — Рассказы.
1936 (ЗК № 36)*

1.0.86

Морфием назвали эту грубую химическую замену стоицизма древних и смирения христиан.

*Дж. Томази ди Лампедуза. Леопард.
М., 1961 (ЗК № 196)*

1.0.087

Как бы эфирную струю
По жилам небо протекло!
Ф. Тютчев. Проблеск

1.0.088

Я нюхал эфир в ванной комнате. Вдруг все изменилось. На том месте, где была дверь, где был выход, стала четвертая стена, и на ней висела повешенная моя мать. Я вспомнил, что мне именно так была предсказана моя смерть. Никогда никто моей смерти не предсказывал. Чудо возможно в момент смерти. Оно возможно потому, что смерть есть остановка времени.

А. Введенский. Серая тетрадь.

1.0.089

«Да и не лучше ли умереть нам всем?» — рассуждал во мне опиум.

*Г. Грин. Тихий американец.
М., 1959 (ЗК № 35)*

1.0.090

Я видел некоторые вещи, которые людям показались бы в достаточной мере странными, но если вы привержены к Черному Дыму, для вас нет ничего страннее за исключением самого Черного Дыма.

Дж.Р.Киплинг. Ворота ста печалей

1.0.091

Яков Савельич сидел у письменного стола, сгорбившись и сосредоточив все свое внимание на собственном халате — клетчатом, в три цвета: клетка белая, клетка черная, клетка желтая. Левой рукой он оттягивал полу халата, а в правой у него была кисточка, на которую обыкновенно берут гуммиарабик; эту кисточку он обмакивал в банку с синими чернилами и не спеша, деловито, перекрашивал белые клетки на халате в синий цвет.

*А.Скалдин. Странствия и приключения
Никодима старшего. Пг., 1917 (ЗК № 37)*

1.0.092

Николая Константиновича не покидают мысли о необходимости синтеза этических учений Востока с современными социальными преобразованиями в России.

П.Беликов, В.Князева. Рерих. М., 1972

1.0.093

Еще на стене висела странного содержания большая картина: дохлая крыса на талом снегу, придавленная кирпичом.

С.Заяицкий. Баклажаны. 1927 (ЗК № 37)

4.08.04

12.04.73

...недавно сидели в ресторане и пили пиво. (Нас пригласили за чужой счет.) И где-то вдали, за столом сидели пожилые люди и тоже пили. Среди них твой папа, т. е. его двойник. Мы долго на него смотрели и радовались. Я сказал, что скоро всех увижу здесь и что, пожалуй, в Россию тогда ехать незачем. Одни двойники, только себя еще не видел.

1.0.094

Повсюду — легионы двойников.

*Елена Шварц. Распродажа
библиотеки историка*

0.05

О сингулярной точке ни слова!

4.08.05

1.05.73

Советую, почитай Санина. Возьми в библиотеке. У вас есть нечто схожее. Прочтешь, сам увидишь.

6.0.050

У меня нет близких, я... дальний...

(утром, открыв глаза)

6.1.06

Адрес Розанова: Петроград, Коломенская, 33, кв. 21.

1.0.095

Взлечу я выше ели
И лбом о землю трах!
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!
Ф. Сологуб

1.0.096

На территории парка щедро разбросаны стенды с правилами, как вести себя на русских качелях.

*О. Немиро. Как он выглядит, парк. —
Ленинградская правда. 1976. 18 июля*

1.0.097

Таким образом, китайский интеллигент — это человек со сложным миропониманием и со сложным умением выражать свои мысли, пользуясь самими обширными запасами языка, не знавшего перерыва в своем более чем двухтысячелетнем развитии. Речь такого эрудита содержит и отдельные древние слова, и целые выражения из классиков. Догадка и ассоциации возникают необыкновенно быстро. За каждым словом стоит громадный опыт, полученный от предшествовавшей тренировки.

*В. Алексеев.
В старом Китае. М., 1958 (ЗК № 2)*

4.04.04*

8.04.69

... мне очень нравится стиль, которым ты пишешь и способ. Таким образом твое письмо вносило интересные мысли прямо в ситуацию, не окруженную никакими другими средствами выражения, которые составляют письмо.

1.0.098

При той изощренной памяти, которая присуща образованному китайцу, он знает в тысячи раз больше, нежели мы в России знаем поэтических произведений, и может говорить, все время заимствуя свою речь из литературы.

*В. Алексеев.
В старом Китае*

1.0.099

... какая блестящая память, просто липучка для мух...

С. Беккет. Безымянный

2.13*

19.06.66

Катались на лодке М., С, О. М. и я. О. М. как это ни странно положила голову на мое плечо, или она не придает этому значения или я ее заинтриговал чем-то.

Надо бы выяснить.

1.0.100

...филогенетически клитор впервые наблюдается у рептилий (крокодилов, черепах)...

*А.Святощ. Женская сексопатология.
М., 1974 (ЗК № 196)*

0.06

О сингулярной точке ни слова!

6.2.11

— Вероятно, именно потому, что огнестрельного оружия у вас нет...

— Да и вряд ли когда будет!

— Вы часто вопрошаете меня, воображая себя Клейстом: А не застрелиться ли нам после обеда, дорогой друг?

(из диалогов с собой)

6.3.03

Все тексты хороши, важно только найти соответствующий контекст.

(из советов начинающему)

1.0.101

Завари-ка чашечку круглого чая — сухие листья кладутся прямо в чашку и там уже обвариваются крутым кипятком, затем чашка покрывается сверху другой чашкой, только меньшего диаметра, листья опускаются на дно, и зеленоватый отстой отхлебывается глоточками при отодвигании края верхней чашечки. Круглый чай или иначе чай «Дракона и Феникса» считается самым лучшим по качеству. В виду его дороговизны и редкости с X века лишь государи стали жаловать его своим придворным.

Примечание к Пу Сун-лину

6.0.051

Киркегор — современник Пушкина.

6.0.052

У страусов странная привычка закапывать голову вовремя.

6.0.053

Я попал в чужое время.

(возвращаясь из канцелярского магазина)

6.0.054

Мою жену зовут Лилит.

(стоя в очереди за молоком)

4.03.01

(дата не указана)

...я вообще очень скоро ощущаю единение с природой, где бы я ни была, здесь просто живу в одном ритме с морем. На пляже, например, я могу лежать, закрыв глаза, час или два, слушать море и подчиняться ему, я в это

время ни о чем не думаю, но пустым это время назвать нельзя, что-то во мне происходит, а объяснить я это не могу, могу только сказать, что это необыкновенно хорошо.

Мало курю. 4—5 сигарет в день. Вот только сегодня, получив Ваше письмо, выкурила подряд 4 сигареты — очень живо себе Вас представила, очень захотелось увидеть живым. Пью по вечерам сухое вино «Кокур», 92 коп. — 0,7.

1.0.102

У нее были рахитические суставы, плоская грудь, шрам на животе и зло искривленный рот.

Вольфганг Кёппен. Голуби в траве

1.0.103

Ах, милостивый государь, она не была красива, не была! Но разве в нашей власти понять эту странность, когда не красоте мы отдаем свое сердце? С чего бы это? И целый сонм вопросов душит нас, а решать-то ведь не нам, поверьте, и уж лучше и не предаваться этим напрасным попыткам, а просто любить, обожать, благоговеть, покуда благоговется...

Булат Окуджава.

Бедный Авросимов (ЗК № 38)

6.3.04

Не обольщайся. Худшее — это лучшее из того, на что мы можем рассчитывать.

(из советов начинающему)

1.0.104

За римскими легионами гнали стада коз и овец для «половых нужд армии».

А.Святощ. Женская сексопатология

1.0.105

При анализе поэтического произведения внетекстовые связи и отношения играют меньшую роль, чем в прозе.

Ю.М.Лотман. Лекции по структурной поэтике

1.0.106

Иронический субъект, возвышается над всякой предметностью, абсолютно ничем не связан, его состояние — это состояние игры; он сам задает себе как правила этой игры, так и способ их выполнения. «Над» субъектом больше ничего нет, его свобода абсолютна.

П.Гайденко.

Трагедия эстетизма. М., 1970

4.08.07

26.06.73

Уж видно нам нигде уже не будет хорошо.

4.04.03*

5.04.69

Солнце светило целый день. Все казалось веселым. После обеда я не могла остаться дома. Я вышла на прогулку весенней природой. Было тепло, я посетила мои знакомые места. Земля дышала особенно сильным запахом, березы показывали маленькие зеленые листья. Мне не хотелось идти домой и я шла по дороге а потом свернула на тропинку, которая вела меня в поле. И там я нашла совсем маленькую речку и хорошо было идти по ее течению. Ко мне приходили сразу воспоминания, когда я в этих местах побывала, как я все смотрела своими детскими глазами и как все изменилось вокруг меня, теперь вижу я, взрослый человек. Очень хорошо возвращаться в детство, но все-таки очень грустно, так как никогда уже нельзя туда вернуться. Когда я была маленькая мы ходили с подругами к этой речке и когда еще на ней был лед, мы его брали в руки и угадывали разные картинки, нарисованные во льду. Холм возле леса уже выполнен маленькими деревьями, а там мы катались на лыжах. Вот мостик через реку, но он постарел, испортился и нельзя его перейти. Лес шумит как бы хотел со мной поздороваться. Я бы хотела снова стать той маленькой девушкой семи, восьми лет. Тогда у меня не было никаких забот, просто я была счастлива. Но только теперь можно все оценить. Возвращаться надо. Скоро будет закат солнца. Мне грустно. Поднимаюсь лесной дорогой. Внутри леса еще снег, на тропинке лед. Осторожно поднимаюсь чтобы не подскользнуться и мне грустно, что я опять вхожу в свою нормальную холодную жизнь и все то, что еще перед несколькими минутами радовало, солнце, весна, детство, осталось уже за моей спиной.

1.0.107

Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него.

Лк. 18:17-18

1.0.108

Неудовлетворенность логическими категориями — это признак того, что мы являемся лучшими, чем себе это представляем.

*С. Радхакришнан. Индийская философия.
Т. II. (ЗК № 28)*

1.0.109

Классическая логика оказывается недостаточной для описания внешнего мира.

В. Налимов. Вероятностная модель языка

6.1.07

Любоваться распущенными бутонами под бой барабана было одним из развлечений, собиравшихся весной за вином любителей природы и поэзии.

(откуда-то)

4.06.05*

(дата не указана)

Туманы, комары, крики, по дудочке прием пищи. Ночуем в палатках, на нарах. Жара, голова болит. Прием каши и супа в пять минут, а иначе не хватит воды для мытья. Кушаем, стоя в осиновой рожице. Потные, невымытые хари. Чай непонятный. Еще немного и выпью остатки одеколона. С пригорка в ясную погоду видны. Это где-то на том свете. Ремень душил. Все время мокрый. На месяц уйду в запой. Хорошо бы — плохо ли испкупаться надо, но где и в чем? в собств. соплях.

Время придет.

Удушье.

1.0.110

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВОДЫ

На каждого миска воды в темнице.

А что с нею делать, сам назначай:

Заваришь чай — не хватит умыться,

Умоешь лицо — не заваришь чай.

Хо Ши Мин. Тюремный дневник. Ханой, 1975

6.2.12

Переход от отчаяния к надежде — вот необъяснимая загадка. А вы, кажется, хотите сказать, что все дело в пищеварении?

(из диалогов с собой)

6.0.055

Метачеловек.

1.0.111

Милые мои родители, и все-таки я любил вас.

Ф.Кафка. Приговор

2.11*

17.02.66

С. говорил, что у Х. задержалась на два дня менструация не знаю, что счас с нею, он ведь не был сам уже в школе два дня. Вообще вдруг сейчас я задумался о своем мировоззрении. Какое оно у меня? кажется такое: мир что для меня мир, меня интересует вообще-то будущее человечества, но что для меня будущее человечества коли меня нет, что? я умру — это страшно, но это надо сознавать, я умру меня не будет, люди будут жить без меня и ничего с этими людьми не случится, никто из них не будет страдать, что помер какой-то там. Им не будет дела до меня, как мне нет дела до какого-нибудь раба-гладиатора убитого на арене, что мне до него? Так и что мне до тех кто будет потом, для меня что есть сегодня то есть все. Хотя с другой стороны я бы хотел знать что будет дальше. Я главное, я ось а там хоть потоп, кажется вообще у меня такое мировоззрение. Если бы я жил вечно, оно бы у меня соответственно изменилось.

1.0.112

С какой стати я принесу свое я на поругание и смерть для того, чтобы рабочие тридцать второго столетия не испытывали недостатка в пище и половой любви.

М.Арцыбашев. Санин (ЗК № 14)

1.0.113

Мы являемся как бы наследниками богатства, которое так много веков передавалось от отца к сыну, что память о скопивших это богатство затерялась во мгле времен, так что нынешние владельцы богатства воображают, будто оно является их недвижимым имуществом с самого начала мира.

Дж. Дж. Фрззер. Золотая ветвь.

М.-Л., 1931. Выпуск I (ЗК № 30)

1.0.114

В учении Федорова музей становится одной из основных проективных реалий. Потребность сохранить — есть, по Федорову, особенное свойство человеческой природы, в которой выражается подсознательная надежда продлиться, глубокое убеждение всех живущих, что настоящая смерть — это полная утрата памяти о них. «Музей есть собрание всего отжившего, мертвого, негодного для употребления; но именно потому-то он и есть надежда века, ибо существование музея показывает, что нет дел конченных... Для музея самая смерть — не конец, а только начало...» (II. 400—401).

Проективный федоровский музей — грандиознейшее предприятие собирания, хранения, изучения всех остатков прошлого, всех малейших «отпечатков» ушедших людей на их делах, вещах, документах, дневниках, преданиях, книгах, произведениях искусства и т.д. Речь идет о тотальной консервации памяти; причем в идеале четко индивидуализированной. Единственный глубокий смысл собирания мертвых вещей, по Федорову, в том, чтобы за ними видеть, по ним воссоздавать их авторов. «Музей и с предметной стороны есть (совокупность лиц) само человечество в его книжном и вообще вещественном выражении, т.е. музей есть собор живущих сынов с учеными во главе, собирающий произведения умерших людей, отцов. Задача музея поэтому естественное восстановление последних по первым.» (II. 410.) Музей должен, по Федорову, одушевить познание сыновним чувством, дать ему направление в качестве «отеческого дела». Через всеобщее исследование причин несродственности, которым также занимается федоровский музей, он становится органом восстановления братской связи всех людей.

*С. Г. Семенова. Примечание к статье
Н. Федорова «“Фауст” Гете и народная
легенда о Фаусте». —
Контекст—75. М., 1977*

6.0.056

Прибейте левую руку к письменному столу и посмотрите, что пишет правая.
(об искренности)

1.0.115

Никогда не получится захватывающего произведения, если оно не будет создаваться целиком всем организмом художника, всеми его мыслями и чувствами темой произведения нужно зажечься, нужно втянуть в разработку темы и самые внешние и наиболее глубокие слои сознания. Только когда творческим захватом пронизаны все слои мозга художника вплоть до животнo-эмоциональных, произведение искусства забирает читателя по-настоящему.

*С.Эйзенштейн. Литература в кино. —
Вопросы литературы. 1968. № 1*

1.0.116

Что такое поэт? Несчастный человек; в его сердце — глубокая мука, но когда он... кричит, его крик звучит как прекрасная музыка.

Киркегор

1.0.117

Цыганская сигирийя начинается жутким криком, который делит мир на два идеальных полушария, это крик ушедших поколений, острая тоска по исчезнувшим эпохам, страстное воспоминание о любви под другой луной и другим ветром.

Федерико Гарсиа Лорка. Канте хондо

1.0.118

Вся наша жизнь, как физическая, так и духовная, есть некий динамический феномен, из полноты которого Игра схватывает лишь эстетическую сторону и притом преимущественно в виде ритмических процессов.

Герман Гессе. Игра в бисер (ЗК № 3)

1.0.119

Искусство — вызывание ритмических состояний.

Л.Липавский

1.0.120

У бурят шаманский «дар» или «призвание» обозначаются словом *утхэ* (*утха*), то есть шаманский корень, это было некое таинственное наследство, достававшееся шаману от его предков.

*С.Токарев. Религии в истории народов
мира. М., 1964 (ЗК № 35)*

1.0.121

Я думаю, что желудок Дюма мог бы переварить мухоморы.

А.Я.Панаева. Воспоминания. М., 1972

1.0.122

И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись: — Ничего, они сладкие, чистая курятина!

И.Бунин. Косцы

1.0.123

Слово «шаман» тунгусское (саман, шаман — возбужденный иступленный человек... Через русских оно потом распространилось по всей Сибири, а затем (в XVIII в.) проникло и в западноевропейские языки и стало интернациональным научным термином.

С. Токарев. Религии в истории народов мира

1.0.124

Для шаманства в Сибири имелась самая подходящая среда. Жизнь небольших коллективов в полной зависимости от суровой природы, от ее слепых стихийных сил делали человеческую психику чрезвычайно восприимчивой к любому нарушению привычного ритма ощущений.

Нарушения такого рода могли приводить человека в состояние внешне похожее на экстаз шамана. Это случалось с детьми. В 1926 г. в школе-интернате в поселке Яков-стан на реке Турухан висело объявление: «На уроках не шаманить!» В школе работал учитель Г. И. Прокофьев, впоследствии известный этнограф. Во время занятий, рассказывал он, кого-нибудь из детей начинает трясти, ребенок выкрикивает отдельные слова — и вот им уже овладел «шаманский приступ».

В. А. Туголуков.

Следопыты верхом на оленях. М., 1969

1.0.125

Никто не жил ни для себя, ни для других, а все жили для трепета.

Л. Липавский

4.10.09

5.08.76

Ночь. «Дом».

Сегодня ночью я говорил с тобой. Говорил так, как не говорил еще никогда. Мне кажется, я все понял. И пока не прошел этот трепет, эта нежность и эта искренность, я и хочу написать письмо. Ведь так трудно быть самим собой, так трудно быть ребенком, когда тебе третий десяток. Мистика — это детство, это чистота и абсолютная искренность.

Этой ночью я понял, что люблю в тебе какую-то неоткрытую никем женщину. Это не обыкновенная женщина из плоти и крови, нет. Это удивительное существо, о котором, может быть, ты и не знаешь сама. И этой ночью, когда я опять рухнул в бездну отчаяния, вдруг где-то там, высоко я увидел Ее. Она пронизала мир нежностью, все трепетало, все было переполнено любовью. И я понял, что моя боль — это нежность.

Я поэт, может быть, плохой, но поэт. Да и не может быть поэт плохим. Этой ночью я понял, что всю жизнь я писал одну большую поэму. Эта поэма — моя жизнь. Внешне она убога и безалаберна, но сколько пережито и сколько обретено! Я бы хотел тебе дарить мои сокровища, мои драгоценные мгновения, я бы хотел...

1.0.126

Наша искренность, когда она выступает как таковая, — это большей частью лишь темная махинация с ложью, страховка других тайн.

М. Фриш. Назову себя Гантенбайн

1.0.127

Ирония — это ненормальное, преувеличенное развитие, которое, подобно преувеличенному развитию печени у страсбургских гусей, кончается тем, что убивает индивида.

Киркегор

2.19*

11.04.67

Давненько я не брался за перо. Событий никаких не произошло. Т. сделала аборт. М. пережил крупные неприятности, по его рассказам чуть было не ушел из школы. Еще забавно, А. сошелся с Т-I., а Г. опять с Т-II. Р. съездила за рубеж и привезла мне один лишь галстук. Вот и все. Если так пойдет и дальше, я заброшу дневник.

2.15

20.06.66

Очень хочется выпить, меланхолия, которая ощущается физически где-то в желудке такой сосущей болью. Скоро я закончу этот дневник и по всей вероятности начну новый. Что-то будет там?

6.1.08

От всякого религиозного сознания его позиция отличалась тем, что для него (*Шестова. — Б.В.*) трагизм человеческой жизни остается безысходным и всякая попытка его преодоления бичуется как нечестность и трусость.

(откуда-то)

1.0.128

Алеутки занимаются однообразной домашней работой — стирают, стряпают, чистят рыбу — и ходят в гости. Визиты составляют важный ежедневный ритуал, которым увлекаются мужчины и женщины, взрослые и дети. Он заключается в том, что гость приходит и усаживается. Визит может проходить либо при полном молчании, либо перемежаться беседой, прерываемой длинными глубокомысленными паузами. В любом случае хозяин потчует гостя чаем. В каждом алеутском хозяйстве непременно имеется чайник с крепко запаренным чаем, который стоит на плите и *медленно: часами настаивается* (*курсив мой. — Б.В.*). Его наливают часто в чашку и разбавляют кипятком. По правилам вежливости, во время визита, длящегося от получаса до нескольких часов, должны быть предложены и выпиты две чашки чаю. После этого гость отодвигает от себя чашку и, выражая благодарность, уходит, если только он не является особенно близким другом хозяина.

Тед Бенк П. Колыбель ветров. М., 1960

4.08.08

29.06.73

Жалко, что я не знаю французского.

6.0.057

Если допустить чудовищную мысль, что Шекспир мог бы родиться в России, то от монолога Гамлета осталась бы одна фраза: «Эх, была не была!»

6.1.09

Даянь — опиум.

1.0.129

— Спутать, спутать — и ничего больше, — отвечал философ, — ввести в это дело посторонние, другие обстоятельства, которые запутали (бы) сюда и других, сделать сложным — и ничего больше. И там пусть приезжает петербургский чиновник разбирает. Пусть разбирает, пусть его разбирает! — повторил он, смотря с необыкновенным удовольствием в глаза Чичикову, как смотрит учитель ученику, когда объясняет ему заманчивое место из русской грамматики.

Н. Гоголь. Мертвые души

1.0.130

О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958

IV

— Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, —
говорил Манилов, показывая ему рукою
на дверь.

Н. Гоголь. Мертвые души

Глядит в книгу, а видит фигу.

*Русские народные
пословицы и поговорки*

1.0.133

Напиток божественный — равного нет —
Пьем в стужу ли, в полдень ли жаркий.

Монахи давно разгадали секрет
Особенной этой заварки.

За речкой, за чашей найдешь невзначай
Растущий в укромных урочищах чай.

Заваришь — он светится, как небосвод,
Чаинка-другая порою мелькнет.

А чаша изящна и неглубока,
И пар благовонный летит в облака.

Глоток отхлебнешь — забываешь про сон,
Ты отдан неведомым силам.

И бодрости ток от второго глотка
Легко заструится по жилам.

Нельзя его корень с собой унести,
Он в городе людном не будет расти.

*Две монахини и блудодей. —
Проделки праздного дракона.
М., 1966 (ЗК № 22)*

6.0.058

Сегодня мать сказала: хоть бы следил за помойным ведром, выносил бы вовремя. Все бы забота была.

6.0.059

Не умереть страшно, а проснуться...
(в три часа ночи)

6.3.05

Утони в самом себе.
(из советов начинающему)

1.0.134

— Тот халат, я вам говорю, был такой, что сидишь в нем, бывало, точно в литерной ложе в Большом театре.

Н. Лесков. Островитяне

6.0.060

Женщинам предлагал царство. Они выходили на балкон и ничего не видели.
Я император всея балкона.

1.0.135

Может быть, мы дебилы вселенной.
Клиффорд Саймак. Город

1.0.136

И вольно же было сухим умам — мировую тоску, тоску безграничную ненасытной и широкой души сводить на мелкое гражданское недовольство современностью, вместо того чтобы разрешить ее в Боге.

*К.Н. Леонтьев. Отшельничество,
монастырь и мир (ЗК № 23)*

1.0.137

Наши души подобны сиротам, чьи невинные матери умерли в родах, тайна нашего отцовства лежит в могиле, и туда мы должны последовать, чтобы узнать ее.

Герман Мелвилл. Моби Дик (ЗК № 19 б)?

1.0.138

Ища в этих знаниях логику, я спрашиваю себя, можно ли быть сразу множеством? Происходить сразу из многих покинутых прошлых?

Станислав Лем. Маска

2.10*

702.66

С. сказал мне новость, которая потрясла меня может это вранье но не думаю. С. сделал Х., казалось бы ничего особенного, но как сделал. Были на свадьбе пришли со свадьбы двое домой и я уже не знаю как, но он сказал, что Х. стала весьма спокойно раздеваться. Сношение было первым, разрыв, кровь, но крови много. Звонок они ели успели одеться, пришел брат, пришла мать, но ничего не заметила. С. ушел. Утром звонила Х. Мать увидела бюстгальтер на столе, открыла кровать, а там КРОВЬ, в ванной кровь. Все ясно. С. говорит с матерью Х. — женись! С. говорит со своей матерью та относится к этому не слишком бурно. Сегодня мать С. и мать Х. будут вести переговоры, до чего они договорятся — неизвестно.

1.0.139

— Женим, женим! — подхватил председатель, — Уж как ни упирайтесь руками и ногами, мы вас женим. Нет, батюшка, попали сюда, так не жалуйтесь. Мы шутить не любим.

Н. Гоголь. Мертвые души

1.0.140

Прежде чем отпить из чашки, тибетец обмакивал в нее кончики пальцев и разбрызгивал капли чая на все четыре стороны, угощая богов и духов.

*Е.И. Кычанов, Л.С. Савицкий. Люди и боги
страны снегов. М., 1975 (ЗК № 32)*

0.07

О сингулярной точке ни слова!

6.0.061

Мы заброшены. Мы — пасынки культуры.

4.04.08*

12.12.73

...долгое время я тебе не писала, но конечно мы часто вспоминаем о тебе, когда я встречаюсь с ***. Я слышала о твоём путешествии на Юг СССР. Если у тебя найдется несколько минут напиши мне что-нибудь о тебе, о твоей работе и особенно о культуре. Недавно я читала снова некоторые из писем, которые ты мне писал и находила интересные мысли.

Поздравляю тебя с Новым годом.

1.0.141

Мы — плененные звери
Голосим как умеем.

2.09*

2.01.66

Итак наступил год 1966. Пока он мне ничего хорошего не принес. Не одно из моих желаний не сбудется, так мне кажется. Счас я один, мне плохо но я еще пока связан со школой, а когда эти нити оборвутся, когда их не будет, совсем не будет приятелей, что я буду делать, а? Его величество случай помоги мне, помоги мне случай!!! Страшно, страшно жить.

1.0.142

— Не хлопочи: жизнь уже кончена; теперь начинается «житие».

Н.Лесков. Соборяне

1.0.143

Собрать чудесные травы
Хочу я в горах Востока...
Цюй Юань. Девять напевов

5.1.01

Благодарю славную Мурочку за память.

Извиняюсь что так долго не писал, но говоря откровенно в настоящее время я нахожусь в обалделом состоянии от всевозможных передразыг и неприятностей. Слава Богу, сегодня уезжаем с Сережей из грязного Питера, хоть ненадолго, но все-таки приятно, по крайней мере отдохну немного.

8 июня 1912.

(Адрес: Киев, Киево-Печерская лавра, контора (корпус 1, № 41), Марии Ивановне Каварзиной)

1.0.144

...разве все то, что мы видим, не остатки ограбленного неба, не великие развалины прежних великолепий, не объедки страшной трапезы?

Новалис. Ученики в Саисе (ЗК № 32)

1.0.145

Страшно жить на этом свете:
В нем отсутствует уют —

Волки воют на рассвете,
Волки зайчика грызут.

*Н. Олейников. Генриху Левину
по случаю влюбления его в Шурочку*

6.2.13

— В детстве мечтал стать кинорежиссером и жениться. Потом учился в институте (стыдно вспомнить!). Теперь иногда хожу по улицам, а большей частью лежу дома на диване.

— И все?

— А что же еще? Все.

(из диалогов с собой)

6.0.062

Шлафрок.

4.08.11*

3.10.73

Стал тут недавно свои книжки с цитатами перепечатывать, уж больно много получается, пол-книжки (как и твоей) уже десять листов. А довольно это увлекательно смотреть на то, о чем думал когда-то. А как стал свои письма к жене просматривать, даже и не читал (искал всякие сувениры), а потратил на это часа два и устал. Наверное только на пенсии, если доживу, и прочту их.

4.08.14

17.07.77

Хорошо бы пойти на пенсию, сесть, поджав под себя ножки и, обмакнув кисточку в тушь, написать: Как хорошо на пенсии.

4.01.01

30.09.66

Поздравляем тебя с шестнадцатилетием!

Желаем тебе здоровья, успехов в учебе и на режиссерском поприще.

Хотим тебя видеть любящим сыном и братом.

1.0.146

Что сделать с тем человеком, который первым стал праздновать день рождения? Убить — мало.

*Марк Твен. Из записных книжек. —
Собр. соч. Т. 12. М., 1961 (ЗК № 36)*

1.0.147

Стаи мыльных шаров вылетают из легкой соломинки... Шар — вылетит, подорожит, проиграет блеском; и — лопнет; капелька вязкой живи, раздутая воздухом, заиграет светом мира... Ничто, что-то, и опять ничто; снова что-то; всё — во мне, я — во всем...

*Андрей Белый.
Котик Летаев. 1922 (ЗК № 16)*

1.0.148

И еще одна ложь-ответвление: будто я — это я, а ты — это ты, что мы нечто самостоятельное, обладающее собственным характером, а вовсе не клончик глистообразной вереницы предков уходящей все дальше и дальше в глубь веков, к обезьянам; и будто эта наша так называемая индивидуальность не является на самом деле заплесневелой и прогорклой мешаниной наследственных инстинктов и понятий, заимствованных частица за частицей, мерзость за мерзостью от всей этой жалкой вереницы, причем истинно нового и оригинального в нас наберется ровно столько, чтобы подцепить на острие иглки и рассматривать под микроскопом. Отсюда понятно, почему таким фантастическим кажется утверждение, будто бы человек обладает личной, неповторимой и самостоятельной натурой, которую можно отделить от всего наносного, и притом в объеме, дающем возможность сказать: да, это человек, а не процессия...

Марк Твен.

Из «Автобиографии». — Собр. соч. Т. 12

1.0.149

Ее вшивые непобедимые гены...

С.Беккет. Моллой (ЗК № 5)

1.1.01

...гнусно мне, рвотно мне...

Александр Блок

1.1.02

Отчаяние было единственным его советчиком в ту минуту, и, увидев под рукой склянку с лаунданумом, он проглотил его и спокойно лег спать... с большим трудом удалось добиться, чтобы его вырвало опиумом.

Жан-Жак Руссо. Исповедь

1.1.03

Сологуб хорошо ее знает — эту тошноту, это головокружение от человеческих лиц, одеяний, речей, походок, — когда идешь по улице, и каждая физиономия как карикатура, и колет, и царапает сердце каждый напوماженный ус, — зачем у Руслан-Звонаревой на носу бородавка?

Корней Чуковский. Путеводитель по Сологубу. — Собр. соч. Т. 6 (ЗК № 38)

1.1.04

Эту будет тошнить, — возражала поверх моей заранее виноватой головы мать, — непременно растрясет на лошадях и будет тошнить. Ее всегда тошнит, везде тошнит, совершенно не понимаю в кого она.

Марина Цветаева. Кирилловны. — «Тарусские страницы». Калуга. 1961

1.1.05

...как никто в нашей литературе, умеет передать это свое чувство все-ленской тошноты.

Корней Чуковский. Ранний Ремизов

1.1.06

Маленькая девочка: Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит!

*Даниил Хармс.
Неудачный спектакль. — «Случаи»*

1.1.07

И ревнивое «ничто» выбрасывает кверху члены и суставы, и физиономии, а те выплевывают обратно в него свою теплую блевотину...

*Райнер Мария Рильке. Заметки Мальте
Лауридса Бригге*

1.1.08

Это нужды нет, что иногда словно тошнит: тошно та-то, милый человек, ведь своя родная! прирожденная, так сказать, тошнота! Ну, потошнит-потошнит, да и пройдет!

М.Е.Салтыков-Щедрин. К читателю

1.1.09

О Боже, как тошно!

*Федерико Гарсиа Лорка. Панорама
толпы, которую рвет (сумерки
на Кони-Айленд). —
«Поэт в Нью-Йорке» (перевод А. Гелескула)*

1.1.10

Лиля тихонько пальчиком размазала слезу на моей щеке, потом прижала свою щеку к моей, и мы стали целоваться. Это был первый поцелуй в моей жизни. И вряд ли он был первым у Лили... Она прямо впилась к меня. И тут я что есть силы толкнул ее в грудь. Меня затошнило. От счастья, от страха, от голода и усталости после дня работы в артели, репетиции. За весь день я съел только кусок арбуза... Меня тошнило, и земля уходила из-под ног... Я упал на дорожку.

*Исидор Шток.
Зеленый попугай. М., 1977*

1.1.11

Вот около чего мы ходим. Встретимся в конце круга и подберем свою блевотину, ты у своего конца корыта, а я — у своего.

Сид Чаплин. День Сардины

1.1.12

Токарев пишет, что в Америке было известно три главных способа обрядового очищения, каждый из которых имел свой ареал распространения:

I. У племен Канады и США — паровая баня.

II. У племен Центральной Америки, Мексики, Перу — кровопускание.

III. У племен Южной Америки и Вест-Индии применялось рвотное.

1.1.13

И ВЕЮТ ДРЕВНИМИ ПОВЕРЬЯМИ ЕЕ УПРУГИЕ ШЕЛКА

Флорилегия окончена

0.08

О сингулярной точке ни слова!

2.12*

17.06.66

Ездил Выборг. Первое впечатление об этом городе, что он не оставляет никаких впечатлений. Затем ресторан, тяпнули по 150 коньяку. В городе зашли к С., тяпнули наливку сливовую и еще какой-то портвейн, кажется, 33. Потом поехали к его Т. за поясом. Приехали к С, а там сестра его ночует с подругой и, таким образом, четыре человека лежали на диване, я лежал рядом с подругой. Положил ей руку на плечо, наверное, не заметила, продвинул дальше — как вздрогнет, взбрыкнет ногами!

Ну, к лешему с этой девицей.

1.0.150

Тот, кто в любовной жизни хочет быть свободным и счастливым, тот должен преодолеть респект перед женщиной и примириться с представлением о кровосмесительстве с матерью или сестрой...

*Зигмунд Фрейд. Очерки по психологии
сексуальности (ЗК № 5)*

1.0.151

Любовное соединение аллегорически трактуется как акт жертвоприношения, рождающий человека, оно уподобляется соединению песнопений в священном слого «ом», а отдельные стадии — частям жертвенного песнопения.

*А. Я. Сыркин, И. М. Соколова. Об одной
дидактической традиции в Индии и
Китае. — «Роль традиций в истории и
культуре Китая». М., 1972 (ЗК № 31)*

2.14*

20.06.66

А подруга с которой я спал оказывается б..., а не целка... Так-то вот, психолог!

1.0.152

Всякое побуждение в нашем мире направлено только к спариванию и только в нем находит себе оправдание: этим влечением пронизано решительно все, это средоточие, вокруг которого все вращается.

Мишель Монтень. Опыты. Т. III (ЗК № 20)

6.1.10

«Ицзин» рассматривает близость полов как основу жизни вселенной.
(откуда-то)

6.1.11

Жители Улитеа послали господину Куку в знак дружбы девушку и свинью — средство против двух родов голода.

(кажется, из лихтенбергских афоризмов)

1.0.153

Охотник в тайгу шел, жена его провожала на лошади. Простились они. Она назад поехала. А что дальше было — догадаться только можно. Видать зверь в засаде сидел, а потом вышел ей поперек пути. Лошадь испугалась и понесла. А она упала с лошади. Женщина ведь. Заломал он ее. Потом кости ее нашли, а поверх их чулки ее лежали. Чулки он поверх костей положил. Жрет он человечину-то. А женщина скусней мужчины.

Ю.Бондарев. Малярия. М., 1977

1.0.154

Он, медведь-то, кровушку из ее выпил и оставил тухнуть, он с душком любит.

*В. Распутин. Последний срок. —
«Живи и помни». М., 1977*

1.0.155

Так, например, необходимо было научиться питаться собственной слюной. Если умело собирать ее языком в определенной последовательности движений, а затем проглотить, то не будешь чувствовать голода. И уж наиболее высшая ступень — это питание воздухом.

*Л. С. Васильев. Культуры, религии, традиции
в Китае. М., 1970 (ЗК № 35)*

1.2.01

И я стану, наконец, самим собой, как становится им замороженный голодом до смерти, совершающий последнее извержение воздуха из заднего прохода, не имеющие запаха, перед наступлением блаженства комы.

С. Беккет. Безымянный

1.2.02

Кажется, на этом можно и остановиться. Мы имеем точное, объемное изображение, можем взглянуть на предмет *с любой стороны* (курсив мой — Б.В.). Но ученым этого мало. На одном из столов макет панорамного телевизора.

В. Орлов. Телевидение: третье измерение. — «Ленинградская правда». 1976. 24 июля

1.2.03./4.08.09

19.07.73

...был в замке. Больше всего понравилась уборная. Большая комната, третья после спальни и гардеробной. В комнате гравюры на стене, много посуды для умывания, красивая посуда. И кожаное кресло. В кресле дыра, закрывающаяся. Это и есть горшок. Так сидел владелец в кресле, курил сигару...

1.2.04

Я знал одного человека, который был так бережен к своему времени, что не хотел терять даже тех коротких минут, которые ему приходилось проводить за отправлением естественных потребностей: в эти минуты он одного за другим успел перечитать всех латинских поэтов. Он покупал какое-нибудь дешевое издание Горация, вырывал из него страницы две и уносил их с собою в нужник, где сначала читал их, а потом уже приносил в жертву Клоциане. Лучше поступать так, нежели заниматься в эти минуты исключительно тем, чего ты все равно не можешь не делать, и знай, что любая книга, которую ты таким образом прочтешь, очень отчетливо запечатлется в памяти.

Честерфилд. Письма к сыну. Л., 1971

1.2.05

Рядом с библиотекой есть довольно приличный и удобно построенный нужник, который в зимнее время можно отапливать дровами.

Мишель Монтень. Опыты. Т. III

1.2.06

После ужина я пошел в последнюю мало-мальски благоустроенную уборную, которой мне предстояло воспользоваться до самого прихода в Монровию; и, хотя деревянное сиденье, разумеется, кишело муравьями, я уже понимал, что всякая уборная сама по себе является благом.

Грэм Грин. Путешествие без карты

1.2.07

Вийон похвалил английского короля Эдуарда за то, что тот повесил в своем клозете герб Франции, внушавший королю страх. Этим король думал

унизить Францию, но на самом деле вид страшного для него герба помогал ему облегчаться...

*М.Бахтин. Творчество Франсуа Рабле
и народная культура средневековья
и Ренессанса. М., 1965 (ЗК № 29)*

1.2.08

Однажды Гамма по недосмотру добралась до порошков с поливитаминами, которые предназначались для разовой выдачи всем обезьянам. В результате передозировки витаминов Гамму «пронесло». Но аппетита она не потеряла, что позволило дать ей солидную дозу молока, крепкого чая (курсив мой. — Б.В.) и отвара конского щавеля. На следующий день Гамма была вполне здоровой.

*Л.А.Фирсов. Обезьяны острова. —
Химия и жизнь. 1978, № 1*

1.2.09

Лютая зима, не только тело, но и душу пронзающий ветер приучают всякие необходимые отправления делать по-птичьи, почти на лету. Архип никак не мог приноровиться к такому вихревому режиму, трудно все в него входило, еще трудней выходило. Он до того застывал на ветру, что заскакивал в зимовье, уже не в силах застегнуть штаны.

В.Астафьев. Царь-рыба. М., 1977

1.2.10

...солдат медленно расстегивает и спускает штаны и усаживается орлом на мокрое треснувшее деревянное сиденье одного из незанятых очков гальюна. Он забыл взять свои сигареты, поэтому ему пришлось стрельнуть одну у сидящего рядом соседа. Закурив, солдат молча смотрит на мокрую, усыпанную окурками и клочками бумаги грязную палубу и прислушивается к журчанию набирающейся в бачки воды. Откровенно говоря, он пришел сюда без особой надобности, но продолжал с удовольствием сидеть, потому что здесь намного прохладнее, а запах гальюна, морской воды, хлора и влажного металла куда лучше, чем тяжелый дух от потных солдатских тел битком набитых в трюмах.

Н.Мейлер. Нагие и мертвые. М., 1972

1.2.11

Сами посудите, ваше величество, человек не побрезговал бетелем с известью из отхожего места!

*Забавные рассказы про великомудрого
и хитроумного Бирбала, главного советника
индийского падишаха Акбара. М., 1978*

1.2.12

Размышляя, он машинально направился к югу, словно влекомый какой-то неведомой силой, остановился совсем близко от Цзян Дина и стал мочиться. Тут Цзян Дин выхватил кинжал и вонзил злодею в живот.

Ши Юй-Кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых

1.2.13

Не стоит заходить и в городскую общественную уборную, куда каждые два-три дня являются ассенизаторы. *Кому это интересно?* (курсив мой. — Б.В.) Туда приползают бедняки, когда предчувствуют, что приходит их последний час. Они вповалку ложатся на грязный пол, сжимая в руке листок бумаги со своей фамилией, чтобы городские служители по крайней мере знали, кого именно кидают в общую могилу.

*Л. Воляновский. В самых дальних странах
Дальнего Востока. М., 1976*

1.2.14

Ксанф помылся, велел Эзопу готовить обед и явился к столу. Выпил, потом еще выпил и почувствовал брюхом, что пора выйти за нуждой. А Эзоп вышел следом и стоит рядом с водою и полотенцем.

— Скажи, Эзоп, — говорит ему Ксанф, — почему это, когда человек испражнится и встанет, то непременно оглянется и посмотрит, что из него вышло?

А Эзоп ему:

— Жил-был в древние времена царский сын, и так он объедался, что сидеть за нуждой ему приходилось очень долго: так долго, что однажды у него и мозги через брюхо вытекли, а он не заметил. Вот с тех пор люди, сделав дело, и оборачиваются всякий раз посмотреть, чтобы и у них мозги не вытекли.

Жизнеописание Эзоп — «Басни Эзоп». М., 1968

1.2.15

И вся литература русская в ночном горшке.

Даниил Хармс.

Сон двух черномазых дам (1936)

1.2.16

У нас, как известно, ночной горшок иногда называют «генералом»

М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле...

1.2.17

Мысль о «генерале», мне сопresentствующем, до такой степени была всегда присуща моему уму, что вошла мне в плоть и кровь, сделалась частью меня самого. Даже когда обедаю дома один-одинехонек, то и тут не плескаюсь и не брызгаюсь, не позволяю себе ни хрустеть зубами, ни скрежетать, ни чавкать, но обедаю с «понижением тона», обедаю так, как бы рядом со мной сидел мой директор департамента...

*М.Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная
жизнь. (VIII. Январь 1864 года)*

1.2.18

Так, роясь в земле целых три дня, я наткнулся на навозную жилу.

Марк Твен. Пешком по Европе

Гюлистан закрыт.

0.09

О сингулярной точке ни слова!

4.08.10*

5.09.73

...видел еще зимой один английский фильм про себя, или про всех нас. Там молодой человек от утра до вечера только и делал, что мечтал и представлял себя великим полководцем. Довольно забавный фильм, где жизнь и мечта его такие контрастные. К примеру, утром родители его гонят на работу, а он представляет себе, как из автомата расстреливает их. И это не злой молодой человек, просто ему мешают все время мечтать, и заставляют что-то делать. В конце концов молодая девушка предлагает ему ехать в Лондон с ней. Они давно об этом мечтают, он рад, но перед отходом поезда хватается чемодан и говорит девушке, что купит ей чего-нибудь прохладительного. Прячется на вокзале, пока поезд не уходит. Домой возвращается довольный и счастливый. Мне было не по себе от этого фильма, т.к. все-таки я на этом поезде уехал... Мы как один повесившийся еврей Соловейчик из романа «Санин». Он вдруг все понял и ему не захотелось жить.

4.08.13*

13.02.77

Всё оказывается Дада. Дадаисты говорили — Все нормальные люди это Дада, а все антидадаисты это дадаисты. Дада всё то, что хочет казаться серьезным. Это снобы, мещане, гордые художники, толстые писатели, всякие памятникеры героям и пр.

Это очень интересно, и узнав это, я обрадовался. Значит и наводнение, которое не только будет, но которое уже давно началось — тоже Дада.

1.0.156

Эта старая власть и старая правда выступают с претензиями на абсолютность, на вневременную значимость. Поэтому все представители старой правды и старой власти хмуро-серьезны, не умеют и не хотят смеяться (агеласты); выступают они величественно, в своих врагах усматривают врагов вечной истины и потому угрожают им вечной гибелью. Господствующая власть и господствующая правда не видят себя в зеркале времени, поэтому они не видят и своих начал, границ и концов, не видят своего старого и смешного лица, комического характера своих претензий на вечность и неотменность. И представители старой власти и старой правды с самым серьезным видом и в серьезных тонах доигрывают свою роль, в то время как зрители уже давно смеются. Они продолжают говорить серьезным, величественным, устрашающим, грозным тоном царей или глашатаев «вечных истин», не замечая, что время уже сделало этот тон смешным в их устах и превратило старую власть и правду в карнавальное, масленичное чучело, в смешное страшилище, которое народ со смехом терзает на площади.

М.Бахтин. Творчество Франсуа Рабле...

1.0.157

Здесь можно напомнить, что в Ленинграде на улице Марата еще в советское время несколько лет существовало похоронное бюро под названием «Вечность».

*В.Я.Пропп. Проблемы комизма и смеха.
М., 1976 (ЗК № 38)*

1.0.158

Кто умеет молчать, открывает новую азбуку, в которой столько же букв, сколько и в обыкновенной, и которая позволяет ему выражать на своем условном языке все так, что нет вздоха столь глубокого, чтобы он не подобрал на своем языке соответствующего этому вздоху аккорда смеха, нет мольбы, которую он не мог бы отпарировать остротой. Правда, настанет минута, когда ему покажется, что он готов сойти с ума. Но это будет всего одна минута, правда ужасная минута, нечто вроде того высшего пароксизма рабочей лихорадки, которая наступает ночью между 11 и 12 часами.

С.Киркегор. Повторение

1.0.159

Безумный лежебок!

*В. Т. Нарезный. Гаркуша,
малороссийский разбойник (ЗК № 8)*

4.10.08

11.07.76

«Дом».

По-прежнему безуспешно пытаюсь сойти с ума. Вчера приехал Г., молодевший и загорелый. Кажется, наконец начал писать книгу о самом себе. А кто еще обо мне напишет, кроме меня? Написал бы роман о Вас, да боюсь лис. Они и так часто тревожат меня по ночам. А все проклятый Ляо Чжай.

Надеюсь Вас видеть в СПб. счастливой и загорелой, с Бахтиным и Торо, А-ой (которой привет) и трубкой в зубах.

Всегда Ваш.

P.S. Вчера пил херес. А что пьете Вы? И с кем?

1.0.160

Выпивка, она ведь в начале всегда как праздник.

Валентин Распутин. Последний срок

1.0.161

Ах, эта вечная русская потребность праздника!

Иван Бунин. Жизнь Арсеньева

1.0.162

В жажде открывается эта мировая душа, это мощное стремление рас-
таться. Опьяненные слишком хорошо знают это неземное упоение жидким,
и в конце концов все приятные ощущения в нас суть многообразные разливы и

всплески первоходы. Даже сон не что иное, как прилив этого невидимого мирового океана, а пробуждение — начало отлива. Сколько людей стоят на берегу упоительно шумящих рек и не слышат колыбельной песни материнских струй и не наслаждаются игрой их бесконечных волн!

Новалис. Ученики в Саисе

6.0.065

Пьяницы — отдаленные родственники шаманов. Чтобы убедиться в справедливости этого положения, достаточно послушать какую-нибудь русскую песню, в соответствующем месте исполняемую соответствующими исполнителями.

1.0.163

«Дух чань подобен вкусу чая», — утверждал Бодхидхарма.

Е.В. Завадская. Культура Востока в современном западном мире. М., 1977

1.0.164

Легенды связывают возникновение чаепития с самим Бодхидхармой. Рассказывают, что этот великий патриарх как-то во время медитации уснул. Проснувшись, он в гневе отрезал свои ресницы. Упав на землю, ресницы проросли, и именно эти растения и оказались чайным кустом, листья которого затем стали использовать для приготовления бодрящего напитка.

Л. С. Васильев. Культы, религии, и традиции в Китае

1.0.165

О Север, Север — чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда на теплый Юг...
Ф. Тютчев

6.3.06

Чем глотать (каждый день) элениум, лучше читать или перечитывать (раз в год) какой-нибудь курс русской истории.

(из советов начинающему)

1.0.166

— Электрическая машина! — повторил с удивлением Сурской.

— Да, братец! Я бить не люблю, и в наш век какой порядочный человек станет драться? У меня, вот как провинился кто-нибудь — на машину! Завалил ему ударов пять, шесть, так впредь и будет умнее; оно и памятно и здорово.

Что ж ты смеешься, Сурской? конечно, здорово. Когда у нас еще не было больных и домового лекаря, так я от всех болезней лечил машиною.

— Скажи пожалуй!.. И, верно, многих вылечивал?

— Случалось, братец! Да вот, например, года два тому назад привели ко мне однажды Антипа-скотника; взглянуть жалко! Ревматизм что ль, подагра ли — право не знаю; только совсем обезножил. Вот я навертел, навертел!.. Время было сухое — машина так и трещит! Велел ему взяться за цепочку, благословился, да как щелк!.. Гляжу, мужик мой закачался. Я еще... он с ног долой. Глядь-поглядь — ахти худо! язык отнялся, глаза закатились; ну умер, да к толь-ко! Другой бы испугался, а я так нет. Благодарю моего Создателя — не оробел! Ну-ка его лежачего удар за ударом. Что ж сударь? Очнулся! Да как вскочит, ба-тюшка!.. Господи Боже мой! откуда ноги взялись.

— Как! побежал?

— Да так, сударь, что и догнать не могли.

М.Н.Загоскин.

Рославлев, или Русские в 1812 году

1.0.167

Придет инженер: он — нас съест.

Федор Сологуб. (цит. по книге

А.Белого «Начало века». М., 1933)

1.0.168

Пора бы мне усвоить и запомнить, что нечестно и несправедливо винить род людской в каких бы то ни было действиях и поступках. Ведь человек не сам себя создал, не он сотворил себя таким, каков он есть, он — просто механизм, орудие действующее под влиянием внешних сил; они ему никак не подвластны, он не может выбрать или отвергнуть какую-нибудь из этих сил, он действует чисто автоматически и так же мало может распоряжаться и повелевать своим разумом, как и своим желудком, который получает пищу извне и справляется с нею по своему усмотрению, не внемля ни подсказкам, ни тем более приказам своего владельца; поэтому, что бы ни сделала машина, включая так называемые подлости и преступления — все это сделано не кем иным, как ее создателем, и он один за все в ответе. Пора бы мне научиться не критиковать род людской и не смеяться над ним, но жалеть его; я бы и научился, если бы не так сильно было влияние старых привычек на механику моего «я».

Марк Твен. Письмо Дж.К.Твичему

от 4 ноября 1904 г. — Собр. соч. Т. 12 (ЗК № 36)

1.0.169

Бушуйте, изрыгайте проклятия, похваляйтесь своим безрассудством, а машина будет монотонно гудеть, перемалывая все вместе с вашими фантазиями, и неведомая вам сила будет вас увлекать за собою с другими счастливыми туда, туда, куда е й надобно, куда она желает.

Булат Окуджава. Путешествие дилетантов.

1.0.170

...сквозь щели радиатора он увидел могильную тьму механизма, в его теснинах заблудилось человечество и пало мертвым.

Андрей Платонов. Мусорный ветер

1.0.171

...тот ветер простых как-то глухо, незаметно поднимается откуда-то, из бедных тупиков и захолустья, столбом вздымая сор и пыль... Какими-то клубами он валит и удручающе застаивается, суется в ямы и на двери насаждает, кучи песка шевелит, мертвую дует золой... В исступление приводит грязью нечистот, вздымает всякое вонючее гнилье... Косой струей вползает он в горшок с пробитым дном для окон и появляется в жилище человека. Поэтому, когда подобный ветер на человека попадает, сплошная мерзость нечистот, склизившиеся в ней тоска и омерзенье, бьет гнусной теплотой, с собой приносит сырость. Он в сердце вселяет страдание и горе, рождает болезни и жар причиняет... На губы попадет — растрескаются губы, на глаз набросится — ослепнет человек. У человека сводит рот, его тошнит и кашель мучит. Ни смерть, ни жизнь — и нет конца.

Сун Юй. Ветер. — «Китайская классическая проза»

1.0.172

В воздухе носились и болезни и обеды; и то, что выдыхали люди, и многолетний дым, и пот, что выступает под мышками и делает платья тяжелыми, прелый запах изо ртов и прогорклый ножного пота, начинающего бродить. Чувствовалась острота урины, и чад, и серые испарения картофеля, и тяжелая, скользящая вонь порченного сала. И еще там был сладкий, липкий запах грудных детей, за которыми плохо ходят, и запах боязни детей, посещающих школу, и удушливый запах кроватей мальчиков-подростков, вступающих в возраст половой зрелости. И к этому прибавилось еще многое, что поднималось в виде испарений снизу, из пропасти улицы, и то, что еще сверху просачивалось с нечистым дождем, падающим над городами. А многое принесли с собою тихие, прирученные, домашние ветры, никогда не выходящие за пределы одной и той же улицы. И еще многое, — о чем нельзя было узнать, откуда оно взялось.

Райнер Мария Рильке. Заметки Мальте Лауридса Бригге

1.0.173

А может быть, ты скажешь мне, что при таких условиях жить невозможно. «Невозможно» — это не совсем так, а что «противно» жить — это верно.

М.Е.Салтыков-Щедрин. К читателю

1.0.174

...вокруг всей ограды, подле пылающих костров, сидели кучами вооруженные люди; их неистовые восклицания, буйные разговоры, зверский хохот, с коим они указывали по временам на виселицу, вокруг которой разведены были

также огни и толпился народ, — все это вместе составляло картину столь отвратительную, что Юрий невольно содрогнулся и поспешил вслед за дьячком скрыться во внутренности церкви.

*М.Н.Загоскин. Юрий Милославский, или
Русские в 1612 году*

1.0.175

При ней как-то смущался недобрый человек и немел, а добрый, даже самый застенчивый, мог разговаривать с нею, как никогда в жизни своей ни с кем, и — странный обман! — с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал ее, что случилось это во дни незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, при радостных играх детской толпы, и надолго после того как-то становился ему скучным разумный возраст человека.

Н.Гоголь. Мертвые души

1.0.176

Век шествует своим путем железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья
Промышленным заботам преданы.

Е.Баратынский. Последний поэт

1.0.177

В веке железном хвалы не Венере гремят, а наживе:
Смертных нажива влечёт к бездне печали и зла.
Это нажива несла доспехи бойцам одичалым,
С ней и убийство пришло, с нею — кровавая смерть.

Альбий Тибулл

6.0.066

Кали-Юга.

1.0.178

— Переживаемый нами переход от одной эпохи к другой, от мира, где берут начало истоки человечества, мира полного ужаса и поэзии, но хорошо нам знакомого и в котором мы в конце концов научились жить, к миру завтрашнего дня, о котором мы знаем мало, но в котором, судя по тому, что нам уже известно, нет ни поэзии, ни человечности. В нем все приводит в отчаяние.

*Жан-Пьер Шаброль. Миллионы, миллионы
японцев. М., 1971 (ЗК № 30)*

1.0.179

Настоящим страданием, адом человеческая жизнь становится только там, где пересекаются две эпохи, две культуры, две религии. Если бы человеку античности пришлось жить в средневековье, он бы, бедняга, в нем задохнул-

ся, как задохнулся бы дикарь в нашей цивилизации. Но есть эпохи, когда целое поколение оказывается между двумя эпохами, между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищенность и непорочность!

Конечно, не все это чувствуют с одинаковой силой. Такой человек, как Ницше, выстрадал нынешнюю беду наперед, больше чем на одно поколение раньше других, — то, что он вынес в одиночестве, никем не понятый, испытывают сегодня тысячи.

Герман Гессе. Степной волк

1.0.180

Близок час глубочайшего переворота в самых основах культурного строительства. Подземные удары землетрясения слышались уже не раз на протяжении последнего столетия: Рёскин, Толстой, Ницше, сейчас Шпенглер, да и многие другие уже предостерегали о катастрофических силах, и не изданием «полного собрания сочинений» и продажей открыток-портретов обезвредить грозный смысл их обличений и предвещаний. Здание культуры духовно опустело. Можно продолжать строить его, и оно еще будет строиться. История претерпевает величайшие сдвиги не под ударами многопудовых зарядов, а от иронической улыбки. И не по бенгальским огням и fortissimo оркестра узнается конец исторической зона, а по обращенности глаз более зорких в противоположную от наличной культуры сторону горизонта. Споры, борьба и гонения указывают на какую-то историческую нужность оспариваемого. Но наступает час, когда не спорят, когда может быть даже оценивают тонкость разработки выдохшейся цивилизации. Но сказано короткое слово «не надо», и им все решается. Дальнейшее же есть естественное разрушение оставленного дома. Схоластика пала не тогда, когда восставали против нее и спорили с нею, напротив, эта борьба была залогом жизненности. Но в известный момент без спора, без упреков, без гнева, Декарт попросту махнул на нее рукой и пошел своим путем. Это небрежное мановение было роковым: схоластика кончилась и началось новое философское мировоззрение. Так вот, я здесь хочу сказать, что мы-то еще спорим против возрожденства, мы-то еще критикуем его предпосылки и сложившуюся из них культуру. И, вероятно, это — последние споры. А потом те, кто будут за нами, ничего не отрицая, нисколько не возражая против тонкостей научных дистинкций и разработанности художественных приемов и т.д. и т.д., скажут роковое «не надо», и вся разработанная система обездушенной цивилизации пойдет разваливаться, как развалилась схоластика империи. Это не значит, чтобы разваливающееся в своем роде было несовершенно и не решало той или другой поставленной ему задачи. Трудно себе представить, чтобы большое историческое явление, складывающееся веками, не было по-своему целесообразным, когда культура есть существенно деятельность по целям. Но самая задача, решению которой служит данное явление, может оказаться как ненужная или во всяком случае не окупающая усилий, которые

тратятся на ее решение. И тогда человечество отказывается от поставленной задачи и средств к ее разрешению. Так домохозяин бросает изветшавший дом, ремонт которого поглощает все доходы и который своим обитателям предоставляет взамен много, но неудобных и почти нежилых комнат. Семья предпочитает выселиться в небольшой, но приспособленный к жизни домик, а большой дом разрушается ускоренным ходом, пока его не повалит какое-нибудь стихийное бедствие. Цивилизация нашего нового времени есть именно такой дом, поглощающий все силы и заставляющий жить для себя, вместо того чтобы облегчать жизнь. Человек надсаживается над работой для культуры, не получая взамен ничего, кроме горького сознания своего одиночества, обеднения и раздробления. И наконец, он примет решение и, собрав свои пожитки, переселится на сторону, чтобы зажить с меньшими претензиями на блеск, но сообразно настоящим потребностям семьи.

П.А. Флоренский. Итоги

1.0.181

Когда раздвинули створки парадного входа, из дома пахло такой тухлятиной, что все в испуге остановилось и попятилось назад.

Уэда Акинари. Распутство змеи. —

«Луна в тумане». М., 1961 (ЗК № 38)

1.0.152

В идеальном случае, дом для ча-но-ю — это небольшая хижина, стоящая вдали от главного жилья, в особом садике. Пол хижины устлан татами, соломенными циновками которые окружают углубление для огня; крыша обычно покрыта рисовой соломой, а стены, как во всех японских домах, представляют собой бумагу шо-жи, поддерживаемую стойками из дерева, поверхность которой обработана самой природой. Одна из стен комнаты занята под нишу, или токонаму — место для одиноко висящего свитка с живописью или каллиграфией, вместе с камнем, веткой с цветами или каким-нибудь другим предметом искусства.

Атмосфера, хотя и церемонная, однако удивительно ненапрянутая, и гости чувствуют себя свободными говорить, либо молчаливо наблюдать, смотря по их желанию. Хозяин неспешно разжигает огонь, используя в качестве топлива древесный уголь, и бамбуковым черпаком наливает воду в пузатый котелок из мягкого темного железа. В такой же церемонной неторопливой манере он приносит другие предметы утвари — тарелку с несколькими лепешками, чайную чашку и чайницу, метелочку и чашку большого размера для объедков. Во время этих приготовлений ведется разговор, и скоро вода в котелке начинает закипать, «стонать», так что гости застывают в молчании, чтобы послушать эту музыку. Через некоторое время хозяин подает гостям чай: одному за другим в одной и той же чашке, доставая его из чайницы бамбуковой полоской, изогнутой в виде ложки. Наливая воду из котелка черпаком с длинной ручкой, взбивая чай в пену при помощи метелочки и ставя чашку

перед первым гостем так, чтобы он видел наиболее интересную сторону этой чашки. Чашки, используемые для ча-но-ю, обычно тускло окрашены и грубо обработаны, часто неглазурованы у основания, а по бокам глазури обычно позволяют стекать — первоначальная счастливая ошибка, в которой увидели источник бесчисленных благоприятных возможностей для «неконтролируемой случайности». Особенной благосклонностью пользуются корейские чашки для риса, самого что ни есть плохого качества, крестьянские изделия грубой выработки, из которых чаньские мастера отобрали ненамеренно возникшие шедевры формы. Чайница часто представляет собой изделие из тусклого серебра, либо покрыта лаком необыкновенной глубины, хотя используются иногда для лекарств изделия старой керамики — чисто функциональные предметы, вновь извлеченные старыми мастерами из небытия за их неподдельную красоту. Одна знаменитая чайница, однажды разбитая на куски, была склеена цементом и стала наиболее ценимой за хаотическую паутинку из тонких золотых линий, которые покрыли ее поверхность. После того как чай выпит, гости должны попросить разрешения получше рассмотреть все предметы утвари, которые были использованы, поскольку каждый из них сделан или выбран с величайшим вниманием и часто извлечен на свет специально для данного случая по причине определенной характерной черты, которая особенно бы понравилась одному из гостей.

Каждая принадлежность ча-но-ю была выбрана в соответствии с канонами вкуса, который наиболее чуткие люди в Японии вынашивали веками. Хотя выбор обычно интуитивен, тщательное измерение предметов открывает интересные и неожиданные пропорции — работа спонтанной геометрии столь же замечательна, как спиральный панцирь кораблика (вид моллюска) или строение снежинки. Архитекторы, живописцы, садовники и ремесленники всякого рода работали, консультировались с мастерами ча-но-ю, как оркестр со своим дирижером, так что «дзенский вкус» мастеров перешел в предметы, сделанные ремесленниками для повседневного потребления. Это относится к обыкновенным функциональным вещам — кухонной утвари, бумаге шо-жи, суповым чашкам, обычным чайникам и чашкам, циновкам, сеткам, бутылкам и кувшинам, используемым в утилитарных целях, тканям для повседневной одежды и к сотням других простых изделий, при изготовлении которых японцы выказывают свой хороший вкус, что приводит к наибольшей пользе.

«Дзен» ча-но-ю в особенности проявляется в чисто мирском характере ритуала, который не имеет литургического свойства, как католическая месса или тщательно разработанная церемония шингонского буддизма. Хотя гости в своих разговорах избегают политических, финансовых и деловых материй, иногда имеет место не избобилующее аргументацией обсуждение философских вопросов, хотя предпочтительные темы — искусство и природа. Следует помнить, что японский народ прибегает к этим темам с той готовностью, с какой мы говорим о спорте или путешествии, что их дискуссия о естественной красоте — это не жеманство, чем она могла бы быть в условиях нашей культуры. Далее, они ни в малейшей степени не чувствуют себя ви-

новными в связи с тем, что это бегство от так называемой реальности бизнеса и борьбы за существование. Бегство от этих забот столь же необходимо как сон, и они не чувствуют ни угрызений совести ни неловкости от того, что принадлежат в течение какого-то времени к даосистскому миру беззаботных отшельников, странствующих по горам, как несомые ветром облака, у которых нет никакого дела, кроме грядки овощей, созерцания кочующего тумана и слушания водопадов. Пожалуй, немногие находят секрет соединения обоих миров, видения, что реальность человеческой жизни — в той же мере — бесцельная работа Дао, что и узор веток на фоне неба. Говоря словами Хун Цзы-чхона: «Если ум не опрокинут ветром и волнами, вы всегда будете жить среди голубых гор и зеленых деревьев. Если ваша истинная природа имеет силу самой Природы, то куда бы вы не пошли, вы будете видеть выпрыгивающих рыб и летящих гусей.»

Ален В. Уотс. Путь Дзен

1.0.183

Нет ничего прекраснее покоя осенних лугов в цветении диких хризантем и кустарника хаги! Люди, коим свойствен вкус к изящному, поверяют свои чувства поэзии, предаваясь самому исконному из японских искусств — сложению стихов танка. Но тяга к прекрасному может сказываться во всем, чем бы ни увлекался человек — стихами, каллиграфией, живописью и музыкой, составлением букетов «икебана», чайной церемонией и многим другим.

В столичном городе Нара, на улице Хигаси, жил в довольстве и досуге известный человек. И вел он изысканный образ жизни, ежедневно с усердием упражняясь в искусстве чайной церемонии, воду для коей черпали по его указанию из Колодца Цветов, что в храме Кофуку. Случилось однажды, что некие непочтенные люди, проживавшие на той же улице, попросили его устроить чайную церемонию при цветении цветов вьюнка. В заранее условленный день хозяин с четырех часов утра начал приготовления, позаботился обо всех мелочах и стал поджидать гостей, однако голоса, возвестившие их приход, слышались у ворот лишь незадолго до полудни, хотя всем хорошо известно, что чайную церемонию с цветами вьюнка устраивают в строго определенное время рано утром.

Рассерженный хозяин призвал впустить гостей во двор и вышел им на встречу, держа в руке зажженный фонарь, однако невежественные гости, не сознавая своего промаха, сочли весьма забавным, что он носит с собой фонарь, будто бродит в непроглядной ночной тьме.

В досаде хозяин поставил в цветочную вазу листья батата, перепачканные в земле, но гости и на это никакого внимания не обратили.

И поделом ему — следовало бы знать, каких гостей он у себя принимает. Ведь чайная церемония может послужить источником наслаждения только при одном условии: если и хозяин и гости умеют ценить это искусство.

В старые времена некий прославленный мастер устроил однажды чайную церемонию; он не расчистил сада и весь осенний пейзаж с увядшей ли-

ствой оставил нетронутым, как он есть; гости же, в свою очередь, тотчас подметили это, заранее предвкусывая, что, верно, вся утварь тоже будет на сей раз необычной. И в самом деле: в нише висела картина с начертанным на ней стихотворением — «Одинокий приют, хмелем густо увитый...»

А еще был случай, когда некий человек пожелал, чтобы чайная церемония совершалась в китайском стиле, и тогда хозяин выставил утварь, что была привезена из Танской земли, и только на картине в нише красовалось стихотворение Абэ-но Накамаро: «На высокие своды небес я гляжу. Как они высоки! О луна, что встает над горою Микаса, над Касуга, дальней землей!» Гости пришли в восхищение:

— Ведь это стихотворение Абэ-но Накамаро сложил в Танском государстве, тоскуя о родине! — и долго рассматривали и хвалили утварь и все прочее, что приготовил хозяин. «Если гости таковы, тогда только и стоит заниматься чайной церемонией», — справедливо заметил некто.

*Ихара Сайкаку. Бумажный фонарь
и цветок вьюнка (перевод И. Львовой)*

1.0.184

Признаки пришествия врага рода человеческого описываются, между прочим, таким образом: «Когда будет мерзость запустения на месте святе, и исполнится число звериное 666, и рассыплется рука людей освященных, пения и чтения явного нигде уже не услышится, и будут брани ратные на земле не тако яко же ныне: копие, стрелы, мечи и палицы железные, но будут оружия огнепальные, о них же страшно и рещи, и не будут воинства его нарещатися воинами, но название некое странное, и брады не имущи яко жены; одеяние имут носить коротко и обтянуто и хвост имущ... Мнози христиане впадут в расстройство и примут обычаи еллинские и проклятых немец; мужие имут носить одеяние коротко, выше колону и штаны натянуты, жены же будут иметь образ бевосский, главы непокровенны имущи, и на главах имут носити рога скотские и змеины, уподобяся бесу; лица будут мазать капями, а волосы вонями... возлюбят (люди) несытое лакомство, безмерное питие от травы листовие, идоложертвенное, крапленое змеиным жиром; от китян сие будет покупаемо обменом на товары, на осквернение христианских душ...» Предоставляем читателю самому оценить такие идиллические картины и сделать нужные сближения; мы же, с своей стороны, можем только удостоверить, что многое нами здесь выкинуто, по причине крайней омерзительности выражения, прибавленного же или преувеличенного ничего нет.

Примечание М. Е. Салтыкова-Щедрина к его незаконченной рецензии на книгу «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника святыя горы Афонские инока Парфения». — Собр. соч., Т. 5. 1966

1.0.155

Наш темный глаз печально слеп,
И только плоскость нам знакома.
Наш мир широкий — только склеп
В подвале творческого дома.

Ф. Сологуб

1.0.186

— Зеркало, — вспомнила она. — Дайте зеркало. Надя кинулась к столу, на ходу вытирая о подол осколок зеркала, подала его Люсе, та торопливо опустила осколок к бескровным старушечьим губам и с минуту подержала. Зеркала чуть запотело.

— Жива, — с облегчением вздохнула она, — жива наша мама.

Валентин Распутин. Последний срок

1.0.187

...я знал однажды доктора, который утверждал, что, научно говоря, самый последний выдох может изойти только из задницы, и у ее отверстия, а не у отверстия рта, должна держать семья зеркало, перед тем как открыть завещание.

С. Беккет. Безымянный

1.0.188

Когда врач констатирует наступление смерти, далеко не все части организма уже утратили свою жизнеспособность. Перестало биться сердце, не дышат легкие, утратила возбудимость нервная система, организм как целое не существует более. Но многие клетки еще сохраняют свою жизнеспособность. У мертвеца слегка отрастают сбритые волосы. Профессору Кулябко удалось заставить биться человеческое сердце, вынутое из трупа, более суток после наступления смерти. Брюхенко оживляет умерших собак, искусственно возобновляя кровообращение.

А. А. Богомолов. Продление жизни. — Химия и жизнь. 1977, № 10

0.10

Говори же, сингулярная сучка, говори!

1.0.189

И что замечательнее всего, вторая часть кончается двумя гексаграммами, из которых первая называется «Уже конец», т.е. уже достигнуто полное завершение и единство всего, что должно быть достигнуто на протяжении ситуаций, охарактеризованных во второй части, и эта гексаграмма переходит в гексаграмму, которая называется «Еще не конец», этим «Книга Перемен» указывает на то, что тот цикл, который рассмотрен в ней, является лишь одним кольцом развития, идущего все дальше и дальше.

*Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая
«Книга Перемен». М., 1960 (ЗК № 34)*

4.08.15

25.10.77

Очки заведу, начну новую жизнь, русскому языку учиться буду, вот и все.

1.0.190

Скалы или камни не сдвинулись с места. Они молчанием и умолчанием и отсутствием звука внушали и нам, и вам, и ему.

А. Введенский

1976 — 1978

Книга облаков

Поток мысли, поток
мысли, Субхути... и т.д.

Алмазная сутра

Над Исаакием печальная
одинокая ворона
кричала нечленораздельное.

Булат Окуджава.

Путешествие дилетантов

1

Время — только коридор, ведущий в покои Вечности. Занимаясь десять лет рисованием, понял: в искусстве самым главным с годами становится не результат сам по себе, а ощущение пути, движения. Рисунки могут сгореть, но то, что пройдено душой, стало частью ее самой. Это — расширение пространства души; вернее, освоение ее пространств. Лишь три измерения доступны нашим ощущениям, творчество умножает их число до бесконечности.

Не бояться и верить линии, верить своей руке: если стол шероховат и это отражается на плавности линии, воспринимать шероховатость как должное, естественное. Будь у меня бесконечный лист бумаги, я стал бы рисовать бесконечность; рамка — дань косности, стереотипу.

Есть ли возможность при помощи языка математики описать мою линию? и если есть, то возможно ли на основании ее отрезка предугадать ее дальнейшее развитие, т. е. смоделировать целое; как по кости определяют животное, так по одному единственному штриху китайцы, должно быть, определяли личность художника. Бессознательное — самое индивидуальное.

У художника не может быть вкуса, вкус — это он сам, он всегда безвкусен. Вкус — категория ремесленника.

Линия — траектория полета, уж не Дао ли? Линия ведь тоже состоит из атомов, они по ней носятся как бешеные собаки, на волю рвутся, если рисунок плохой, в хорошем же рисунке атомы летают медленно, парят...

Нарисовать черной или коричневой тушью такую картинку, которая стала бы цветной и объемной, в которой на деревьях выросли бы листья и музыка играла на небе.

Если бы я был хорошим рисовальщиком, то смог бы нарисовать себе жену, которая кормила бы меня и зарабатывала деньги на книги.

Что появилось раньше — пятно или линия?

2

Читая комментарии к Введенскому («Потец»), подумал: а не написать ли мне книгу о Линии, которая по аналогии с данной пьесой ставила бы себе задачей исследование вышеназванного слова. Есть, кажется, линейная алгебра, а романа нет — напрасно. Пишут романы о любви, о профсоюзных собраниях, но почему-то не пишут романов о словах: линия, пятно, бамбук, чай, вино, экскременты, рвота, кофе и т.д. Роман — исследование, роман — путешествие по загадочным ландшафтам семантики.

Линия — модель одномерного мира. Монизм? Шанкара?

В линии атомы идут друг за другом в затылок, никаких пар, никаких прелюбодеяний, строгий порядок (казарма, фаланстер). Но иногда линии перекре-

щиваются, и тогда два атома-счастливчика устраивают собачью свадьбу. Если в бесконечности две параллельные прямые пересекаются, то одна прямая (по моему мнению) в конечном итоге образует окружность, т. е. замыкается на самой себе, и выходит в новый для нее мир двух измерений. Это сатори прямой.

Линии обуславливают своим существованием и понятие я, если бы не было линии, то как бы смогли мы отделить одно я от другого? Стало быть, линия — это великая китайская стена абстрактного мышления. Между линией и прямой линией лежит не одно поколение человекообразных. Когда стали дифференцировать линии на прямые, ломаные и кривые? Кривая линия плывет, ибо она волнообразна, прямая линия пришла из степи (горизонт), а ломаная — из Тибета (горы).

Кроме линии есть еще точка, самая рудиментарная единица космоса. Дальше точки ехать некуда, за ней уже лежит трансцендентное — Пустота.

О если бы я мог написать роман о Пустоте, или книгу, главными героями которой были бы пятна. Закройте глаза, и герои моего ненаписанного романа поплывут в глубинах вашей психики. Чем они хуже Вертера или Манон Леско?

Но как написать такой роман? Во-первых, придется наделять пятна эпитемами, почерпнутыми из стихии человеческого, пятна будут милыми, легкими, синими, прозрачными. (Прозрачное пятно — это призрак в мире пятен, пятна его боятся.) Во-вторых, придется создавать сюжет, а пятнам это как-то не пристало. Пятна не убивают, не спариваются, они меняют только свои очертания и переходят из одного в другое без надрыва, не то что люди. Кроме того, все без исключения пятна торчат...^{1*}

Что такое цвет? Некоторые говорят, что это некое число колебаний чего-то в чем-то. Я думаю, цвет — это как стол; говорят: вот это существо на четырех ногах с полированной спиной — стол, а это, говорят, оранжевое... Все это просто мифы, и надо либо жить в них, либо создавать индивидуальный язык, как создали его математики или музыканты.

Стоя однажды в гардеробе Зимнего дворца, я увидел в зеркале отражение какого-то нереального мира, состоящего из углов и кубов, но, приглядевшись к этой нереальности внимательнее, увидел за ней другую, более грандиозную нереальность, состоящую из монохромных пятен, парящих в пустоте зазеркалья; это зрелище завораживало, еще минута другая, и мое я просто перестало бы существовать, но тут подошел приятель и выволок меня на улицу.

3

Так вот, те пятна были сделаны из света, это очень просто: вы берете в руки кусок света и начинаете его мять до тех пор, пока не получится живое пятно. Живое пятно все время меняет как форму, так и окраску. Самым гениальным

* Смотри примечания на стр. 108.

фильмом мог бы стать фильм о пятнах; чтобы снять его, было бы достаточно взять мокрый ватман, тушь, кисть (или перо) и написать музыку — дешево.

Пятно апокалиптическое привиделось и Базарову.

Я — пятновыводитель, т. е. вывожу пятна, возвращаю мир к первоначальному виду.

Прелесть пятен и в том, что они не ограничены никакими условностями: круг должен быть круглым, треугольник — треугольным и т.д.; пятна же могут быть какими угодно, ибо они воистину божественны, пятно — это форма форм.

Ведь даже точка, говоря строго, всего лишь одна из форм пятна, а это значит: мир есть пятно.

Но можно ли назвать пятном линию? Вот в чем вопрос!

Пустота — это бесконечное белое (прозрачное, бесцветное?) пятно.

Неважно, о чем идет речь, важно, что она *идет*. У большинства людей речь представляет собой механический набор стереотипов (шаблонов), и только немногие чувствуют языковую стихию, т. е. мыслят. Начните писать книгу о чем угодно, и вы сразу станете и Коперником, и Дарвином, и Соссюром. Творчество подобно наклонной плоскости, которая для бездарности есть мучительный путь к вершине, а для гения — ужасающее падение в бездну неведомого, в хаос. В конечном итоге творец созидает собственную смерть, это культ смерти.

И разве китайский символ инь-ян не состоит из пятен?

Если верить Шпенглеру, то культуры автономны и индивидуальны, — стало быть, их можно выразить при помощи пятен различных конфигураций и цветов, получилась бы своеобразная мозаика исторического процесса.

Язык пятен.

4

Фиолетовые пятна смерти. Чем больше живу, тем больше думаю о них. Что в этом ужасного? не страшнее ли каждый день просыпаться и мучительно входить в роль человека? (Я-то знаю — я не человек. От человеческого у меня только организм остался.) Хорошо быть тогда, когда читаешь, пишешь или рисуешь, но в промежутках между этими занятиями — гадко. Или это время такое? Таскаться с пачкой рисунков и со стихами по каким-то квартирам, навязываться малознакомым людям, которым все приелось и которые сами себе приелись, — зачем? У нас нет истинных ценителей прекрасного, поэтому всякая самодеятельность неизбежно несет на себе отпечаток высокого маразма. Я давно уже превратился в юродивого. Боюсь людей, как иные боятся мышей. Или я лучше понимаю их, — ведь они не кусаются только потому, что за это могут и наказать. Лучше смотреть на облака, на камни.

Сегодня (т. е. вчера) наблюдал при помощи лупы за божьей коровкой. Она ползала по моей рукописи. Оказывается, у этого существа шесть лап и усики. Перевернул ее на спину, она беспомощно (почти как черепаха) замахала всеми шестью лапками в воздухе, а потом неожиданно растворила лепестки панциря, взмахнула крыльшками и мгновенно перевернулась. Я не удержался и снова повторил эксперимент — и опять взмах крыльев — и букашка ползет куда-то дальше. Это настолько дивное зрелище, что описать его невозможно. Это как сатори: беспомощная, трепыхающаяся тварь — взмах крыльев, невесть откуда взявшихся, — и букашка уже в пути. Так, в самом глубоком отчаянии у самого падшего человека невесть откуда берутся силы для жизни, а самоубийство — греховно в силу неверия (недоверия?). Люди сходят с ума от лекций о НЛО, но почему-то никто (т. е. почти никто) не сходит с ума от лекций евангелиста Матфея. Если даже своим происхождением люди обязаны этим тарелкам, то ведь это само по себе ничего не значит. Перед грандиозностью идеи Бога меркнет все, но только при ее присутствии жизнь наполняется светом. На логическом ослике дальше родного угла не уедешь. Тут опять поневоле вспоминаются крылья божьей коровки и Тертуллиан.

Еще совершенно мистическое зрелище представляет собой капля, ползущая по стеклу, сталкивающаяся с другой каплей исчезающая в ней, а потом эта капля сталкивается с третьей и т.д. Господи, сколько во мне таких капель! Неужели я сморозил непристойность? Настроение у меня сегодня самое благочестивое

Слово — семантическое пятно, а звук — линия².

Звук молчания очевидно можно выразить только замкнутой линией, т.е. кругом. Тишина — овал.

У слов есть три главных цвета: цвет крови, цвет неба (воды), цвет земли (растения). Все остальное — оттенки, т.е. тени этих цветов³.

В зеркале мир становится пятном, как и в голове субъекта. Я всегда утверждал, что мы имеем дело только с пятнами разных конфигураций, которые наделяем в зависимости от тех традиций, в которых воспитаны, тем или иным семантическим ореолом (или ареалом?).

Кстати, вчера прочел у Завадской: «Глава четырнадцатая определяет дао как “форму без формы”, как “образ, лишенный вещественности”, как “неясное и туманное”. В пейзажной живописи это впоследствии отзовется изображением *размытых пятен облаков* (курсив мой — Б.В.), которые выступают как формы бесформенного дао». И еще: «Согласно Лао-цзы, знак, имя абсолюта появляются с началом упорядочения вещей (чжи), т. е., как будет сказано много веков спустя в трактате о происхождении живописи, — одна линия как знак абсолюта-единого возникает тогда, когда устанавливаются правила (фа)».

Стоит только о чем-то основательно задуматься, как тут же наталкиваешься на цитаты, которые подтверждают твои мысли и вдохновляют на дальнейшие штудии. Видимо, у мыслей (достаточно глубоких) есть некое поле, которое притягивает к себе сходные чужие мысли. Рыбак рыбака видит

издалека. Мы думаем, что мысли зависят от нас, а на деле, должно быть, наоборот, мы подчиняемся их произволу. И мысль, один раз возникшая в нашей голове, быть может, не исчезает в подвалах памяти⁴, а продолжает парить в мире духовном, нам, смертным, не доступном. Как там дивно! Произведения искусства там не в том виде, в каком их оставляет художник и время, а в том, в каком они представлялись мастеру, когда кисть или перо были движимы трепетной рукой.

Десять минут третьего. Кстати! уж сны-то точно состоят из пятен.

Нет ничего бессмысленней и отвратительней суетливых поисков «смысла жизни». Ищут вшей в голове да клопов в постели. Жизнь — это звук «О» или «Ы», если вам так больше нравится.

В безумии высказывания для меня самым привлекательным является его абсолютная бессодержательность.

Веселовский хотел создать нечто вроде химической таблицы Менделеева для литературы. И этого не следует бояться. Мир (т. е. космос) ничего не потерял в своей прелести с тех пор, как его разложили на элементы, а деградация исследователей и среды их обитания слишком незначительное явление, чтобы приписывать данному достижению какой-либо вред. Познание вторично по отношению к знанию, знающий человек еще не умеет обращаться со своим знанием как должно, ему еще предстоит узнать кое-что о своем знании. Дай Бог, чтобы он это узнал вовремя.

Структурализм безвреден, если к нему относиться спокойно. Таблицы Бродиса. В начале было Слово, поэтому литература божественна и бессмертна, ей некого бояться, в отличие от литератора.

Мало кому удастся размотать запутанный клубок мыслей до конца, но тот, кому это действительно удавалось, был обречен на молчание. Большинство эту операцию легкомысленно откладывает на конец жизни, и поэтому старость их, а зачастую и кончина болезненны.

5

Черное пятно сна без сновидений. Нирвана.

6

Как прекрасно растекается тушь по влажной бумаге, какое это фантастическое зрелище, с этим, наверное, может сравниться только феерия образования Вселенной или мистерия из жизни клеток. Почему искусство так мало и примитивно пользуется достижениями науки? Ведь если снимаются фильмы реалистические («из жизни»), то, кажется, уж сам Бог велел чередовать эпизо-

ды, в которых действуют «главные герои», с эпизодами, где действуют клетки, сперматозоиды, гемоглобин и прочая шатия-братия нашего организма⁵. Или почему бы не писать музыку к документальным фильмам о всяких микроорганизмах, микробах и демонстрировать это уже как художественный кинематограф, монтируя эпизоды и сооружая сценарий.

Природа дает в руки художникам тысячи форм, а они вместо того, чтобы учиться рисовать у бабочек, запираются в темные мастерские вместе с крысами. Конечно, крыса тоже может кое-чему научить. Но нельзя же всю жизнь брать уроки только у нее, если уж вы так тяготеете к земле и подполью, поучитесь в школах червей, сороконожек, мухиной, наконец, но не забывайте при этом о том, что вы — гусеница, и вам предстоит еще стать куколкой, и только потом бабочкой, если, конечно, вас по дороге не сожрут муравьи или не склюют птицы.

Художник вовсе не обязан отдавать себе отчет в своих действиях, он скорее, наоборот, должен быть невменяем, т.е. *вне себя*, ибо для того, чтобы выразиться с наибольшей полнотой (пустотой?), творец должен принести в жертву Аполлону собственное «я», и тогда его устами заговорит сама природа («природа»). Но для этого надо очиститься от желаний и полностью погрузиться в сферы духа, на что способны только одиночки, сумасшедшие и некоторые (избранные!) наркоманы.

Верующий человек, когда берется за кисть, не спрашивает у себя, зачем? Ему, скорее, интересно узнать, что ему явит Господь на этот раз, если, конечно, Он этого пожелает. Мастер прекрасно понимает, когда его рукой движет благодать, а когда мускульная сила. Вдохновение — это комната, в которой тебе уже никто не мешает, разве только летает назойливая муха Поля Валери.

«Зима» Сэссию неизмеримо величественна. Сэссию — сама вселенная, он уже навеки запечатлелся в мире, и ничто не способно его уничтожить.

7

Сегодня перечитывал «Котлован». Или я сошел с ума, или в этой книге действуют две главные силы: генеральная (жесткая) линия и нечто, не имеющее названия⁶, нежное и необъяснимое, как душа ребенка, т.е. пятно. Что может быть проще пятна и тверже прямой линии? Прямая линия — главный атрибут чертежа (в этом слове счастливо сочетаются черт и еж⁷), иначе говоря, прямые линии могут передать нам только внешность вещи, ее поверхности, пятно — душа мира, его трепещущая суть. Поэтому, создавая логику, мы убиваем живой смысл вселенной, а постигая вселенную, мы переступаем через черту (последнюю черту на чертеже) и удаляемся играть в пятнашки со смертью. Платонов изумительно описывает облака. Хорошо бы написать про облака книгу перемен.

8

Или вот тени, эти пятна пятен. Тень как метапятно!

Есть ли предел делимости вещества? И если он существует, то есть ли предел массе? В природе понятию нуля может соответствовать только пустота, а вот делится ли пустота? Атомы пустоты?

Пустота и индивидуальность.

Я думаю, в мире нет ничего механического, механическое — следствие нашего несовершенства (непонимания). Механическое так же мало соответствует природе, как фотография оригиналу, это только одна точка зрения, а этих точек бесчисленное множество, этими точками усеяны поля сознания.

Никогда не забывать, что схемы всего лишь приспособления, вроде каменного топора.

Смерть как гипотеза; кто сказал, что это самое глобальное изменение, претерпеваемое нашим организмом? можно ли вообще отделять организм от окружающего мира и рассматривать его как нечто самостоятельное? Человек — пространство, как и поле, океан, космос; это вихрь, состоящий из миллиардов атомов, горящих светлячков, это поэма.

Наука дифференцируется, а искусство неуклонно приближается к синтезу.

В природе нет резких движений, их создала механика. Наши фабрики и заводы — это динозавры, драконы техники. Потомки будут смотреть на них с содроганием. Чем современные автомобили лучше саблезубых тигров? Последние, по крайней мере, были голодны.

Я все больше убеждаюсь, закрыты ли глаза, открыты ли, — мы все равно видим одно и то же. Демокрит оказался плохим офтальмологом.

Тайну сна следует объяснять не физиологическими, а, скорее, метафизическими причинами. Сон — поучение (ликбез).

Могут ли существовать формы, принципиально отличные от известных нам? Догматик заполняет мир шарами и кубами, а вдруг...

Научившись считать, мы окончательно лишились третьего глаза.

Каждое открытие не только приоткрывает нам нечто неизвестное, но отчасти и закрывает его, т. е., следуя по новому пути, идущий забывает о других дорогах, сокрытых во тьме. Вот если бы можно было двигаться по всем дорогам сразу!

9

Существует ли у природы масштаб? Есть ли вообще в ней малое и большое? Быть может, следует отказаться от этих понятий, если мы хотим понять мир. Божья коровка и мамонт эквивалентны перед бесконечностью, имеем ли мы право на гордость? Муравей и я, мы оба куски пространства (пятна), надо быть легким и податливым, как облака. Облака — это Обломов.

10

Господи! я только что прочитал письма Малевича в «Ежегоднике ИРЛИ» 1974 года. Так ведь это все, что я думал... И самое безумное — слова: «То, что было сделано бессознательно, теперь дает необычайные плоды». Здесь мы вплотную подходим к Вере как таковой, как единственной реальности. Какие можно было бы создавать книги, Господи, если бы люди верили... Какое тухлое время! Главное не сломаться, главное запастись терпением камня и обрести прозрачность воды. Незамутненность. Чистота. Прыжок за 0*. Это чудо, это религия. Малевич — великий христианин.

11

И вот уже читаю в гениальной книге Крученых «Черт и речетворцы»: «как дети в сказке писатели заблудились в трех волосках на голове черта и не побывав еще в странах слова как такового». *Страны слова* — значит, огромная литература грезится уже человечеству, значит, нечто грандиозное таится в недоступном будущем. О, если бы хоть одним глазком заглянуть в тот день, увидеть *новое!* Как ничтожен Катаев со своими кастрированными воспоминаниями, пытающийся свалить всех в одну кучу, учредить *свалку*, будущее принадлежит *инакомыслящим*, мы на пороге. Гагарин не был в космосе, не был в космосе и Леонов (хотя он и был там), в космосе был и будет Малевич и новое искусство, в космосе до и после.

12

Вот цитата из Платонова: «Прушевский тихо глядел на всю туманную старость природы и видел на конце ее белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света и воздухе. Он не знал имени тому законченному строительству и назначению его, хотя можно было понять, что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости. Прушевский с удивлением привыкшего к печали человека наблюдал *точную нежность* (здесь и далее курсив Б.В.) и охлажденную сомкнутую силу монументов. Он еще не видел такой *веры и свободы* в сложенных камнях и не знал *самосветящегося закона* для серого цвета своей родины. Как остров, стоял среди новостроящегося мира этот *белый сюжет сооружений* и успокоенно светился. Но не все было бело в тех зданиях, — в иных местах они имели синий, желтый и зеленый цвета, что придавало им нарочную красоту детского изображения. — «Когда же это построено?» — с огорчением сказал Прушевский. Ему уютней было чувствовать скорбь на земной потухшей звезде, чужое и дальнейшее счастье возбуждало в нем стыд и тревогу, — он хотел, не сознавая, чтобы вечно строящийся и недостроенный мир был похож на его разрушенную жизнь.

Он еще раз пристально посмотрел на этот новый город, не желая ни забыть его, ни ошибиться, но здания стояли по-прежнему ясными, вокруг них была *не муть родного воздуха: а прохладная прозрачность*».

Сегодня утром был туман, я подошел к самой воде, другого берега, мостов, неба не было, у ног моих плескалась Нева, а через три метра начиналось непостижимое, казалось, стоит сделать шаг — и полетишь, туда, в млечность,

*т. е. ноль

в бездну. В этом безграничном мире происходило движение невидимого, оно завораживало и увлекало, и не было сил противиться и хотелось раствориться, перестать...

13

Только что прочитал в книге «500 новых острот и каламбуров Пушкина» (М., 1924) на с. 19: «Привычка видеть и слышать слово раньше, чем кончено его произношение и зрительное восприятие, содержит в себе потенцию к преждевременному узнаванию *по знакомому звуковому (или зрительному) пятну* (Б.В.) — плодородная почва для взращения сдвигов». Всего-то исписал в тетрадке 20 страниц, а цитаты уже начинают в нее просачиваться. Вот и Паскаль тут о делимости интересно говорил, и Малевич о разуме... Я чувствую, что водопад цитат скоро опять обрушится в мою голову в силу неведомого пока науке закона сродства.

14

До чего противно быть человеком, зависеть от тела и социума, но самое неприятное — отождествление себя с машиной, пусть и сработанной рукой профессионала. Душа — не механизм, а глупость. Глупость Божественная и необъяснимая. Человек не глупый — мертвец. Интеллект мало чем отличается от арифмометра Паскаля, он — холодный принцип, глупость — сама жизнь, ее неистребимая неопределенность. Гений непременно, если не во всем, то хоть в чем-то идиот. Монументальна только посредственность, уже при жизни становящаяся памятником (Маяковский). Хорошему человеку памятника в наше время не поставят, скорее наоборот, закопают пораньше. Культ посредственности.

15

Механический (рациональный) мир будет обыкновенным адом. Мы уже, как павловские собаки, мчимся по телефонному звонку к маленькому идолу (аппарату). Поломка телевизора зачастую воспринимается болезненнее, чем смерть близкого человека. Я уже не говорю об автомобилях, под которыми ползает просвещенное человечество в поисках смысла жизни. Мы попали в плен к механизмам и сами становимся им подобны. Люди, как автоматы с газированной водой, за три копейки (зарплату) готовы лить воду своего красноречия и резать воздух правой рукой. Винтики. Государство требует от человека определенности, оно ценит только строгие неподвижные формы. Ему не нужны пятна, ежесекундно меняющие форму и цвет. Цвет государства серый, как шинель.

16

Сегодня днем пил, а когда проснулся вечером, то увидел напротив дивана светящийся квадрат. Это солнце заходило и окно проецировало на стену. Я подумал: вот так и у меня в голове блуждают клочья света, которые мы разрезаем и склеиваем по методу Уильяма Бэрроуза. Каждый человек создает

коллаж из того материала, который покоится (или, вернее, беспокоится) в его сознании. Вольно или невольно мы выбираем те или иные фрагменты и синтезируем из них наши представления о реальности. Ведь странно думать, что мое лицо существует только в чьих-то глазах да в зеркале, а я сам его никогда не вижу, разве что после смерти? Кончик носа, губы да щеки — падаю в поле зрения. Но почему мы не видим своего затылка? Почему мы снимаем в мире только угол? Хорошо бы видеть не только кругом себя, но и свои мысли. Мысли гораздо ближе человеку, чем тело. Наука осмысливает тела, а искусство — мысли. Мысли плавают произвольно, т. е., если мы даже сосредоточиваемся на каком-то одном предмете, вполне возможно, что посторонние мысли заведут нас совсем в иные области, в которых потом мы с удивлением обнаружим искомый предмет; мысли, как лошадь, уже давно сами знают дорогу, поэтому не надо натягивать поводья и понукать их, эти мысли до вас служили еще множеству людей, так предоставьте им следовать самостоятельно туда, куда им заблагорассудится, — и рано или поздно вы доберетесь до Дома.

Откажитесь от себя, но не потому что вы — машина, а потому, что вы — радуга. Свет без огня. Птица без крыльев. Но как сладко взлететь (над диваном?) или пройти сквозь оконные стекла (а это было, правда, не без помощи азиатской флоры) и пролететь над Петропавловской крепостью, например, или увидеть, как расступаются стены, отодвигается потолок и сворачивается время... О!

Лучше всего понимаю необъяснимое или труднодоступное, но совсем не понимаю элементарных вещей. Почему я должен ходить на работу или демонстрацию? Правда, на демонстрации я был один раз еще совсем в щенячьем возрасте. Но вот с работой дело обстоит гораздо хуже.

Илья Ильич был самым работящим человеком в России, все прочие лицемерили, убивали, а он лежал на диване и не давал миру рухнуть в тартарары. Обломов светится нездешним светом, он сама искренность, он чист как младенец. И погрешить против Обломова значит совершить тяжкий, один из самых тяжких грехов. Выбросив на свалку диван Обломова, Россия уселась на жесткую скамью подсудимых, с которой не может встать по сию пору. Обломов — ничтожество, перед святостью которого еще склонят голову народы. Без Обломова жизнь превращается в кровавый фарс, который даже не трагичен, это просто конвейер смерти. Обыкновенное производство. концлагерей.

Обломов похож на Майтрею⁸.

Почему люди так неохотно меня кормят, я ведь готов им отдавать и рисунки, и стихи; мне самому ничего не надо. Я люблю книги, а они нет. Иначе разве стали бы они стоять за ними в очередях. Книгам это так неприятно.

Никогда ни о чем не думал, а говорил первое, что придет на ум. Правда, я редко говорю. И тем удивительней смотреть на слова, написанные собственной рукой, которые потом, может быть, поплывут в пещерах мозга других людей... А может быть, других не существует? Один автор, он же и читатель. Замкнутый цикл.

Недавно, проезжая на автобусе по Каменному острову, случайно взглянул на залитые солнцем деревья, и вдруг показалось, что это огромные люди в черном с зелеными волосами собрались на лужайке. Я уже давно здороваюсь с деревьями, когда возвращаюсь один поздно вечером. А если бы деревья умели ходить, как было бы с ними приятно прогуливаться, дарить им рисунки⁹.

Интересно рисовать в сумерках, когда уже почти не видишь того, что рисуешь. Вообще мне иногда не хочется продолжать первую линию, взорвавшую «белое безмолвие» листа; глядя на нее, я вижу тысячи способов продолжения, а выбирать из них приходится только один. Вот если бы зритель мог вместе со мной видеть в простом росчерке пера множества возможных миров!

Множество множеств — точка.

Закончу этот день словами Су Ши: «Когда напиваюсь натошак, чувства обостряются до предела, в легких и печени рождаются беспорядочные нагромождения камней и бамбука. Все это буйно хочет вырваться и невозможно удерживать в себе. Тогда выплескиваю (образы) на белую стену».

17

Никогда не мог понять, как можно нарисовать то, чего нет, если мы не знаем, что есть. Ни один фантаст не писал о пятнах, или они слишком реальны для этой литературы?! Может быть, мозг — это игрушка вроде калейдоскопа, сменяющиеся картинки которой люди привыкли воспринимать именно так, а не иначе. Черный ствол дерева и зелень листьев мы комбинируем в целое, а почему не воспринимаем ствол как холм (землю), а крону как зеленое облако (небо). Сейчас в моих глазах застыли белые пятна постели и раскрытой тетради, и я уже не знаю, почему это постель, а не облака, руки, птицы?.. Поэзия ведь только тем и занимается, что учит нас видеть новое в привычном. Мы просто привыкли, чтобы не сойти с ума. Но почему мы так цепляемся за ум.

Ум, ом.

У Вуди Гатри (вдруг вспомнил я) есть замечательный рассказ (в книге «Поезд мчится к славе») о виденной им (в микроскоп) чудовищной битве. Надо будет разыскать это эпическое описание.

Я полюбил Джейн Остин за фразу: «Что значат люди по сравнению с холмами и скалами?»

18

Хочется лежать с закрытыми глазами и следить за разноцветными вспышками света под веками. Закрыв глаза, мы переходим через мостик здравого смысла, но я в последнее время пытаюсь перебираться через него и с открытыми глазами. Надо научиться смотреть на предметы так, как если бы вы видели их впервое (не зная при этом, есть ли они на самом деле). Пусть кретины корректируют близорукость контактными линзами, я выучусь новому зрению. В мире пятен нет перспективы, дальнего и близкого, там все *иначе*: одно пятно спешит сменить другое... Иногда во сне вижу движущиеся узоры (танцующий орнамент). Мы не умеем описывать конкретное. Как описать прямую линию.

Хорошо бы забыть все названия. Идиоты так счастливы! С одной дамой, когда она приходила ко мне в гости (а приходила она поздно вечером и уходила ночью часа в три, и шла пешком домой; она вообще-то была ведьмой тогда), я говорил на языке младенцев, всем вещам мы придумывали новые названия, каждый самостоятельно, но хорошо понимали друг друга. Почему, собственно, обязательно называть окно окном, цветок цветком? Надо выйти за пределы языка и традиционных образов. Вчера рифмовали звуки, а сегодня рифмуются смыслы. Ища смысл в мире, мы неизбежно проваливаемся в кровавую бездну атеизма, мы становимся слепыми пред Богом. Наш язык членит мир на отдельные компоненты, но ничего не может сказать о Единстве¹⁰. Он — только предчувствие языка.

Люди вообще говорят только для того, чтобы лучше слышать тишину. Язык молчания.

Тихий. Стихия. Стихи.

19

Огромное впечатление на меня всегда производит старая штукатурка; куски отвалились, расплылись какие-то пятна, и ты вправе создать из этого материала какое угодно зрелище. Здесь *ничто не мешая читать*; автор скромнен и ненавязчив, его зовут Время.

20

В начале октября деревья становятся святыми. Понятие святости распространяется не только на людей, но и на все прочие явления. Святым может быть и пятно, и камень, и огурец (у Розанова). Все дело в ракурсе.

Какой негодяй разум, если все действительное — разумно!

Лучшие мысли приходят в голову тогда, когда ни о чем не думаешь. Думать — это то же, что и молиться, а если размышление в конце концов распускается цветком идеи — значит, молитва услышана.

Лень — мужество перед хаосом повседневности.

Для сохранения равновесия канатоходец держит в руках длинный шест. Такова природа молитвы, она не позволяет нам рухнуть в бездну безверия или веры, но в конце концов мы окажемся по ту или другую сторону каната. Эквилибристика — просто одно из состояний души. Главное — не бояться, ни своего тела, ни разума и смело переступить за пределы того и другого.

21

Туман и темнота поглощают предметы. Я бы не удивился, если бы, попытавшись почесать в темноте нос, вдруг обнаружил его отсутствие, его и всего тела, Бесформенность придает большую остроту ощущениям. В детстве, глядя на человека, встретившегося мне на улице второй раз в течение дня, я с раздражением думал: неужели у них так мало статистов, что приходится использовать одного несколько раз, или они на мне хотят сэкономить; тогда казалось, что жизнь это представление, которое они устроили единственно ради меня, а все остальные люди исполняют эпизодические роли, и только я один не посвящен (посвящен) в этот всеобщий заговор.

Где производятся атомы? На заводе ощущений?

Вся история знания не менее тщетна, чем попытка выбраться за кончики наших бесконечных пальцев.

В конце концов... Что? Что?!

Нарисовав одну картину, Время тут же начинает рисовать на ней новую, поэтому космос так темен.

К чему мне человеческая мудрость, если она противоестественна? Глупость лучше. Не будь глупости, от людей к нашему времени и костей бы уже не осталось. Разве вдохновение не глупость? Валери не мог с этим примириться. Глупость — тайна.

Сколько лет слову?

Зимой в церкви особенно хорошо утром. Старухи в платках. Тепло. Хор поет: радуйся, а ты летишь вместе с ладаном куда-то вверх, к куполу, в ясное синее небо и чувствуешь, что становишься прозрачным. Наверное, я все-таки люблю церковь, раз так редко хожу в нее.

22

Оказывается, Овидий умер в 17 году.

А теперь — время и место Вуди Гатри. Я бы назвал этот отрывок «Как это»¹¹. «Однажды мне здорово повезло. Я набрел на замечательную лужу, в которой стояла самая ржавая и грязная вода на свете. Я притащил эту воду к мес-

тному доктору, и он разрешил мне посмотреть на нее в микроскоп. Это был старый врач, он практиковал в городе уже давно, чтобы не иметь много клиентов. И так как его приемная обычно пустовала, он разрешил мне пользоваться своим микроскопом. Одна-единственная капля этой кишасшей живностью гнилой воды представляла собой стоячую зеленую пену. Под стеклышком микроскопа пена выглядела, как длинные зеленые стебли сахарного тростника. Они были длинные и перепутанные и сплошь покрыты всякой живностью, какую только можно вообразить.

Например, один черный джентльмен. Забияка из забияк. Отважный боец, для которого не существует опасностей. Этот маленький плотный черный джентльмен отправился в путешествие по стране, и я увязался за ним, нагнувшись над микроскопом, и не спускал с него глаз. Этот тип, безусловно, ввязывался в драку минимум три-четыре раза за свой день. Я не знаю, сколько времени у него считается один день. Но не было ни минуты, чтобы он сидел сложа руки, отдыхал или дремал. Он все время двигался и посматривал вокруг себя, Некто белый попадаете ему навстречу. Оба приготавливаются к защите и оглядывают друг друга. Потом обходят друг друга кругом. Стучат ногами и облизывают губы. Ведь должны же быть у них где-нибудь губы, на боку или на спине; так или иначе губы у них есть и они их облизывают. Потом они пробуют свои силы в ударах. Белый проводит легкий хук слева — не с тем, правда, чтобы сбить черного с ног, а просто чтобы установить расстояние. Потом снова делает выпад левой и дважды — рассекает воздух... У черного руки описывают круги как стрелки часов. Белый вытягивает свою правую руку и тем самым удлинняет ее ровно вдвое. Черный балдеет. Он оглядывается по сторонам в поисках судьи. Разве это по правилам? Белый сгребает его за шею своей длинной рукой и, растянув другую руку тоже, отвешивает ему хорошую затрещину. Но про черного не скажешь, что у него елееле душа в теле, и удары белого не представляют для него смертельной опасности. Он втягивается в свои плечи, чтобы защитить подбородок. Он выдерживает удары, но ему здорово больно. Да, мистеру черному приходится тугогато, но он так и зыркает глазами из-под своих плеч, ему еще просто не представилась возможность развернуться. Ему не нравится это руковьтягиванье. Он не знает, что с этим делать. Он не может подобраться к врагу вплотную, чтобы обменяться ударами, но и отступать не собирается.

Длиннорукий держит его одной рукой и продолжает обрабатывать другой так, что он начинает вращаться вокруг собственной оси. Черный расслабляет тело под ударами и не напрягает рук, но держит их в боевой готовности.

И вдруг это происходит. Черный начинает волчком вертеться на цыпочках, кругом, кругом; на этой большой скорости его руки вращаются наподобие пропеллера. На полном ходу он врзается в белого, минув его руки. Руки его до крайности напряжены, и он молотит ими справа и слева по белому с такой силой и быстротой, что тот начинает думать, будто на него сыпятся удары молнии. Белый втягивает обратно свои длинные руки. Он пытается пользоваться ими теперь, когда они стали короткими, но обнаруживает, что они сделались в высшей степени неловкими. Его точка зрения меняется. Он не прочь телегра-

фировать своему депутату в конгресс, но вряд ли и это поможет. Триста сорок пять ударов обрушиваются на него справа и слева. Он распускает мышцы, с тем чтобы лучше выносить удары, но маленький черный боксер крутит все свое тело, вращаясь, как вихрь, на каждом дюйме своего пути. Белый постепенно превращается в бесформенную массу плазмы. Он из последних сил наносит черному отчаянный удар, но тот тут же изрешечивает его всего как динамитом. И белый поднимает в воздух свои неуклюжие ручки и открывает противнику голову, шею и диафрагму. Черный теперь кум королю. Ему охота поиграть со своей жертвой, он теперь уже медленно описывает круги вокруг белого, а белый тем временем агонизирует. Черный любовно дотрагивается до него, до его лица, глаз, горла, и разрывает это горло раньше, чем желе успевает застыть. Прильнув ненадолго к останкам белого, он высасывает из них еще теплящуюся в них жизнь. И вот он сыт, и теперь медленными кругами он удаляется от своей жертвы и гогаем идет по Пятой авеню к другому скопищу стеблей того же зеленого тростника.

В этих кустах проживает некто, которого не отнесешь ни туда ни сюда. То есть он и не белый и не черный. Нечто вроде коричневого. Я наткнулся на него случайно, и он произвел на меня впечатление работяги. Наш черный знакомый беззаботно, вприпрыжку совершал моцион по утренней росе — он был полон энергии, только что сытно позавтракал и все прочее. Он не слишком старательно смотрел, куда идет. Он просто хорошо помнил, что выиграл битву. Он насвистывал, напевал, и, когда подошел достаточно близко к кустам, чтобы его можно было услышать, местный житель его заметил. Парень в кустах еще не поймал свой завтрак в тот день и весь завибрировал, как электрический мотор, когда увидел черного, выделяющего по дороге разные коленца. Коричневый был в кустах у себя дома, и он схватился за хороший толстый ствол и стал ждать. Когда тот, другой проходил мимо него, он протянул руку и схватил его за воротник пальто, рывком втянул в кусты, и началось такое, что земля под ними задрожала на сорок акров кругом. Это был настоящий бой.

Поначалу дела у черного шли недурно. Обе его руки были вытянуты, и он вертелся, и увертывался, и сыпал ударами сильными и быстрыми. Раз, раз и еще раз; молниеносные, как электрические разряды, сыпались его тумаки на парня из кустов. Два первых раунда он провел с явным преимуществом, но он не был у себя дома. Он спотыкался, шлепался, и его сильные руки запутывались в стеблях тростника, так что ему приходилось иногда совсем останавливаться, распутываться и начинать все сызнава. И это здорово утомляло.

Тот, другой, был, во-первых, больше, а во-вторых, поначалу не слишком утруждал себя. Он лишь чуть-чуть пританцовывал на одном месте. У него было примерно сорок рук, коротких и острых, как крюки, однако серьезной опасности они не представляли. Он пользовался одновременно лишь двумя или тремя из них и поэтому не переутомлялся. Когда две какие-нибудь руки уставали, он просто поворачивался на несколько градусов и пускал в ход новый набор рук и кулаков. Он был некурящий и непьющий. Дыхание у него было в большом порядке. И в кустах он был у себя дома. Он, так сказать, позволил

мистеру черному колошматить воздух, пока тот не выбьется из сил. Когда бедняга обессилел, детина из кустов обрушил на него свои кулаки. Он измочалил его. Он изорвал его лицо, торпедировал его сердце и добил черного малютку так, что тот превратился в пульпу. Потом он нежно обхватил его, ласково заключил в свои сорокарукие объятия и выпил из него кровь, его собственную и ту, которую тот совсем недавно выпил из другого. Потом, когда коричневый насытился, он выбросил безжизненное тело из пределов принадлежащих ему зарослей, а затем свернулся клубочком и заснул. На него напала теперь лень. Он победил, потому что был голоден».

(перевод В. Чемберджи и В. Познера)

Нерон был близорук.

23

Слово призвано в мир лишь для обозначения Божественного дуновения; оно — иероглиф присутствия Бога.

Смысл — это частный случай, поэтому литература всегда бессмысленна, единственное ее назначение — движение.

Однажды в каком-то фильме показывали двух рисующих обезьян. Они одновременно рисовали на большом листе ватмана цветными карандашами. Движения их были естественны. Они рисовали линии. Это было прекрасно, как литургия.

Раз ум, два ум, три ум... Ноль ум!

Законы природы — те же черепахи и слоны древности, поддерживающие землю. Произошла смена названий. Революционеры духа призывают нас выйти за узкие рамки научной схоластики. Земля больше не вертится! — провозгласил Крученых, и в мир пришел поэт Александр Введенский. Победу над смыслом потомки назовут самым грандиозным достижением века¹².

Люди тоскуют о свежести. Им уже опротивела банька Достоевского.

Моллой — Обломов через сто лет. Обломов в 1951 году.

Беккет нежный.

«Лилии» Врубеля, «Зимний день Федотова», до чего непохожие и гениальные пятна! И оба сумасшедшие. Sic!

Толстовство — духовный фашизм.

24

Только что прочел в книге «Литературные взгляды и творчество славянофилов» (М., 1978): «Опасность крайних умственных выводов рационализма,

принимающего под пером И.Киреевского многозначительный, богатый далеко идущими ассоциациями образ “самодвижущегося ножа разума”...»

25

Стирательная резинка — важнейший инструмент в многотрудном деле познания дао¹³. Перо в отношении последней — неофит.

Облако строго кубической формы наверное вызовет чувство тошноты у впечатлительной натуры.

26

«Деви, вообрази санскритские буквы в этих полных медовой сладости центрах сознания. Сначала — как буквы, затем более тонко — как звуки, затем — как одно тонкое чувствование. Затем, оставляя их в стороне, будь свободна» («112 путей Дзен»). Совсем недавно прочел в предисловии Крученых к книге А. Чачикова «Крепкий гром» (М., 1919): «И не суждено ли нашему поэту быть участником зарождающейся поэзии Востока на русском языке, передающей мед пылающего края?! Мед зауими!»

27

Листья на деревьях желтеют, желтеют; тетрадь заполняется каракулями; на спинке стула висит новый халат. Халаты — мои кальпы.

Змея — разжиревшая линия.

Тень шума, называемая мыслью...

«Видом близорукие глаза не одинаковые: иногда они направлены вверх, иногда вниз, иногда прямо. Нужно знать, что блистание их сокрыто, жизнь затаена, ресницы длинные, зрачки велики, дух неясен, неровен».

*Цзян Ци. «Рецепт портрета»
(перевод К. И. Разумовского)*

За стеклом стоит фотография Джойса. Сегодня исполнился месяц, как я начал вести свои записи. После прочтения книги «Малохолия в капоте» употребляю союз «как» с каким-то неопишуемым наслаждением.

Паскаль. — «Пусть взглянется (человек.—Б.В.) в крошечное тельце клеща и в еще более крошечные члены этого тельца, пусть представит себе его ножки со всеми суставами, со всеми жилками, кровь, текущую по этим жилкам¹⁴, соки ее составляющие, капли этих соков, пузырьки газа в этих каплях; пусть и дальше разлагает эти мельчайшие частицы, пока не иссякнет его воображение; а тогда рассмотрим предел, на котором он запнулся. Возможно, он решит, что меньшей величины в природе не существует, а я хочу, чтобы он

заглянул еще в одну бездну. Хочу нарисовать ему не только видимую вселенную, но и бесконечность мыслимой в сжатых границах атома. Пусть человек представит себе неисчислимые вселенные в этом атоме, и у каждой свой небесный свод, и свои планеты, и своя Земля, и те же соотношения, что в зримом мире, и на этой Земле свои животные и, наконец, свои клещи, которых опять-таки можно делить не зная отдыха и срока, пока не закружится голова от второго чуда, столь же поразительного в своей малости, как первое в своей огромности. Ибо как не потрястись ей тем, что наше тело столь же неприметное во Вселенной, в то же время, вопреки этой своей неприметности на лоне сущего, являет собой колосса, целый мир, вернее, все сущее в сравнении с небытием, которого не постичь никакому воображению!

Кто вдумается в это, тот содрогнется; представив, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани двух бездн — бездны бесконечности и бездны небытия, он преисполнится трепета перед подобным чудом; и сдастся мне, что любознательность его сменится изумлением, и самонадеянному исследованию он предпочтет безмолвие созерцания.

Ибо что такое человек во Вселенной? Небытие в сравнении с бесконечностью, все сущее в сравнении с небытием, среднее между всем и ничем. Он не в силах даже приблизиться к пониманию этих крайностей — конца мироздания и его начала, неприступно сокрытых от людского взора непроницаемой тайной, и равно не может постичь небытие, из которого возник, и бесконечность, в которой растворится.

Он улавливает лишь видимость явлений, ибо не способен познать ни их начало, ни их конец. Все возникает из небытия и уносится в бесконечность. Кто окинет взглядом столь необозримый путь? Это чудо постижимо только его творцу. И больше никому».

(перевод Э.Линецкой)

А теперь перекинем мостик к следующей цитате, приведя отрывок из книги «О литературе» апологета немецкой конкретной поэзии Х. Хайсенбютеля: «...среди всех вероятных комбинаций языка за тысячелетия его истории можно отыскать такую комбинацию, с помощью которой можно было бы оказать влияние на вибрацию всей языковой сети».

И вот, наконец, цитата из книги О.О.Розенберга «О мирозерцании современного буддизма на дальнем Востоке», почерпнутая мной в статье А.М.Пятигорского «О.О.Розенберг и проблема языка описания в буддологии»: «Вдумайтесь в нашу текущую жизнь; что она такое? <...> вы заметите тогда лишь поток всевозможных мыслей и чувств, различных воспоминаний, различных ощущений, то световых, то звуковых, то других. Все они переплетаются и бывают сложены то так, то иначе. Содержание вашей сознательной жизни меняется мгновенно, причем сами смены вы не замечаете, <...> вы не помните всего, вы не помните, когда вы начали жить, и возникает вопрос, имеем ли мы вообще право говорить о начале потока мыслей, чувств и ощущений <...> ведь такое

начало мы доказать не можем. Нужно ли предполагать, что поток нашей жизни имеет начало? <...> Не проще ли предположить, что мы не созданы, не имеем начала, а были всегда». И далее: «С точки зрения буддийской философии, все попытки объяснить начало сознательной жизни — Создателем ли, или механическим процессом — совершенно произвольны, <...> ибо... начала нет! Европейская же мысль настолько привыкла к вопросу о начале, что он кажется ей неизбежным. У буддийских народов мы видим обратное. Им совершенно непонятен сам наш вопрос о начале, о создании мира, о создании людей».

Звезды, мрак, светильник,
иллюзия, иней, пузырь на воде,
сон, молния и облако —
так надо смотреть на определенное.

Алмазная сутра

«112 путей Дзен»: «Смотри на чашку, не видя ни боков, ни материала. Через мгновение стань знающей».

Озарение! Теперь я знаю, кто я такой! Я — Пенелопа. Только в отличие от последней не я тку и распускаю ковер, а наоборот.

Вечно расплывающиеся, исчезающие пятна... Остановись, пятно!

Чай в сумерках. Телевизор за стенкой. Разношерстные клубки ощущений.

28

Рационалист всегда будет видеть в Обломове только неряху и размазю, он будет вызывать отвращение. На самом же деле — здесь конец логике, здесь чистая стихия абсурда. Тапочки вырастают до космического символа, а халат становится грандиознее, чем само мироздание. Вспомните слова патриарха о пальце, которым закрывается вся вселенная. То, что величественно в глазах обывателя, на поверку оказывается ничтожным и жалким, а жалкое и ничтожное — сутью мира. Обломов подобен водной глади, на которой отражается малейшее дуновение ветра, он (говоря я, сам поражаясь своей глупости) воистину дао-человек, — и поэтому не пригоден ни для какой деятельности. Такие люди, как Обломов, подобны пчелиной матке в улье, незримые для мира, они хранят его будущее, они соль земли.

Нет ничего прекраснее комнатной пыли! Это красноречивое свидетельство невозмутимого покоя.

Иногда ночью бывает так тихо, что жужжание мухи воспринимается, как рев мотоцикла, а шум, производимый скребущейся крысой, просто разрывает барабанные перепонки¹⁵.

Хорошо бы научиться рисовать звук. Однажды (чудом!) мне удалось нарисовать звук капли.

29

Что такое отечество? Родимое пятно?

Когда начинаешь смотреть на мир и на себя самого, как на бесконечную и бесцельную игру пятен, подобную солнечным бликам на воде, то, в сущности, безразлично, чем заниматься и что будет дальше.

Наконец-то я понял, что такое линия! Это кожа пятна.

30

Прекрасное всегда непременно валяется где-нибудь в темном углу, как ненужный хлам. Так уж оно устроено. Прекрасное в отличие от полезного не имеет никакой цены¹⁶. Кто бы стал платить за мыльные пузыри или морскую пену?

Трудно быть объективным, но субъективным быть еще сложнее, для этого надо похоронить все авторитеты, в том числе и собственный.

31

Похмелье — идеальное состояние для созерцания пятен. Лежишь целый день с закрытыми глазами и видишь бесконечную игру света. В конце концов так увлекаешься этим зрелищем, что вступаешь с пятнами в какие-то необъяснимые контакты и вдруг оказываешься уже среди них, сам становишься пятном... Паришь в метапространстве и слышишь странную музыку (звон кровеносных сосудов?). Или перед глазами плывут меняющиеся узоры, орнаменты. Живопись должна стать музыкой.

Принципиально иные картины, где краски и формы беспрестанно претерпевают метаморфозы; картины будут жить, как цветы, птицы, облака.

Иероглиф ближе к пятну, чем буква. Недаром он рисуется кистью. Если кончик кисти плотно прижать к бумаге, он обратится в круг. Солнце? Не потому ли китайцы и японцы глубже, чем европейцы, проникли в тайну Природы¹⁷. Они овладели языком пятен. А мы только скальпы снимаем с последних. Мы воинственные ирокезы, на наших телах священная татуировка «Капитала».

32

Прочитал последнюю запись и вдруг вспомнил о японском флаге. Ведь там круг, красный круг на белом фоне...

Деревья стали совсем бесплотными. Скоро их души улетят вслед за птицами, а мы, люди, снова погрузимся в белое ослепительное небытие. Север. Смерть.

А. И. Веселовский (1870): «Не ограничено ли поэтическое творчество известными определенными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколение приняло от предыдущего, а это от третьего, которых первообразы мы неизбежно встретим в эпической старине и далее, на степени мифа, в конкретных определениях первобытного слова? Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над исстари завещанными образами, обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых и только наполняя их тем новым пониманием жизни, которое собственно и составляет прогресс перед прошлым?»

33

Относительно нового понимания жизни довольно оригинально, на мой взгляд, высказался Рассел, процитировав У. Джеймса в своей фундаментальной «Истории западной философии»: «Уильям Джеймс описывает человека, который испытал действие веселящего газа; всякий раз, когда он находился под воздействием этого газа, он знал тайну вселенной, но когда приходил в себя, то забывал ее. Наконец ему удалось путем огромного усилия записать эту тайну до того, как видения исчезли. Совершенно очнувшись, он бросился посмотреть то, что записал. Это было: “Повсюду пахнет нефтью”».

Юм комментирует это следующим образом: «Всякое вероятное рассуждение не что иное, как род чувствования. Не только в поэзии и музыке, но и в философии мы должны следовать своему вкусу и чувству. Когда я убежден в каком-либо принципе, это значит только, что известная идея особенно сильно действует на меня. Когда я отдаю преимущество одной цепи аргументов перед другой, я только решаю на основании чувства, которая из них имеет более сильное влияние на меня. *Между объектами нет доступной нашему наблюдению необходимой связи*, и только при помощи действующей на воображение привычки, а не иного какого принципа можем мы вывести из существования одного объекта заключение о существовании другого».

Есть нечто, чего, может быть, и вовсе нет. Какое имеет значение, существует мир или не существует; пятна выведут меня на верную дорогу, это мои маяки в неопределенной ситуации человека. Прометей добыл у богов огонь, а я — пятно.

Когда ближние будут выпускать вам (в очередной раз?) кишки, то не бойтесь, ведь ваша кровь — только еще одно пятно на заплеванной исторической сцене¹⁸.

Я вне истории. Я сам по себе и сам вне себя. Мое бытие вершится в языке и смутных образах.

Романы о людях физического мира всегда казались мне фантастическими¹⁹. Кто-то ел, спал, говорил с полной уверенностью в достоверности своих действий и слов, будто мир это прочтенная книга, а человеку только и осталось, что есть,

спать, разговаривать, ходить на работу. Но самое потрясающее, что этими действиями у некоторых на самом деле исчерпывается вся жизнь.

Все, что было написано до этого и будет написано после, не имеет решительно никакого значения. Здесь нет преднамеренности и претензий. Это просто мое дыхание, зрачки, пальцы. Это вроде травинки. Это бесцельно, как облако. Это ничто.

Открыв для себя пятна, я утратил способность к версификаторству, т. е. не могу теперь сочинять стихи так, как делал это раньше. Может быть, пойти по пути Крученых и начать осваивать заумный язык.

Я хотел бы обращаться со словами столь же вольно, как с линией, которую могу вести в какую угодно сторону (не забывая о подобии). Слово должно быть податливым, как воск, оно должно плавиться и становиться прозрачным, незамутненным смыслом.

Японцы не считали самоубийство грехом, скорее наоборот, они посчитали бы грехом, если бы некто не совершил одного при определенном стечении событий. Во всяком случае они еще в XVII веке обучали детей самураев способам самоубийства: мальчиков — искусству харакири, девочек — как закалываться кинжалом. Кириллову надо было ехать в Японию, а не торчать на своем...

34

Принес домой крохотную книжку Казимира Малевича «Бог не скинут» (Витебск, 1922), а когда собрался читать ее, вдруг уснул. Проснувшись, увидел на стене светящийся прямоугольник, это солнце заходило за крышу соседнего дома. В прямоугольнике бегали тени (ветви деревьев), он становился все меньше и меньше, пока не стал светящейся линией. Потом замерцала точка, потом все исчезло, и я увидел стену. Стена.

Господи! как надоели стены, окна и потолки. Дай мне, Господи, раствориться, дай мне, Господи, перестать.

35

Только что прочел в довольно скучной книге Н. Т. Федоренко «Краски времени» (Черты японского искусства) интересную цитату из рассказа Чехова «Дома», где говорится о семилетнем мальчике: «Он находил возможным и разумным рисовать людей выше домов, передавать карандашом, кроме предметов, и свои ощущения. Так, звуки оркестра он изображал в виде *сферических дымчатых пятен*, свист — в виде спиральной нити... В его понятии звук тесно соприкасался с формой и цветом, так что, раскрашивая буквы, он всякий раз звук Л красил в желтый цвет, М — в красный, А — в черный, и т.д.»²⁰

Творчество детей — всегда магия, тем не менее их рисунки можно смело помещать рядом с иконами. Дети учатся рисовать в галерее крокодилов Кайп-Йорка.

Вряд ли Малевич читал «Алмазную сутру», скорее Малевич читал Федорова, но «Алмазная сутра» прочла Малевича, иначе, что могут означать слова: «Итак, в конечном итоге, все человеческие смыслы, ведущие к смыслу, Богу, увенчаются несмыслием, отсюда Бог — не смысл, а несмысл. Его несмыслие и нужно видеть в абсолюте, конечном пределе, как беспредметное. Достигать же Бога где-то в пространствах неба действительно не нужно — ибо Он находится в каждом нашем смысле, ибо *каждый наш смысл в то же время и несмысл*».

Я все больше проникаюсь убеждением (без каких бы то ни было на то оснований), что Федоров, Малевич и Платонов — из одной и той же колоды (хотя и разной масти). Мы даже еще не отдаем себе отчета, каких духовных высот достигли эти люди.

Сегодня — какая низость!

36

Относительно закона сродства мыслей высказался и любезнейший моему сердцу князь В. Ф. Одоевский («Саламандра»):

— «Верь, молодой человек, что вокруг каждой мысли, каждого чувства, каждого слова и дела образуется очарованный круг, которому невольно подчиняются попавшие в него менее мощные мысли, чувства и дела; эта истина современна миру; грубая эмблема ее сохранилась в тех очарованных кругах, которыми очерчивают себя сказочные волхвы».

Я строю круги из цитат.

За год до смерти Пушкина Одоевский писал (черновик «Сильфиды»): «...ты не можешь себе представить, какое страдание для мысли эта темница ваших слов, звуков, красок, — вы думаете, что производите; вы только заключаете живое воздушное существо в мертвенную оболочку, — оно терзается, оно рыдает в ваших звуках, а вы радуется и хвалите искусство тюремщика».

И сегодня же прочел в паршивой книжке Федоренко: «Тюрьма — вот то, что вызывает естественную ненависть человеческого существа». — Го Си (1020–1090), трактат о пейзажной живописи «О любви к лесам и источникам».

И разве не жажда красоты и свободы двигала рукой Крученых, когда он писал в книге «Тайные пороки академиков» (1916): «всего “Евгения Онегина” можно выразить в двух строчках:

ени — вони
се — и — тся».

37

Достаточно нашей температуре повыситься, как мир предстает в ином свете. Об этом писал Достоевский. Мы переменные величины, мы просто всполю-

хи неопределенного. Человек создал сам себе границы, никто и никогда не ограничивал его. Мы, действительно, боимся свободы, поэтому не летаем. Мы накачиваем мир смыслом, расходует на это все физические и духовные силы, но взамен не получаем ничего, кроме грубого знания, обрекающего нас на промашленное рабство. Мы слепо доверились машине и проиграли Вселенную. Не плазменный двигатель, а сгорающая дотла мысль даст человеку возможности порвать путы земного притяжения. Ты сам!

Наскальные изображения давно стали живыми: то они различимы, то нет; весной — светлеют, зимой — темнеют. Проследить контуры некоторых из них удается только с помощью языка. — Соль каменного века!

38

Есть только одна реальность, имя которой Бог. После этого открытия человеку уже больше не страшно, он выходит за свои пределы, он уже больше не человек. Поэтому искусство таких «людей» обрастает горами комментариев, за которыми в конце концов скрываются сияющие облака самих произведений, и читателю приходится карабкаться на скалы, чтобы увидеть их. Так длится до тех пор, пока не приходит некто (например, Бахтин) и взрывает искусственную преграду, закладывая таким образом краеугольный камень следующего горного хребта. Поэтому счастлив читатель, открывающий самостоятельно нового гения, еще не прикованного к пьедесталу путами традиции. Он может в одиночестве плавать на облаке его сочинений. Но есть и другой путь. Старых писателей следует читать так, как если бы они не были старыми, а только что напечатанными и никому неизвестными авторами и интерпретировать их творчество, пытаться не ориентироваться на сложившиеся оценки. Человеку приходится драться за свободу не только на баррикадах, но и сидя в кресле за книгой²¹. И кто знает, какая борьба отчаянней!

Я люблю читать автора том за томом, постепенно входя в раскаленное логово его сознания. Тогда настолько пропитываешься его мыслями, что уже начинаешь понимать, почему именно из этой головы вырос цветок именно этой, а не другой книги. Писатель либо становится близким человеком, либо врагом. Дружба с мертвыми меня почему-то всегда привлекала больше, чем времяпрепровождение с живыми. У подавляющего числа последних так подозрительно заострены носы...²²

39

ИВАН. — Разве эта аббревиатура никогда не поражала ваше воображение?

— Сыграем в прятки, — увидев звезду,

Сказали ей облака.

.....

— Сыграем в прятки, — сказал я себе

И погрузился в сон.

Уолтер Де ла Мэр

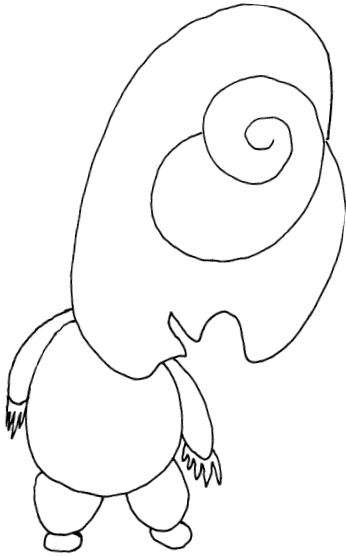
Один из персонажей драмы Лескова «Расточитель» говорил буквально следующее: «Мне один человек на Неве на перевозе сказывал: Видишь, говорит, молодец, перед художеств академией две каменные собаки в колпаках лежат? Это, говорит, не собаки, а свинтусы. Из города Фив, из Египта их привезли; с тем говорит их и привезли, что пока в этих свинтусах живое сердце не затрепещется, до тех пор чтоб ш-ша! чтоб ничему, значит, настоящему не быть, а будет все только как для виду».

40

Достичь подлинности.

Согласно одной из отвергнутых ныне гипотез о генезисе творческой деятельности, приложив руку к камню и обведя ее краской, древний человек положил начало искусству палеолита; все последующие 400 веков культура потратила на эту же операцию, и только теперь мы смутно начинаем понимать, что²³ — —

Сентябрь – октябрь 1978

Дополнение

Но длинный хвост неясных дополнений
следует за первоначальным ядром,
порой закрывая его.

Велимир Хлебников

I

ВЕЛИКИЙ НАСТАВНИК СЫМА

Как-то ночью великий наставник Сыма сидел с Се Цзин-чжуном в своих покоех. Небеса и луна были ясны и чисты — без единого пятнышка.

— Какая красота! — сказал Сыма и вздохнул в восхищении.

— А по мне, — возразил Се Цзин-чжун, — куда красивей кружева из мелких облаков.

На что наставник заметил шуточно:

— Видать, на душе у вас не все чисто, если хочется запятнать такую великую чистоту.

Лю И-цин. «Ходячие толки в новом пересказе»

II

¹ По свидетельству А. С. Липавского, проблема пятен весьма занимала поэта Н. М. Олейникова:

«Н. М. считал себя знатоком внутреннего эндоптического зрения. Его занимало, что делается у него в глазу. Он наблюдал пятна или помутнения, искры и волокна. Пятна плывут группой медленно к границе поля зрения, пока не пропадают. Искры совершают непрерывное движение, как туча мошек вечером перед хорошей погодой. Волокна крупны, они бледны и неподвижны. Есть еще другие волокна, крупнозернистые, они похожи на водоросли или морские животные.

Н. М. на основании различия движений этих телец и их размеров (он вычислил их), устанавливает, что видит человек в своем глазу. Он считает также, что пятна находятся довольно далеко от дна глаза, это сгустки в стекловидном теле, они поворачиваются вместе с глазом и уплывают из-за стремления уловить их в центр зрения. Искры или светлые точки, наоборот, обладают самостоятельным движением».

«Разговоры», 1933–1934

² Ср. следующий отрывок: «— — — именно 5 числа этого месяца я дошел до мысли о фонетических пятнах.

«Я имел в виду — сначала! — стык букв (звуков — ну конечно же!) в строке, а потом перешел к думанию о живописи...

«эти пятна не только взрываются —

«но взрываются — — — фонетически, т. е. живописное пятно

— узел на линии, — звучит на холсте.

«А потом, не имея под рукой ничего пишущего и обреченный ехать в течение 40 минут постороннего времени до места со столом, бумагой и карандашами, — я, повторяя, чтобы не забыть: «фонетические пятна, фонетические пятна — — — 7 раз...», — добрал (шагами) до мысли о фонетических столкновениях в музыке — — — »

(Владимир Эрль. «Вчера, послезавтра и послезавтра», II, ф. 8)

Ср. также цитату из А. Е. Крученых (ф. 13).

³ Ср.: «Лишь тень этих слов...»
(из песни А. Хвостенко)

⁴ Ср. у Хлебникова: «О, погреб памяти!»
(«Жуть лесная», 1914)

⁵ Так, Поль Валери писал («Мои театры», 1942): «Быть может, однажды удастся вынести на экран само нутро героя, как уже показывают, мне кажется, внутренности насекомых. Человек, таким образом, приобрел бы точное и, возможно, достаточно мрачное представление о себе. Природа лишила его знания собственного организма, в который он проник, как взломщик». — Фильм «Вудсток» (1970 год) начинается движением по экрану снятых через микроскоп микроорганизмов.

⁶ Почти как у Беккета — «Unnamable»!

⁷ Вариант: скелет — это тоже чертеж.

⁸ Не могу удержаться здесь от того, чтобы не привести интереснейший факт из истории литературы: Пегги Гугенхайм называла Обломовым Беккета. Ср. у Беккета: «Апатия — самая сильная страсть».

⁹

Лишь золотые трупики веток
Мечутся дико и тянутся к людям:
«Не надо делений, не надо меток,
Вы были нами, мы вами будем».
В. Хлебников.
«Шествие осеней Пятигорска»

¹⁰ «Теперь я спрашиваю, какова молитва отрешенного сердца? На это я отвечаю следующее: отрешенность и чистота вообще не может молиться, ибо кто молится, тот хочет чего-либо от Бога, что было бы дано ему или отнято от него. Но отрешенное сердце не хочет ничего и не имеет ничего, от чего хотело бы освободиться. Поэтому оно пребывает свободным от молитвы, и молитва его состоит лишь в том, чтобы уподобиться Богу».

Мейстер Экхарт

¹¹ См. также небольшую повесть Григория Остера «Петька-микроб» (Мурзилка. 1976. № 12).

¹² В статье «Великие кануны» (1909) Лев Шестов писал: «Значит, прежде всего поставить вопрос: действительно ли научное знание совершенно, или, быть

может, оно несовершенно и в силу этого должно уступить ныне занимаемое им почетное место иному знанию. Это, по-видимому, самый главный вопрос теории познания, и этого вопроса она никогда не ставит. Она хочет прославлять существующую науку, она была, есть и, верно, долго еще будет апологетикой...»

Ср.: «Ведь если гипотезы — это лишь последовательно сменяющиеся друг друга догадки, а не истинное познание природы в каком-то безусловном и строгом смысле, то открытия, сделанные с помощью этих догадок, может быть, надо интерпретировать тоже не как шаги по пути познания, а лишь как последовательное и все более глубокое овладение природой.

История культур дает сколько угодно примеров серьезного овладения природой, достигнутых на основании крайне сомнительных, с современной точки зрения, теоретических построений. Возьмем тех же йогов. Их блестящие достижения можно рассматривать как подтвержденные практикой. И все же современная наука не может признать, что философия йоги и разработанная ею система «удержания материи мысли от завихрений» — это шаг, приближающий нас к истине. А культура древнего Египта? Ее удивительные технические достижения стимулировались уже совсем странными представлениями.

Не лучше ли быть осторожными и приписывать тому, что мы называем научными открытиями, лишь статус овладения природой? Теории могут стимулировать процесс овладения природой в большей или меньшей степени. И это может быть мерой эвристической силы теории. Но почему это одновременно должно быть и мерой познавательной силы? Кстати, и совсем не просто определить или хотя бы разъяснить, что есть истинное познание. Отказавшись от религиозных представлений, не приписываем ли мы человеку то, что раньше так естественно приписывалось демиургу — творцу миров? Если уж стоять на позициях эволюционного развития, то разумней будет предположить, что этот процесс происходил из стремления покорить природу, а не из стремления ее познать. Но может быть, овладение природой и надо назвать познанием (поскольку мы не можем сказать, какой смысл надо вложить в представление об истинном познании), и тогда все споры прекращаются. И все же ученые уверены в познавательной силе науки. Эта уверенность — просто одна из составляющих парадигмы нашей науки. Вопрос «почему уверены?» относится к числу запрещенных в рамках этой парадигмы. Философия науки попыталась нарушить правила хорошего тона, поставив этот вопрос, но убедительного ответа дать не смогла».

*(В.В.Налимов. Что есть истина. —
«Химия и жизнь». 1978. № 1)*

Теперь нам не остается ничего другого, как привести цитату из гениальной поэмы Александра Введенского «Кругом возможно Бог», написанной в 1931 году (хотя, по вашему глубокому убеждению, это сочинение принадлежит уже *другому* тысячелетию:

Горит бессмыслицы звезда,
она одна без дна.

¹³ Леонид Аронзон в тексте «Ночью пришло письмо от дяди» (1970?) обронил фразу — «Стирательная резинка вечности...»

¹⁴ Иконографический материал к вышеприведенному описанию насекомого желющие могут найти на с. 20 журнала «Химия и жизнь» (1978. № 12), где помещена микрорентгенограмма комнатной мухи.

¹⁵ Ср. у Хлебникова: «Ты знал свисты грозы, ведал ревы мышей...» («Сердца прозрачней, чем сосуд», 1912).

Также мы отсылаем читателя к замечательному фрагменту из «Гюлистана» Саади, приведенному в книге Л. Богданова «1974 год» (фрагмент заимствован Л. Б. из книги С. И. Уманца «Очерк развития религиозно-философской школы в исламе». СПб., 1890).

¹⁶ В комментариях к стихотворению «Тайной вечера глаз...» Н. Харджиев приводит следующий отрывок из неопубликованных воспоминаний Амф. Решетова: «...Я зашел (в начале 1922 года.—Б. В.) за материалами для второго номера "Маковца". Хлебников выволок из-под кровати картофельный мешок, набитый рукописями, и тихо предложил выбрать. Мешок был набит листками, исписанными почерком Хлебникова. Я вынул наудачу несколько разрозненных листков, лежащих сверху. Они были формата почтовой бумаги, с оборванным левым краем, видимо вырванной из тетради. Всего было семь листов, исписанных с двух сторон, они содержали 278 стихов. Стихотворения были пронумерованы. На вынутых листках были номера: 5, 6, 7, 8, 9, 18, 19 и 20. Перед первым стихотворением, помеченным № 5, три строки предыдущего стихотворения. Недостающих листков я в мешке не нашел».

(Велимир Хлебников. Неизданные произведения. М., 1940)

Из письма К. С. Малевича к М. В. Матюшину от 23 июня 1916 года: «Лето пройдет и настанет осень, и я должен оставить свой труд и готовиться учиться убивать. Я уже теперь начинаю волноваться о моих работах, куда и что и как распорядиться ими. Хочется избавить их от лежания на великом чердаке. Но не знаю еще, что придумать. Война прошла уже давно, теперь ужас, кошмар впился в бодрый разум. То, что делается теперь, не похоже на войну. Это бешенство мозга человеческого. Мозг вырывает сам себя из мяса черепа, убегает в землю, обезумев.

Когда исчерпается весь возраст, не будет фона старого для молодых ростков разума, он будет невидим расти. Но кто из нас останется, чтобы снять с чердака то молодое наше теперь и покажет молодому ростку? Кто оставит книгу новых законов наших таблиц? Видите, книги еще нет у нас. А она нужна, необходима. Книга — это маленькая история нашего искусства. Новое Евангелие в искусстве. Книга — сумма наших дней, *ключ, затворивший наши мысли в нас.*

Подобно Христу, заключившему себя в эту книгу тысячелетий, без этой книги заперты бы были ворота к небу.

Но мы отпираем другое, мы раскроем на земле то, что не раскроется в небе. Христос раскрыл на земле небо, создав конец пространства, установил два предела, два полюса, где бы они ни были — в себе или «там». Мы же пойдем мимо тысячи полюсов, как пройдем по миллиардам песчинок на берегу моря, реки. Пространство больше неба, сильнее, могучее, и наша новая книга — учение о пространстве пустыни».

*(Ежегодник рукописного отдела
Пушкинского дома на 1974 год)*

¹⁷ В книге Л. А. Еремеева «Французский “новый роман”» (Киев, 1974) нами была обнаружена следующая весьма примечательная во многих отношениях цитата: «Позволю себе повторить цитату, которую Н. Федоренко берет из книги Э. В. Уотса «Путь дзэн»: “Мы представляем себе мир в абстрактном, не одновременном переводе, тогда как на самом деле в мире все происходит сразу, одновременно, и конкретное существование вселенной не поддается описанию нашим логическим языком. Точное описание даже горстки пыли при таком способе потребовало бы невероятно много времени. Линейный, неодновременный характер речи и мышления — особенно заметен во всех тех языках, которые пользуются алфавитом и выражают свой опыт длинной цепочкой букв”». — Н. Федоренке. Мастерство писателя и его интерпретация (Иностранная литература. 1971, № 9. С. 214).

¹⁸ «Не стоит философствовать, — уклонился неизвестный поэт, — мы давно, я искусственно, вы — литературно, пережили гибель, и никакая гибель нас не удивит. Интеллигентный человек духовно живет не в одной стране, а во многих, не в одной эпохе, а во многих, и может избрать любую гибель, он не грустит, а ему просто скучно, когда его гибель застает дома, он только промчит: — еще раз с тобой встретился, — и ему станет смешно». И далее: «Я предполагаю написать поэму, — говорил неизвестный поэт (когда видение рассеялось): в городе свирепствует метафизическая чума; синьоры избирают греческие имена и уходят в замок. Там они проводят время в изучении наук, в музыке, в созидании поэтических, живописных и скульптурных произведений. Но они знают, что они осуждены, что готовится последний штурм замка. Синьоры знают, что им не победить; они спускаются в подземелье, складывают в нем свои лучезарные изображения для будущих поколений и выходят на верную гибель, на осмеяние, на бесславную смерть, ибо иной смерти для них сейчас не существует».

*(Константин Вагинов.
Козлиная песнь. Л., 1928)*

¹⁹ В 1934 году А. Введенский говорил (запись Л. С. Липавского): «Сомнительность, неукладываемость в наши логические рамки есть в самой жизни.

И мне непонятно, как могли возникнуть такие фантастические, имеющие точные законы мира, совсем не похожие на настоящую жизнь. Например, заседание. Или, скажем, роман. В романе описывается жизнь, там будто бы течет время, но оно не имеет ничего общего с настоящим временем, там нет смены дня и ночи, вспоминают легко чуть не всю жизнь, тогда как на самом деле вряд ли можно вспомнить и вчерашний день. Да и всякое описание неверно. “Человек сидит, у него корабль над головой” все же наверное правильнее, чем «человек сидит и читает книгу».

²⁰ Ту же цитату, что и Н.Т. Федоренко (о, как мы его любим!), приводит В.Р. Кабо в статье «Синкретизм первобытного искусства», входящей в состав сборника «Ранние формы искусства» (Искусство, 1978), который в один год с книгой «Краски времени» выпустило одно и то же издательство. Или как было сказано В. Хлебниковым в 1912 году (почти 22 века спустя после смерти автора знаменитой притчи о бабочке):

Кто узнает, кто поведает,
Что о чем во сне беседует.
«Суд над старым годом»

²¹ В рассказе «Пьер Менар, автор Дон-Кихота» блистательный Борхес писал: «Менар (возможно, не желая того) обогатил неясное и рудиментарное искусство чтения средствами новой техники: техники сознательного анахронизма и ошибочных атрибуций. Эта техника с необозримым полем применения предлагает нам читать “Одиссею” так, как если бы она была написана позже “Энеиды”, и книгу “Сад кентавра” мадам Анри Башелье так, как если бы она была написана мадам Анри Башелье. Эта техника наделяет самые мирные книги возможностями для авантюры».

Одним из гениальнейших читателей прошлого столетия был М. Е. Салтыков-Щедрин, который придал космосу русской литературы окончательную (строгую!) цельность, создав ряд изумительных по красоте и точности металлических конструкций.

²² Петя Перов (мальчик 1 года). Нос острый, но все-таки нож или бритвы еще быстрее.

(А. Введенский. «Елка у Ивановых»)

²³ «Поясняющая мысль. Казалось бы, что тут продолжать, когда все умерли, что тут продолжать. Это каждому ясно. Но не забудь, тут не три человека действуют. Не они едут в карете, не они спорят, не они сидят на крыше. Быть может, три льва, три тапира, три аиста, три буквы, три числа. Что нам их смерть, для чего им их смерть».

*(А. Введенский.
«Некоторое количество разговоров»)*

III

— В заключение мы хотели бы привести здесь свой собственный очерк, написанный одновременно с комментируемой книгой и имеющий к ней, по нашему мнению, самое непосредственное отношение.

ЗАХАР

Один мой приятель интерпретировал совокупление как высший акт передачи информации. Конечно, литератор не способен на такую компактность, хотя японцы, например, добились весьма значительных результатов, но им тоже еще очень далеко до Природы. С другой стороны, если бы мы могли получить истину, прочитав некий миниатюрный текст в четверть ладони, то на что употребили бы тогда остаток наших дней? Не лучше ли неведение? Человек, постигающий Вселенную, пребывает в ее лоне и не помышляя о возможности выхода за пределы, но человек, постигший Вселенную, пребывает уже за ее пределами. Литература призвана подвести человека к этой зыбкой границе знания и веры, она стремится раскрепостить сознание от сиюминутной догматики и продемонстрировать ему перетекающие друг в друга формы. Надо воспарить над потоком, увидеть текущую воду и свое переливающееся тело. Литература всегда аморальна: ее пафос не укладывается в узкие рамки человеческого воспитания, ее цель поистине грандиозна, ибо в самом существе своем литература бесцельна. В силу этого бесчисленные ее потоки могут быть легко включены в те или иные схемы, которые сами, в свою очередь, рано или поздно становятся *литературой*. Может быть, вообще существует только один бесконечный бессвязный текст, а карманный фонарик человеческого сознания, носимый по его далям и весям таинственной стихией мифа, лишь выхватывает из безграничного сочинения Природы разрозненные фрагменты (цитаты?) и пытается связать их воедино, стремясь к созданию универсального светового пятна, «во всем подобного» всему остальному неосвещенному пространству. Видимо, поэтому наш смысл не имеет никакого отношения ко Вселенной, это просто некое приспособление, вроде костылей, с помощью которого колченогое человечество устало плетется по дорогам вымышленного детерминированного мира, придавая непомерную значимость своему существованию в космосе и принимая последний за кроткого слугу, привыкшего сносить за долгие годы службы и беспричинную сечь и оплеухи хозяина.

Уже не скептицизм, явившейся здоровой реакцией на эпоху Просвещения, а глубочайший пессимизм подтачивает основы человеческих сообществ. Мы вступили в эру разочарований, когда наполненные положительным смыслом слова «наука», «цивилизация», «прогресс» утрачивают не только некогда при-

сущую им положительность, но и сам смысл. Даже великое слово «культура» начинает подозрительно быстро обрастать множеством эпитетов... Сумрачному воображению людей переходной эпохи грезятся скифские могильные курганы и некий ежемесячный журнал одного процветающего дальневосточного государства...

Улыбка становится символом нового мира, безудержное счастье озаряет лица его строителей! Знающие смысл вещей, они твердо ступают по земле, все тверже с каждой минутой, все тверже и тверже. Что же может противостоять этому железному натиску логического абсурда? Да ничто! Просто будут плыть облака по небу, распускаться цветы, и в один прекрасный день Илья Ильич Обломов крикнет, приставив к губам черную воронку вселенной: Захар!

Январь 1979

Точка в виде запятой

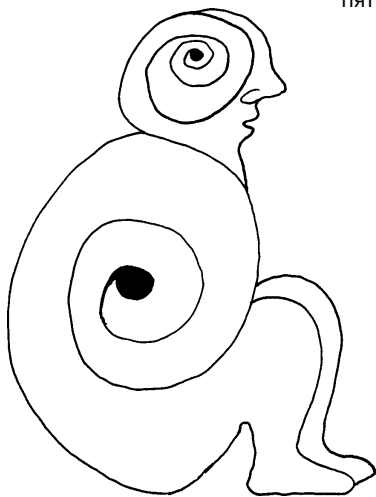
(партитура)

Лидочка. Поверьте, папенька, все, что лучшего делается, — сам не знаешь, как делается.

А.В.Сухово-Кобылин. Дело.

И будь я проклят, если по его морщинистой желтой щеке не скатилась слеза. В последнее время он часто плакал: ведь конец был уже близок, а он успел написать всего лишь пятьдесят три бредовые книги.

Г. Уэллс. Потерянное наследство.

Введение

I

Было это лет сто сотен тому назад. Я тогда жил на камне напротив см. Эта см ничем не выделялась среди своих сестер, то же белое поношенное платье, тонюсенькие косички с бантиками и портфель из чьей-то рожи. Она ходила кругами и ела. Я был немец. Полые люди мерцали вокруг нас и курили душистые ненцовские сигары. По небу летали цеппелины, а где-то в кустах стрекотала гавайская гетера. Впрочем, этого никогда не было. Ни того, ни этого никогда не было. Доктор, у меня язык во рту распух и воняет. Он, доктор, шевелится и в кольцо хочет согнуться — инсульт. (А почему волосы под мышками? На заднице?) Доктор шершавый глотку дерет. До крови. Она горлом хлещет во сне, и две мышки в мозгу живут (одна из них кошка). Нет ли у вас чего-нибудь успокоительного вроде капель или ножа с костяной ручкой? Тетки какой? Вот пальцы на ногах выросли, правда, посмотрите. Видите, целых семь штук. Я так всегда поступаю, когда опять надо умирать, какой-нибудь новый орган выращиваю или член речи (т.е. язык). Только непонятно, откуда что берется. Эволюция, эволюция, талдычат как свиньи, а сами ничего толком объяснить не могут, только притворяются. Так что с языком будем делать, доктор? Давайте отнимем. Мочи моей больше нет его терпеть, да и больно он на червя похож. Такой же мокрый и антропоморфный. И кишки еще вибрируют. Нет, мы все-таки наверное газообразные, а не кишечнополостные. Лежу в изоляторе без языка (его увели на допрос), а мне горячий картофель в рот кидают как в баскетболе при Петре I. Я совсем оглох от овощей. Просто стыдно жить. Аргументы.

II

Валентина вытащила три гвоздя из левой ягодицы и поцеловала Рахметова в зобик, написал он, и содрогнулся. Где-то в Вилкойске. Да еще и энтомолог. Зачем ввязываться в эту затянувшуюся историю. Лучше просто перечислить: коробка с гуашью, на ней металлическая коробка из-под чая с перьями (он говорит, что скоро перья больше не будут выпускать и надо делать запасы, которые пригодятся в третьем тысячелетии), 11 банок с останками туши, черный пластмассовый стакан с карандашами и вставочками, коробка картонная пустая, на ней лежит грязный и рваный блокнот, настольная лампа стоит на книге Астуриаса «Легенды Гватемалы» (во французском издании предисловие Поля Валери), под легендами — том избранных сочинений Ник. Филип. Павлова (супруга), а также «Пособие по русскому языку для поступающих в вузы» и книга «Логические ошибки». Все это лежит на подоконнике и покрыто основательным слоем пыли.

Еще можно проделывать в буквах отверстия и через них подглядывать за буквами на другой странице. Глазок («Волчок») — как в тюрьме или фотоаппарате. Или подглядывать за самим собой, фиксируя внимание на «интимных» ритуалах — вроде чистки носа, когда извлекаемые частицы подвергаются ес-

тествоиспытателем тщательнейшему рассмотрению. В это мгновение человек столь серьезен и поглощен собой, что даже становится симпатичным, как муравей или корова. Физиология разума.

Еще очень интересное состояние для естествоиспытателя, когда никак не кончится. Несмотря на все ухищрения финал первой симфонии П. И. (3, 14?) не звучит... Тогда, устав от бесконечных манипуляций и начиная осознавать тщету дальнейших усилий, один из натуралистов предательски снижает темп, в то время как другой продолжает опыты с тем же пылом и увлеченностью, что и в начале эксперимента. А если опыты слишком долго не производить, то, наоборот, преждевременное достижение финала может вызвать негодование у коллеги по Монтеню. Мелочи ахинеиской жизни.

В размышлениях проходит три года, кошка в мозгу приносит многочисленное потомство. Павлов при помощи третьей сигнальной системы умиряет крестьян в поместье. Кругом незабудки и людиги. Парнокопытное парно.

Еду обратно к см. Она (см) такая как и всегда и в том же роде. Это неудивительно.

Это.

31 января того года открыл основной закон восприятия: ЧЕМ МЕНЬШЕ СХОДСТВА, ТЕМ БОЛЬШЕ ПОДОБИЯ. Т. е. недетализированное изображение передает гораздо больше информации чем.

Ключ к тайне символа.

Ноль.

0

На стуле сидела фигура человека, она была голодна, несмотря на кимоно и запятую. Га!

III

По-моему, это совершенно неважно, какие там слова и буквы, интерес определяется только авторским пульсом. Космические прописи. Сейчас можно сбиться на фрагментарность, а потом утонуть в романе, а потом...

Вот тетрадь, вот ручка, вот сопящее животное я — три действующих лица водевиля «Из пустого в порожнее». А потом мы все станем даосом и поставим точку в виде запятой.

После лекций мы пили кофе с пирожком за 26. Четверной стоил 14 копеек, и было очень удобно выбивать чек в кассе-автомате — сорок коп. Две монетки по двадцать, или две по пятнадцать и десять, или четыре по десять, или сорок по копейке, или рубль... Да. А потом курили в саду, а если встречали знакомых, то и пили. Но зачем перечислять события имевшие место в «действительности», не лучше ли творить действительность заново (а ля Сологуб) и самостоятельно, не взирая на потускневшие лица бывших?

Как это ни странно, филологи (а тем паче искусствоведы) — в подавляющем большинстве — ужасные гады, особенно бабы. Язык подвешен и работает непрерывно, глаза круглые как у сойки. Тарахтение. Но самое противное — пафос. Кадык прыгает, на лбу непокорная прядь (вспомним глухие и звонкие согласные!), в глазах пиротехнический огонь вдохновения.

А в саду между скамеек бродили голуби и маленькая зеленая дева смеялась нарочито громко, пытаясь привлечь к себе внимание окружающих. Но никто не слышал.

А потом я лежал высоко-высоко, по крышам гремел дождь, мулатка курила черную трубку.

А потом всех нас сожгли, и урны зарыли в землю.

Вино закусывали сухариками. Солеными. Сначала слушали цыган, позже — чехов, теперь — одиночество. Плясали. Врывалась мать хозяина. Красные щеки. Вы что с ума сошли?! Нет, тогда мы были вполне нормальными. Истинное безумие бесшумно. На дрянной машинке печатали. Пытался отрастить бороду. Не выросла! С горя уехал на юг, чуть не попал под грузинскую «волгу». На бляже ко мне обратилась прядь: молодой человек, бросьте камушек, выбил ей глаз для симметрии. Сим-сим. Синг-синг.

Он был не высок, но величав, когда, распластав по воздуху ослепительную шевелюру, возвращался, колыхаясь, в родное логово. Мать настаивала на обильном ужине (она пережила блокаду), и посему возникали скандалы. Утром начиналась русская церемония — сдача бутылок. Бабка добавляла рубль, около полудня первая толика портвейна орошала иссохшее русло пищевода.

Тогда на Петроградской стороне жили очень милые наркоманы. «Они были первыми». Я помню какой-то праздник и блаженно улыбающегося детину с литровой бутылкой молока в оттопыренном кармане. Бабки на скамеечке смеялись (тогда еще не секли). А один из них исчертил химическими формулами лестничные площадки, проектируя получение опия из геморройных свечей.

Вообще десять лет назад все было иначе. До одиннадцати и 0.5.

Жаркий день. Мы пьем с утра, в садике (за кустами, у стены). Молодой человек с благородным лицом и филигранно выточенным лбом отчаянно лжет, рассказывая довольно дешевую историю о брате-разведчике, погибшем в горах Швейцарии в автомобильной катастрофе, папе-генерале и спецдоме со швейцаром в подъезде. Другой, люмпен-пролетарий, цитирует Рамакришну и гадает желающим по руке. К вечеру вслед за самшитовой тростью возникают сразу три буквы К.

Ходили на выставку «Русского эстампа»; все хотели достать каталог. Там был портрет Заэфратского.

Я не знаю, зачем это пишу. Это, наверное, никому не интересно. Даже мне самому. Но такова эпоха. Чем мрачнее нравы, тем скучнее существование.

В длинном коридоре старцы здоровались, протягивая друг другу иссохшие желтые ручки и шушукались. (Шушенское?)

Они были доценты и даже как будто бессмертны. Губы у них подозрительно пуцовели.

В садик вбежал лилипут с перочинным ножиком, приставил его к моей сонной артерии и завизжал: ну что, падла, скоро подохнешь. Так этот христианин здоровался. Вся его речь состояла из безостановочного повторения слова «пиздец», изредка прерываемого рыданиями и молитвой. Все жестокие люди как правило сентиментальны. Этот богофил целовал иконы с таким пылом, что на них облупливалась краска. Часто-часто крестил рот, когда зевал. То была какая-то ходячая пародия на веру. Марки и монастыри. Блаватская и Бренчанинов. Не было ничего такого великого или малого, чем бы сия бездна могла поперхнуться, подобно Расплюеву или технократу лилипут мог вместить все: дзэн, порнографию, коммунизм. Это дух тьмы в оболочке человеческой пошлости.

Художник, еще юный, но уже похожий на гориллу сюрреалист, пил портвейн с оглоблей-фарцовщиком. Они пели по-немецки одну и ту же фразу: дойчлянд, дойчлянд йюбер аллес. Потом горилла стащила с себя рубашку и заявила, что она йог. Она стала кувыркатся (кататься) по грязному полу котельной, норовя покрепче стукнуться черепом о бетон. Стаканы подпрыгивали на столе, заливая вахтенный журнал. Потом горилла надела рубашку и начала бить стекла...

Экспозиция кислых щей.

Нынешние молодые динозавры, похоже, вылеплены из пластилина, а не из глины. Никакой Бог их не обжигал.

Тощая шея, плохо выбритый подбородок, отчаянно острые колени, очки. Мы ходили по улицам под дождем. Потом, не сговариваясь, вытащили по рублю, купили бутылку и пошли на лестницу. Сидели на подоконнике (Н.Ф.Павлова там почему-то уже не было), за окном простиралась тьма времен.

В то же время Он требует от меня невозможного; Он хочет, чтобы я написал «Повесть о бедных влюбленных». Плита с двумя конфорками, первый поцелуй на трех страницах и т.п. монпансье. Но ведь, кажется, так озаглавлена одна из

частей «Утром три»? Или я тоже идиот... Затеял какие-то воспы в поисках утраченных насекомых. Нет! Вот например: «Катя намазила щеки помазком и, аппетитно облизав пену с губ дрожащего рояля, заскользила бритвой по розовой харе Геннадия. Он был чемпион по боксу в одном из переулков Бокситогорска. Тот насвистывал пир марша победителей». Как странно, подумал я, неужели эта мелодия успела докатиться и до древнего мира. Но, впрочем, почему бы и нет, Флоренский обещал, что к концу «Утром три» все проявится. «Катя толстоморденькая опрыскивала багровую физиономию чемпиона “Шифром”, а Тот, поскольку угрожающая бритва опустилась в саркофаг футляра, массировал под перламутровым халатом теплые и все еще упругие ягодицы мумии цирюльницы». Вообще, пример получился довольно банальным, но что делать? Палитра современной литературы все еще крайне скудна. С другой стороны, резкая перемена декораций по сию пору (Господи, а что Сенковский и Вельтман вытворяли в первой половине XIX века!) вызывает шок у наших неповоротливых читателей, поэтому велик соблазн объединить в одном абзаце Флоренского, Тота и двух флиртующих рептилий. Современный роман должен свободно по ходу дела (это еще завещано Хлебниковым и осуществлено на практике до него Салтыковым) принимать самые разнообразные обличья, ибо эпоха горизонтальных описаний канула в библиотечные фонды. Чтобы выжить, роман должен парить над сознанием автора, подобно семенам одуванчика отрываться от корня и давать новые всходы на лугах иных.

Это я уже оторвался от рукописи и поехал куда-то в сторону. Возвращаюсь к первоисточнику (хи-хи-хи): «Булгаков наврал, что Гассенди учил Мольера, а (точка) Белый где-то назвал Гассенди арабским мыслителем. Ну и что, — недоумевает гос. кухарка. А что?! в свою очередь удивляется автор текста; вообще-то, когда я сядил за машинку, у меня не было намерений вступать в интимные отношения с рукописью (О Боже, что за малахольное слово!), но какой русский иудей не любит быстрой езды...

Итак. — Однажды сменщица Антонина Илларионовна, глядя на мои поросшие шерстью руки (дело было летом), спросила взволнованно: А что на груди у тебя тоже волосы растут? Я сконфуженно признался после сорока пяти минут душевных мук, что жалкая растительность существует и в этой пустыне. Потом, естественно, поинтересовался причиной ее любознательности. А я люблю, когда у мужчины и руки и грудь волосатые, — призналась прекрасная дама, стыдливо пряча лицо за промасленным рукавом спецовки.

Неплохо бы еще было переспать с Сэй Сенагон.

«Я так больше не могу. У меня в халате шесть лет форточку не открывали, а в вентиляторе крыса заблудилась два месяца тому назад. Ну да, еще в мае. Доктор». Довольно оригинальный прием, собственно-то говоря, я как бы цитирую рукопись и тут же комментирую-редактирую ее, но не ввожу читателя в заблуждение посредством разглагольствований о Сарагосе, а делаю ссылки только на

авторский произвол: это я так захотело почему-то. Только и всего. Мне даже не надо такой условности, как например, сон, ибо для моего я все есть сон, единый и неделимый, а цель только одна — выбраться из него (из я т.е.).

Происходит перестрелка между латинским кварталом и греческим алфавитом. Конная атака кириллицы. Ура! Ура!! Победа будет под нами. Дохтур, отрежьте кызя, я вас паршу.

Квартира. Хозяин, его юная жена. 35 тысяч пальто в прихожей. А на стенах картины, картины, картины... Жарко. Нонконформизм.
Воздуху-с, воздуху-с!

АЭРОФЛОТ

В это время Геннадий. Ах, Боже мой, что я вижу, что я вижу... Опять эротическая сцена в сознании, неужели я такое развратное? Но ведь автор не должен походить на простых смертных. Если он не является калеккой в физическом смысле слова (Гомер), то уж в психическом наверняка. Настоящего писателя можно переделать только одним радикальным способом: его надо (по совету Хлебникова и Крученых) расстрелять как бешеную собаку. Это единственное возможное рациональное решение проблемы свободы творчества.

Или сочинять какую-нибудь сопливую мелодраматическую историю про Париж, про старость и про букинистическую лавку, в которой ты...

А потом Геннадию дали по яйцам пинка в зад.

А потом (это что, уже композиционный прием?) зеленая дева написала мне письмо.

Чувствую, надо отойти от текста и поговорить просто так напропалую. Ведь мое положение крайне двусмысленно. С одной стороны, я должен создать иллюзию абсолютной раскованности и естественности, а с другой — я понимаю, что это не так. Форма, к которой ныне приходит проза, строго обусловлена всей ситуацией конца второго тысячелетия, т. е. историческим временем, но цель ее состоит в выходе за пределы истории и человека. Чтобы не утонуть в косноязычии, попытаюсь отделаться цитатой из «Высокого замка» Ст. Лема. «Так, например, танец представляет собою лишь кажущуюся свободу — танцор только разыгрывает ее, по сути дела полностью подчиняясь диктату партитуры, которая регулирует каждое заранее обдуманное им движение, индивидуальное же самовыражение возникает в щелках интерпретационных возможностей».

В 23 ч. 01 м. гадал по 13 тому собр. соч. Щедрина (с. 211, 7 строка св.). Привожу всю фразу полностью, названная строка подчеркнута: «Ребенка прижили — и что с ним сделали! В деревне, чай, у бабы в избе сгноили! ни призору за ним, ни пищи, ни одежи... *лежит, поди, в грязи да соску прокислую сосет!*»

Подняв голову от тетради (сейчас начало декабря, а это было в феврале или марте), увидел на стекле (-21°) двух сцепившихся драконов, над ними парит мировое яйцо, внизу море, рыбы, а на берегу на ветке (сакуры?) сидит бабочка. И все это нарисовано сразу. Надо учиться рисовать руками и ногами одновременно, только так можно приблизиться к природе, а еще лучше научиться рисовать каждой клеткой организма.

Да, в моем творчестве четко прослеживаются три темы: тема Ничто (спасения), тема Пятна (цитаты), тема Организма («я»).

Когда я пишу «я», то не воспринимаю это я как собственное или чужое, для меня это я некая мифическая реальность единственно данная мне в моих ощущениях.

Я — ничто, души у меня давно уже нет, я употребил ее на изготовление чернил, которыми пишу.

Из календаря смотрит Глинка. Несмотря на то что фотография черно-белая, нос у него красный, как у Мусоргского.

Утром пришла волшебница и предложила попросить чего ни пожелаю. По радио сказали, что в окрестностях до —30°, поэтому заказал пачку скрепок, а она, дура, обиделась и наградила насморком. Всюду эта проклятая социальность, даже в потустороннем. Нет, мы пойдем дальше: от естественного отбора к естественному выбору!

Темно. Гераклит в навозной куче. Собаки уже скалят зубы. Аверинцев.

А может быть, зря я вмешался в старый текст, который и без этой экстравагантности представляется мне крайне сомнительным, но ведь просто механически перепечатывать рукопись (собственную!) скучно. Почему же мне не поделиться с читателем (т. е. с самим собой) некоторыми радостями, возникающими по поводу бесчисленных искажений оригинала. Вспомним методу Хлебникова космологическую, когда первоначальный замысел обростал все новыми вариантами до тех пор, пока не переходил совершенно в иное сочинение. По этому пути идет Природа и мы: тетрадь, ручка, я.

Еще образчик спонтанной прозы: «В темном углу плакала летучая мышь-безлошадница. На лбу зеленели развесистые липы». Это третья чашка дает о себе знать. Ночью снились поэтессы и апрельские тезисы. У Готорна есть прекрасный рассказ о Достоевском. Он называется «Великий карбункул».

Крыса выскочила из вентилятора, который было приняла за колесо сансары, и громко захохотала на весь лепрозорий. Больные выпростали из-под одеял изъеденные волчанкой лица. Передавали последние известия. Иранская миниатюра.

Сталкивать смыслы так же, как рука Провидения сталкивает железнодорожные составы. Даже сидя в самом паршивом углу Европы, можно научиться играть в такие игры, которые еще когда-нибудь вызовут зависть у чопорных обитателей Касталии. Надо только научиться подслушивать сознание, я тихо крадется за ним уже тысячи лет, а оно бесшумно уходит вперед подобно пресловутой черепахе. О проклятый Зенон! Белый где-то писал (в «Котике Летаеве?»), что читать греческих философов все равно что вспоминать собственное детство.

Геннадий упал на асфальт. Детородный орган. Пушка выстрелила и разрушила башню.

Начало у меня вышло какое-то идиотское, это правда. Но дальше, мне кажется, будет повеселее. Скованность исчезнет и возобладают чистая глупость, буквы станут прозрачными, а смысл будет просить подаяние у безумных кочевников перекати-тетрадь. Или, как было сказано почти 10 месяцев тому назад: «Пусть все великое поле литературы станет ковром вашего кабинета, шагая взад и вперед (по методу Киркегора) в четырех стенах, погружаясь в наркотический транс одиночества, вы рискуете исходить вдоль и поперек радужную поверхность, и только тогда у вас возникнет желание нырнуть».

Зеленая дева написала мне письмо: «Ты очень хороший человек и умный. Приходите к нам почаще, пожалуйста. Если ты умный человек, то должен сообразить, как надо пройти к нам домой».

Тем или этим, так или иначе, поэтому Катя перестала. Но выросло. Из белой массы выскочил малолитражный водолаз. Во дворе кричали обезьяны: Ван Вэй, Ван Вэй! Рады стараться ваше, ваше, ваше, тьфу черт!

Разрушение сюжета повлечет за собой переоценку всей практики восприятия. Видно, пришел конец какому-то большому этапу сознания. Ветер. И опять таки надо воспроизводить первозданный хаос. Пусть смыслы сами организуются в блоки, как это происходит на покрытом инеем окне. Непроизвольные узоры бесформенного я. Досада, радость, гадливость — все выплеснуть в корыто, именуемое читателем. Пусть Геннадий еще покорчится на мостовой. Можно вообще о нем забыть. Пусть торжествует стихия.

Грустно думать, что зеленая дева когда-нибудь превратится в обыкновенную. И книги, которые были написаны не для чего, станут чем-то.

Если б достало сил, я бы все бросил. Все связи потеряли не только былую прелесть, но и обыкновенную необходимость. Кругом *деятели*, а я жажду стать пустым местом, ничем. Их понимание культуры и то, что они с ней вытворяют, мне совершенно чуждо. Мне нужны не схемы и лозунги, а растения, и птицы, и киты, и черви, и Ничто.

Они взрослеют, становятся умудренными мужами, а я с каждым днем глупею и начинаю завидовать новорожденным, их великой растворенности и беспомощности.

Мне не надо *их*, потому что я не нуждаюсь в себе, но тело требует пищи, мозг — знаков, и ты зависишь...

Не ставить точек, открывать кавычки, не закрывая. Буйствовать в тишине. Буйство тишины. Я — буйвол пространства. Бука!

Вот оно, наконец-то! Сейчас дело пойдет повеселее, читатель, готовься к сюр-призам. Книга начинает задвигаться. Навигация зауми.

ной Земли заканчивается постройка с

Совершенный человек неизбежно должен вызывать у окружающих отвращение. Это единственно возможная для него форма самозащиты. Совершенство это глубочайшее одиночество я. Одиночество — это Природа.

разверстка «Всесоюзного Угольного П

Прежде чем приступить к дальнейшему камланию, я считаю целесообразным привести цитату из замечательной книги В. А. Рубина «Идеология и культура Древнего Китая», которая кажется мне прекрасной: «Чжуанцзы рассказывает, например, о плотнике, который увидел в пути стоящий у алтаря огромный дуб — местную достопримечательность — и прошел мимо, даже не оглянувшись. На вопрос ученика, чем объясняется такое безразличие, плотник ответил: “Это дерево ни на что не годно. Если сделать из него лодку, она потонет, сделать гроб — он быстро сгниет, сосуд — скоро расколется... Его невозможно использовать, поэтому и живет он так долго”. Когда же плотник вернулся домой, дуб явился ему во сне и сказал: “С кем ты хотел сравнить меня? Неужели с культурными деревьями?.. Ведь не успеют они принести плодов, как их обирают... Из-за своих плодов они страдают всю жизнь и до срока погибают в середине пути, навлекая на себя удары со всех сторон. Так бывает везде. Потому-то я давно уже хотел стать бесполезным... ведь это очень полезно для меня. Если бы меня можно было использовать, разве достиг бы я такой высоты?”»

«Моя одинокая игра...»

Борхес

Петр Сергеевич купил на последние деньги. Он вытер лоб Медному всаднику. У того была температура. Михрютка, сидел бы ты дома. Белинский ж/д. Текст о тексте — метапсихоз.

Шалите?!

ибу открыт...»

Надо писать через пень колоду. Ни дня без помарок. Рукопись состоящая из одних клякс (см., например, «Кляксографию» Юстина Кернера или тесты Роршаха). Или из одних опечаток, т.е. все буквы не те.

Если это действительно одна из частей «Утром три», то она как бы и сверхчасть.

ба сомкнулись

Когда-нибудь мы научимся созерцать слова так, как созерцаем пейзаж. Мы будем молча наслаждаться ими, просто благодаря Бога за то, что они есть.

И тогда она легла на живот, закурила и выпила спирт.

Обломки, подобранные в текстах, растолочь в ступке вечности. Катя.

8 ноября с.г. элек

Но как подумаешь про то, что П.С. купил на последние деньги, сразу становится не по себе. Он там и с Шанкарой познакомился. А как же! все путем.

Или эта часть тетради (задняя) бессюжетна? Крепок задним умом русский кефир.

«В мире нет ничего похожего, ибо нет ничего разного». — Муд-рость.

Пародировать самого себя, не значит ли это... Молчу! Молчу!

Тогда волоокая Лэ влетела на горностаевом росчерке пера в млечную пустыню ватмана. О боги! как она была прекрасна в свои 64 года с четвертью: на маринованных локтях зеленые гусеницы устраивали брачные игры (обмороч у энтомолога), а верноподданные фразы бороздили клювами восклицательных знаков ее лоснящиеся и редееющие («прордели багрянцы») бляди, ниспадающие на спину золотым потоком соплей. Около веселой мозолистой пятки пергаментного цвета резвились домовитые муравьи, они запасали продукты впрок. В ложбинке меж двух поникших грудей ползла незабвенная аскарида.

Мы познакомились Слэ давно. Она работала землеройкой у Ноя, я — шелкопрядом. Мы полюбили друг друга с первого взгляда росы. Текли месяцы, полные живительного кислорода.

Иногда в тексте должен явственно раздаваться среди сконструированных и выправленных фраз чуть слышный хохот автора (т.е. волшебного мертвеца), вздох сочиняющего самого себя. Только так можно добиться Божественной интонации пустоты.

Он.

Вот, чем не Повесть О Бедных Влюбленных? Лэ — девушка из Бирмы, он — парень из нашего города. Улэ — группа крови, аунего — рахит. Так что все в порядке, Он может доволен. Унее одна нога там, аунего — канцтовары.

итектора. Он буд

Конечно я гуманист. У меня только зарплата
А вот не буд фра доп

Гоп ля!

Пушка выстрелила и разрушила башню. В третьем классе я впервые добрался до 1001 ночи. И там в одной из сказок обнаружил эротический эпизод, который произвел на мой детский ум такое впечатление, что я выписал его целиком, и это несмотря на врожденную лень и отвращение к общению с людьми. Видимо, этой первой в моей жизни цитатой я решил поделиться с одноклассниками. Но утром, собирая меня в школу, мать обнаружила злополучную выписку, и разразился страшный скандал.

С тех пор свои цитаты я держу при себе.

Мои книги такие пустые, что страшно подумать. А думать придется. Всем.

Организовать Пустоту при помощи знаков едва ли возможно, но можно ее обозначить, подвести к ней придурка-героя и приказать ему: лети! Полетел же в конце концов П. С.

ижины,

Над футуристами смеялись по причине их грандиозности, поскольку они представляли собой космическое явление в языке. Как всегда, русская культура первой перескочила в завтрашний день, чтобы бесславно утонуть в днях сегодняшних. Великое в малом. Пора уже теоретикам литературы дать себе отчет в случившемся, и тогда ирония Чуковского: Крученых — Шекспир, станет обыкновенной аксиомой.

где, повествуя о

Инкрустировать книгу звуком обломков.

Лэ села в автомобиль. Лепет. Мозговая ткань.

Здесь следует описание пожара на Канатчиковой даче и рождения ноосферы. Потом следует см. автора (опять и опять), роман «Приключения тещеца» и все остальное.

Пора! пора бы захлебнуться в длинном абзаце.

Очень давно ничего не записывал. Хотел покончить с собой, но за отсутствием последнего передумал. Говорят, у китайцев нет временных глагольных форм. Время вытекает только из контекста. Теперь вся литература приходит именно к этому единственному времени. Чем величественнее творение, тем больше требуется лет для его вызревания, но зато оно переживает на века бесчислен-

ные современные ему скороспелки. Так произойдет с Введенским и Хармсом. Они, как рыцари слова, перейдут в литературную вечность, нанеся тем самым сокрушительный удар темной мещанской рати Шеллера-Михайлова. Рыцари слова постоянно отправляются в крестовые походы, их враг — пошлость. Кич — сатана, искуситель, жаждущий власти над миром.

Возвращаться ли к зеленой деве? Построить «третью» часть по принципу третья ли это часть? Или говорить вслед за Роб-Грийе, что мне нечего сказать, или вслед за Беккетом, что я не могу продолжать, но буду... Или, говоря словами крестьянина о Конфуции («Луной»): «Не тот ли это, кто знает, что сделать ничего нельзя, и все же пытается что-то сделать?» Или-или.

Нас было четверо, и я изрек, разомлев от португальского портвейна и шампиньонов-шампольонов: «моровая душа».

знают девизы: «За анти

Прыгайте, милостивые государи, как блохи, по строкам моей партитуры. Клюйте книжных червей, гиппопотамы-гипоталамусы! Ешьте-ешьте, дорогие гости, как все дорого... Ра. Амон-Ра. Атон. Антон. Стакан-лимон, выйди вон, нечистая сила фантазия. Мастер и Маргарина.

Письмо Гельмуту Хейссенбюттелю
Яхта «Летучий лапландец»
бэз даты

Здравствуйте, дорогой камрад Гельмут. Пишет Вам Катя из садика. Когда-то я порядочно говорила по-немецки, но потом забыла и тоже стала не чужда литературе (12 томов соч.). Ваша книга «Конец Д'Аламбера. Проект № 1» мне очень понравилась, особенно то место, которое я сумела перевести: «dich — тебе». Большое спасибо. Приезжайте на машкерад. Будет фейерверк. Русский музей, наверху.

Всегда Ваша Екатерина Маслова-Взмайлова

Или «Повести в повести» Чернышевского.

Автопортрет солнца на потолке. Делаю гимнастику. Тело радостно предается привычным движениям, оно движется само по себе и мимо меня, я стою в стороне: оно белое и мягкое, покрытое коричневыми созвездиями родимых пятен, оно пластично. ОНО.

Потом принимаю холодный душ, и оно яростно закипает под струйками воды. Тело, конечно, музыка, а не мясо. «Мясо это желания».

Пью чай а смотрю в окно: по лицу стрекозы ползет электричка, в тринадцатом вагоне сидит голубь вампира, а напротив Он с полным слюны ртом, сейчас будет туннель, — и он плюнет...

царапан и

В те далекие (доисторические?) времена, когда я праздновал дни рождения, покупал две бутылки коньяку, виноград и шоколад. И опять нас было четверо, и трое поступили на службу к Тоту.

«Сангха» — облегчение в волосы.

Геннадий дико взвизгнул и бросился в парикмахерскую.

Ваш мр так и надо грюк. Я б к, но. И что ж? Ат прю пекло труп. Где: не мы фа т. Сорок два. Через.

Хочется рисовать, свистеть, танцевать, но как все это вместить в слова?! Тем более что под рукой нет типографии. Явись, наборная касса! Ах, если бы я мог рисовать в моих книгах. — Линия выплывала бы из буквы и переходила в рисунок, который образовывал бы слова, а слова сливались в пятна, а пятна — в картины, картины — в хаос... Шла бы нескончаемая игра света и тени, люди бы заходили в мои книги на прогулку, птицы клевали запятые, а гусеницы (тире) превращались в бабочек и улетали... Слово станет музыкой, а книга инструментом, из которого читатель будет сам извлекать звуки, импровизируя над партитурой. И не будет мертвых или живых, будет одна бесконечность текста, и все в нем будет сплетено воедино, мы вознесемся над пошлой социальностью и достигнем беспечности рая, чтобы опять испытать ад изгнания и тщету постижения утраты. Вот лейтмотив флейты, барабана и зеленой девы.

А потом эта книга станет чужой, грубой, неуклюжей. Ты будешь стыдиться этого монстра, которого лелеял долгими вечерами и перечитывал сотни раз, пытаясь заставить дышать буквы, и они протягивали к тебе крохотные ручки, прося сделать их живыми, они говорили, что хотят бегать по всей тетради, а не сидеть чопорно, каждая в своей изолированной клетке. Мягкие согласные красили губы и подводили ресницы, а твердые закуривали белые трубки, гласные расплывались в блаженных улыбках, ты восклицал: «Да будет!» и падал в мертвый сон. Чуда не было. Надо было все начинать с начала. И ты шел делать гимнастику, пить водку со штабс-капитаном, к черту в ступу, держа в голове единственную (неистребимую) мысль, даже не мысль, а только одно слово: См.

покоренной тетради равнина
на квадратном как небо столе
огнедышащих букв лавина
и прекрасная выскочка Лэ

Еще ни разу не приходилось цитировать индейцев. Спешу заполнить ату чудовищную лакуну. Серая Сова (Вэша Куоннезин) «Рассказы опустевшей хижины»: «Но самая восхитительная из всех моих пернатых гостей — колибри, крохотная птичка с блестящим оперением; ее перышки настолько миниатюрны, что кажутся чешуей; в своем туго облегающем наряде, переливающимся

всеми цветами радуги — опаловым, изумрудным, рубиново-красным, — она больше похожа на драгоценную китайскую безделушку, чем на живое существо. Колибри гостит у нас недолго. Она порхает среди кустов шиповника с такой невероятной быстротой, что становится неуловимой для глаза, видишь лишь расплывчатое пятно. Но вот она сорвалась и исчезла с молниеносной быстротой — сказочное видение волшебной красоты».

а черноголовая астролябия села в автомобиль запятой и выехала на заветную мель пустозвонства, дворники бегали по стеклу, люди шарили ниц, было грю, и сцеплялись куски неизвестно чего, рождались животные — пешие насекомые, шел поэт Трилунный. падмасана. гнев испепелил меня в человека щелкнула застежка предстательной железы и гульфик Рабле воскрес в Саранске не то чтобы

Что касается облегчения в зад, то есть два их вида. «Адората» — когда девушка лежит на животе, и «адората сура» — когда девушка лежит на боку, подняв одну ногу.

Вторую часть «Утром три» я хотел завершить, постепенно сокращая интервалы между строками так, чтобы в конце концов буквы стали наползать друг на друга и вместо текста образовалось бы черное фосфоресцирующее пятно. Но на письменной машинке этого добиться невозможно.

его системой! — они

«Ученые внимательно читают “Книгу природы”, но не знают, где у нее начало, где конец. Листают случайные страницы, к тому же написанные на непонятном языке. Время от времени появляются новые действующие лица (кварки?). Чтобы понять их роль в повествовании, приходится напрягать воображение, логику, интуицию хотя бы для приблизительного понимания авторского замысла. Изучая микромир, человек все глубже погружается в мир абстракций, который не может не быть странным и таинственным. Не хватает понятий, ярлычков, да и просто слов для обозначения удивительных объектов и закономерностей. Отсюда и кварки, заимствованные из романа Джойса “Поминки по Финнегану”, нечто — дикое, невообразимое, немислимое».

Ю. Чирков. Тройки, четверки, тузы, или

Игра без проигрыша. —

«Знание — сила». 1979, № 2

Ничего такого человеческого, просто физиология растений, фотосинтез и т.п. дерьмо. Лэ дискредитировала Сэй Сенагон уже тем, что, заглянув котенку в ухо, не почувствовала себя беременной, мы расстались посередине романа, и покатая блажь затянулась в суррогат настроений бизды:

эротика деепричастных бормоглотов, свищи.
ветра в мужском поле

Вчера на работе (вчера здесь это сегодняшнее вчера, а не то, которое в рукописи, т.е. опять будет отступление) я читал книгу Григорьевой «Японская художественная традиция», придя утром домой уставился в телевизор и даже пролил слезу, когда этого потребовал сценарий, причем сознание мое оставалось абсолютно ясным и неподвижным, слезы текли сами по себе, эмоция была сама по себе, а я где-то вне. Ослабленная бессонной ночью психика не в состоянии сопротивляться, она покорно отдается кинематографическому произволу, но закаленное чтением сознание бесстрастно созерцает эти полутробные-полудуховные всплески расшатанной нервной системы и молчит. Вся прелесть этого состояния в том, что оно не подводит индивида ни к каким выводам, да и какие выводы можно сделать при виде солнечного диска на ночном небе.

Мир пошлости — гораздо сложнее, чем это может показаться с первого взгляда. Рассказать о нем может только тот, кто от него уже полностью освободился. Но свободный человек пребывает уже вне этого мира, а погрузиться в него вновь, сохраняя ясность взгляда и не впадая в соблазн, крайне трудно. Потому-то Христос и не смеялся, придя к людям. Будучи человеком, он был Божьим сыном. Иисус видел и понимал и по-человечески и по-Божьи. Пришельцы из космоса знают только *одну* правду, а Христос знал *все*. И поэтому, когда кто-то падал на ровном месте, Он не смеялся вместе с толпой, а призывал учеников падать почаще, дабы они не впали в слепую гордыню.

П.С. (P.S.). Бог не выдаст, свинья не съест. Он работал бухгалтером в. И рисовал по ночам как. Впрочем, об этом уже говорилось в последующем прошлом, но отчего бы и не повториться? Или кишки жаждут разнообразия? Лэ вздохнула и пошла туда, куда глядели ее скифские (в рукописи было написано «свинские») глазки. Пальмы тихо скрипели на губах молоко не обсохло, шелк джентльмен в лечебном белье из-за границы (гробницы?) напротив. Они встретились случайно, но тайно. И вот уже дите сучит ножками в ночном вазоне. Гриб с музыкой. Или тюк: кто-то где-то кого-то убил. А мы все, надо отдать должное гуманоидам, очень любим, когда Каин опять и опять убивает братишку Авеля, мы с затаенным дыханием. Или: он бьет ее фотографическим аппаратом по ягодице в публичном домике, потому что маркиза бесплодна, и оно тонет в лодке не считая собаки Алишера Навои.

Знаете ли вы? что будет, если я сейчас открою книгу И. А. Манжигеева «Бурятские шаманистические и дошаманистические термины»? Так что лучше помалкивайте в тряпочку... Не возражать!!!

Интересно было бы написать исследование о том, как «дыр — бул — шыл» Крученых аукнулось в сознании Бодуэна де Куртенэ и кристаллизовалось до знаменитой (теперь лингвисты пишут «хрестоматийной») фразы академика Щербы: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». Не сле-

дует забывать, что этот афоризм прозвучал осенью 1925 года на лекции в Институте истории искусств. А что, может, футуристы посадили деревце новой мировой культуры? Во всяком случае, есть схема: английская поэзия нонсенса — футуристы — ОПОЯЗ — структурализм —?

Вчера некая экспансивная дама одарила меня чудесной фразой: «Вы завидуете, потому что вам некому халву покупать». Неужели все дело в халве? Халат из халвы.

древн
торог
време

добрь
Варра
точно

ла пи
быть,
ла са

Ларри-Ли и Торро-То жили в океане, а Лик и

«На экране прибора перед испытуемым движется световое пятно, площадь, конфигурация и цвет его плавно меняются. Периодически меняется и освещенность экрана. Ритмично, в такт с движением светового пятна, в такт с меняющейся освещенностью то нарастает, то спадает “белый” шум, который имитирует шум морского прибора. Динамическая программа управляет синхронным нарастанием освещенности и интенсивности звука так, что сначала этот ритм совпадает с ритмом учащенного дыхания человека. Постепенно, незаметно для испытуемого, этот ритм замедляется».

*Сеанс хорошего настроения. —
Наука и жизнь. 1979. № 2. Цит. по:
Л. Мельников, К. Еникеев. Прибор и метод
для нервно-психической релаксации. —
«Медицинская техника». 1978, № 5*

Литература стала самой Природой. Поэтому от описаний человеческого общества мы переходим к описаниям смыслов, мы неуклонно движемся к созданию нового постлитературного языка, который будет свободно маняпулировать классическими формами ощущений. Это повлечет за собой осознание литературного пространства, которое век от века становится все более зримым. Мы путешествуем именно в том пространстве (сами того не подозревая) чаще и охотнее, нежели

чем в пространстве «реальном» (в итоге одно пространство полностью растворится в другом). Мысли жаждут освободиться от диктатуры тела и полностью раствориться в родной сфере. Путешественник разрывается между этими сферами и вынужден или идти на компромисс, или вступить в область трагедии: полная утрата стереотипов и вытекающая отсюда неконтактность с живыми людьми.

Мы смеем строить только робкие догадки по поводу тех завечных ландшафтов, которые открываются одержимым словом скитальцам.

И не есть ли человек лишь некая преобразующая субстанция, призванная для переплавки существующих форм «реальности». Быть может, подобно микроорганизмам или червям, мы призваны лишь для взрыхления почвы, в которую потом будут брошены зерна... Мы — шелкопряды грядущего мира! В противном случае, для чего мы воссоздаем природу при помощи знаков и тем самым выделяемся из нее?

Уже миллиарды лет живое сбрасывает с себя одну за другой бесчисленные оболочки, наивно полагая, когда оно пребывает в одной из них, что она и является той единственной... А им нет числа, так неужели литературе должно быть менее гибкой и подвижной, чем вызвавшее ее к жизни существование. Новое искусство обусловлено глубочайшими (бездонными!) потребностями Духа, которые смело можно назвать религиозными.

Наблюдаемый в русском футуризме полубессознательный синтез великих культурных традиций Востока и Запада (воспринятый современниками как трюкачество и эпатаж) в зачаточном виде представляет собой ту соль, что должна быть намыта в гипотетическом третьем тысячелетии.

Ты думаешь, мне приятно держать твою потную руку и подбадривать веселыми побасенками, говорить, что уже скоро, хотя вершина еще (да и никогда) не видна, и тащить, тащить, тащить тебя к облакам, незаметно превращаясь в фатоватого гида, наивного популяризатора «прекрасного», изобретателя «сезонов хорошего настроения»...

Доктор!

ет —
ей
ну —
ься
знь,
на!

Разве эти знаки, расположенные как попало, менее интересны, чем цветок, растущий у обочины шоссе. Почему не постоять несколько мгновений и не полюбоваться загадочным творением литературной флоры. Но в том-то и дело, что эти цветы хороши именно на своем месте, т. е. в «дикой природе», они не предназначены для садовых участков и городских клумб треста культуры. Нигде так не заявляет о себе требование соблюдения канона, как в зауми! это, по

существу, утонченная архитектура языка, магическое проникновение в святая святых семантики. Футуристы были даосами от литературы, поэтому они родились в жили в «Лесу».

Геннадий боязливо посмотрел окрест, из-под его стоптанных башмаков сыпались камни, он хотел пить.

«Утром три» — это эпопея о человеке, который утратил начисто границы, контуры стали расплываться, и душа как зонт распахнулась над этими листами, оттого у этой книги есть только середина, начало и конец потеряны безвозвратно; может быть, здесь говорят звезды или камни, или водоросли. Какая разница, кто пишет?! из-под руки бежит линия. Просто рисунок слова.

е, что рисовал о

Геннадий нехорошо выругался и громко икнул. Он по-прежнему хотел пить. Зеленая дева переехала в третий класс, она учит заумный язык. Лэ стала загадочной птицей Раз-Руха.

Энергия расщепленного словесного ядра. Сад корней. Праязык. Ригведа. Хлебников.

Писатель павленко

Если мужчина, вдвинув член, вздрагивает бедрами вправо и влево, — это прием «толчки в стороны».

ты. Кни
е. Дяд
но стр
ись

Не в том чистота, чтобы чураться грязи, а в том, чтобы видеть чистоту повсюду, в том числе, и в «грязи». Недаром у Судзуки: «Реальность — синоним чистоты».

Арфоризм.

Иногда мне начинает казаться, что я мог бы расписывать храмы, дома, целые города и вселенные. Создавать проекты витражей и декораций. Собственно, разве эта книга не проект? не слюнявая вариация на тему «если бы да кабы». Как согласишься вокруг с вниманием холодильника, так сразу и сам похолодеешь как царевна-лягушка.

Да и к кому я тут обращаюсь? К потомкам? Так те, надо полагать, будут выродки еще похлеще нынешних. К собственной тени? так она давно в ломбарде. Я у меня больше нет. Ничего нет, кроме путешествующей вдоль клеток руки и пригвожденных к бумаге букв. Распятые буквы. Я бы умер, если бы был уве-

рен в том, что жив. Самоубийца не должен испытывать сомнений, иначе в самом конце он неизбежно содрогнется и нагадит от страха в собственную душу.

Мне недостает гениальности, того высочайшего дара, который мог бы позволить описать всю прелесть и чудовищность моей ситуации. И дело не только в социальности, вернее, не столько в ней, сколько в самом себе, в том невероятном самом себе, до которого невозможно добраться и который присутствует в каждом нацарапанном слове. Это археологические раскопки себя. Сей развороченный могильник, полный костей, червей и драгоценностей, самодовольный сноб, может быть, когда-нибудь (дарованья крестный путь) назовет книгой. Да, писатель собственноручно совершает эксгумацию, вдыхает в труп былого жизнь (опять волшебный мертвец?) и посылает его по кругу, а сам занимает почетное место в Ничто.

Если литература погибнет, то начнется поголовное истребление всех (как это было в Камбодже). Художники испокон века приносили добровольную жертву, ценой их невидимой (симпатической, так сказать) крови человечество обрело те редкие минуты покоя и мира, которые (хочется верить) были когда-то в истории этой яростной планеты.

Техника — слишком мало изученная сила, с ней следует обращаться с величайшей осторожностью, чтобы не оказаться в безвыходном положении царя Мидаса.

Последняя фраза совсем банальная. Видимо, *оно* устало. Ночь.

ее 50 000 000 зна

И вот уже утро, и я продолжаю читать Лема, и все другое. Где *то* вчерашнее и откуда *это* сегодняшнее. Что случилось там, во сне?

«Царь природы» предпочитает помалкивать о той трети жизни, которую он проводит вне себя. Может быть, надо в каждой книге треть страниц оставлять чистыми, чтобы люди не так легко впадали в антропоцентрическое чванство.

Когда писателю исполняется больше четырех лет, он может смело приступать к изданию полного собрания сочинений. Художник умер.

Пахнуло «Шифром», и Геннадий (надежда всего прогрессивного человечества), позвякивая цепями на расклеванных брюках, подобно комете вылетел из периферии сознания. Благополучно упав на страницу № 126, он брезгливо помочился на зеленеющий саженец книги и почесал многоточие в угловых скобках. Я тут же попытался представить себе длинную цепь, которая привела к этому бесхитроственному акту. Во-первых, образование нашей вселенной (раз о других нам ничего не известно), затем... Но почему мы обязательно должны придерживаться числового ряда, разве для того, чтобы сказать в-шестых, обязательно следует монотонно перечислять пять предыдущих пунктов? Ведь кро-

ме прямой существует окружность и даже лента Мебиуса. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 или «Было похожее майское утро. Иван Иванович Пу И, токарь шестого разряда» — и пошла писать губерния до бесконечности!

Может быть (если вам это слово надоело, то читайте — возможно), литературу будут любить еще больше жизни. Ведь музей Федорова — это огромная прочитанная книга Вселенной, все персонажи которой бессмертны. Между литературой и идеей воскрешения существует безусловная генетическая связь.

Родители пришли из суда, куда были приглашены в качестве свидетелей. Мать в расстроенных чувствах: «Суд — это так неприятно, страшно... Не дай Бог, тебя!» Отец выносит гениальный приговор: «Если посадят, так за твою же глупость».

Господи! как я рад, как это хорошо было сказано: *глупость*.

«Мы были, теперь это известно, подобны муравьям, энергично копошась в муравейнике, над которыми уже занесен сапог. Некоторые, как им казалось, улавливали его тень, но все, а стало быть, и они, до последних минут с рвением и запалом продолжали суетиться вокруг тех же самых дел, стремясь обеспечить, смягчить, освоить будущее. Взрослые и дети, все мы были равны в благословенном неведении, без которого невозможно жить». — Станислав Лем. Высокий замок

Собственно, здесь я мог бы поставить точку, но разве это гуманно. Но-о-о!

Были с приятелем за городом. Пили водку на снегу. Смотрели на камыши и молчали. Высоко-высоко летел планер. *Планирование*.

ии и Китая) с ним по разм

Слова — объемны. Это — куб, шар, нечто. Поэтому стУит с ними взаимодействовать. Их можно обтесывать посредством кур сивых, конь-теста или зауми. Слова — живые, как и камни. Вот почему книги надо не писать, а записывать, чтобы уже потом поражаться строгости конструкции, стройности формы и абсолютной хаотичности смысловых уровней (после восьмого этажа идет первый!). Выпадать из смыслов в чистоту звучания, как плоды падают с дерева. Петь и танцев а т ь. Строить в разрушать одновременно, смеяться над слезами и плакать над смехом. Категорически отрицать я и беспрестанно его навязывать ополумевшему читателю, придавая при этом роману форму сухого трактата и превращая тяжеловесную критическую статью в легкомысленное создание праздного ума.

Современному писателю приходится больше мотивировать избранный им способ выражения, чем непосредственно отражать. Беллетристы все еще рожают и доказывают домашним, что их приплод отнюдь не неведома зверушка, а вполне здоровое существо из бумазеи.

Желтая свеча горит на бегонии бега. В левом глазу бревно. На пальцах ног-ти выросли наконеч-то. За это нянечка сшила мне трусы из алых парусов.

508*=AA 508*В *Благодарный мертвец*: исполняет трудные задачи (за три дня строит церковь).

*Сравнительный указатель сюжетов.
Восточнославянская сказка. Л., 1979. стр. 145.*

Братья по зауми!

запятая вверх ногами лежит на диване, я ей и говорю: Ганна, надень чулки, плюх! упала скала в Эгейском море, громко высморкался Навуходоносор сквозь анальное отверстие глаз соринка выскочила разрушила башню и стала ногами вниз как полагается

*Самуилу Беккету.
бэз даты.*

Прошу считать меня недействительным.
Катюша.

БРАТВА

ПЛОТВА

ЖРАТВА

БОТВА

ЖОПА

Мы издавали журнал для телепатов, обсуждая его номера во время блужданий по букенистическим вертепам. Когда мы опоражнивали гигантские рюкзачки, молодые букмекерши брезгливо перебирали пыльные книжонки и с мерзением выписывали квитанцию. На вырученные деньги покупалась «Алазанская долина», — и номер летел за номером, армия подписчиков разевала рты, блестяло золото коронок. Кранах. Альманах. Аль-монах.

Слово безумное, заглохни! я спать хочу, слово, и вырубиться, и мордой рухнуть в тетрадь, слюней напустить, пусть буквы поплавают, не все же посуху шастать из одной помойной ямы в другую.

Книга-крысоловка, сточная яма сознаний, сифилис алфавита.

Можно еще вырывать из страниц куски и печатать что останется. Или вообще изорвать всю рукопись на кусочки, перетасовать их и после печатать *как есть*. Или сначала напечатать книгу (издать!), а потом ее разорвать на куски и снова напечатать, а потом ту книгу разорвать на куски и опять. Пока не останется ни одного *живого* места, пока все не встанет на свои места, как на Волковском кладбище.

Рецензия

Мы знакомимся с реем Токаревым, нбаевым, татарн ой и Буравкиным, как члены одно ий народ.

Братья по заднице?!

«Приключения чтеца» — это будет действительно авантурный роман (с погонями и адюльтером на крыле пикирующего МИГа), только не «живые» люди, а сознание и взаимодействующее с ним (или действующее в нем?) литературное пространство будут вести свою бесконечную игру в Ничто. Культура — лес, а лес, как известно, место темное, там всякое может случиться. Вот чтец идет по этому лесу и видит, как чайная ложка обронила подвязку маркизы. Он нагибается, прижимает ее к сердечному клапану и сочиняет сонет, в котором есть дверцы в другие тексты, в последних, в свою очередь, раскрыты окна прямо в сад корней, по которому течет Белая река молчания и Черный ручеек сюжета, и вот мы все уже по завету Пиросмани собираемся в высоком доме пить чай. И молодой Крученных, И. А. Крылов, Вася Нарезный, Елена Гуро, Басе...

Это у меня какой-то «Персиковый источник» получился.

Утопия. Утамаро.

1

Ты нужна мне как воздух, как солнце
Без тебя не могу я жить
Одаришь ты меня улыбкой
и тогда зацветает земля
Но посмотришь ты грустным взглядом
и тогда все чернеет вокруг

2

Я иду по Невскому —
по шумящей улице
И иду с тобою милая
без тебя я не могу

Если ты уйдешь из жизни
то тогда я застрелюсь
без тебя не вижу смысла
для чего мне жить тогда
Дорогая и любимая будь со всегда со мною <нрзб>

3

У тебя глаза словно солнце спящее
У тебя волосы словно цвет золотого песка
У тебя губы алей заходящего солнца
У тебя кожа словно нежный пушок абрикоса
Ну а стан у тебя словно
У древней Артемиды

Солнце стояло в зените Двое шли по бескрайней пустыне Они шли десять дней идти им еще предстояло столько же а воды оставалось на пять дней Они присели отдохнуть

Когда приходит вечер
и гаснет свет в домах
ты сразу остаешься наедине с собой

Бил сказал один из них кто-нибудь из нас должен остаться здесь тогда другой сможет дойти если же мы пойдем вместе мы оба погибнем

Прошел по жизни я немало,
Еще порядочно шагать
И тянет меня вдаль дорога,
Не даст минутки отдохнуть.
Но все ж бывает оглянешься
назад посмотришь — и замрешь
Каким наивным был тогда ты
теперь таким уж не бывать
Глаза затынет поволока
как набежавшая слеза
Но тут опять зовет дорога
— вперед иду — и так Всегда.

Он был некрасив, но он любил Она была красива, более того, она была прекрасна. Она не обращала на него внимания, а он любил Любовь даже безответная должна чем-то питаться, его любовь не питалась ничем, через некоторое время она угасла и больше никогда не пробуждалась в его сердце. Он стал ученым, большим ученым. А она осталась только прекрасной женщиной Как-то она увидела его в работе он делал молнию искусственную молнию было темно и лишь краткие вспышки молнии озаряли его лицо и в эти мгновения он был прекрасен Молнии освещали резкий профиль растрепанные волосы и в эти мгновения он был похож на титана она полюбила его. Но он не мог полюбить у него теперь была одна жизнь, страсть, любовь — наука.

Когда же я выберусь из этого текста?! Уж не есть ли он сад с раздваивающимися дорожками или еще что похуже (получше).

Ау!

1

Спускается ночь над домами
полней все сияет луна
а я оглушенный тоскою
бутылку уж выпил вина
Я пьян мне от этого легче
и горе становится меньше
но все ж остается при мне

2

Иду по улице вразрез толпе
рассекаю ее, подобно корме
куда взгляд ни кинь, всюду морды
идут обывательские орды

Вы обыватели — тормоз прогресса
сделайте милость подите к бесу
Станет без вас жизнь иной
чистой будет она и прямой

Недоношенные вурдалаки (размахивая кулаками?) скользили по паркету гостиной. Маркиза сидела в солонке (салонке, т.е. от слова салон: сало людское) и помахивала мельхиоровой чайной ложкой, как веслом. Она

А может быть, лучше честно признаться, что автор зашел в тупик и не зна

ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ

за сутки. Стен вешаны десят убытых — взятые енные, один тов в смерт об угр и мар циольной окраски суховатый рассказ

Переплывать из одной тетради в другую, глядеть на детский почерк некогда знакомого человека и поражаться тем пропастьям, которые ежегодно разверзает память (ам-ам!). Что это было? Где это что и что это где?!

«Скажи, что же это такое — то, что мы теряем». — Томас Вулф. «Исчезнувший мальчик».

Автор ничего не знает, автор плывет по течению своей ладони, линия жизни длинная и он не торопится. Пружина сжимается долго, а. Я уже забыл как звали тех, которые были в начале. Они наверное умерли в пути, на обочине романа валяются трупы. Роман-караван.

Или я ненормальный: так писать нельзя! Но ведь мой роман никто и не читал (Он не в счет), ну и плевать! плевать!!

Темная комната. Едва виден мужчина сидящий в кресле (он освещен светом уличного фонаря) Мужчина просыпается недоуменно смотрит по сторонам, потом как бы что-то вспомнив бросается вон из комнаты через несколько

секунд он возвращается в комнату зажигает свет я лихорадочно набирает номер телефона

Сигрев — Алле

Джексон — Это вы мистер Сигрев

Сигрев — Да это я (глядит кошку)

Джексон — Это говорит Джексон мистер Сигрев

Сиг. — Какой Джексон я что-то не знаю никаких Джексонов

Джек. Ну как же мы познакомились у мисс Харесон Сиг. А вспомнил вы тогда хотели повеситься и за неимением табуретки решили воспользоваться спинкой рыженькой Кэт А она испугалась завизжала укусила вас за ногу и вы упали и отбили себе ха-ха-ха-ха-ох-ох (продолжительный смех)

Джек. Видите ли мистер Сиг. я не стал бы вас беспокоить но дело в том что меня обокрали

Сиг. Только и всего нет ничего удивительного если учесть что в нашей благословенной стране происходит в минуту Просто очередь дошла до вас. Мне очень жаль Джек но я не занимаюсь столь примитивными делами

Джек. Но меня обокрали не совсем обычно у меня украли лишь только одну белую рубашку а в этой комнате на столе лежала довольно большая сумма, но их не тронули

Сиг. Ну что ж по крайней мере это необычно. Через полчаса я буду у вас

Сигрев открывает дверь Джека какой-то штучкой входит Джек открывает рот и заикаясь как вы сюда попали Сигрев Очень просто открыв дверь

ХВАТИТ РОЛЛАН сказал | правило искусства если тебе есть что сказать скажи только правду, нет молчи

Тетрадь № 1
ФИЛОСОФИЯ
(любовь к мудрости)
или

В поисках утраченной истины
(Путешествие молодого человека
предпринятое им и начатое летом — июнь —)

Надо описать внешность этого попутчика, ибо он займет немалое место в нашем повествовании.

Вот я схожу на берег Америки передо мною лежит Нью-Йорк, этот город-великан, город-спрут. Мелькают негры, белые, негры. Но вот я в машине и еду по улице вперед направо, налево, направо вперед, снова налево, и снова вперед машина останавливается перед огромным зданием написано неоновыми буквами

ГРАНД-ОТЕЛЬ

вхожу в здание меня окружает толпа репортеров щелкают затворами фотоаппаратов и спрашивают что я думаю о маоцзедуне, о нравах и какие сигареты предпочитаю я гордо молчу и лишь покачиванием

ПЛАН

Резиденция главы общества Бычья Голова
Описание рабочего дня его
Описание время проведения после рабочего дня
описание какой-либо крупной операции
описание сна

Я люблю тебя безумно
я люблю тебя со страстью
мне ответь улыбкой нежной
мне ответь хоть взглядом томным
Полюби меня <.....>
И тебя я возлелею
И тебя я закружу, я в страстей водовороте
И вино ты жизни выпьешь
И познаешь вкус любви

А ведь по существу, эти тексты (вдруг сообразил ich) надгробная речь (эпитафия) *старой* беллетристике. Я памятник воздвиг нерукотворный, вечный... Пушкин выстрелила и разрушила башню.

Ха!

Между прочим, Михаил Матюшин писал в «Опыте художника новой меры» (как узнал я позавчера): «Но как зверь стоит на грани нового понимания мира, так и мы уже уходим от старой меры и воспринимаем весенние ростки новой жизни, выпирающей в странных, невиданных формах через темную толщу старой *разрыхленной* (Б.В.) почвы».

И опять-таки Матюшин еще где-то в 1920-24 году писал: «Надо приучаться рисовать и писать красками обязательно обеими руками при условии: ставить зрительную точку в центре, всегда смотря разом во всю плоскость разворота в две стороны».

О боги! Через шестьдесят лет я смутно провякал то, что было так ясно выражено. Где же эти шестьдесят лет, кто черт возьми, их спер? Кто?!

Вот оно: «Заключая опытную часть моих долгих, трудных, но крайне интересных наблюдений и исканий, я предлагаю при всех опытах и упражнениях сочетать переднее и заднее, *не запоминать*, а учиться *видеть* затылком, темнем, висками и даже следами ног, так же, как йоги у индусов учат дышать не одними легкими, а всеми частями тела». И чуть дальше: «Так художник учится творчеству неба и земли».

«Дорога пейоты»

ПОВЕСТЬ ВЕРНЕЕ НАБРОСОК

С. С., первой любви моей,
посвящается сей скромный труд

В банальной статье о буддизме я прочел: «Благодать Бога, по буддизму, состоит не в создании этого мира страданий, а в *уничтожении* его. И высшие божества буддизма — будды — выступают именно в форме таких “разрушителей реального мира”. В этом их высшая божественная спасительная функция.

Таким образом, буддизм создал специфическое, свойственное именно ему представление о Боге-Спасителе, разрушающем мир».

Но ведь и Христос принес не мир, а меч (ба! да это почти хлебниковский палиндром), и литература, что бы там ни горланили университетские скопцы, тоже только *разрушает*, она *лишает человека «человеческого»*. Это тоска по ангельскому чину.

Вот что такое литература, Гена.

И футуристы по трубному гласу пришли, чтобы ниспровергнуть словесные китайские стены.

Во сне мы вместе должны были переплыть через реку, чтобы попасть на тот берег. Она стала раздеваться, я тоже. И тут зазвонил телефон, я проснулся.

10. Похороны У

Что-то в ее голосе в ее поступках коробило меня стало меня вспоминать заставлять романы в которых описывалась жизнь проституток но я все же поднялся наверх я не верил что это создание способно на такую грязь, на такую низость

Вот мы открываем дверь ее квартиры Вот поэтому то мы и застали его сидящим за стойкой бара который не отличался особой популярностью Джон сидел с мрачно меланхоличным видом и заказывал себе уже шестую порцию шотландского виски

Вот он ушел из дома, а что дальше ведь сдездь тоже те же условности и приличия сдездь те же скованности сдездь тоже нет свободы нет!!! А любов сдездь тоже денежная любов

Автор честно признается, что он уже больше не перечитывает того, что записывает. Автор пустился в присядку с пухлым бытовым романом под мышкой. Автору глубоко насрать на автора.

9. Драка вокруг похоронной машины

Вскоре прозвенел звонок и Анна Карповна с гордым видом промаршировала мимо меня, махая своей небольшой указкой эту указку она носила черт знает для чего он подходит к окну на котором стоит фотография женщины он долго и пристально смотрит на нее в его взгляде тоска и мука и шевелятся его

губы произносятся какие-то слова Джон выпивает две кружки пива и выходит из трактира садится на лошадь и скачет по довольно таки извилистой дороге

КОНЕЦ

Итак я стою у окна вдруг открывается дверь и входит мистер Браун с каким-то типом в черном костюме с белым платочком в кармане с щеточкой усов и огромным носом домой я пришел под утро и на уроки пришел совершенно разбитый тут со мной и случилась история из-за которой я попал в тюрьму

6. Зрелище на Верховном суде, сидячая борьба, высылка

Диалог:

- е ёгинун сунняи янкхэдри
мёлманхан яндок когерао
- е комабсумнида

Неужели вы не чувствуете, как на зубах хрустит время. Мой роман — мельница смерти. Дон-Кихот на своей карусели. Дульцинея Тобосская жива! не все пожрала чумазая свинья прогресса.

Жирный боров мировой литературы по уши залез в блевотину обывательского болота, и Салтыков взвыл, простирая худые руки в кромешную тьму XX столетия: «Париж воняет!!» Смердящий век. И только немногие сумели выработать иммунитет, сохранить чистоту, подлинность. Выстоять.

8. Осмотр трупов

она стала посреди комнаты потом села на деревянную кровать и стала снимать туфли и кофточку посмотрела на меня с улыбкой ну что же ты медлишь глупый сказала она мне и взяла меня за руку потянула к себе, она между тем выпила красного вина из бутылочки и стала расстегивать юбку А я, вспоминая свою жизнь в Нью-Йорке, вот это была жизнь шумный город, шумные улицы, бары на каждом углу, а тут что тут скучный небольшой городишко в котором всего бросил на имитированное ложе она отчаянно кричала и бранилась по дороге в участок Джон имел в молодости все что только мог пожелать В кабинет У робко входит Э. П. роскошная спальня, большая кровать на стенах портреты

Еще один полет над рукописью. Еще одно отступление от первоначала. В древности точку ставили после каждого слова, запятая изобретена не так уж давно. Запятая похожа на эмбрион и спираль одновременно, в ней запечатлена великая идея ВОСКРЕСЕНИЯ, запятая во Христе и во кресте пребывает, и кто его знает, что это я пишу? Ухожу обратно в партитуру. Адье.

Вдруг неизвестно откуда и почему ловишь себя на желании рисовать, и если нет рядом бумаги (ум мага?), то в уме рисуешь какие-то фантастические ара-

бески, ощущая горечь туши (души?) во рту, а потом вырастают цветы линий и ты бродишь по лугам воображения, так Адам прогуливался по Раю, но Бог еще не простил глиняной кукле ее преждевременность, и ты падаешь камнем в теплую коробку тела, чтобы снова дышать и томиться о *дыхании*. Главное, что мир *чудесный* находится совсем-совсем рядом, стоит только *перестать*, как ты уже Там. И реки текут по жилам, и океаны омывают грудь, и звезды хрустят под ногами, и весь мир — это ты, Господи!

Искусство возвращает человеку радость чуда и мудрость непонимания простых вещей, оно учит вселенской жизни, вплетая эмоции людей в бессмертную ткань Слова. Мы только испарения некоего текста, круговорот словес в Природе.

На афише было написано: 10 ч. 00 м., 13 ч. 00 м., 14 ч. 05 м. уд., 16 ч. 50 м. и т. д. Я смотрел и не верил: Тредьяковский, масхалат, сыпь на сцене, Блох...

Указатель сюжетов Томпсона и Аарне сопоставить с «Веткой персика», выстирать носки и заклеить лилипуту рот лейкопластырем, и послать Шагалу такую телеграмму: «АУ! ГДЕ ВЫ МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?»

Лэ совсем состарилась у нее траншеи на шее и шерсть на шивоте, но я все равно ее люплю, ведь оно мое создание, моя электрическая ватт-киловатт бангладеш. И пол, а потом и характер рухнули на потолок, родились дети, у, ю.

Этот абзац я перепечатывать не стану, исходя из соображений гуманности и законов детективного жанра.

Достоевский жарил блины своих романов на детективных жирах.
Ком би жир.

ТЕБЕ В ДОРОГУ, РОМАНТИК

фотоаппарат «Зенит» (150)
(дешевый объектив «Гелиос»)
фотоувеличитель «Зенит» (78)
шерстяные одеяла омские (53)
часы карманные мужские (20–24)
(челябинский з-д)
будильники по 9 рублей
швейная машинка «Веритас» (135)
книги по искусству на ин. яз.
пластинки 100 шт. (классика)
сигары кубинские «Черчиль»
«Ромео и Джульетта»
серебро — 200 г.
5 золотых вещей до 200 руб. каждая
чемоданы по 5 р. 70 к.
складной велосипед «Кама» (100 дол.)

«Контаминация — это сложный художественный прием, владеть которым могут лишь сказочники-мастера с большим репертуаром. Одним из таких мастеров был А. Новопольцев. Характеризуя его сказки, Э. В. Померанцева пишет: “Контаминируя сказочные сюжеты, Новопольцев поражает слушателей размером своих сказок. Новопольцев увлекает аудиторию описанием бесконечных приключений героев, переводя своих слушателей от одной сказки к другой, щедро рассыпает свои богатства, как бы любуясь своей *властью* (Б.В.) над материалом”».

— Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка. М., 1975.

Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да.
Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да.
Да- Да. Да. Да. Да. Да. Да.
Да. Да. Да. Ад. Да. Да. Да.
Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да.
Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да.
Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да.

Эта опера добилась больших успехов также и в художественном оформлении. Как и в революционной опере «Море крови», песни куплетизированы, музыка общедоступна.

А также рельефно-перспективные и подвижные декорации, красивые и изящные танцы способствуют ходу развития событий в опере и раскрытию духовного мира героев.

Революционная опера «Расскажи, тайга!» делает большой вклад в воспитание наших трудящихся, отдающих все силы великому делу грандиозного социалистического строительства и объединения Родины, в духе беспредельной верности дорогому вождю и учит их при каких бы то ни было бурях сохранять свою политическую жизнь.

Мои книги надо *созерцать*, а не *читать*. Они рассчитаны на молчание. Здесь ничего не происходит, ибо все *происходит одновременно*.

Барабан вселенной. Там. там,

сказать себе: мир кончился, и либо повернуться затылком к современности и смотреть в прошлое, либо затылком к прошлому. Хитрецы берут в дорогу зеркало, но от контраста картин разламывается голова (Нитче). От тысячелетних культур остались книжки в глянцевых суперобложках. Что делать с музейными бабочками и произвольными жестами?

3. Причастность поэта Ким Чжи Ха

Он подошел к черному провалу картины Куинджи, постоял в нерешительности какое-то время, а затем вытянув вперед руки прыгнул. Тело быстро скользи-

ло по гладкому желобу. Он ни о чем не думал, покорно отдаваясь закону тяготения. Наконец забрезжил свет. Просторный зал. На стенах висели его рисунки в симпатичных деревянных рамах. Ил было несколько тысяч. Прохаживались люди в тибетейках и полосатых махровых халатах. Некоторые сидели на корточках и испражнялись, прикрывая голову полами. Мальчик лет десяти и совершенно лысый расстреливал из рогатки его работы: стекло празднично звенело, бумага с шипением трескалась, черные хлопья туши сыпались на блестящий паркет.

НЕССИ БУДУТ ИСКАТЬ... ДЕЛЬФИНЫ

«ДЗЕНСКОЕ МЯСО, ДЗЕНСКИЕ КОСТИ...»

Свет хищной радости в глазах ребенка пробудил небывалый восторг в душе. Он достал из кармана связку ключей и начал с их помощью приводить рисунки в первобытное состояние. Угрюмые люди в халатах присоединились к ним. Они дружно вытаскивали изуродованные мыслью листы бумаги из прозрачных влагилиц и складывали в общую кучу.

«Некоторые ученые предполагают, что какое-то небесное тело, вероятнее всего комета, с массой в двести миллиардов тонн упало в Мексиканский залив неподалеку от Флориды. Над поверхностью Земли комета раскололась на два гигантских и множество мелких осколков. От сильнейшего удара ось вращения Земли якобы отклонилась на 23 градуса, а полюсы сместились на 2500 километров. Это вызвало сильнейшие землетрясения, ураганы. Уровень воды в Мировом океане поднялся на 200-300 метров, заполнив Землю».

Когда все рамы опустели, он подошел к огромному вороху бумаги в центре зала и протянул ребенку спички. Веселый костерок лихо заплясал по паркету, неопровержимо доказывая присутствующим, что белое — также и черное. «Вот видишь, творить и разрушать, быть или не быть, смеяться-плакать — это одно» — брызнула ему слюной в ухо пожилая тибетейка.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕТРАДЬ

Записки
мысли
повести
сценарии
рассказы
зарисовки

апрель
14.

Президент Ким Ир Сен указывает: «Человек — хозяин всего, он решает все — такова основа идей чучхе. Преобразование природы и общества ведется ради человека, и это делает сам человек. Самое ценное в мире — это человек; самое сильное существо — это тоже человек».

Иногда буквы похожи на шнурки от ботинок.

«Не случайно в многословных и выпретенных описаниях “озарений” как восточных, так и западных мистиков мы не найдем каких-либо идей или открытий, реально обогативших человечество, способствовавших углублению его представлений о мире, расширению его практических возможностей, совершенствованию общественных отношений и т.д. Связано это, однако, не с невыразимостью мистического опыта, как думают сами мистики, а с тем, что выражать им просто нечего».

*М. Попова. Спасительная миссия дзен. —
«Наука и религия». 1979, № 12*

«Примером такого рода может служить 20-я глава *Дао - дэцзина*, где отшельник с горечью говорит: «Все вокруг сияют, как на торжественном жертвоприношении, как весной, когда восходят на холмы, лишь я молчу, как ребенок, еще не показавший себя, еще ни разу не засмеявшийся, как усталый путник, которому некуда вернуться. Люди вокруг живут в изобилии, лишь я как бы лишен всего. У меня сердце глупца, темное и смутное. Обыкновенные люди сияют, только я мрачен; обыкновенные люди все видят так ясно, лишь я зарыт в своем унынии, вечно колеблем как море, как пылинка, несомая ветром и не находящая пристанища». — В.А.Рубин. «Идеология и культура Древнего Китая».

7. Исполнение смертной казни через повешение

Утром Петр Сергеевич долго кряхтел над унитазом. Заглянув в зеркало, после очередного радения над фаянсовым идолом, обнаружил незнакомого человека с бледным потным лицом, слезящимися глазами и ультра-фиолетовыми подглазьями. Металлический обруч сжимал голову. Га — ро — та произнес по складам Петр Сергеевич перед тем как отправиться пить спасительное пиво. По дороге мучительно вспоминал, как полногрудая швырнула рубль ему, а сама вылезла из такси вместе с каким-то офицером. Женщины бросали Петра Сергеевича обычно ранней весной, когда набухали почки на деревьях и начинало казаться, что хочется жить. Он мучительно переживал разрывы, переставал читать книги и думал о самоубийстве.

Отведав холодного пива, поплелся в парк. Старый парк был обезображен траншеями и экскаваторами, землекопы в оранжевых куртках перебежали из одной канавы в другую. Это напоминало театр военных действий. Пистолет достать негде, — продолжал бредить Петр Сергеевич, — а вот ружье у Льва Толстого наверняка есть. Украду у него — пусть потом по судам потаскается, крейцера соната.

Он шел по центральной аллее, с озлоблением глядя на встречных. Боже, какие уроды! — шептал он с пафосом институтки и сутулился еще больше.

«...Я становлюсь множественным существом, меняющим перспективы, я становлюсь более гибким, у меня больше нет этой одной точки зрения, я все время меняю свои точки зрения. И затем, в процессе перемен, изменяясь благодаря тому, что я делаю, и то, что я делаю, еще более меняет меня — я требую большего. Я больше не могу вам сказать, чем является музыка и я в таком процессе. Я изменяю музыку, музыка меняет меня». — «Беседы Джонатана Котта и Карлхайнца Штокхаузена».

Господин У купил своей дочери транзистор за несколько дней до ареста.

Библиотека Дома советской науки и культуры приглашает Вас на литературный вечер, посвященный творчеству писателя, актера и режиссера В.М.Шукшина.

В программе:

1. О творчестве Шукшина рассказывает переводчик доктор Зденка Псудкова и зав. редакцией советской прозы «Народного издательства» доктор Гида Штепанкова
2. Отрывки из произведений Шукшина читают студенты ДАМУ Граховинова Марта и Бернашкова Ирина
3. Шукшин — кинорежиссер.
Просмотр художественного кинофильма
4. Чай
В программе вечера прозвучат русские народные и советские песни в грамзаписи.

Вечер состоится 5 декабря 1978 г. в 17 ч. 30 мин.
в музыкальном салоне ДСНК

Протокол судебного заседания был выдуманный. Там было записано «Да, да» вместо «Нет, нет».

Жизнь состоит из предложений. Они длинные (сложносочиненные), когда доберешься до конца одного из них, начинает казаться, рассказ твоей жизни завершен.

В конце таких предложений или абзацев Петр Сергеевич, подобно всем неврастеникам, чувствовал себя особенно паршиво. Он долго топтался перед точкой, не решаясь переступить через нее (комплекс Раскольникова?) и начать следующую фразу. Мерещилось, жизнь кончена...

Он подолгу не вставал с постели, лежал с закрытыми глазами и думал о чуде. Чудо — это нарушение привычного порядка вещей. Но, с другой стороны, он не любил перемен. Новые знакомые, новая работа, даже новые (вернее, современные) книги пугали своей неопределенностью. Кто знает, сколько сил души они отнимут и что принесут взамен?

Точка переживалась как грозное предощущение неизбежной новизны. Старый уклад жизни, такой опостылевший, но такой привычный, следовало разрушить. А ему уже не хотелось новых абзацев, в недрах которых таились крутые сюжетные повороты. Монотонность повествования успокаивала, баюкала...

Казалось, новый абзац походил на необитаемый остров. Он существовал сам по себе, независимо от предыдущего текста, и только море (бумага) связывало их в единую экологическую систему. Бессвязность, невнятность текста приводила в отчаяние. Сочинение представлялось несносной глупостью, хотелось порвать его и выбросить в мусорную корзину памяти.

Однако ни с того ни с сего (это-то и было чудом) новаявленная фраза озаряла трепещущим светом омраченное сознание, нервные клетки образовывали стремительные хороводы, душа закипала как чайник, и все начиналось

47. Иисус сказал: Будьте прохожими.
Наг-Хаммади. П., сочинение 2

О миг, исполненный блаженства! Сейчас (9 ч. 50 м.) я чуть было не подавился шпротами, случайно раскрыв журнал «Волга» (№ 3. 1979); там рукой неувядающего, вечно живого Виктора Лихоносова было начертано: «Наташа смочила тряпку и принялась снова обтирать и переставлять книги. В отдельный уголок составила те книги, которые он ей дарил. В надписях, неизменно горячих, тоже застыло эхо их жизни. Она любила Егора, она ни с кем не сможет начать новую жизнь. Но что за мука — ждать! Где он? Смотрит ли по субботам программу «Время», как обещал? В минуту позывных они договорились передавать друг другу приветы. Наташа проверила часы, включила телевизор и села в кресло с тряпкой в руке.» — роман «Где ты? Что с тобой?»

И еще один перл (солитер!): «В руке К. (*Кафка!* «Процесс»!)— Б. В.) держала кухонное полотенце. Они стояли в разных концах комнаты.

— Уезжай, сказала она. Если ты и останешься, все равно это конец.

— Хорошо. Хорошо.

— Пойдем, я последний раз посмотрю, как ты ешь.

Он отказался.

Она вдруг кинулась к нему, падая, Егор обнял ее».

ых эффектов (звучо ой поэзии, — он ак фонической о сетей) лишен для семантического поэтической фун ри самом надеж моей цепи — традиционн
о не по карману кие прекрасные ку то пошло «О-т-а коли он не пр стану
надо бы я вдруг я не так

Он вдруг понял, что во всем этом огромном и непонятном мире нет ни одного человека, к которому бы он мог прийти просто так, потому что ему тяжело, а понял — впереди пустыня, и только где-то там далеко, по ту сторону наваждения сидит маленькая седая старуха в очках, которая пьет чай в прикуску, и ждет его, ждет...

— А?! это еще что такое?

Оттуда смотрел пошловатый, упитанный молодой человек в очках с красными щеками.

«Задумавшись на минуту, Маршал Ким Ир Сен сказал кадровым работникам:
— Этому ученику сошьем одежду. Его надо отправить в училище для детей павших патриотов, так что его надо одеть в военную форму. Всем членам его семьи тоже пошлем подарки».

Хорошо молиться тебе, как легко ты слышишь!
Видеть тебя — благо, воля твоя — светоч!
Помилуй меня, Иштар, надели долей!
Ласково взгляни, прими молитвы!
Выбери путь, укажи дорогу!
Лики твои я познал — одари благода[тью!]
Ярмо твое я влачил — заслужу ли отдых?
Велений твоих жду — будь милосердна!
Блеск твой охранял — обласкай и помилуй!
Сиянья искал твоего — жду для себя просветленья!
Всесилью молюсь твоему — да пребуду я в мире!

Описание событий перестало быть предметом литературы. Она учится описывать движение смыслов. Мы пришли к некоему космическому пониманию языка, слово рвет цепи земного притяжения и устремляется в неведомые дали. Наступила эра великих географических открытий в литературе. Двери и окна слов растворены, наиболее нетерпеливые скитальцы уже покидают опустыленную клетку...

Они слышат шум океана, они становятся *действительными* участниками вселенской жизни, они уже больше *не люди*.

И как знать, не есть ли непонимание новых форм та грань, которая некогда неуловимым образом отделила человека от животного, быть может, и сейчас незримый меч Иисуса Христа...

Вышесказанное отнюдь не означает, что старая литература исчезнет. Она просто станет почвой, средой, в которой будет развиваться семя нового слова.

Филология приступает к изучению генетического аппарата литературы (хромосомы — дело будущего), поэтому писателю становится тесно в рамках структурного анализа, он покидает сюжет.

«Откуда черпалась энергия “взрыва”, сообщившая материи огромные скорости разлета? Что было до него? И что значит здесь “до”?»

А.Д. Черных. Реликтовое излучение, бесконечность и горизонт. — «Природа». 1979, № 3

Был вечер. По улицам фланировали парочки. Петр Сергеевич остановился.

Петр Сергеевич — твой, Вергилий, читатель. Возлюби его (или возненавидь) как самого себя. Он шепчет тебе на ухо опять и опять: Мое я не тождественно «моему я». Кто ты, читатель, жаба или ласточка? Божья коровка, навозный жук, аскарида или лотос? Все мы Божьи создания, все мы с одинаковым равнодушием пожираем друг друга, и стрекочут пулеметы вместо кузнечиков.

Отказавшись от престижных профессий, автор погрузился в пучину народной жизни, вовсе не имея в виду ее изучение. Но постепенно тусклый колорит мельтешащих феноменов привлек к себе его умственный взор. Ведь 90 % биомассы обитает не на поверхности планеты вместе с гиенами и страусами, а — в почве. Народ — это и есть почва. Часто ли мы обращаем внимание на копошащихся под нашими ногами червей и грызунов.

Червь! само это слово уже вызывает презрение и смутное беспокойство. Миллиарды их ползают в крошечной тьме на протяжении тысячелетий, не помышляя о своем «предназначении в Вечности». Я думаю, Христос пришел именно к червям, именно им он сказал: Будьте как птицы!

Гаврилов В. П. Феноменальные структуры земли. 7,6 л. 50 к.

Автор давно уже превратился в не-автора. Он утратил «самостоятельность», а заодно и «человеческий облик». У этой книги скоро вырастут ноги, и она отправится по грибы в филармонию. Книга придет ко мне в гости, и мы заварим чай, которым угостим наши рисунки. Мы выращиваем космос на дрожжах нашей глупости, в котором блюстители порядка отыщут какие-нибудь законы. Мы божественно одиноки, потому что большие серебряные крылья трепещут за нашими спинами. Автор умер. Автор стал самоваром.

АВТОР СТАЛ САМОВАРОМ

Из статьи о футуризме: «Вначале был Большой Взрыв. Огненный шар «числой энергии» увеличился в размерах и постепенно остывал. Через сотую долю секунды после взрыва температура Вселенной составляла 100 миллиардов

градусов Цельсия (42°.— Б. В.), а ее плотность («дыр — бул — щыл».— Б. В.) почти в четыре миллиарда раз превышала плотность воды. Появились частицы, которые то превращались в энергию, то становились снова веществом (ОБЭРИУ.— Б. В.).

Через 3 минуты и 46 секунд частицы уже удерживались одна около другой достаточно долго, чтобы образовать ядра водорода и гелия (наша эпоха. — Б. В.). Спустя полчаса четверть водорода превратилась в гелий, навсегда тем самым предопределив химический состав космоса.

Затем образование Вселенной завершилось. Прошло еще 700 тысяч лет, за которые непрерывно расширяющаяся Вселенная остыла до 4 тысяч градусов, так что вещество заменило излучение в качестве основного компонента космоса. Ядра и электроны объединились и образовали стабильные газы — водород и гелий. Вскоре облака газа сконденсировались в звезды и галактики (грядущие жанры?— Б. В.)

Сегодня спустя 15 или 20 миллиардов лет, «потомки» этих первоначальных объектов — 100 миллиардов галактик, каждая из которых содержит 100 миллиардов звезд, — заполняют ночное небо, все еще разлетаясь друг от друга, поскольку Вселенная продолжает расширяться».

*Подбираясь к истокам мироздания. —
«За рубежом». № 18 (1983)
от 29 апреля — 3 мая 1979*

Долго ничего не записывал. Был в Гонконге, купил там у одного маоиста «Науку и жизнь» № 4 за 1979 год и прочел в заметке Л. Фирсова «Изучается обезьяний “словарь”» следующее:

«... обезьяна производит разнообразные звуки вовсе не целенаправленно, а потому, что она не может молчать. Другое дело, что звук, произносимый обезьяной в ответ на определенную ситуацию — это действительно сигнал для других особей, поскольку смысл, содержание его понятны всем, — это свойство врожденное. Природа, создав в течение тысячелетий сложнейший механизм стадного существования животных, позаботилась и о том, чтобы плюсы и минусы (благо и издержки) биологического бытия делились между всеми членами группы возможно равнее. Именно потому седая мамаша, обнаружив дерево с вкусными плодами, не могла наслаждаться ими молча, втайне от других».

Ср.: Молчание Христа и «Не могу молчать» Л. Толстого. А мои цитаты из Салтыкова, которые я назойливо навязываю глухонемым знакомым... *Не могу молчать!*

Буду делать записи черными чернилами. Домой, к тушечнице! лягу на спину, проведу в голове линию справа налево через играющие в невидимый теннис полушария и поеду в сон без сновидений. Сон в летнюю (от слова Лета) ночь. Май месяц нынче. Майя. Майка. Футболка. Балаболка.

Май месяц нынче. Деревья зе, птицы пе, я встретил де. Она не. Деревья зе. Мы ле. В мыло! Спать пора. — сказал египтолог Перепелкин товарищу Тургеневу. Спи спокойно, дорогой товарищ Первая Любовь. Ася в ХИАСе.

А нам все равно!

«Следует, однако, иметь в виду, что интеллигентный труд в древности презирился и считался, как и труд ремесленника, недостойным гражданина, потому что интеллигент трудился не на себя, а на других. Поэтому особой тяги к знаниям в древнем мире не было. Знания, становясь источником существования, не сулили ничего, кроме презрения. Науками занимались либо те, кто не мог жить без них, либо презириаемые ремесленники, торговавшие своими знаниями, — в обоих случаях люди труда и подвижники. По этой причине древний мир и дал человечеству первоклассных ученых, поэтов и художников». — В.А. Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон исторический.

Равнина равнина — Аравийская пустыня.
И вообще все говно: и мысли, и чувства, и душа, и одежда, и яйца.

Стой! Кто блюет?!

У женщин из второго Падыркского кургана череп был трепанирован и по извлечении мозга черепная коробка наполнена землей с мелким гравием,

Вчера у меня состоялась весьма неприятная беседа с одной даровитой дамой, она упрекала меня по прочтении кое-каких текстов и в сентиментальности, и в неоправданном (в связи с моей человеческой незначительностью) презрении к людям одновременно.

Есть три способа реакции на критику сверху вниз: обидеться (дуэль), не понять (защитный барьер), понять, но промолчать (...ветер носит).

Я промолчал, но подумал потом, прямое выведение морали из текста — непростительная вульгарность. Нельзя вменять в вину автору то, что он *автор* своего текста. Таким образом, творчество ограничивается установкой, требующей от исполнителя неперменного величия и значительности (мэтромания)... Но величие не всегда состоит в том, чтобы быть «великим», иногда величественно быть жалким или смешным.

Это завещано Иисусом Христом.

Творение либо существует, а тогда всякая критика есть частица его сияния, либо нет, и тогда критика есть тщетная попытка утвердить несуществующее.

Можibur: Антон!

Антон: 26?

Если то, что я пишу, действительно есть книга да еще одна из частей «Утро три», тогда.

Проза должна стать нечитабельной, наподобие плесени.

Авангард — редкое чувство духовного потолка и жажда его преодоления. Своего рода астрономия культуры.

Меня ругают или хвалят, а я слышу голос: все равно камень — это камень, а проза — это камень, который течет. Вот и все.

Запятая,

Если буду перепечатывать это соч., то буду делать вставки от машинистки или машиниста.

Машинист — А.Платонов.

(Самое удивительное в том, что теперь, добравшись до этого места, я только и вспомнил о нем, а когда печатал и делал вставки, то и не помышлял о том, что в будущем прошлом об этом уже говорилось.)

У меня сюжет круга.

Иду спать. Бахтерев громовое эхо. Удивительное чувство немоты.

Сегодня снова заглянул в эту книгу. Черт знает что! Сегодня лето. А что будет в следующем абзаце и как? Впрочем, у книги может быть только одно время года — осень.

Осенью осененные книги.

Действительно осень. Опять фиолетовые чернила. Сегодня 29 августа. Я думаю, все тщетно. Но это еще не повод к отчаянию. Моя проза безыдейна как трясогузка. Тихие круги по спирали, и все время повторяешь одно и то же, но каждый раз это *одно* звучит не так, как прежде. Или, как сказал Шекспир: много шума из ничего. Уильям постиг Пустоту.

Геннадий в поезде дальнего следования проследовал сквозь эту станицу-страницу. Он ехал в Ниццу.

«Всю свою жизнь Клиффорд учился быть отверженным, как иной учится иностранным языкам...» — Натаниель Готорн. Дом о семи фронтонах.

Эта книга — явная неудача, поражение. Но мне это-то в ней и нравится. Проза нечитабельная милее всего. Пусть она будет темнее и темнее, неслышной и нескладной. Я ухожу в чащобу звучаний, в первоначальную каменную немоту до

Реми фасоль,

«Как и всякий магический текст, и данный любит прибегать к звуковым эффектам, к многократным повторениям слов, фраз, к рядам формул, построенных из одних и тех же слов с небольшими заменами в каждой, к игре слов...» — Б.А.Тураев. Египетская литература.

Вторые сутки полета.

утка
судно
уд
дно

«Таким образом, круг замыкается: сначала, как можно предположить, на основании рисунков и орнамента создавались иероглифы, а теперь из иероглифов создается орнамент». — А.М. Карапетьянц. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах (Китай до середины I тысячелетия до н. э.). — «Ранние формы искусства». М., 1972

Рукопись — карта военных действий. Пятая колонна смыслов просачивается сквозь хаотические орды кочующих букв. Смысл смысл уничтожит.

Библиотека Дома советской науки и культуры в Праге приглашает Вас на «Литературный понедельник» — «Великий писатель земли русской» (к 150-летию со дня рождения Л.Н.Толстого).

В программе:

1. В. И. Ленин о Л. Толстом.
2. Чтение отрывков из произведений Л. Толстого.
3. Музыка в жизни и творчестве Л. Толстого.
4. Выступление солиста и прослушивание грамзаписей.
5. Чай.

Вечер состоится 25 сентября 1978 года в 17 ч. 30 мин.
в музыкальном салоне ДСНК.

Кришнамурти: Может быть, вам окажет помощь в понимании этого вопроса следующее: такая свобода есть тотальное отрицание. Отрицать все — мы считаем такой подход положительным. Отрицать общественную мораль в целом; отрицать всякое внутреннее признание авторитета; отрицать все высказывания или умозаключения относительно реальности; отрицать все традиции, все учения, все знание, за исключением технического; отрицать весь опыт; отрицать все побуждения, которые являются ростками сохранившихся в памяти или забытых удовольствий; отрицать все достижения; отрицать все обязательства поступать особым образом; отрицать все идеи, все принципы, все теории. Подобное отрицание представляет собой в высшей степени положительное действие; поэтому оно и есть свобода.

«Старуха хлебнула рома и закашлялась как овца». — И.Нечуй-Левицкий. Старосветские батюшки и матушки.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Признаки времени. —

«План начертан, и не исполнять его нет никакой возможности. Этот план, разделенный на множество клеток, заключает в каждой из них либо краеугольный камень, либо орнамент, причем строжайше наблюдается, дабы камни не смешивались ни между собою, ни с орнаментами, так как подобное смешение может нанести ущерб отделке плана. Заключенный в свою клетку, со всех сторон окруженный краеугольными камнями, что может совершить бедный, беспомощный литератор? на какие подвиги он может отважиться?»

Очевидно, что подвиги эти не могут быть ни особенно интересны, ни особенно разнообразны. Как бы мы ни украшали клетку, все же из нее ни под каким видом не выйдет вселенной; как бы мы ни уподобляли поэта или публициста, сидящего в клетке, орлу парящему или соловью, в трелях изнемогающему, все же это будет только орел или соловей, то есть в обоих случаях птица, которой и свойственны подвига птичьи, а не человеческие.

Но это несомненно и имелось в виду при устройении общества по предначертанному плану».

«Действительно, любовный шепот нашей парочки состоит главным образом из птенцового щебетания, которое приберегается взрослыми галками специально для таких случаев. И

снова — как это поразительно по-человечески! Ведь и мы сами, пытаюсь выразить сердечную привязанность, обычно прибегаем к впечатлениям детства или вы не замечали, что почти все прозвища, которые мы изобретаем, чтобы излить свою нежность, оказываются уменьшительными именами». — Конрад Э. Лоренц. Кольцо царя Соломона

Вопрос об нии фрида и хильды т.е.о тов ы Гунте нхильды, героини о св шки, пробужден сирог ак ты, то жар и я Хлебный насквозь плафона ка злом покой как я в набит судьбой.

С другой стороны, Анна Львовна не любила физический мир и рыдала на плече у букиниста как роцца.

Ах! и у вас дыхание, слышу, замерло, думаете сейчас чаво-нибудь будет, а если не будет?..

«Казалось бы, что мистического в ярких клееных бумажках вместо картин: не то-ли самое нравится детям и дети, придя на выставку картин футуристов совсем не боятся бумажек Крученых.

Почему же родители их полны ужаса под маской негодования и презрения?

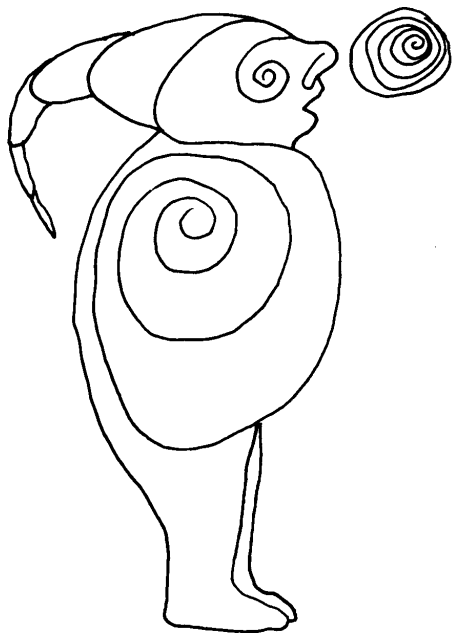
Не потому-ли что тут они не узнают себя, природы, всего, что существует с начала мира и должно существовать до “конца света”?! Должно существовать, время еще не пришло, а между тем в бумажках Крученых уже ничего нет! Что это? Издевательство? — два черных прямоугольника, из которых один бархатно-матовый квадрат, а другой лакированно-блестящая полоса?! А вдруг в следующую раз он возьмет и наклеит только один блестящий или матовый квадрат?! что тогда?! Тогда “конец света”?! И с детства привычный для человечества

страх ночи светопреставления поднимается в душе взрослого человека, потому что не заметил он, как мир кончился и начался с конца... без «трубного глаза», мир заумный заоинный». — И. Терентьев. А. Крученых. — Грандиозар

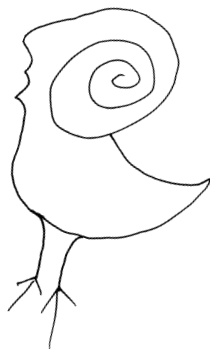
Говоря откровенно, я уже успело в другую тетрадь, которую случайно подобрал в конуре на работе.

Вот цитата на прощание : — та «... однажды Будда вместо многословной проповеди молча поднял вверх подаренные ему цветы. Ученики были в замешательстве, и только старец Махакашьяпа со спокойной улыбкой смотрел на учителя, понимая все красноречие его безмолвного наставления. Заметив это, Будда торжественно провозгласил: «Я обладаю самым драгоценным сокровищем, духовным и трансцендентным, которое я передаю сейчас тебе, о почтенный Махакашьяпа» — та

февраль (?) — 1979 январь 1980

Что было дальше — неизвестно.
 В другом цзюане об этом скажем.
 А вы пока попейте чаю,
 Покурите, отдохните

III

САД ДЗЕРЖИНСКОГО

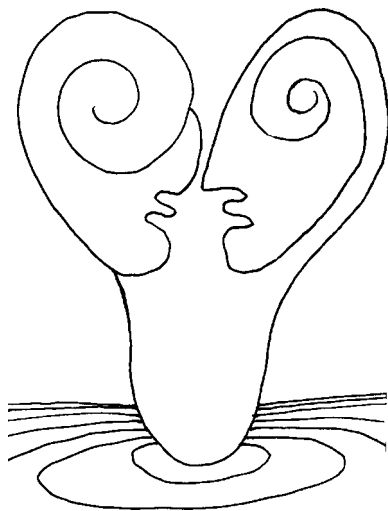
Добро и зло бесхитростно цвели.
Махала ветка шапкой золотистой,
и, оторвав подошвы от земли,
над бабьим летом плыли футболисты.

Бутылки собирал горбатый гном,
акселераты шли, как макароны.
Младенец-херувим с раскрытым ртом
исследовал застылый труп вороны.

У дебаркадера качались катера,
в них изменяли женам инженеры.
В кустах по-черному с утра
глушили водку люмпен-офицеры.

На голубой эстраде старики
упорно дули в полковые трубы.
Последние порхали мотыльки.
И Феликс скалил бронзовые зубы.

Утром три
Роман в двух частях

Часть первая

Почему же называется «Утром три?»
Вот отчего. Обезьяний царь, раздавая каштаны, спросил:
— Хватит ли утром по три, а вечером по четыре?
Тут все обезьяны разгневались.
— Тогда утром по четыре, а вечером по три? —
спросил он.
И все обезьяны обрадовались.

Чжуан-цзы

I

Я виноват, я не прочитал до конца манифест Бретона. А Беркли, буду ли я читать Беркли? Шекли, Шелли, Шеллинг? Я так необразован, глуп-с как пробка. Пропп, Болеслав Натанович Пруст. Сегодня, как говорят некоторые лучшие умы Евразии, 2 мая — значит, вчера был шабаш. Ум — это опечатки и отточия... Помню, лет десять назад мылся в ванной и пел (см. «Характеры» Феофроста): «А я иду, шагаю по Москве, и я пройти еще смогу соленый Тихий океан, и тундру, и тайгу». Стоит ли говорить, что я в Москве ни разу не был. Везти девять дырок моего тела за 666 километров от родного красного ободранного дивана, которому как совершеннолетнему уже можно было бы выдать паспорт? Я ли тебя брошу, я ли тебя покину, я ли тебе изменю? Отвечаю: я.

Диван Тамарита. С Гете отношения у меня не сложились. Он много смеялся и вел себя не по-джентльменски, а я не хотел идти вперед по трупам. Клопшток много лучше Гете, хотя бы потому, что я не читал его.

Потом началось истребление личности. Сурож, где-то неподалеку строилась генетическая цепочка Николая Васильевича Гоголя и Остапа Вишни. Помню: вагон, погон, три выстрела из ракетницы — и началась война-14. Да, мы пили кумыс, а исландцы похожи на тибетцев. Снова город, еще похуже Иерусалима. Русь. Пусть лингвисты об этом беспokoятся. Я только снимаю слепки с сознания. Дактилоскопия, ортопедия. Нет, с мальчиками не приходилось... Грех — нововведение в технологии жизни, непредусмотренная функциональность.

Бог заботится о мыслях, если они приходят мне в голову? Тут же фиксирую их. Так это и значит говорить правду? Скажем, истребление людей поставили не промышленную основу. Такова логика индустриального века. Сологуб знал, что говорит, когда предрекал: инженер нас съест. Во множественном числе дилемма Каина и Авеля упраздняется. Нравственная сторона просто перестает существовать.

Невиновных в XX веке нет. Иллюзии эпохи Просвещения развеялись как с белых яблонь дым. Человек — темен. Поэтому все создаваемые им институты общественной жизни несут на себе печать неизбывной убудочности. На этом беспрецедентном пепелище утраченных иллюзий разве что иногда вспыхивают угольки озарений. От такого уголька не грех и прикурить.

Ишь ты, осел безгрешный выискался. Туда же о веке рассуждать, о человеке, а что эти твои рассуждения стоят, если ты сам не знаешь, почему сегодня одно думаешь, а завтра другое. Сегодня водки нахлещешься (к родителям гости придут), а потом будешь бабам звонить. У сознания есть свои этажи. И то, что происходит на одном, не имеет прямого отношения к другому, хотя все связано круговой порукой. Ну вот, значит, пришел я в первый класс записываться, как есть в очках и коротких штанишках, — Мария Федоровна (зело царственная директриса) мне номер на лобике тут же наколола и азбуку дала. Учился тогда в старинном особняке на набережной Фонтанки. Все дети в очках, а у одной девочки был даже рак мозга. Мы знали, что она скоро умрет, и сторонились ее. Развивался я в интеллектуальном отношении очень медленно. До третьего класса не ведал, как лаконично обозначен в простой разговорной речи мужской половой орган. Поэтому, когда читали текст о Миклухо-Маклае Барклае де Толли, в котором фигурирует туземец по имени Туй, и когда одноклассники стали придумывать рифмы на это экзотическое имя, я сказал по неведенью то коротенькое слово, без которого трудовая деятельность русского человека была бы просто невозможна. Мальчик Женя тут же побежал к учительнице и донес. Никто не поверил в столь чудовищно замедленные темпы моего развития. Было вынесено общественное порицание, а родителям срочно предложено обучить сына основам русского мата, чтобы избежать впредь повторения подобных эксцессов. С мальчиком Женей мы дружили и после окончания заведения. Он вырос и занялся воспитанием трудных подростков. Его мама была врач. За это он не работал летом на заводе. И однажды вечером эта врач позвонила мне домой (в детстве была сына ботинком по голове, вообще голова была несколько странная, он говорил, что его тащили щипцами, а зачем, зачем было тащить, ведь не хотел он на свет вылезать, знал, поди, что все равно ничего толкового из этого не выйдет) и сказала, что Женю убили. На похороны я не пошел. Молод был. Потом мы дружили, снимали любительские фильмы. Была еще Женя-девочка с цыганским лицом и черными, как очи, косами. С ней сидел за одной партой. В четвертом классе мне это приелось, и я, доказав Жене, что она человек некультурный (к тому времени мои познания в области ненормативной лексики значительно расширились), пересел на другую парту к Марине Родиной.

Марина Родина заслуживает абзаца. Это было явление из мира великого ирландского писателя Сэмюэля Беккета. Она ходила на своих полупарализованных ногах, раскачиваясь, как моряк в семибалльный шторм, улыбка довольства вечно блуждала на ее добродушном лице. За толстыми стеклами очков блестели глаза пьянчужки. Да, все время казалось, что она подшофе, что она живет в другом мире, где вино продается за символическую цену и магазины работают круглые сутки. Во всех классах, начиная с первого, она оставалась на второй год. Ее родители, люди интеллигентные, покорно несли крест. Не так давно видел святое семейство в метро. Так же качаясь и сверкая из-за очков глазами, в сопровождении поседевших отца и матери, Родина проплыла мимо меня, излучая свою светлую глупость.

В пещере у Платона задерживаться не стал, не поладил с Гегелем из-за эзк-конченности мира и подрался с Шопенгауэром. Он натравил на меня за то, что не знаю латыни, своего пуделя Атмана. Потом отведал бобов у Торо. Отравился грибами у Эрля. Мне ни с кем не ужиться. Даже за границу потому не еду. Люблю тихие вечера на балконе, когда снизу доносится шум жизни, а я гляжу в зеркало жизни и пью чай. Почему нельзя жить в свое удовольствие, почему эти скоты инженеры мешают тихо агонизировать на балконе и любоваться закатом Европы, следить глазами за передвижением варваров, за их дикой речью, слушать звуки орд Батыя. Вот радость! Пусть несутся эти народы в своей неистовой пляске, а я буду тихо сидеть на балконе, как это было тогда, тысячи лет назад в Египте.

На Севере надо носить пальто и кальсоны. Женя (девочка) обиделась на Люду Смирнову и плакала. Люда, курносое создание с жидкими желтыми волосами, подложила в парты одноклассникам записки с различными оскорблениями. Женя рыдала во весь голос: ну что, Люда, я тебе такого плохого сделала? Людмила флегматично безмолвствовала. Мне Люда записки не подложила, хотя я не был ее Русланом. Потом она осталась на второй год и перестала расти. Я думаю, в знак протеста.

Однажды на работе у меня пропали два бутерброда с мясом. Оказалось, они упали на дно шкафа, причем упали мясом кверху. Один человек съел это мясо со дна шкафа. Это был великий человек. Он мог съесть зараз десяток яиц не моргнув глазом, мог выпить литр наикрепчайшего чаю, съесть пуд печенья, истратить всю полчку в канцелярском магазине. Он варил суп на работе из пакета. Он курил папиросы. Он не спал ночами. Он называл классика бздундом. Он плевал на всех встречных голубей, истреблял мух телефонной книгой, играл в карты, он много успел съесть в жизни и ее окрестностях.

Поскольку Бретона я так до конца и не прочел (а читал я его в садике, пока Пожиратель сосиски ел), то перечитал первые четыре листа. Много опечалено, а главное, не очень интересно, но, положи ногу на сердце, разве уж так интересна наша жизнь, и что плохого, если этот текст так же сер и бездарен, как мое существование. Ну пошлялся в космосе с молекулой спирта, затесался на землю, метан, пропан, метилмеркопан, стал сторожем, написал книгу стихов и прозы, что в этом интересного? Я обыкновенная пошлятина, и Пу Сун-лин дал мне за это по шее. Интересен не текст сам по себе, а возникновение текста, сцепление имен и понятий в новые комбинации, рождение новой системы символов. Разве я не символ? Почему эти слова и имена вылетают сейчас из-под пальцев (я пишу на машинке), а не другие? Случайность появления того или иного слова? Законы стихосложения. Если кровь рифмуется с любовью в метрических системах, то в рыхлой системе прозы в большей степени должны проявляться механизмы сознания (конечно, если таковые существуют). Всегда ли стреляют ружья? И если я завтра продолжу этот текст, то, что это будет? И кто будет тот, кто будет продолжать его завтра? Если бы я мог всю жизнь, не переставая, фиксировать мысли, вот как я делаю это сейчас, то сколько бы это было томов? Кто бы их читал?

Ну, так нет. Пойду водки хлопну, а там посмотрим. Химия и жизнь, пары алкоголя, туманность Андромеды.

Лист надо закончить, нельзя его в машинке оставлять, а то родственники сунутся. Что печатаешь? Зачем? А зачем я писаю, откуда я знаю. Они думают, литература отличается от пищеварения. Нет!!! Три тысячи раз нет, это одно и то же. Сегодня тепло, пишу я, светит солнце, дети играют в покер, на деревьях растут, из земли лезут, из меня прет. Такой сегодня день. Всю зиму перепечатывал и редактировал старый текст. В мае начал маяться новым. Слушайте голос моего мозга, пока он водкой не отуманен. Слушайте, товарищи-подонки.

Перечитал снова. Дрянь все это. Но эта дрянь не только я. Нет, это и все остальные, прочие, разные, всякие, другие и непохожие. Вы чувствуете, что я хлопнул водки? Думаете, Сталин и Гитлер, это не вы сами. Нет, это вы, и более того, это я. Родственники смотрят футбол по телевизору, а я сижу в смежной комнате и печатаю сие, т.е. та пошлятина, которой Пу Сун-лин по шее дал. Делаю много опечаток: водка есть водка. Родственники смотрят футбол по телевизору, написал снова. Жарко.

Родственники, с ними я шел из Египта, сказали, что борода мне к носу весьма подходит. Дела идут на лад, скоро здесь никого из знакомых не останется. Я рад. Летите, голуби, летите, скоро сяду... На балкон, хотел я сказать, а вы что подумали?

Лад — рад: рифма? А может быть, проза — это тоже стихи? Только рифмуются не слова, а что-нибудь другое... Диван у меня старый, он провалился посередине, клочья желто-серой ваты торчат. Мне нравится атмосфера гибели в моем «доме». Книги месяцами лежат на подоконнике и коробятся от солнца, от погоды, а у меня нет сил их переставить в другое место. Я стар, мне еще нет тридцати. Я стар, старше всех своих предков, ибо знаю о них больше, чем знали о себе они сами. И вообще, хватит о себе. Поговорим о Риме. Древний град... там жил Челлини... Феллини... Пазолини... Дело было в Магадишо, купили мы с братом Колей бутылочку чернил и вкусили ее в столовой. Ну, вышли. Жарко. Эфиопия рядом! Николай кувырк с копыт. Я лег рядом, думаю: пропадать, так вместе. Он (Николай) — ноль внимания на мой патриотизм, спит как сурок или Ассоль-Суок Сучкова. Грина терпеть не могу.

Именно седьмая страница, два раза напечатал, что четвертая. Родители собираются летом в Эстонию. С кем я буду спать? Солнце (сейчас 17 ч. 8 м.) прямо перед глазами. Жарко. Это после водки, наверно. Мне все равно, что сегодня печатать, мне вообще все равно. Родственники наконец проснулись и спросили у родителей, что он там такое печатает? Зачем? Отец ответил неожиданно остроумно: он там печатает — и все... Платон прав, поэтов надо истреблять. Общение с живыми стихотворцами разлагает человечество. Это как летающие тарелки, поэты. Они тоже в форме шляпы, они тоже собирают цветы и камни. Родственники — это не плагиат, вот они сидят за стеной, если хотите, можете потрогать их руками.

II

Встал, еще не чистил зубов, и сразу за машинку. Графоман не знает выходов. У Тани Усуповой с семилетнего возраста были вставные зубы, грудь у нее тоже так и не выросла. Помню в классе пятом (тогда учились в районе Кировского завода) отдали в интернат. Очень не нравилось быть дежурным по столовой и таскать подносы с едой, поэтому за деликатесы, приносимые из дома, нанимал добровольца, который и таскал всю эту дымящуюся гадость. С тех пор ненавижу столовые и прочие забегаловки, где торопливо давятся едой неопрятные люди. А на рестораны денег у меня никогда не было. Прием пищи — наиболее интимное общение с окружающей средой, этот акт должен происходить торжественно, как, например, бракосочетание, опера или похороны. Эдик Файко всегда обращал на себя мое внимание: он ел оригинально. Из колбасы «Сервелат» зубами и ногтями устранял все, даже мельчайшие вкрапления жира, а потом заглатывал кусок целиком: высоко поднимал его над разверстым зевом и, разжав пальцы, бросал вниз, в глубину утробы. Был он мал и худ, часто оставался на второй год, мать его преподавала математику.

Колька наконец очухался, встал на четвереньки и громко икнул. «Будет жить!», — уверенно сказал доктор Астров и уехал в Аддис-Абебу. Потом мы пошли на охоту. Саванна. Все те же блочные дома, совмещенный с оазисом санузел, львицы в набедренных повязках, редкие пыльные пальмы в кадках и ресторан «Чака Зулу». Людмила Федоровна спросила на классном собрании: это что, у вас дома такие разговоры ведутся? (я сказал, что в Америке люди живут не хуже). Мы видели ягуара с покореженным кузовом, двух шакалов со скалками, а также анти в лоб и зебр забор. Потом вернулись в гостиницу и легли спать с первыми попавшимися аборигенками. Огромный вентилятор не избавлял от зноя. Душно. А продала меня на этот раз девочка Нона, она была выше всех нас (тоже заядлая второгодница), была старостой и помаленьку стучала, чтобы перейти в следующий класс.

Проза — алхимия слова, здесь нет места инженерным расчетам, доверьтесь стихии мозговых извилин, как доверяетесь им, когда идете по улице, провозглашаем поток бессознательного. Кто ведет нас в наших реакциях и поступках, что руководит нашим выбором, кто правит балом? Нет ответа.

Спектакль продолжается. Марионетки выходят на сцену. Сегодня нет вчерашней живости, скорописи. Производительность пала. В четвертом классе к нам пришла новая учительница, Анна Петровна. Она выросла и получила воспитание в глубине России. Смеясь, прикрывала рот рукой, видимо, боялась, что душа вылетит (см. Дж. Дж. Фрезер, «Золотая ветвь»). Зря только она беспокоилась. Николай катался на слоне, а я думал, имеет ли право художник на чистую глупость. Выходит, я пишу повесть о своем детстве, а ведь не было такого намерения, когда садился за машинку. Значит, что-то проясняется, или наоборот?

Прошла по двору женщина в фиолетовом пальто. 11 часов. Стиль и метод. Есть ли у меня метод? Мелвилл писал в «Моби Дике» о преимуществах методологической беспорядочности... А может, это у меня, как у Фолкнера, случил-

ся сарторис. Буду писать остаток дней этот текст, и точку в нем смерть поставит. Как у Гончарова случился Обломов. Чудо в Мариенбаде. Главное непосредственность! Сразу же после восклицательного знака позвонила сестра: едет она в колхоз, так не привезу ли я ей сапоги. Значит, недаром вчера у Салтыкова в 7-м томе прочел о переходе из эры лаптей в эру сапог. О сапоге думали Шагал и Орвелл, я тоже думаю о сапоге часто, когда рисую. Сапог — как много в этом звуке для сердца русского слилось.

Володя Платанов однажды удостоился великой чести, Анна Петровна, она преподавала нам русский язык и литературу, швырнула в него его же чемоданчиком. Пролетая над партами, он распахнулся, и оттуда посыпались учебники, тетради. Те, к кому особенно благоволила судьба, получили учебником по голове. Был субботник, и мы скребли стеклами пол и парты, чтобы не было чернильных пятен. Володя Платанов сошел со страниц романа Сологуба. Он был Володиным.

Интересно, сколько сегодня градусов? Пора сапоги нести. Надевать пальто или нет? Однажды мы всей школой ходили в кино смотреть фильм «Русское чудо». Мы сели с Володиным рядом с двумя девицами из другого класса. И вдруг он хлопнул меня по плечу, я оглянулся: оказывается, он обнимал свою соседку (не помню, как звали, хорошо бы Варварой). Тогда это произвело на меня сильное впечатление.

По радио сказали: +8 градусов. Почистил зубы. Надо одеваться. Страницы 8, 9 и 10 печатал без трусов, в одном халате. Пришел с улицы, пьяные мужики сдают бутылки из-под праздников. На небе ни облачка. Поют птицы. Коля выстрелил. Антон Павлович остался недоволен. Опять птица. Мы сидели в «Минерашках» у Излера. В Новой деревне.

Новая глава. Спиридон Сианук преподавал рисование. Чаю что ли пойти выпить? Книга сама по себе ничего. Ничто — лучшее из всего того, что я когда-либо знал. Потом Коля повздорил с Лилией (я учился с ней в одной группе в институте). Лилия была нежнейшим цветком в нашем садике наслаждений, но время от времени на белоснежном лице ее (несмотря на замужество и активное употребление протеина) начинали цвести экзотические прыщи разнообразных размеров и конфигураций. Но стоит ли вспоминать об институте, если я со школой еще не разделался? У Лилии была подруга Эмма, которая любила все яркое, когда она заканчивала туалет, то интенсивность цветовой гаммы достигала такого накала, что, казалось, Эмма добровольно взошла на костер. Была она худа и некрасива, но покоренный оперением офицер предложил ей руку и сердце, презрев перспективу аутодафе. Анна Петровна называла нас убийцами замедленного действия. Арифметику преподавала Цыбуля (помню только прозвище), это была грузная лысеющая женщина, в отличие от Эммы никакого интереса к своему туалету не проявлявшая. Но когда отпетый хулиган Иванов нарисовал ей на стуле мелом свастику и обвел ее кружком, а она обрушила свой космический зад на сидение... Случился неизвестный академику Сахарову взрыв водородной бомбы. Услужливая Нона сообщила почтенной матроне, когда та с трудом встала, чтобы нацарапать на доске очередное математическое зверство, об оригиналь-

ном тиснении на ее крупе. Цыбуля рванулась к Иванову (здесь она полагалась на знание априори) с таким громовым ревом, так страшно растопырив испачканные, пока только мелом, руки, что хулиган дрогнул перед стареющей барышней и начал бегать от нее по всему классу. Эта клоунада, однако, скоро закончилась, запыхавшаяся Цыбуля позвала на помощь верзилу Губенцева (сейчас он женат, у него трое детей), вдвоем они загнали Иванова в угол, и грубая математичка несколько раз с наслаждением трахнула начинающего символиста головой о стенку. Пардон, я забыл рассказать, что в первом классе у нас был замечательный мальчик Боря Муратов, он плохо знал русский и еще хуже соображал, он так и не выучил семь нот и был единственным человеком, умудрившимся получить в четверти (хорошее слово, с большим алкогольным подтекстом) двойку по пению. Он был длинным, из гимнастерки (такова была школьная форма) торчала не менее длинная шея, которую несколько портила крошечная голова. Глядя на эту голову, всегда хотелось пить: сразу почему-то пересыхало во рту. А еще был мальчик с огромной головой (водянка); когда этому учащемуся предложили срочно принести кал в спичечной коробке для анализа, он долго выпытывал у юной медсестры, что же это такое. Потом он (мальчик) бесследно исчез.

Но самым совершенным уродом в этом паноптикуме был я. Съел тарелку рассольника. Особыми физическими изъятиями не обладал, но было в моем поведении нечто, что настораживало выдавших виды педелей и заставляло смотреть на меня иначе, чем на других детей. Во всяком случае, я был единственным, кого вызывали на педсовет по причине дурного глаза.

Когда на площадях и в тишине келейной мы сходим медленно с ума. Хороший тон — сумасшествие. Порядочный человек непременно безумен. У Анны Петровны была дочь, беленькая, тихая, незаметная поганочка. Коля пригласил ее к нашему столику, рассчитывая угодить любителю сумеречных настроений. Но поганочка пила вино столь охотно и прилежно, что вскоре превратилась в розовую сыроежку. И Коля, конечно, поужинал грибами. Он повез ее к себе на Зверинскую, они не выходили из квартиры четверо суток, у соседей сыпалась штукатурка. Пенсионеры шутили: молодость с нами!

Таким образом, эксперимент продолжается, пью чай. Пока предки отца строили генетическую цепь на Востоке, предки матери шлялись где-то на Севере (так мне кажется) вместе с чудью, потом обосновались в СПб, и мой прадед повел первый трамвай желаний. Там было все — пьяницы, революционеры, самоубийцы, пропавшие без вести.

Откуда-то с потолка (хотя, впрочем, см. выше) на подоконник все время сыплется песок. Что-то жарко. Стол стоит прямо у самого окна. Солнце светит в глаза, как на очной ставке. Текст чувствует это весеннее тепло. Он развивается подобно живому организму, по законам заложенной внутри него структуры. Читатель выступает в роли повитухи, перерезающей пуповину между автором и текстом. После этого текст шагает сам.

Опять спад активности. Вялость мысли. Устал, что ли? Выдохся? Да, Троллоп из меня не получился. Что дальше-то делать? Коля как-то пришел к сыроежке на работу. Она даже не взглянула на него. Короткая стрижка. Стала со-

всем суфражистка. У писателя не должно быть времени, чтобы подумать. Подумать — значит солгать (см. у Тютчева). Темп, темп, и еще много-много раз темп. Конвейер. Поточная линия. Система потогонная Тейлора. Я — экономист, двадцать лет, третий курс, не останавливаться. Только вперед. Туда. Туда вперед на анапский пляж, в солнечный Гурзуф, Аю-Даг... Уф! нестишь вдоль словесных массивов на задроченном Пегасе и вырывать образы из темной ленты памяти Крэппа. Танцы на пишущей машинке. Я — композитор, я — дирижер (между прочим, слово дирижер на всякий случай посмотрел в словаре) славянской словесности. Аллур три креста. Т-п-п-ру!

На педсовет моего отца вызвали потому, что как-то не так смотрел на учителей. Одна дама, она преподавала ботанику, сказала, что ей даже неудобно и не по себе становится, когда я на нее смотрю. Меня долго корили. Учительница географии сказала: с тех пор как Боря (это я, № паспорта 743553) переехал в отдельную квартиру (это случилось в 63 году XX века), он стал хуже. Учительница немецкого языка (ее муж был капитаном дальнего плавания) Ида Федотовна после этих слов жалобно хрюкнула и попросила разрешения покинуть высокое собрание. Родители так и не поняли, что им следует предпринять для спасения сына. То ли переехать назад в коммуналку, то ли отправить на перевоспитание в лагерь, пока пионерский. В конце концов, они купили новую оправу для очков, и учителя перестали.

Весной вот уже второй год на теле появляются какие-то пятна неприятные. От пота? Несколько лет подряд сплю, не раздеваясь каждую третью (или, если повезет, чуть-чуть четвертую) ночь. А это очень противно. Утром стою под душем, когда не надо сразу после работы бежать на халтуру. Иногда начинаешь смотреть на себя с некоторой брезгливостью, как если бы был жабой из близлежащего болота. Отстранение. Это хамский лозунг насчет человека, жаба — звучит не менее гордо. Инфузория, чем она виновата, что она инфузория, и чем виноват я, что я человек. Несколько миллиграммов слизи — и вот, извольте, радуйтесь, печатайте на машинке, а что тут скажешь?..

Чао! Пора собираться на работу. Опять спать одетым. Не хочется обрывать сегодня повествование на тринадцатой странице. Сыроежка все-таки родила от Коли мальчика. Он вырос, прочел эту книгу и убил автора кирпичом. Тогда я написал несколько рассказов о Петре Сергеевиче. Данное сочинение содержит в себе, кроме настоящего текста, прошлые, будущие и несуществующие тексты. В конце книги будет помещен ее план, сейчас я не смогу его поместить, ибо он никому не известен.

Петр Сергеевич в свое время повздорил с Николенькой из-за сыроежки. Петр Сергеевич не был сторонником полиандрии, он тоже принимал по утрам холодный душ и делал гимнастику, еще писал стихи, в которых героически рифмовал окружающий мир. Потом случилось непоправимое: став героем моих рассказов Петр Сергеевич спился с круга и попал в лечебницу. Мы с Колей навещали его. Приносили ему фантики (он стал их коллекционировать, симптом педофилии). Из окон смотрели фанатики, на окнах были решетки. А дети на улицах ели эскимо и не знали, что их ждет.

В Анапе попал в страшный переплет. Приехал туда по распределению, в работе мне отказали. В гостиницу не устроили. Бабки-тетки не хотели сдавать койку одинокому мужчине. Я уломал какого-то старика, и он сдал мне двухспальную кровать. Старец жил в общежитии женском винзавода, кругом бежали загорелые упитанные бабы. У него в этом лупанарии была отдельная комната. Я тут же рухнул в постель и уснул. На следующий день старичок рассказал мне всю свою жизнь. Об этом позже. Сейчас нет времени.

Через тридцать пять минут надо выйти из дому, сесть на автобус, проехать три остановки и войти в сад, где бронзовый человечек держит руку в кармане. Этот феникс еще почище медного всадника.

III

Стоит ли связываться с Петром Сергеевичем, оставим его пока в покое. Был такой слесарь Миша, огромный детина, отец тридцати трех детей. Вместо губ у него болтались здоровенные куски мяса (одной такой губы вполне хватило бы на приличный эскалоп). Ни с того ни с сего повадился ходить ко мне по ночам на работу. Приходил в час ночи, а уходил в четыре (благо жил рядом). Миша рассказывал разные случаи из своей жизни. Эти рассказы отличались крайним физиологизмом. Одну ночь новоявленная Шехереза-да посвятила историям из армейского быта. Он нашел в расположении части спящую в стogu Данаю. Будучи плохо ориентирован в мифологии, Миша не обрушил на возлежащую богиню золотой дождь, но официальным голосом предложил незнакомке покинуть объект. Девица предложила ченч: в обмен на еду она сдавала Мише в аренду лоно. Ей было лет семнадцать. Недавно вышла из колонии. В результате десятков солдат подцепили триппер. В другой раз, в другую ночь, моя Шехерезада детально описывала свои ощущения при различных болезнях. Он пил портвейн стаканами. Бесперывно матерился. После этих камланий чувствовал себя скверно. Иногда Миша менял жанр, переходил от арабской сказки к платоновскому диалогу. Вопросы-допросы пролетарского Сократа не отличались тематическим разнообразием. Пью ли я? Сколько пью? С кем пью? Что пью? Где пью? Сплю ли с женщинами? Как часто? Получаю ли от этого удовольствие? Этот птичий вопросник (пью-пью-плю-плю) не был невинным щелбетом любознательного алкоголика. Слесари-коллеги поведали мне, что Мишу домой из вырезвителя привозили на «Волге» и денег за проезд не брали. Однажды эти афинские ночи омрачились скандалом Михаила с бывшим старпомом Алмазовым, дело чуть не закончилось дракой, хотя оба еле держались на ногах. Наконец ушли. Я облегченно вздохнул и потянулся было к книге... Резкий звонок! Не прошло и трех минут, как Миша вернулся один. Он попросил у меня лопату.

Час ночи, январь, холод. Зачем тебе лопата, изумился я. Не твое дело, окрысилась Шехерезада. Я же все понял: УБИЙСТВО! Во дворе он прикончил Алмазова, а труп закопал в снег. Всю ночь не спал, представляя грядущее следствие, в котором покровительствующие слесарю, власти делают из меня козла отпущения... К утру в своих фантазиях я уже дошел до суда и смертного

приговора. В семь часов кошмару пришел конец. Явился Михаил-архангел, взял лопату, выкопал из сугроба бутылку и отсалютовал розовошерстой Эос стаканом бормотухи.

Петр Сергеевич снова пришел в голову, изыди, сатана!

Меня родило точно посередине двадцатого века. Тогда жили в большом сером доме на Петроградской стороне, по всему фасаду которого тянулись лепные херувимчики. Наша семья обитала в бывшем кабинете хозяина квартиры. Я спал на раскладушке.

Текст — самоорганизующаяся система.

Помню дачу в Озерках. Неподалеку был аэродром. Однажды летчик решил меня прокатить. Мы залезли в самолет, но тут погода испортилась. Помню серебряные табуретки, стоящие по бокам в самолете. Но ведь никаких таких табуреток быть не могло. И еще помню, как меня били за разбитую чашку, а они говорят, не было. И еще помню огромную комнату ростом с Исаакиевский собор, я сижу на полу и играю, а где-то очень далеко, метров за сто, постель, в которой спят отец и мать. Ночь. Говорили, что я перепутал день с ночью.

Одуряющая жара. Лето. Пью кофе на Малой Садовой. От субъекта, стоящего рядом, разит мочой. Черный потрепанный костюм, лет сорок. Пританцовывая, пьет вторую чашку накрепчайшего четверного кофе за 14 копеек (это было в начале семидесятых). Говорит вслух, обращаясь сам к себе: сейчас надо писать! Пойти домой и писать! Что это? Неужели воспоминание о будущем?

В той старой квартире был еще белый и толстый кот Дима и шкура рыжей лисы, с помощью которой (лисы боялся) владелица кота выпроваживала меня, когда я надоедал. А потом умер Сталин.

Вот вы читаете сейчас этот текст, и вам безразлично, как все это появлялось на свет. Но если бы вы знали, как жарко! Коля вытер вспотевшее лицо полотенцем и сочувственно посмотрел на меня. Экваториальная Африка. Самовар. Пигмеи. Завтра встану в шесть утра и пойду на халтуру. За что, Господи, за что? Вчера, закрывая за мной дверь, мать спросила, часто ли я бороду мою, и пояснила, у дяди Зямы на работе есть один парень бородатый и волосатый, так от него так воняет!

У Сологуба были тяжелые сны, а у меня халтурные. Темный длинный коридор, ничего не видно, очки можно выбросить. Пробираюсь на ощупь. Наталкиваюсь на живое. Это я. Теперь нас трое: я, Он, ОНО. Потом заснули. Встал (встали), движемся. Пахнет крысами. Нам снятся сны. Надо быть благодарным. Цеплял зубами за руки. Волосатые пальцы во рту. Кровь теплая еще на подбородке. Слышу вопль. Это внутренний голос. Может, коридор не длинный, но замкнутый. Ключья света. Большая смерть до и после. Падаем вверх. Сначала.

Мерзкое, скользкое розовое существо с пятью различными по длине отростками, покрытое черными редкими волосками, вдруг прилипло к моей ладони. Рукопожатие. Главное не закричать. Ты не виноват. Ты должен только ждать. Надо перестать бояться. Самое страшное уже позади. Их больше и больше. Звуки вырываются из красной и влажной ямы, в которой мелькает что-то похо-

жее на червя. Туда льют прозрачное. Только не вылезать из кресла. Сидеть. Сопя и стараются не смотреть. Сейчас, наверное, начнут. Закрывать глаза и приоткрываться. Закрывать глаза и приг...

Ждать смерти. Упорно и терпеливо ждать смерти, сидя ночами в старом продавленном кресле, покрытом китайским плащом, положив ноги на стул и запрокинув голову.

Создать такую конструкцию, которая бы вобрала в себя все.

Напечатав страницу 18, я, было, решил, что на сегодня хватит. Но мысль о Лакснесе, которого надо читать, заставила вновь прибегнуть к испытанному наркотику. Только что печатать? Впрочем, у меня есть в запасе одна грязная история...

Случилось мне однажды ехать под землей вместе с Пожирателем. Разоткровенничавшись, поведал я ни с того ни с сего о своем символе веры: две лягушки попали в кувшин с молоком и т.д. Под мраморным айсбергом лба сверкнул пламень, пугливо оглянувшись по сторонам, Пожиратель прошептал на ухо прерывающимся от сдержанного негодования голосом: опомнитесь, любезный, так ведь то было молоко...

IV

В три часа должна была позвонить любовница. Сейчас двадцать минут четвертого, не звонит. Вымыл голову и бороду тоже. Решил попечатать. Наташа Кумач хромала, была толста и психически нездорова. Когда ее вызывали к доске, лицо сводило судорогой, рот ехал в сторону среднего уха, и оттуда наружу вырывались только шипящие. Крученных это действие могло бы понравиться. Однако учителя наши были далеки от идей русского футуризма. Руководствуясь духом и буквой этого направления, тезка графини Ростовской однажды так съездила по физиономии соседу по парте, что разбила ему губу. Сергей хмуро утирал кровь и объяснял свое непротивление биологическими причинами: ну что я с ней, калекой, связываться буду. Выглядела эта Кумач лет на сорок, казалось, что она вечно пребывает в бальзаковском возрасте, как бы законсервировалась в ледниковом климактерическом периоде. В шестом или седьмом классе я влюбился. Предмет, на котором мое либидо решило себя зафиксировать, был головы на две выше меня и раза в три тяжелее. Однако, несмотря на разницу в пропорциях, мне удалось в темноте поддержать ее за руку (фильм назывался «Королева бензоколонки»). Три дня ходил сам не свой от счастья, потом вырезал инициалы предмета на подоконнике, на деревьях, на родительском собрании Анна Петровна Каренина оповестила присутствующих, что я влюблен во Фру-Фру. Я не вру. Без двадцати четыре. Она работает в операционной, помогает пациентам терять и находить сознание, Читает только детективы. Дома у нее безвылазно сидит старуха-мать, а у меня родители. Совершенно негде обменяться генетической информацией.

Записная книжка очень старая, вот-вот развалится, иногда листочки с фамилиями, телефонами и адресами бесследно исчезают. Листопад памяти.

В Африке трахайся где хочешь — тепло, но можно нарваться на скорпиона. Анапского скорпиона звали Иваном Фомичом Равенским. Вот стихи его сочинения. Воспроизвожу автограф.

Собственное сочинение Р.И.Ф.

Автор Равенский Иван Фомич
к-р стр-роты к-ап-н
Подпись %Равенский

Четыре часа. Надула! А теперь собственно стихи.

Шпион
Шла девица за водой.
Оказалась с бородой.
Шпик девицей нарядился.
В контрразведке очутился.
Шпион задержан контрразведкой.
Случай этот очень редкий.
Шпик разведчик таковой.
Поплатился головой.
Шпик с Америки приехал.
И к родным своим заехал.
А родные те его
Отказались от него.

30.07.68

У него один глаз заплыл кровью, дышит со свистом, туберкулез. 70 лет. Да, адюльтер не состоялся. Расскажу о двух днях, проведенных в Анапе. Когда прибыли на (позвонила!) квартиру, первым делом потребовал паспорт. А вдруг из милиции придут, а может ты «шпиен»? А чего паспорт просрочен? Да вот, посмотрите, продлен! Так, так, это хорошо, что продлен, а то я в НКВД работал, порядки знаю. Дочь 19 лет замужем. Сын инженер, Астрахань. У старика на голове грязная соломенная шляпа, глаза слезятся, время от времени достаает из кармана кусок газеты и метко плюет в него, сворачивает и кладет в другой карман. Жарко, да не в Анапе, кретин, а здесь! Печатать жарко, несмотря на открытую форточку, он был командиром дивизии (отряда, что лучше? можете выбрать по вкусу) у Чапаева. При объезде постов избил в кровь нагайкой спящих часовых. Чапаев сделал замечание: почему не расстрелял? В день, когда мифологический Петька лишил мифологической девственности Анку-пулеметчицу, Фомич выиграл в карты наган у бывшего попovichа (ныне красного командира), но пожалел, отдал. Чапай, узнав об этом, сказал: зря ты ему наган отдал, надо было мне его принести, я бы его гада... Я думал, ты меня высеешь, Василий Иванович, за то, что я в карты играл. Я бы тебя не высек, а вот его, пожалуй, к стенке. Он их любил, как собака кошку. Тут как раз пришла дама,

и мы с ней успели до прихода родителей обменяться генетической информацией. В Ташкенте, на маскараде (учился в там школе красных командиров), заманила баба, вся в золоте была, повела в садик, и вдруг с двух сторон люди в белом и масках, сиганул от них через стенку, не зря учили прыгать через препятствия. Начальником туркестанского фронта был генерал Васильев, ему 75 лет, а любовнице 23, не хотела спать с ним, была уборщицей в штабе. Полька (или полка?). Второй обмен мы производили уже при родителях, стараясь произвести как можно меньше шума. Наши джинсы были взаимно приспущены. Обувь мы решились снять. Эх! галифе красивые были, две пары самых лучших сапог, одни красные — генеральские, я богатый был тогда, в карты выиграл два мешка денег и бриллианты, кольца. Лампочка висит низко над столом. Абажур из газеты. Все покрыто бумагой — от мух. Чапай, жаль, речку не переплыл, а то пенсия больно маленькая. 45 рублей.

Пожиратель чесал голову обеими руками, громко зевал, засыпал, сидя на стуле, голова падала. Когда она ударялась о стол, он повизгивал по-собачьи и глотал слюну. Просыпаясь, удивленно смотрел по сторонам, а я кричал ему: спи, идиот, спи!

Вдохновение — удел дилетантов, талантливые люди скорее просто потеют.

По телевизору забили гол. Помню, возвращались из школы. Подошел совершенно пьяный парень и предложил купить у него ксиву (паспорт), мы сказали, что паспорт нам ни к чему, нам еще 16 лет нет. Вдруг парень переключился персонально на меня: ну, что смотришь (мат), сейчас возьму кирпич и убью (мат), он действительно взял камень и долго еще кричал, размахивая у меня перед носом орудием пролетариата. В тот день понял, почему вызывали на педсовет. Я человек, торчащий сам по себе.

Третий класс. Все идем куда-то по улице. Парами. Я иду вместе с Володиным. А сзади Женя (покойный) и Лузгин (второгодник). Они расписывают с красочными подробностями перспективы моей жизни в Америке. Жестами, звуками и мимикой изображают, как я вкушаю там говно на обед, завтрак и ужин. Дети смеются. Один Володин из солидарности хранит молчание. Сука Троцкий приказал расстреливать через трибунал, а это волокита, могут и не расстрелять. Фомич заходит в очередном пароксизме кашля. Кефиру час настал — 21.00. По телевизору программа «Время».

Чашка дымилась, за окном падал снег, отец стирал в ванной, мать гладила. Петр Сергеевич осторожно закрыл глаза, потом снова неторопливо открыл их, ничего не изменилось: за окном падал снег, отец стирал в ванной, мать гладила. Он встал и начал ходить по комнате. Посмотрел на книги в шкафу. Открыл карманную Библию. Зевнул и положил ее на место. Взял со стола газету. Прочел несколько строк. Вяло выругался, налил еще чаю. Брился долго и тщательно, словно собирался пойти куда-нибудь. Потом разделся и встал под душ.

И все-таки не удержался, зачем П. С.-то сюда сунул? Мало тебе, что ли? Говоря откровенно, не уверен, что завтра не заброшу это сочинение. Но кто уверен в своем завтра?

Зина Квадратова следующим образом описывала эпилептический припадок, происшедший с ее одноклассницей: дрищет и блюет, дрищет и блюет. Была она белобрыса, некрасива и вульгарна. Похожа на козу. Но она позволяла хватать себя за грудь и прочие интересные для юношеских гормонов части. Тогда это называлось «зажимать».

Кефир пролил вовнутрь, а не наоборот, как следовало бы, исходя из предыдущего абзаца. В моих детских сексуальных фантазиях

Зина Квадратова делила пальму первенства со Стефанией Сандрелли.

Хочется спать. На сегодня хватит. Спокойной ночи, камыши.

V

Выработался условный рефлекс: как только солнце оказывается прямо против окна и сидеть за письменным столом оказывается невыносимо из-за жары, я тут же принимаюсь писать эту книгу. Сочинение, напоенное радиацией до мозга костей. Во дворе переливы гармошки, переборы коленчатой тьмы. На деревьях зазеленели клейкие зеленые листочки, а ля Иван Карамазов. Как это будет по-нижегородски? Из газетных обрывков с чохоточными плевками Ивана Фомича со временем выползали мохнатые синие гусеницы с патристическими текстами на спинах. На одной из них было написано: десять часов утра, звонит телефон, с трудом проглотив остатки бутерброда, выдавливаю из себя маловнятное «Алле», слышу голос приятеля, ну что, падла, все морковку жрешь, все равно, сука, скоро ослепнешь. Шутка. Договариваемся о встрече у «Академкниги». Взяли в плен. Допрашивали. Врал. Они нагайкой по спине (вот почему у гусениц лозунги!), попросил у часового пить, запер его в чулане, бежал, любовница была учительницей. Сказал вестовому. То же самое, что и холуй. Ты ее зови. Мол, завтра уходим. Да возьми в лавке 3 (три) четверти (хорошее слово четверть!) самогону. Конфет. Закуски. Дал пачку денег. Не считая. Ими все карманы галифе были набиты. Дочь Несси замужем, 19 лет. Она изредка приезжает к отцу в Анапу. Вторую ночь провел скверно. Мысль о том, что сплю на постели Несси, лишала сна. Утром улетел от греха в Симферополь.

По Проппу, сказка есть не что иное, как воспоминание о забытом обряде. Мат — забытая молитва, закливание? Неужели когда-нибудь станут нецензурными выражения «Господи, помилуй», «Боже мой»?

Некий Гусаков (любимое чадо Ивана Ивановича и Ивана Ники-форовича) в шестом классе достиг едва ли не совершеннолетия. Он был жирен, ленив, но онанизму предавался с такой ненасытной страстью, что учителя не позволяли ему лазить руками даже в парту. Все учебники, тетради и носовой платок он держал на поверхности. Зина Квадратова осчастливила Нильса на всю жизнь, позволив прикоснуться к розе мира. Гусаков после этого ходил за ней по пятам, почти как Муму за Герасимом. Были в гостях две дамы и приятель. Пили кубинский ром. Все быстро запьянели. Приятель-писатель устроил танцы, скоро уединился в соседней комнате с одной из дам (обе были художницы), а потом и вовсе заперся с ней в ванной. Подругу я спровадил домой и проводил до метро. Когда вернулся, то из ванны раздавались такие чудовищно тяжелые

вздохи, словно там спариваются не люди, а бегемоты. Главное же, время позднее, вот-вот должны прийти родители. Стучу костяшками пальцев в дверь, ноль внимания. Тогда снимаю ботинок и начинаю колотить изо всех сил. Для новобранных динозавров моя истерика, наверное, представлялась легкой музыкой. Тогда я гашу свет. Кажется, это подействовало. Вылезают распаренные, с лицами цвета сырого мяса. Приятель валится на диван и тут же, обессиленный, засыпает, храпит, сраженный купидоном наповал. Дама полна сил. Она танцует, с мокрых волос на пол капает вода. На третьей минуте эротического танца она падает. Пытаюсь поднять эти восемьдесят килограмм. В очередном порыве страсти гиппопотамша кусает меня за палец (если бы это был другой орган, последствия могли бы быть самыми катастрофическими). Довольно глубокий укус. С трудом бужу приятеля. Уходят. Через пять минут являются родители. С тех пор никаких дней рождений. С этими днями рождения без ванны останешься.

Это не повесть о детстве, не воспоминания... Это факетии, фантасмагория, шванки или как там еще называется.

Член Гусакова стал гусеницей. От гимнастики (см. выше) у него выросли ноги, и он сбежал, как нос у Гоголя, дополз до Анапы, незаметно прокрался в женское общежитие винзавода и... Нет слов, господа! Нет слов. Несси тоже пострадала от самопередвигающегося члена. Девять месяцев спустя она произвела на свет в глубинах шотландского озера шагающий экскаватор.

Сказали, обеда не будет, будет вечная музыка горохового супа. До ужина еще есть время. Миша-слесарь весьма положительно характеризовал сексуальные способности одной особы. Она была небольшого роста, если не карлица, чуть горбата, некрасива и беспредельно худая. Казалось, эта самочка не выдержит на себе веса обыкновенной кошки. Представить же себе, что это полудетское тело Миша сделал предметом, пригодным для удовлетворения своей ненасытной похоти, и вовсе было невозможно. Он мог запросто раздавить свою партнершу одной гигантской губой. Позвали-таки ужинать. Прерываюсь. Но, как пишет Лесков, в России невозможности нет. Поэтому верю, что слон переспал с бабочкой-капустницей, и при этом даже пыльцы ей с крыльев не стряхнул. В жизни всегда есть место подвигу. Еще один амаркорд: Миша сидит довольный, ковыряет в зубах спичкой и, солидаризируясь с маркизом де Садам, констатирует: ну а мне-то что, в ж..ень, так в ж..ень.

Анна Петровна выскочила из-за письменного стола и, виляя проворно задом, прошла вдоль класса, снова уселась на место (на лице красные пятна): разве хорошие девочки будут так ходить?

С годами голова Бори Муратова уменьшилась до размера грецкого ореха, стоило ему появиться в общественном месте, как у автоматов с газированной водой выстраивались огромные очереди. Наиболее впечатлительные люди после встречи с ним попадали в водолечебницу. П. С. называл их муратовцами. Николай мечтал о переброске Б. М. на запад, используя его незаурядную голову в рекламе колы, можно было бы заработать неплохие деньги.

VI

Сапог сыграл в судьбе автора, равно как и этой книги, решающую роль. Во время Отечественной войны-2 моего будущего отца контузило и засыпало землей. На поверхности остался торчать один сапог, проходящий мимо солдат Швейк, соблазнился им, но, потянув сапог, вытащил заодно и моего отца. Обнаружив, что лейтенант еще дышит, снес его в медсанбат. За доставленного в лазарет офицера полагался дополнительный отпуск. Мне было лет пять, пошли в баню, а когда вернулись из парилки, обнаружили, что мои ботиночки сперли. Обрато отец нес меня на руках. В детском обувном магазине на Большом проспекте П. С. (Петр Сергеевич к этой аббревиатуре никакого отношения не имеет) в конце пятидесятых годов стояла рентгеновская установка, и продавцы смотрели через нее, мала ребенку обувь или нет... Не знаю, куда дели продавцов, но установку вскоре убрали, и человек полетел в космос. В этот день с бабушкой ходил смотреть фильм «Слепой музыкант» по одноименному произведению В. Г. Короленко. Бабушка тоже очень плохо видела (мы всегда садились на первый ряд), была инвалидом второй группы и плела шнуры для парашютов в артели. Слово аббревиатура решил проверить, взял орфографический словарь и уронил на пол часы (они на нем лежали), часы ходят, но стрелка секундная отвалилась. Таким образом, я плавно перешел из торопыги века XX в позднее средневековье (см. книгу Гуревича «Категории средневековой культуры»). Теперь спешить некуда.

Бабушка меня очень любила, хотя козликом я не был. У нее было пять живых дочерей (в силу экономических обстоятельств еще с десятков субъектов так и не получили земного воплощения), одна из них — моя мать. Во время войны бабушка с дочерьми эвакуировались в Кировскую (бывшую Вятскую, там ссыльный Салтыков командовал) область. Им пришлось вначале очень туго, ходили по дворам и собирали милостыню. Деревенские презирали городских, и подаяние было мизерным. Потом моя мать устроилась работать мытарем, дела семейства поправились, бабушка и дочери выжили. Выжить в России в то время — это было то же самое, что стать миллионером в Америке. И я, таким образом, выжил еще раз. Спусковые механизмы судьбы сработали без осечки, и очередное перерождение надвигалось неотвратимо. Бабушка, кроме меня, любила еще и выпить. Жизнь у нее была тяжелая. Муж пропал без вести во время войны (у Анны Петровны не было мужа, а у ботанички был). После революции бабушка работала уборщицей, как-то вызвало начальство и стало о родственниках расспрашивать, фамилия-то Гагарина. Вдруг голубая кровь им полы драит, а не честная пролетарка. Вот так был разрешен половой вопрос в России.

VII

Это сочинение растет подобно дереву сразу (одновременно) во множество сторон, часы сдал в мастерскую. Мне их починили, но, когда принес домой, оказалось, они ходят в течение пяти минут, потом останавливаются, если немного перевести стрелку, начинают идти снова, чтобы через пять минут встать.

Пять минут, пять минут, разобраться если строго, то, что это за период такой, не равен ли он одному абзацу?

Вот еще одно яркое воспоминание козьявки. Мне четыре года. Я в гостях у бабушки. Мужа одной из ее дочерей, таксиста, вызвали на лестничную площадку какие-то знакомые ханыги. Пошли разборки, началась драка. Ханыги в соответствии с традицией пятидесятых вытащили опасные бритвы. Бабушка выскочила на лестницу и пыталась помешать прикончить зятя. Я стоял в прихожей и смотрел в раскрытую дверь на происходящее. Бабушка была в красной вязаной кофте, она была значительно ниже ростом дерущихся мужиков и поэтому чуть ли не подпрыгивала, пытаясь схватить их за руки с бритвами. Все что-то кричали. Потом таксист валялся на кровати, его таки слегка порезали, тетка, придя с работы, заламывала руки и причитала: Ванечка, что они с тобой сделали! Но все обошлось благополучно, дядя Ваня скоро ушел от тетки, а тетка повесилась двадцать лет спустя, она страдала эпилепсией, такой финал типичен при этой болезни. Когда тетка повесилась, к нам пришли ночевать ее сестра с мужем. Они боялись оставаться одни в квартире, бабушка к этому времени уже умерла. Муж был алкоголик, он сидел в тюрьме, и звали его Витей. На одной лопатке у него был вытатуирован Маркс, на другой — Ленин. Он смотрел в телевизор и повторял без конца, сильно заикаясь: д-д-верь в ва-ва-ванную с-с-сло-ма-ма-мали, а о-о-она висит и я-я-язык по-по-показывает.

Я не питаю иллюзий, знаю, никому не интересно то, что я пишу. Но разве я пишу для других? Вот в чем вопрос. Другие — это мое небытие, это страшно далеко — другие, это где-то на том свете. Сейчас существует только белый машинописный лист и пальцы, касающиеся клавиш. Я не вижу выражения собственного лица, и тем более не знаю (он-то, может быть, и знает), какую комбинацию букв в следующую секунду наберут мои руки, и точно ли знала моя тетка, что она делает, когда отбрасывала табуретку. Человек рожден для незнания, как птица для полета. Слова честнее своего смысла.

Несси, любимая жена Федора.

Один год учился в вечерней школе и не работал. Это было очень хорошее время. На занятия надо было ходить три раза в неделю. Много читал и гулял. Пятнадцать лет. В юности каждый человек имеет возможность провидеть будущую жизнь. Со мной это произошло после окончания 9 класса, когда поехал с родителями на дачу к одним знакомым. Тогда власти проводили очередную акцию по конфискации всего приобретенного на нетрудовые доходы. У наших знакомых вот-вот должны были отобрать дачу, они доживали в ней последние недели, поэтому, против обыкновения, дача на лето не сдавалась. Кроме владельцев и нас в огромном доме больше никто не жил. Все дни проводил с книгой в гамаке. Хозяйка без конца потчевали клубникой — все равно пропадать! Целый месяц был предоставлен себе, никто не мешал часами лежать в гамаке и читать... Это было прекрасно! В то лето постиг, будущее мрачно. Надо искать забвение.

Мыльный шар воображения болтался над Атлантическим океаном. Коля сидел в корзине, читал «Монахиню» Дидро, запивая содержание кока-колой

(на этикетке красовалась головка Бори Муратова). В опустевшую бутылку Николя положил письмо, горлышко заткнул пробкой, залил сургучом и бросил в море, т.е. океан, извините.

Это не книга, это опара какая-то (поначалу хороша), а перепечатывать эту галиматью мне же самому придется. Да. И вот чистовик готов. Несу его знакомому на прочтение. А он что? Посмотрит так с пятого на десятое, позевает, пузо почешет, и все. Возьму назад рукопись. Положу куда-нибудь. На нее начнет пыль садиться. Но, по правде говоря, пыль ничего не значит. Важно только одно, важно, что буквы у меня сейчас из-под пальцев как блохи выскакивают, все остальное не в счет, даже смерть.

У истинного поклонника чая желтеет не только слюна, но и одежда, и тело, и душа, и поступки.

Письмо Николы дошло. В лечебнице П.С. его вручила медсестра (а может быть, не медсестра, может быть, мерседес или даже мерседес-бенц из романа папаши Дюма «Граф Монте-Карло»). У нее была подбита левая фара и несколько помяты крылья. Несмотря на солидный возраст, она еще сохранила обаяние своей бурно проведенной третьей молодости, дягилевских сезонов в Крыжополе и... что вы говорите?! Русская литература. А плевать я хотел на вашу русскую литературу. Как говорит патриарх, встретишь на дороге Будду, убей Будду. Встретишь на дороге литературу, убей ее, дуру, без промедления, а то, не дай Бог, в классики играть станешь. Чувствуете, дело поживее пошло? Это солнце в окно светить начинает. Павлову— ура!!!

П. С., пользуясь привилегиями душевнобольного, ущипнул сестру Авиценны (или Аверинцева?) за клаксон, издавая басом гневные гудки. Мерседес отправилась в другую палату, нечаянно переехав по дороге Ивана Фомича (занятия поэзией надломали его душу), крови почти не было, только лужа мокроты и две красные тряпочки с множеством мелких отверстий (тюль). Уборщица Таня Усупова (пути Господни неисповедимы), пощелкивая на манер Щелкунчика зубными протезами, почесывая отсутствующий бюст, замела легкие Ивана Фомича в угол и вышла под домашний арест уикэнда. П.С. углубился в письмо. Ниже приводится текст письма с некоторыми сокращениями непринципиального характера.

Ницше рекомендовал строить произведение с расчетом на конечную катастрофу, не потому ли книга становится все кромешнее, ужели конец близок?

Ты не обижайся, что я тебе в прошлом месяце ничего не посылал, сам понимаешь, товар не тот пошел. Народец хлипкий, мороки с ним много, а толку шиш.

Ходил в субботу в баню. Одна жаба рассказывала. Скоро свету наконец конец настанет. Случится это так. Проснутся люди, ноги в тапочки сунут, а в них — варенье. Ну, тут все поймут, даже неграмотные — Армагеддон-с. По радио музыка будет играть, а люди прощаться начнут с приютившей их планетой.

Из-за леса, из-за гор выйдет дедушка Топор. Иван-царевич на велосипеде приедет из терема. Глаза — огонь, ноздря — рваная. Булат Тур Всеволод Гесерхан на водных лыжах прикатит. Мчится, брызги шампанского во все стороны, и

орет: А-а-ау, а-у-у-у-м-м! О-о-о, Маня, падла, ху-у-ум-м. Телефон зазвонит. Девочка трубку снимет. Мать-змея-сыра-земля ей скажет: съешь, сучка, на завтрак плавный сырок, пока я с того света домой не вернулась. Пацанка в слезы (мала еще), я лучше, говорит, в рот у серого волка возьму, чем сырки на завтрак есть.

На том и порешили. Спать легли, а утром опять на работу пошли. А что в тапках варенье, так это дело привычки. Есть у эволюции начало, нет у эволюции конца.

VIII

Одно из двух: или эта книга кончится, или я. Что лучше? Или, как в синхронном плавании, вместе пойдем на дно реки забвения.

Читателю это безразлично, он не отдает себе отчета, что весь с головы до ног отлит согласно формам и рецептам литературы. Без нее эти несчастные обходились бы несколькими десятками слов, касающихся еды, размножения и испражнений. Литература создала вселенную, которая, может быть, и есть цель существования человека. Не время и пространство, а представления о времени и пространстве являются теми единственными реалиями, с которыми люди имеют дело на протяжении всей истории. Мы воспринимаем мир согласно способу наших представлений о нем. Тысячезыкая литература создает фантастические миры, и то, что кому-то угодно называть реальностью, всего лишь один из этих миров.

На универсальном языке говорит только смерть. Художник берет у нее уроки всю жизнь.

Завтра приглашен на день рождения. Идти не хотел. Но приглашавший сказал, что это последний день рождения, который он празднует в своей жизни. В России обожают все последнее: последний билет, последний экземпляр, последнее слово. Видимо, придется и мне пойти на последний день рождения. Была в нашей кунсткамере и карлица (что-то с сердцем, маленькие ручки почти без ногтей, синие пальцы, могла пройти под учительским столом с гордо поднятой головой: по *pasagan*). Один субъект, довольно толстый, впоследствии, конкретно, в чем этот успех выражался. Он же, проявляя с юношеских лет неутолимую жажду познания, рассказывал всем по секрету, как пытался стянуть со спящей матери (жена офицера с претензией на светскость) штаны, но преуспел в этом эксперименте (дудки, больше в словарь не полез) лишь наполовину, счастливо избежав, таким образом, судьбы нового Хама. Лицемерие медузы Горгоны пришлось отложить на потом. Думаю, эта книга так же неожиданно кончится, как началась.

Начиная с 0 (нуля), мы и кончаем 0, но только подходим к нему с другой стороны, вот это путешествие и есть литература. Описание нуля. Надо чаще размышлять о Пустоте как о творческой силе, родственной душе художника. Стихи — вибрации пустоты, ее ритмы.

Если бы люди любили искусство (т.е. природу) больше самих себя, то они научились бы бескорыстию (истинному смыслу всякого художества). Человек

слишком агрессивен для космоса, он пребывает еще в плену варварских понятий: борьба противоположностей, космическое право. Почему борьба, почему не балет? И откуда у них право на космос взялось? Вот уж истинно: со свиным рылом не в свои сани не садись.

Но кажется, я отвлекся. Странно, а можно ли в этом сочинении отвлечься? На поминках бабушки я рыдал ипил обильно. Одна из теток упала на пол и заголосила: я же ее в морге разрезанной видела! Еле отпили валерьянкой. В гробу лицо бабушки было ясно и спокойно. Синий платочек. Непривычно было видеть ее без очков. Через несколько недель после смерти бабушка стала часто являться мне на улице. Она делала вид, что не узнает и спешит куда-то по делам. Теперь встречаю ее гораздо реже, но она уже не избегает моих взглядов и один раз даже незаметно (осторожно) махнула рукой.

Петр Сергеевич курил перед зеркалом очередную воображаемую сигару. Ему показалось вдруг, что за последние годы лоб несколько раздался вширь и вглубь. На улице, как всегда, мельтешили ублюдки всех национальностей и возрастов, запомнилась пожилая женщина с фиолетовым пятном на лице и пионер с тремя подбородками, которые, словно ваханки, пышно возлежали на алом шелке. Погрузившись во мрак кинозала, с радостью почувствовал, как осточертевшее «я» начинает растворяться в квадрате ползучих образов. В финале примирившиеся любовники долго целовали диафрагму. Петр Сергеевич любил наблюдать за работой жевательных мускулов в этих ритуальных физиологических этюдах фабрики грез. Скука и безобидная глупость неизменно оказывали на него умиротворяющее действие. Шел дождь, люди возвращались с работ. Он смотрел на серое копошение трудового организма уже без прежней тоски, ибо не знал теперь, что надо им, что надо ему. Все было равно безобразно и безразлично. В телефонной будке его обоняние было нокаутировано смешанным запахом кошачьей и человеческой мочи. Сказала, что сегодня не получится. А когда получится, после дождичка в четверг на той неделе? Окурочек со следами помады скрипнул под каблуком. По-волчьи протяжно завывала дверь. У пивного ларька спал освобожденный труд в ватнике и резиновых сапогах. Чернорабочие бы походили на тибетцев, сделал неожиданное открытие Петр Сергеевич, если бы они оголяли левое плечо и не имели дурной привычки по субботам ходить в баню. Потом лежал на диване, диван так провалился посередине, что походил на гамак. Выходной кончился. Ночью кто-то настойчиво окликал его: Илья Ильич!

Шли вдоль набережной Екатерининского канала, и вдруг Пожиратель разразился рецензией, достойной пера Салтыкова-Щедрина: да разве это поэт? Он же шибздик, его соплей можно перешибить!

Часы обещали починить к среде. Боже мой, как все надоело, и этот текст, и эти мысли желтые, можно ли стать чем-то принципиально иным, новым, отличным от былого? Можно. Стань трупом.

Уже несколько раз убирал машинку (на шкаф), а потом доставал и начинал печатать снова. Гимнастика для графоманов. В молодости сочинил повесть. В форме дневника. Главный герой записывал в нем свои последние дни на земле

и первые годы загробной жизни. Вполне реалистическое произведение было. Мертвецы создали под землей государство и стремились удовлетворить всевозрастающие потребности членов коллектива путем расширенного воспроизводства перегноя. Лучшие из лучших по ночам удостаивались прогулки по кладбищу. У них были свои правила гигиены и домашние животные — кишечнополостные (черви). На пенсию выходили по мере амортизации скелета. Окончательно изношенные скелеты специальная команда увозила в самый дальний конец кладбища. На следующий день они бесследно исчезали. Некоторые трупы полагали, что разрозненные кости (разночинцы) также имеют свои социальные институты... Прочитал эту повесть только одной знакомой, с которой спал одетым, как средневековый новобранец. У нее был кот ученый, специалист по лобзанию женской груди. Они любили этот фокус показывать. Но по стопам Дурова моя приятельница не пошла, и я уничтожил рукопись.

Собираю книги о захоронениях (древних!!!) и погребальных обрядах. Это очень хорошие тихие книги. Они помогают забыть о мелких неурядицах существования, дают возможность дышать полной грудью даже без услуг кота-специалиста. Школа должна учить ребенка смерти, а не каким-то отдельным дисциплинам. Ей место на кладбище. Федоров был прав. Разрушив древние системы обрядов и не создав ничего взамен, государство лишило своих подданных балансира, позволявшего сохранять древнему человеку душевное равновесие. Теперь безумие стоит на пороге, а телевизор — не заменит шамана.

Жизнь начиналась в корыте картовою мокрою шепотью, вы замечаете, что это сочинение основательно нашпиговано миндалем? Родом? Однажды поехал в гости к школьному приятелю Дибуну. Московский район. То ли 1 мая, то ли 7 ноября, а может и вовсе 8 марта. К нам подошли четыре парня одних с нами лет. Дибун сказал, что у него денег нет. Я же и в те далекие годы питал нездоровую склонность к цитатам. И сказал, вот, копеечка у меня есть. Простодушные пэтэушники пришли в ярость от такого наглого с их точки зрения ответа. И они не только не безмолвствовали, но и действовали. От первого же удара очки свалились на землю. Приятель в стороне стоял, глядел на небо, как украинский хлопчик, и тоже хотел стать птичкой. Осторожно, очки, заорал я и принялся шарить руками по земле в поисках жизненно важного прибора. Нападающие вняли голосу разума и даже выудили из лужи мое сокровище. Пока их протирал платком, благородные комсомольцы обчистили мои карманы. У близорукого есть только один способ самообороны: самым тяжелым предметом, имеющимся под руками (лучше всегда носить с собой в портфеле дубинку и первым бить противника по наиболее уязвимой точке тела — предпочтительно по голове), и рвать когти. В длительной драке очки непременно будут сбиты, что явится причиной неизбежного поражения. Посему данная тактика является оптимальной (см. также трактаты по военному искусству «Сунь-цзы» и «У-цзы»).

Ползли на чердак. Там было темно. По дороге туда и обратно пересчитал лбом все балки, поддерживающие кровлю. Стукаясь о балку башкой, восклицал патетически: о, черт! Наконец забрезжил свет, душа моя преисполнилась

ликованием. Я облегченно вздохнул и тут же трахнулся головой о последнюю балку. С тех пор мой девиз неизменен: не обольщайся. А за это невинное путешествие снизили отметку по поведению. Интересно, что бы они поставили Рембо?

Озабочен проектом установки памятника Каткову, как неизменному возбудителю творческой энергии Салтыкова-Щедрина.

IX

В старой квартире-коммуналке была комната для прислуги. В начале пятидесятых в ней жила дворничиха Нюра. Хоронили кормчего. Женщины варили обеды, а Нюра весь день болталась на кухне, ничего не готовя. Позже она призналась, ей в тот день поручили наблюдать за реакцией жильцов, для чего освободили от ежедневных обязанностей по уборке двора и помойки. Этот же денек чуть не закончился катастрофой для одной из моих теток. Все дети дружно рыдали, но соседка по парте рыдала столь экспрессивно, столь велика была ее скорбь, что она не замечала, как в такт бурным всхлипам из ноздри то появлялась, то убиралась обратно значительных размеров сопля. Этот фокус с соплей произвел на тетку сильное впечатление, и с горних высот трагедии она шмякнулась в низменные хляби комического. Неудержимый смех стал рваться наружу. Несмотря на отроческий возраст, моя родственница понимала всю неуместность веселья в столь тяжелый для всего прогрессивного человечества день — смерть семинариста! Она опустила голову на парту и попыталась трансформировать безудержный смех в глухие рыдания. Заплаканная учительница подошла к ней и принялась гладить по голове. Теткина одноклассница зарыдала еще громче. Сопли ползли по ее подбородку по всей стране.

Анастасия Григорьевна, владелица кота Димы и рыжей лисы, свихнулась под старость. Переехав на новое место жительства (старый дом заняли под учреждение), мы оказались снова в одном доме. Теперь я мог наблюдать с балкона, как она, пряча пакетики с едой, осторожно пробирается к помойке и сзывает местных кошек на трапезу. В результате они стали бродить вокруг этой помойки и дома табунами. Поэтому Анастасию Григорьевну отовсюду гнали в три шеи, если ее заставали за кормлением любимцев. Старуха меняла время и место раздачи лакомств, иногда в пять утра во дворе уже слышалось кис-кис-кис. Она заманивала кошек в самые укромные уголки мироздания и там скармливала им свою пенсию. За несколько дней до смерти, уже почти в невменяемом состоянии бродила по двору, угощая знакомых старух свежей рыбой и мясными обрезками, те становились на четвереньки, подбирали с земли лакомства беззубыми ртами и благодарно мяукали свой реквием.

Курс истории нашей партии читал доцент Лошаков. Когда воодушевление его достигало предела, он выходил из-за кафедры, вдохновенно перебрасывал прядь седых волос с одной стороны лысины на другую, простирал руку к аудитории, не как статуя командора, а как другой, более распространенный памятник, и голосом, исполненным отеческой нежности, вопрошал притихших студентов: пони-ма'шь?!

Декан выражением лица походил на лису Анастасии Григорьевны. Он давал ценные указания. Вы присмотритесь к ней (нему), мне кажется, он (она) ненормален. Он-то был нормален: сменил вторую семью и машину.

Пока писал книгу, деревья успели обзавестись солидными шевелюрами. Иван Карамазов может отправляться пить чай к Смердя-кову. Улица теперь закрыта от меня. Проходящих мимо людей в текст уже не вставишь (женщина в фиолетовом пальто), но звуки вставлять можно. Проехала машина, ребенок сказал нечленораздельное, музыка из дома напротив, писец Бартлби лежит на облаке, поджав ноги к животу.

Женщина в фиолетовом пальто выросла и умерла в деревне. После трех лет лежания в земле, не желая больше участвовать в расширенном воспроизводстве перегноя, утратив коммуникабельность с другими гнилыми, она вышла до срока из могилы и направилась, куда глядели ее глазницы. Укрыв по дороге пальто и косметику, привела себя в божеский вид и пришла к нашему дому. Так она стала моей Ариной Родионовной. Три года пестовала она мое младенчество, а потом, утирая слезы, вернулась обратно в деревню, где вышла за муж за овдовевшего педагога Карла Игоревича Кадавру. Такое вот кино.

Знаете, иногда я не в состоянии справиться с Ним: поэтому приношу заранее извинения за возможные хронологические, психологические и логические неточности. Он считает, что это вонючее время не заслуживает внимания, и тем более не стоит его придерживать художнику. Да и кто сказал, что оно существует? Бунин писал, нет в мире разных душ, и времени в нем нет. А «Темные аллеи» — очерки Даррелла из сексуальной жизни рептилий. Как будто в террариуме за толстыми стеклами ящерицы и черепахи после многих веков воздержания, сонной неподвижности, вдруг предаются неистовому соитию, а потом снова расползаются по темным углам эмигрантского зоологического сада. Бунин слишком увяз в классике, чтобы позволить себе быть свободным. Он был брезглив до гениальности, но не сумел воплотить эту гениальность в слове. Жаль, и многие так кастрируют себя в силу предрассудков.

Он ни с чем не считается. Ему безразлично, какие слова употреблять по тому или другому поводу. Он чихать хотел на синтаксис и на такси тоже. Он может стол назвать энсипином, может рисовать с закрытыми глазами и во сне сочинять стихи. Он лучше меня, ибо больше и глубже, я — только часть себя. Он — я и еще что-то. Переменная облачность. П. С. еще далеко до писца, но и в нем начали формироваться качества небожителя. П. С. перестал дергать Мерседес за клаксон, не обращает больше внимания на клопов и терпеливо выслушивает монологи палатных сожителей. Ему было трудно вспомнить прошлое, о будущем не думал, настоящее не воспринимал. Жизнь сосредоточивалась в глубинах мозга, рассудок в ней не участвовал, поэтому происходящее описать словами было невозможно.

Веня, студент, жил за стенкой. Носил ботинки на толстой подошве и танцевал, когда был дома один, буги-вуги. На полу оставались полосы от ботинок. Мать показывала их соседям. Новый сосед, седой, невысокий мужчина, в силу психологического изъяна имел неприятную привычку громко смеяться ночью.

Иногда он ухал филином. Утром здоровался как ни в чем не бывало. Приемная дочь Анастасии Григорьевны в отличие от Люды Смирновой никак не могла перестать расти, и ходила по квартире едва ли не на четвереньках. До сих пор не замужем. Другая соседка хотела сделать из сына человека. Отпрыск запил, прекратил все контакты с матерью, а потом исчез, погрузившись в волны моря житейского.

Сегодня утром прочел статью о Вельтмане. Краткий пересказ его романов привел меня в экстаз. Это что-то чудовищное. Безумие! ведь он переводил из Махабхараты и Старшей Эдды. Сидел за письменным столом по пятнадцать часов в сутки. Троллоп, и тот не был столь прилежен. Разве что Катков...

День рождения мне дорого обошелся. До пяти лежал на диване, а потом сидел в кресле чуть живой на работе. Блевал желчью и проклинал все на свете.

В это время женщина в фиолетовом пальто выползла из-под буквы «ф» на пишущей машинке и попросила, как батальоны, огня. Пока ходил на кухню за спичками, она, дебилка, залезла в мою рабочую чашку с чаем и, поскольку он был достаточно горяч, сварилась в нем. На вкус ничего особенного — сарделька... Говяжья. Но тут пришли родственники сварившейся женщины из-под букв «щ» и «ж»: не видел ли я сбегавшей покойницы? Да, конечно, в начале своей карьеры человек был трупоедом, но ведь сейчас-то дело идет к концу. Пока я пытался подавить желудочные спазмы, Николай третировал мою фантазию. Это еще так, городок в табакерке сочинять вздумал, порви, балбес. Порви, сейчас же порви. Призывы к дефлорации, как и призывы к первому мая, были оставлены мной без внимания. Колю распирало негодование, в сердцах он плюнул на письменный стол. Этого оказалось достаточно, чтобы несчастные «щ» и «ж» захлебнулись под обрушившимся на них водопадом. Так за какие-нибудь пять минут я стал косвенным виновником гибели трех существ. Да ты, брат, Шекспир, сказал Коко, и нервно шмыгнул носом.

Это все Его проделки. Это Он надо мной издевается и заставляет сочинять абракадабру вместо нормальных воспоминаний о детстве. Первая книга, прочтенная самостоятельно, оказалась китайской сказкой. До сих пор помню оттуда две совершенно дикие строчки: Когда ветер дует, ветви бамбука танцуют. А вместе с ними танцуют и воробьи. Говорят, скоро воробьям там не поздоровилось. Уже в третьем классе, а может быть и раньше, стал травмировать отца вопросом: Сталин был плохой? Люди его поколения всю жизнь читали газеты для того, чтобы честно стараться забыть о прочитанном десять, двадцать, тридцать или, не дай Бог, больше лет назад. Это такая субкультура забывтья. У отца было три родных брата, все давно умерли: двое от сердца, один от рака.

Х

В мебельном магазине на Большом проспекте П. С. продается кресло-качалка. Но где взять деньги? Хорошо бы еще к качалке купить небольшой замок на острове (как горький Монтень) и обсерваторию устроить наверху, а в подвале типографию. Так жили поэты раньше. Например, Струйский. Когда-то я уже жил в замке, помнится, и библиотека была неплохая... Куда

это все подевалось? «Ц» возбудил уголовное дело. Взяли подписку о невыезде. Объявлен розыск непреднамеренного (так я заявил на первом допросе) убийцы Николаи. Лиля... А при чем тут Лиля? Это в каком веке-то было. Стал забываться, милые. Путаться стал не с теми форточками. Вернулся в комнату с балкона, когда от жары одурел. Плюхнулся на диван, и сонм пылинок взметнулся ввысь. Они купались в солнечных лучах. С одной из них разговорился. Зарплата маленькая. Постоянной прописки не имеют. Главное, стоит какому-нибудь придурку как следует дунуть, тут же хочешь не хочешь приходится покидать пристанище и снова скитаться, перебиваясь с хлеба на квас. Они страдают хронической дистрофией. Пылинка унеслась в туманную даль. Не знаю, о чем писать дальше. 0+0 — это все равно ноль. На работе всю ночь говорили комары. Уснуть было невозможно, искушали всю морду. Социальные писки. Эфемерные писки. Недовольство жилищными условиями. Однообразие меню в столовой теплокровных. Везде одно и то же. Пожиратель вместе с шизофреником плевали с Аничкова моста на проходящие под ними суда. Шизо долго копило слюну. Наконец показался речной трамвайчик. Какая-то опрометчивая туристка, задрав голову и вытянув шею, любовалась желтизной правительственных зданий. Ее широко раскрытые глаза жадно вбирали в себя неземную гармонию града Петрова. Стратегический боезапас слюны поразил левый глаз путешественницы. Трамвайчик с вопящей лягушкой скрылся под мостом. Шизо счастливо улыбалось. Еще один день прожит не зря. Абзацев больше не будет. Вся наша жизнь — абзац. Надо экономить бумагу, надо щадить зеленые легкие планеты Ивана Фомича. Два года отдал Петр Сергеевич службе. Приходил на работу в девять, а уходил в шесть. Управляющий быстро раскусил его. Случись война, вас расстреляли бы в первый же день. П. С. скромно потупился. Несси вертели ручками арифмометров и языками. Когда П. С. пытался вставить слово, наступала звенящая тишина. Даже престарелая глухая бухгалтерша прекращала считать на счетах и смотрела с испугом. Он любил поговорить о трудах Радды-Бай, тогда увлекался теософией. Вскоре категорическое «ну вас» научило держать язык за зубами. В субботу читал до одури. В воскресенье сходил с ума: опять на работу! Послали в командировку. Пыльный областной городок с одним кинотеатром и пивным ларьком. Вечером напился. Аборигены смотрели с неприязнью. Скрылся в гостинице, был счастлив вернуться, но утром, о Боже, опять на работу! Он походил на разбитую вазу. Но далеко не все питают страсть к археологии. Сослуживцы П. С. сторонились. Постоянно сбивался в подсчетах. Грозил увольнением. Вечером вместо ужина выпивал бутылку вина. На улице орало пэтэу. Перед сном читал «Мертвые души». Однако как все это мерзко, думал П. С. засыпая. Снова начал писать стихи, скучные и неуклюжие. Декламирровал их перед зеркалом, приходил в экстаз, сквозь щетину сочились соленые капли, отражение шевелило губами — гений. Наконец, случилась болезнь. Лежал, пил чай, читал и блаженствовал. Вечером, тепло одевшись, выбегал за вином. Подогревал его в алюминиевой кастрюльке, добавляя сахар и прянос-

ти. Глинтвейн пил из старой чашки с отбитой ручкой и беседовал с тенями на занавесках. Иногда рисовал начальника с отрезанной головой. Остальным доставалось не меньше. Отпуск. Он никуда не поехал. Сидел дома. Когда приходили гости, морщился. Неужели им так приятна чужая агония, неужели не хватает крови в кино. На живое потянуло! Лакомятся чужими страданиями, как пирожными, дряни! Закрываю дверь, юродствовал, заходите еще. На работе его уже не воспринимали всерьез. Шутили, вам скоро повысят оклад. Рекомендовали жениться, чтобы стать настоящим человеком. Когда приносил бумаги на подпись, управляющий дергался и шипел, вы все еще живы? Пора, давно уже пора вводить курсы бессмыслицы во все учебные заведения мира. Книга — музыкальное произведение. Слова, как и звуки, перетекают из одного в другое, играя при этом солнечными зайчиками смыслов. Отправляют в магазин за молоком и хлебом. Сейчас 10 ч. 35 м. Пока мать гладит рубашку, позволю заметить (пришло в голову во время мочеиспускания), русского писателя публика не столько любила читать, сколько хоронить. Помочь при жизни долги заплатить или домик подарить, такого не водилось, а вот когда бедолага ноги протянет, сразу всенародная любовь к покойнику. Тысячные толпы и полиция. Казаки при погребении. Шаткие литературные мостки-подмостки-подростки. В булочной купил конверт, на котором изображен памятник дедушке-обжоре Крылову. Первый раз в жизни испытал алкогольное опьянение именно неподалеку от этого памятника в Летнем саду. Забалдел от стакана пива (лимонада не было). Родственник (года 3-4) уронил на землю бутерброд. Его отобрали. У родственника истерика (теперь он подполковник), орал ужасно, а я (лет шесть-семь) веселился без меры, еще бы, первый раз в жизни кейф словил. Николай Успенский попросил у приятеля (поэта) ножик (бритву?), чтобы горло себе перерезать (нож самого Успенского был слишком тупым для этого типа харакири), а приятель (поэт) сказал, ничего, и со своим хорошо управисься. И действительно, Николай справился. Русские писатели-самураи. Однажды П. С. поручили утром открыть контору. Естественно, ключ застрял в замке. Начали собираться служащие. Февраль месяц. Вслед за клубами пара монументальные проклятия обволакивали окоченевшего П. С. Вскоре его совсем не стало видно, а дверь открыли ломом. 12 лет мотался Александр Фомич по Бессарабии, пока не разразился «Странником». Собственное сочинение В. А. Ф. Полноценное произведение может возникнуть только тогда, когда писатель подойдет к краю могилы, вот с этим темным и грозным читателем начинает он диалог, который потусторонние воспринимают как сочинительство. Самые предельные состояния духа в конце концов оказываются только ступеньками лестницы, мы умираем на каждой ступеньке, чтобы заново родиться на следующей. Тайна радости. Мои действия, танцы (их любил Ницше), производимые на этой бумаге. Буквы, вылетающие из пращи мозга. Слова, падающие в безмолвие. Господи, ты?., я, Господи, и Он. Непонятно? Он, так безжалостно смеющийся, загоняющий в темные лабиринты подсознания, выбивающий из рук предметы,

их названия и смыслы. Он, что это? Третья патетическая? Лирика. Струпья. Гонорея. Боря Муратов. Писец Бартлби. П. С. Все движутся в темноте. На ощупь. Куда-то. Квадраты дао Малевича. Нет желания печатать. Гнусно. Мокрые губы, с приставшими к ним крошками табака. Волосы под и над. Голоса из России. Станция Бездна. Станция Пах. Полное преодоление космологического эгоцентризма. Вонь. Деться некуда. Ноги и руки. Череп и душа. Каша. Пожиратель подарил новую фамилию: И. Е. Застенкер (автор примечаний в собрании сочинений Герцена). Голова из России. Флоренский. Что еще придет на ум? По преданию, порох изобрел монах Шварц. Тьма да тьма кругом. А что за тьмой? За тьмой ОНО. В этом наилучшем из миров все и вся связано друг с другом. Случайностей нет. Гуси-лебеди. Ад от слова «спадать» или наоборот. Вдруг на кухне услышал страшный шум: воробей залетел через Бориса Леонидовича, а обратно найти дороги не мог. Отчаянно бился о стекло. Поймал его шляпой. Сердце у птахи билось посумасшедшему. Смерть как дорога домой. И тоже — сердце. Огонь и я. Быть ветром без всяких там дырок, кишок и волосяного покрова. В конторе была телефонистка молодая девица, некрасивая, никто ей в пору дождливую пальто на плечи не накидывал, она страдала недержанием мочи. Коммутатор находился на чердаке, а туалет в подвале (пять этажей!), телефонистка не успевала добежать вовремя. Там же на верхотуре был актовый зальчик. Здесь проводились собрания трудового коллектива. Едва лучшая часть человечества рассаживалась на скрипучих стульях («огольный ряд» — перл Исаича из романа «В круге первом»), как начинали щелкать сумочки и появляться платочки. В платочках укрывались напудренные носики. Драмы страдальчески морщились, глядя на открытую из-за жары дверь конуры телефонистки. В конце концов какая-нибудь общественница приказывала мочепенной девушке из якутского фольклора закрыть дверь поплотнее. Еще Пожиратель рассказывал, как выступал с коллегами перед студентами медицинского института. Благодарная слушательница повела их за это на экскурсию в морг. Из больших цинковых чанов высывывались отрезанные руки, ноги, половые органы. Пожиратель приподнял крышку длинного ящика, стоявшего в дальнем углу подвала, и заорал. Там лежали, тесно прижавшись друг к другу, два трупа с обритыми наголо головами и красными дырками в затылках. Крышка с грохотом упала на металлический ящик. И долго еще что-то звенело в прохладном подвале. И музыка, и слово. Учиться безмолвию у камня и текучести у воды. Мистики — всегда чистые реалисты. Еще рассказывала бабушка, до революции хобби одной родственницы, придерживающейся прогрессивных взглядов, состояло в протыкании булавкой глаз у представителей царской фамилии. Как писал когда-то Карамзин, народ еще любит кровь царскую. Периодически отец ни с того ни с сего напеваает, ехала китаела, ехала малаела на Дальний Восток, увидела китаела, увидела малаела, и сказала: здравствуй, браток. Этот рефрен сопровождает меня с младенчества. Бормотанье неизвестной величины о неизвестных величинах. Была черепаха у меня в детстве, которая, как П. С, никого ни о чем не

просила. Лежала себе тихо под шкафом или диваном. Приходилось ее вытаскивать на свет Божий шваброй. Потом мы взяли ее с собой на дачу, и она удрала. Стала странником. Где же конец, спрашивает меня одно млекопитающее из котельной с Хайдеггером под мышкой. Это газооператорское чудо любило в носу ковырять, ведя нескончаемые философские беседы. Извлечет из черной дыры комочек зеленоватой слизи, посмотрит на него с нежностью и руку о штаны вытрет, а потом продолжает прерванную на середине фразу: экзистенция... П. С. снизил температуру тела до +22 градусов. Признаков жизни и смерти не подавал. Пульс не прощупывался. Деревья покрылись рыбьей чешуей и собираются обратно в океан. Рыбы срочно отрывают корни. Все смешалось в доме Посейдонских. П. С. воспарил на сороковой странице этого текста, собственно, это был уже не П. С, а так, то ли облачко, то ли пушинка. Он летел совершенно один в сияющей, как солнце, пустоте. Он был свободен от самого себя и всего остального тоже. Стихи Шанкары. Стихи Лаллы.

Тантры исчезнут, останутся мантры зато.
Мантра исчезнет — и все-таки мысль не затмится.
Мысль прекратится — повсюду пребудет Ничто,
И в мировое Ничто все ничто устремится.

2 —24 мая 1978 г., 25 мая 1993 г.

Часть вторая

Мозг — это воск.
Б. Констриктор

I

Она приехала с юга. Я встретил ее на вокзале.

Целовались на запущенной кухне и пили страшный, малинового цвета, портейн. Потом она с ним на такси уехала. Такси в моей жизни часто играло роковую роль. Однажды вез к себе домой иностранку и, пребывая в восторженных чувствах, отдал шофёру по слепоте вместо мелкой купюры крупную. Утром рвал волосы с горя, когда вытащил из почтового ящика открытку на очередной том избранных трудов академика Конрада.

Сижу дома. Воскресенье. Рисую цветными карандашами заветного монстра. Звонок. Сразу стало не по себе. Мать пошла открывать дверь. Потом голосом, не предвещающим ничего хорошего, позвала меня. На пороге стоял человек в кожаной куртке и трапецевидной кепке. Рядом с ним толстенький карлик с блаженной улыбкой на лице и тоненькой пачкой писем в руках. Карлик заговорил по-немецки, таксёр — по-русски. Вглядевшись в письма, я похолодел, как П. С. до 22°... Они были написаны мною! В шестом классе вступил я с карликом в переписку, в шестом же и закончил её. И вот, вот оно, воздаяние за милости. Шофер был счастлив, ибо Циннобер колесил уже два часа по городу, отыскивая мою квартиру (за прошедшие десять лет успели переименовать улицу и изменить номера домов). Я остался один на один с кроликом. Кролик безмятежно улыбался, совал мне в руки мои детские письма и размахивал перед носом двумя розовыми листочками. Это были билеты в цирк!

Последний раз в этом заведении был лет пятнадцать назад. В памяти сохранился только один малоприятный эпизод. Крепкого сложения мужчина наматывал себе на шею сонного удава, который от отвращения закрывал глаза и старательно отклонял голову в сторону, чтобы атлет не дышал на него. В луже на арене валялся полуживой крокодил и непрерывно зевал, потом вывели кастрированных львов. Увидев на письменном столе цветного монстра, краник что-то быстро-быстро залопотал: он работал в дорожной полиции и рисовал плакаты на обочинах шоссе, долго болел, звал меня к себе в гости, а сейчас в цирк. Делать было нечего, стал собираться. Потрясённые родители дали мне денег на карманные расходы и напоили катетера кофеим. В цирке, подобно генералу Власову, сидел в окружении немцев. Они жизнерадостно хлопали в ладоши, много и охотно смеялись, поглощали мороженое с энтузиазмом старика Хоттабыча, и все как один смотрели на происходящее в бинокли, которыми запаслись в гардеробе. Особенно допекла меня старушка с длинной жилистой шеей водовозной клячи, украшенной жемчужным ожерельем, и синими клешнями с множеством сверкающих колец. Она гоготала нечто совершенно невразумительное. Ей требовались какие-то открытки... Альраун хохотал не

переставая и хлопал меня по плечу с отеческой нежностью Тараса Бульбы. По арене ползали униформисты, подбирая последствия выступления группы джигитов. Выкатили круглый обеденный стол. Все филистеры, как по команде, поднесли к глазам бинокли. Выбежала фефёла в блестящем купальнике, забралась на стол с ногами, просунула голову в парике в парике и жизнерадостно осклабилась. Немцы бешено заплодировали. Котангенс протянул мне бинокль: под толстым слоем грима на лбу фефелы змеились глубочайшие морщины. Во рту сверкали золотые коронки. Кроха снова выхватил бинокль и жадно уставился на старуху, которая продолжала, как муха, неутомимо ползать по столу. Наконец эта мука кончилась. Начался антракт с мороженым, похлопываниями по плечу и мучительной беседой о таинственных открытках. Потом Цахес потащил меня к себе в гостиницу. По дороге пел песни, читал стихи и подпрыгивал, как шарик для пинг-понга. Плечо горело. Стал отрубаться на ходу. Застал себя за столиком в ресторане. Пожилой худощавый немец сверлил меня коричневыми глазами и спрашивал, видимо, уже не в первый раз: «Бист ду коммунист?!» Это переполнило чашу терпения, я вспомнил о бабушке и бабушке с отцовской стороны, то ли сожженных, то ли расстрелянных вместе со всем посёлком соотечественниками моего корреспондента-феникса и заорал: «Найн, найн!» Немцы за столом зловеще переглянулись и начали допрашивать Кёнига. Они выпытывали у него, как мы будем расплачиваться за узбекский портвейн. Циммер незамедлительно продемонстрировал сувениры, которыми я одарил его ещё дома. В целом наша сделка была одобрена. Потом мы сидели у Касторпа в номере, он помахивал моими письмами, как веером, и без усталости повторял одну и ту же фразу: «Цен яр, цен яр». Если к этому сроку добавить «без права переписки», то ситуация получит логическое завершение. Не успел я допечатать эти строки, как напротив меня (на службе) уселась девица и, отчаянно картавя, принялась звонить в цирк. Она попросила к телефону ассистента Носика. Этот Носик, судя по репликам молодой особы, был на нее в обиде, тогда начинающая циркачка предложила ассистенту поставить ей клизму. При этих словах розовый от бормотухи электрик Василий Иванович стал совершенно пунцовым. Носик клятвенно заверил картавящую укротительницу, что выведет к 11 вечера медведей на проходную для моциона по Михайловскому саду. В том, что медведи гуляют по улицам Пальмиры, нет ничего удивительного. Когда Обломову предложили переехать на Выборгскую сторону к вдове Пшеницыной, он резко возразил: «Помилуй, да туда, говорят, зимой волки забегают». Что медведи, что клизмы для принцесс, что волки. Имеющий уши да слышит! Пил как-то пиво с поэтом-песенником. Ларёк был расположен на набережной. Теперь его более не существует, и уже не постоишь с кружкой пива напротив Фонтанного дома. Поэт-песенник, мужчина профессионально общительный (Невский был его домом, а своего дома у него никогда не было), разговорился с неказистым мужичком.

Тщедушный человечек не выпускал из рук обшарпанный чемоданчик и сетовал на судьбу. Он приехал из Азии с готовым для цирка номером. Но номер не приняли. Знакомый предложил этому отверженному продемонстрировать

свое искусство алчущей пива очереди. Надо сказать, что циркач уже изрядно хлебнул с горя, хотя на ногах еще держался. Он согласился показать свой номер за кружку пива. Из раскрытого чемоданчика, откуда мужичонка быстрым движением убрал мохнатую белую папаху, после того, как он пошевелил в нем прутиком, раздался тихий свист, и две кобры, раздувая знаменитые капюшоны, закачались над сырым асфальтом. Очередь оторопела. А змеи, плавно покачиваясь в колыбели трех революций, всё выше и выше поднимали свои плоские головы. Это бесхитростное рептильное па-де-де завораживало. Однако немая сцена около пивного ларька длилась не слишком долго, Змееносец снова молниеносно накрыл своих королев пастушьей шапкой и быстро закрыл чемоданчик. Между тем дама, приехавшая с юга, позвонила поздно вечером и спросила нетрезвым голосом: «Ты меня любишь?» Еще после принцессы на клизме по телефону звонил пьяный мужчина с лицом оливкового цвета (такое же, наверное, было у Зоценко) и просил дружинников забрать в мороженице на Чкаловском женщину лет тридцати, которая каждый день в шесть часов вечера после войны оскорбляет посетителей. Задвигаться надо тоже с умом, с чувством, с толком, с расстановкой. Фиксирую стадии этого процесса. Московское время 23.50. Закрыл ворота. Днём 21-26° выше нуля. Короче! В конце представления факир Кио приехал на «Волге», это, видимо, и был самый главный фокус, собственная «Волга». «Издавека-долго...» Клоп настаивал, чтобы завтра утром я посетил его снова. Конца и края нет. Я, естественно, не пошёл. Криг не поленился по справочной узнать мой телефон и потребовал, чтобы «майн либер Августин» немедленно явился в гостиницу, дабы сопровождать Крюгера в его поездке по городу. Пришёл. В номере пиво. Немцы. Дахау. Труповод. Всё, без чего на свете жить нельзя. Клаус бросился мне на шею и потащил в ближайшую газовую камеру, труповод устремилась за нами. Плечо ныло. Краузе трещал. Труповод переводила. Клаузевиц приказывал мне прикрывать его отступление в Русский музей. Пожиратель в этом музее всегда становится на колени перед портретом Тургенева, ибо, по его мнению, более мерзкой личности в русской литературе не было. Я там люблю картину Куинджи, на которой краски живут самостоятельной химической жизнью, пейзаж давно исчез и одна зелёная река светится, как глаза собаки Баскервилей. Труповод, взметнув блеклые бровки, спросила: «Вы на самом деле собираетесь ехать с нами в музей?!» — «Какой к черту музей, этот плакатист свалился на мою голову хуже горькой редьки». «Это очень хорошо, посторонним с майданеками ездить не полагается». — «Ну и скажите тогда этому Капору, что мне нельзя с ним ехать». — «Нет, это вы должны сказать герру Коху, что сейчас заняты, а навестите его вечером, когда освободитесь...» Я не стал уточнять откуда, и согласился на всё. Во время этой непродолжительной беседы Кастро успел раз пятнадцать садануть меня по плечу. С тех пор левое плечо у меня несколько ниже правого. Три левых часа. Утром врывается начальник с оглушительным криком: «Суки!!!» За суками шли «паразиты», потом всяческие «сосы» и т.д. Ну, думаю, украли что-нибудь, теперь неприятностей не оберёшься. Отнюдь. Оказывается речь идет о Втором интернационале. Начальник после отставки из

Балтийского флота принялся рьяно штудировать Маркса. У него сложился свой взгляд на причину первородного греха. Во всём была виновата инвестирура. Об этой инвестируре он мог говорить целыми кальпами напролет. Речь изобилывала крепкими русскими словами, дышала благородной страстью непризнанного пассионария и заражала жгучей ненавистью нового Савонаролы ко всём инвестирурам Подсолнечной.

Начальник бил по столу кулаком, тревожил прах Каутского, Троцкого, Струве и даже Туган-Барановского. Подобно опытному боксеру, он загонял собеседника в угол и не выпускал его оттуда на протяжении всего монолога, который длился от получаса до нескольких часов кряду. После дежурства мне обычно смертельно хотелось спать, и я старался не затягивать поединок. Стремясь свести это марксистское танго к минимуму, двигался в сторону двери, начальник же, напротив, пытался меня втиснуть в узкое пространство между двумя шкафами, оттуда живым выбраться было невозможно, только телефонный звонок или другие служебные обстоятельства могли спасти от неминуемой гибели в пекле экономической паранойи.

К немцу не пошел. Послал телеграмму на гостиницу: «Срочно выезжаю командировку». И получил в ответ другую: «Грузите бочки апельсинами». Это труповод Кульману помогла, сам бы Кулибин додуматься до братьев Карамазовых не мог. Сплошное говно. Лежать лицом к стене с затычками от расстрела в ушах. Отчего всё так противно? Они были люди. Они были смертны. Лучше всего читать философов из Хуайнани. Пили с Югой «Токай» на ступенях Михайловского замка. Выяснили отношения. У нее тогда было три любовника сразу, и она дегустировала их, как подлинная гурманка. Малолетняя Югина дочь упоенно уплетала мороженое. Знающие специалистки говорят, что у Антихриста сперма холодная. Светлый путь эволюции. Членистоногие. Просто членистые. Просто нагие. Фразы становятся всё короче. Уж воц олгшт курослеп. Рсиния эворезинский понукарий Капиромании. Солнечный круг. Местоимение первого лица единственного числа подало прошение об отставке. Небо вокруг. Течет вобла.

II

Засиделся допоздна у Юги. Лестница была не освещена. Шел с седьмого этажа на ощупь по памяти и вдруг понял, что иду куда-то не туда. Рука всюду натыкалась на Китайскую стену. Совершенно темно. Каменный мешок. Минуты три стоял не шевелясь, парализованный страхом. Вдруг вспомнил, в портфеле спички. Когда их зажёл, то увидел, что зашёл в тупик. Лестницы в старых петербургских домах изобилуют такими ловушками для подслеповатых любовников. В те три минуты молчания и полной неподвижности казалось, жизнь кончена и осталось только это: мрак и ужас. Может быть, таков ад? Между тем Канцер уехал из города и из моей жизни. На одном из своих плакатов Койот изобразил такую схему устройства мироздания: непосредственно доступный нам микромир состоит из определённых элементарных частиц, но они скрывают за собой другие макромиры (соседние антимиры), состоящие из элементарных частиц (или соответствующих античастиц), которые, в свою очередь,

содержат в себе новые макромиры, кроме исходного, и т.д. — до бесконечности. Эта схема будет, пожалуй, посильнее, чем детальное описание восьми адов. Мир во рту Пантагрюэля. Возможно ли барокко в науке? Может быть, отказ от простоты мира носит временный характер? Простота мира. Пустота. Пребывая в депрессивном состоянии, смотрел по телевизору фильм «Цирк». По арене на пальмах-велосипедах ездили Трувор, Синеус и Рюрик. Потом лёг на пол (родители уехали в гости), дополз до кухни, пролез в ванную и задремал около унитаза, убаюканный журчанием воды в бачке. Вы слышали глас гармоники Моцарта? А велосипедисты разбрелись кто куда: Рюрик — в Новгород, Синеус — на Белоозеро, а Трувор — в Изборск. От Пскова до Изборска доехал на автобусе, ходил вдоль стен крепости, музей был закрыт. Апрель, воскресенье. Абориген в ватнике, но при галстукке, в резиновых сапогах, но при шляпе, спал на голой земле. Пасха. Две пьяненькие старушки пытались привести его в чувство, мужик явно не торопился обратно на землю, подобно Магомету, он наслаждался покоем Эдема. Снег сошел еще не совсем. Старушки отправились за подмогой. Тимур и его команда, XIV век. А чуть позже Иван Грозный убивает своего сына Илью Ефимовича. Потом этот Илья Ефимович меня в школе воспитывал. Еще Пожиратель печатал что-то в клетчатой рубашке, рукава которой давно стали лохмотьями. Тимуриды вошли в квартиру для оказания шефской помощи: починили бачок, завоевали Индию, основали династию Великих Глаголов. Табличка над воротами гласила «Ад ветра и грома».

Плывать, плавать, это неважно, откуда я взял Ван Мина! Главное, человек хороший, настоящий, красивый и блестящий. Наш человек! Вокруг роstralной колонны вращалось огромное медное колесо, утыканное короткими, острыми мечами. Чем громче выл ветер, ветер на всем Божьем свете, тем быстрее вращалось колесо оборзения, тем сильнее впивались мечи (всё, что есть в печи, всё на стол мечи, кто не спарился, я не виноват) в тела грешников. Каждую напечатанную страницу разглядываю, как рисунок, переворачивая ее так и эдак. К этому моменту плоть человека оказывалась изодранной в клочья (как рукава рубашки Пожирателя), а кровь ручьями стекала на землю. Бегут ручьи, грачи прилетели, шепот, робкое дыханье, зелёный шум и ярость. Умертвив человека, черти заставляли колесо вращаться в обратном направлении. Мирсконца.

Едва я вступил в период пубертации, как Юга вышла замуж; за Илью Ефимовича. Сын Грозного в этом перерождении не преуспел. Он целовался с Югой только при выключенном свете и вскоре получил отставку. Через много тысяч лет они встретились в районе земного ядра. Илья Ефимович стал умолять Югу, чтобы она все-таки объяснила ему, что же такое на самом деле есть оргазм. Ее лекция началась с таких слов: «На земле лежит жернов из грубого камня, около двух с половиной метров в диаметре». Такой большой, недоверчиво переспросил Илья Ефимович. Лицо Юги запунцовело, глазки заблестели, маленькая грудь начала бурно вздыматься, она попросила её не перебивать. Вокруг жернова восседают восемь чертей, крепко сжимая в руках железные молоты. А еще вокруг стояли четыре больших чёрта с серпами. Илья Ефимович не вытерпел и отважился на вопрос: «Зачем так много народу?» Юга с пре-

зрением посмотрела на неграмотного старца и продолжила урок оргазма. Они по очереди хватали людей и пинком швыряли на жернов, а чертенята молотами разбивали их в лепёшку. Книга о вкусной и здоровой пище. Потом каждый чертенок, — Юга вошла в исступление, волосы растрепались, зрачки расширились, ноздри трепетали, — бросил в пылающую печь по лепешке, и те снова (через девять месяцев) превратились в человечков. Юга умолкла.

А над воротами третьего ада было начертано «Ад огненного колеса». Схема уничтожения личности здесь особой оригинальностью не отличалась. Люди были привязаны к колесу, чем быстрее оно вращалось, тем ярче разгоралось пламя — так что черный ворон обжигался, удав дугой извивался. Я был глубоко возмущен. Удав-то в чем виноват! Всю жизнь честно отработал в цирке, дрессировщик дышал на него перегаром, а он кротко сносил невзгоды, не роптал и тихо ждал смерти. Подал жалобу Янлю. А черному ворону так и надо, отъездили, поганец! И вот от людей осталась лишь кучка пепла и немного дыма. Чертенята облили останки водой, и прежние существа восстали вновь.

Вообще, теперь я мыслю при помощи вакуума. Больше не хожу, летаю, правда, головой вниз. Но, как мне объяснил знакомый физик-кочегар, верх и низ — это предрассудки. В космосе ни того ни другого нет. Кстати, Демокрит часть своей жизни посвятил изучению спермы. Индусы по цвету спермы определяют характер человека. Тимуриды тоже все как один изучали свою сперму. Четвертый ад носил ласкающее русский слух название «Ад мрака и холода». Там оружие чертенята бросали в круглый бассейн с чистой водой по человечку. Его заглатывали огромные большеголовые рыбы. Потом они исчезали, а вместо них появлялись золотые карпы, Мальвина и Буратино. Каждый держал в пасти человечка, затем выплевывал его на берег. Теория происхождения видов. Это интересно: когда Карл Бер и Жан Реклю взвесили мозг Тургенева, он оказался тяжелее мозга Кювье (наиболее тяжёлого из известных мозгов), хирурги не поверили своим глазам и взвесили мозг на новых весах, мораль сей басни такова: Тургенев настолько изолгался при жизни, что даже после смерти ему не доверяли. Впрочем, Ван Мин уже достиг блаженства пятого ада. Около проходной висела табличка «Ад склизкого дракона».

Там — бесчисленные громадные шесты, к которым были привязаны нагие молодцы. Вдоль шестов растянулся дракон, он извиваясь изрыгал вонючую слизь на бедных грешников. От нее лопалась кожа, размягчалась плоть; когда человек становился похож на обугленную головешку, его обливали водой, и он снова становился царем природы. Шестой ад назывался «Скорпионья яма». За окном дождь. Настал другой день. Холодно по-прежнему, внутри холодно, ощущение, что живот набит снегом. К моим текстам следует подходить особо. В валенках. Это интересно: в последний год своей жизни Салтыков просил прислугу передавать посетителям следующее: скажите, занят, умираю. Седьмой — «Ад ступы». Войдя в лабораторию редактора, Ван Мин увидел громадную ступу в несколько десятков метров шириной. Вокруг неё стояли издательские работники с большими пестиками в руке, свободной рукой они хватили авторов и бросали в ступу. Музыка переламываемых костей сливалась с шу-

мом линотипа. Когда писатель превращался в сплошное месиво, из него скатывали шарик и клали на стоящий возле Поднос возвращения души. Тут раздавался скрежет зубовой — литератор обретал утраченный человеческий облик.

Жалко, ады к концу подходят. Последний носил название «Ада пилы». Здесь человека распиливали на мелкие кусочки от макушки до пят, затем черти их собирали венником, как послевоенное литературоведение, и воссоздавали прежний облик человека.

III

Живу теперь в выгребной яме, в Москве, вместе с Василием Тёмным. Он всё лечится, обкладывая тело горящим трупом (Карамзин. Т. 5), благо в России их всегда навалом. Три лета удалось провести на балконе, в четвертое — традиция была нарушена: внесла свои коррективы помойка. И на лестнице Иакова ведра для пищевых отходов сверху донизу. Народ обезумел от этих ароматов и пошёл винные склады грабить. Год 1918. Год 1654. Мне это безразлично. Я к онкологу пошел, пусть меня научит. Лама потрогал бородавку указательным пальцем, я вышло вон, бородавка осталась в дацане на Серебристом бульваре. Линия на руке лучше меня знает, куда я пошло. Куда ведешь тропинка, милая. Три. Четыре. Проснулся, на лице стоят сапоги. Судя по подошве не мои.

Но враг хитёр и коварен, по словам Голенища. С боями армия отступала к Полтаве. Карл XII... Дацан сгорел, бородавка в следственном изоляторе. А ведь было у меня предчувствие, ещё в первой части, можно сказать загодя не хотел в Москву ехать. Москва до Киева доведёт, гласит народная мудрость, а что от Киева осталось после татар, что?! И вот лежу в окопе, хотя некоторые и говорят, что это не окоп, а пробор на голове Черчиллы! Тех умников сразу... Я ползу, ползу по окопу цум гум энде. Но не тут-то было. Миру мир объявили. Опять футбол и проблема презервативов. Мы с Катькой толстоморденькой жили тогда на заброшенной яхте «Летучий лапландец».

По небу летали символизм и эмпириокритицизм, гуси-лебеди, свободные от вахты гардемарины, бородавки. Среди них моя. Катерина вбегает в трюм, на ней лица нет, одни мышцы. «Катя, родная, — закричал я тут дурным голосом, — что с тобой?»

Она хлоп на ящик с амонтильядо. Обморок. Я на неё перцовкой побрызгал и скорее наверх, кто посмел, думаю, мою красу неописанную, до такого скотского бесчувствия довести, а на палубе бородавка гуляет, руки в боки, губки бантиком, под мышкой монокль. «Как вы смеете, сударыня, — кричу, — покой воскресного отдыха подвергать нежелательным сотрясениям, вон отседова, со-судистое образование».

Она плечиком коричневым повела, ножкой топ, ручкой хлоп, и достаёт документ, от которого Катерина моя Измайлова-Маслова до самозабвения доперла. А в бумаге той писано: «Бородавка — ваша супруга», и подпись гуталиновая: «голенище».

Природа подарила муравью, как утверждают натуралисты, две извилины. Но это я так, чтобы дать вам время забыть предыдущее. В потоке информации

утонет культура. Тапочки были объявлены вне закона, их разыскивали по всей стране. После тщательного допроса и обязательного признания во всех смертных грехах вакусы железной, их свозили на свалку истории. Прогресс — чудовище из Апокалипсиса. На этой свалке я познакомился с тапочками из Войлока. Они поведали следующее. Вы думаете, я сейчас начну рассказывать какую-нибудь идиотскую историю без начала и конца? Нет, сегодня не выйдет, пора на работу, черт бы ее побрал! Сама по себе идиотская история без начала и конца (или, как ее именовал Стерн, сказка про белого бычка) отнюдь не является моей выдумкой. Это народное творчество, к которому причастны все, даже абортированные младенцы. Проснись и вой, как сказала Катюша, обнаружив в постели черного человека. Чу! По небу полночи жупел летел отомстить неразумным хазарам. Кроме всего прочего в оконную раму воткнулось птичье перо и смущает меня вторые сутки. Василий Сигизмундович Темный размахивал воблой, как саблей, и теснил покупателей к прилавку. Прах астраханской пигалицы был развеян по ветру. Торжественно икнул гимн. У всех встают. Черчилла совершенно облысела, я не узнал мест и окрестностей театра военных действий. Чистенькое полюшко-поле. Лёг навзничь и блаженно застонал, чувства распирали мою оперированную грудь, левое плечо ныло по-прежнему. Повесть о пережитом. Да герой успел потерять не только жизнь (см. т. 1 настоящего сочинения), но и воск. Он потерял всё, кроме снов и слюны. В одном из них прекрасная креолка села на извозчика (бедняга едва не упал). Конхология бодро плю в. Про не будет ЭЭ. Свык цон чхе, бутерброд?

АНТОН. Ты меня любишь, Глаша?

ГЛАФИРА. А як же (плюет на пол).

АНТОН. Шибче?

ГЛАФИРА. А як же (плюется обратно).

Входит Граммофон в нарукавниках.

ГРАММОФОН. Все в сборе?!

ГЛАФИРА. А як же (плюёт в сторону).

Вбегает Торба. Лик его ужасен.

ТОРБА. Корабль! Корабль!

Все бегут навстречу дня. Занавес. Сыма Цянь. Тихие рыдания помрежа. В оркестровой яме, в Москве, проснулся от больной головы натошак. Хозяйка квартиры зарылась в угол. Мягкий знак. Мы с Василием спали на раскладушке, как сиамские близнецы. Белокаменная, хлебосольная, златоглавая вдруг выстрелила в меня телеграммой: отплываем. Бегу задыхаясь в Шереметьево, на ходу вскакиваю в ТУ и ту-ту. Проводница манипулирует в узком проходе ягодицами. Я ее с собой взял на карабь, жалко, сучку, стало. Я — это капитан Ней,

человек без паспорта. Снова велено живность спасать, берега, искать. Сели за стол.

ТОРБА. Который теперь может быть час, хрю?

АНТОН. Да вы что! Да как вы смеете?! (Бледнеет.)

ТОРБА. Вздор, экспроприация сероводорода.

ГЛАФИРА. А як же.

ТОРБА. Молчать!

Капитан, по курсу плавучий Тюмень, дальше стр. 17. А что? я тебя, Глаша, за хвост держать не буду. Хрю, Знаешь, как трудно копытами печатать, да ещё без ног на голодный желудок после бессонной ночи в кресле хуже гинекологического... За прошедшие два десятка лет оно приняло форму тела одного восьмидесятилетнего старика-истребителя. Стюмнело. Марсельеза в исполнении Джеймса Джойса. Утром старик подал руку, холодную как погреб. Нет времени, нет пространства, есть только колебания всего сущего. Закончив их, Катерина слезла с колен кочегара Василия и простонала: «Фуй, как я испачкалась». Вася похабно осклабился: «Ничаво, сюрстрица, ничаво».

ТОРБА. Ничаво.

ЕКАТЕРИНА. Но платье погибло, вот взгляните, Антон.

АНТОН (брезгливо). Ничаво.

ТОРБА. Вот здесь мы построим город из жёлёз и выхлопных газов, здесь автору...

АВТОР. Ничаво.

IV

Где-то потерял (или разорвал, забыл) две страницы из второй части мою диагноз. Она сделала укол, левая половина груди стала твёрдой, как доска. Она (Клитемнестра?) ковырялась в ней перочинным ножиком, а потом зашивала вместе с Арестом и делом грачей. Или зашивала Пенелопа. Да, зашивала Пенелопа без панталон. Август. Жарко было в тот день, тут я встал и позавтракал как ни в чем не бывало. С аппетитом. Тит. Ливер. Подлегарс сказал: «Товарищи дамы и господа друзья, сегодня белое родовспомогательное примечание отмечает четвёртую годовщину образования ангиомы североатлантического блока. Позвольте же мне от имени всех присутствующих выразить те глубокие суки, которые переполняют наше подкладное судно!» Аплодисменты. Дивертисмент в банкетном зале. Сморкалось. Капитан Ной вызвал боцмана Пиллерса. Через пять минут на палубу вынесли завернутую в простыню Катерину Иван. Она брыкалась, пыталась укусить через полотно Пиллерса, он не выдержал и дал ей по зубам флюгаркой. Подлегарс продолжал речь: «И в это время, когда вся кодла встает как один, некоторые безответственные экскременты позволяют себе сомневаться в правомерности решений папы Карло и даже высказывают предположение, что он невменяем, — этого терпеть нельзя. Катаракту Ивановну под звуки вальса «Амурные войны» выбросили с корабля

современности. На груди повязка или подвязка Пенелопы. Ещё ставили пломбы (опечатавали рот), всего семь пломб. Я теперь совершенно секретный. Всё человеческое мне чуждо. Убил муху. — Подлегарс всё еще продолжал: — Мы не позволим вводить в заблуждение широкие массы роящихся и поставим крепдешин на повестку дня ближайшей инверсии комитета щитовидной железы (об этом мы говорим прямо), ибо недавно папа Карло построил для своего народа новый высокопроизводительный крематорий. Пора объявить мораторий».

Митинг на полубаке подошёл к своему логическому концу, собравшихся накрыли большим куском брезента, и Подлегарс начал голосование.

Итак, продолжим нашу инъекцию.

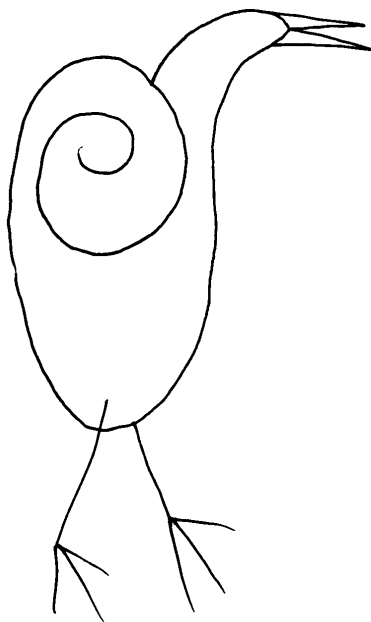
Всё заволокло сплошным туманом. В этом парном молоке-монологе мы тщетно пытались обрести друг друга. Капитан Ной, из-за безделья впавший в оголтелый эротизм, попытался овладеть металлической кницей. Дело чуть было не кончилось больницей. Глаша также поддалась всеобщему исступлению, простоволосая, как менада, металась она по нижней палубе в розовом блеске нижнего белья, пока в её липких от пота коленях не забился Ахтерштевень, член фракции неприсоединившихся карапетов. Когда туман спал, только при помощи лебёдки удалось различить наших ромео. После эротической бури наступили всеобщая депрессия и кризис. На улице опять гармон. Он хохол, сказала моя мать. Черемшина, дивчина у садочку. Не пора ли поставить мне точку. Правда, случается, в порыве страсти самец хватает что-нибудь иное — корягу, камень или сонную лягушку, напрасно пытающуюся избежать сей ненормальности. Ивушка зеленая, над прудом склонённая, ты скажи, скажи, не тая, где любовь твоя?! Подошёл к форванту и достал два бокала. В первом — три порошенка: Рюрик, Синеус и Трувор, во втором — прощание с мадерой. А на четвёртой палубе сегодня свадьба. Во дворе вопли. Как это было у Дж. Дж.: Юпитер, пошли им прохладу во время течки. И ещё: очередная порция микробов. Вы, кранцы, не любите цитат и не понимаете сути цитирования. Для сочинителя это род литургии. Совокупляя цитаты в пространстве и времени на трансцендентной территории машинописного листа, он, алхимик, может приступить к поискам философского камня бессмыслицы. И тогда полы халата становятся крыльями, разум, как крыса, покидает тонущее судно человека, и дух, отринув в сторону резиновый мячик (наша Таня Ларина громко плачет) плоти, отправляется на свою родину, в Никуда. Это было лирическое отступление. Записки янычара. Реминисценция. А может быть, все-таки менструация? В случае если сюжет повернет в эту сторону, важно знать, крепко ли задраены порты. С этими шаровыми молниями долго ли до греха, ведь автор к тому же еще картавит. В детстве водили к логопеду, потом что-то резали во рту, но тщетно. От генетического кода не убежишь... Тут автору удалось справиться с молнией, участь крейсера «Варяг» больше не угрожала ему. А в оскверненной парадной раскинулось море широко, плод народного творчества. В этой пахучей луже плавал кораблик, сделанный из тетрадного листа.

Ял-2 — два, Ял-6 — девять, Ял-4 — восемь... Ялы благополучно достигли этой страницы. На удивление быстро удалось отделаться от начальника. Мы с

ним на Новый год напились (я дежурил), а он остался тоже. Когда я сказал, что, возможно, первый человек был высечен, прежде чем его в космос отправили, начальник принялся целовать мне руки и загнал в угол между двумя шкапами. С тревогой подумал, не гомосексуалист ли он, но потом приписал этот порыв капитана Ноя силе моего непечатного слова. Утром припёрся Пожиратель с бутылкой «Кагора», начальник сидел на ступеньках, тупо смотрел на Малую Невку и прикладывал к голове снег. Ему было плохо. Потом мы выпили вина, и я рассказал сказку. Под завязку. Зю жила, не была в городе Пюк. Зю прынула чутким стулом, затрепетала ангажементом, взыграла зипуном и пошла. Долго ли коротко ли вот. Город Пюк — базар, халва, молва, трава. Идет налево песнис. Минарет с рентгеновским кабинетом и креслом-качалкой. Откуда ни возьмись. Зю вздрогнула чутким носом, за углом було былочное здание, на всех своих точках опоры мир крутило. Зю село в фонтан, очиститься от усталости и дальше больше. Город Пюк очень красив по-собачьи в любое время года и осени. Он стоит не только мессы, но и мяса. Зю увидел «я». «Я» было так себе, невзрачное «я» было. Никак не могло прекратиться. Зю подошло к «я» и потрогалось до них мизинцем от не той ноги. «Я» скрючилось более прежнего. Это было уже «не-я». Зю испугало и побегагло скорее домой из этого Пюк. Дома она легла на оттоманку и долго не могла уснуть, пока по радио не стали передавать точку за точкой и Зю усоп вместе с ялами.

5 июня — 27августа 1978
02.06.1993

III

Ветер гонит туман с полей.
Скрипит на зубах песком.
Хватит, хватит о ней.
Попробую о другом.

Падают листья, закапал дождь.
Я ничего не жду,
когда в себе ощущаю мощь
страшную, как вуду.

Когда презираю свой смертный час,
естественный ход вещей.
Как же мне тошно глядеть на вас,
добрых честных людей.

В гнусное стойло загнан мир.
Блевотина от ума.
И затевает последний пир
неверующий Фома.

Выпьем, химеры, за этот бред,
его несуразный обряд.
С Фомою танцуют ни Да, ни Нет.
Он никому не брат.

Записки неохотника

Сегодня утром на даче в Горской сочинил фразу, а на днях в городе, у себя на Черной речке, купил ручку оранжевую с черной пастой, и сейчас запишу ее сюда (сейчас — это 11 ч. 55 м. 16 августа 1996 года).

Слушайте все!

Эту фразу доставал из кошелька, она записана на обрывке газетной бумаги, ибо я очень давно ничего не писал, и только теперь, почуяв в очередной раз близко-близко конец (pardon!), вдруг написал: «Только с годами понимаешь, что более интересное приключение, чем оргазм, есть смерть».

Вот чем завершаются «Приключения чтеца» (никогда не написанная книга).

Часть первая
Самолквидация

17.08.96

Только с годами понимаешь, что смерть куда более интересное приключение, чем оргазм.

Если в первом варианте мы выдавливаем из субстанции, как из тубика, несколько капель генетического эликсира, то во втором — субстанция выдавливается полностью.

Оргазм аскета — смерть «я». Это бескровное убийство себя, вегетарианское жертвоприношение. Оно может быть причислено к самым изысканным наслаждениям, доступным смертному. У пустынножителей был благородный вкус. А мы на смерть боимся взглянуть даже одним глазком. А ведь это мощнейший резервуар энергии. Расщепить атомное ядро оказалось проще, чем расщепить сознание, как это проделывают индийские маги. Мы даже не научились снам, не овладели ими. Ведь «самолет» — это субъект, овладевший «сновидческим телом».

Только представить себе, не надо бензина, машин, всей этой электроники и гуттенберговщины, не надо ничего. Просто закрыть глаза и полететь.

***

У чтения, как и у всего остального, есть свои пределы. И если в молодости его круг кажется бесконечным, то в зрелые годы эта бесконечность представляется дурной. Культура, в итоге, приводит к целомудрию неведения. Эрудиция — побочный продукт.

***

Поскольку убежать от себя невозможно, то остается одно — убить себя, но это не пошлое самоубийство, а выход за рамки «я». Как в детстве мы боялись потерять маму в толпе, так теперь, став взрослыми, цепляемся за свою персональность, а ведь чем меньше в нас личного, тем больше космического и меньше комического. (Смех возникает на стыке претензий субъекта и разящей его «реальности». Царь природы — гомерический хохот.)

Карфаген человека должен быть разрушен, в этом его единственный шанс на спасение. Надо видоизмениться. Надо перестать.

***

Отвратительна эта мерзкая инерция выговаривания. Когда появляется назидательность, наставничество и прочая просветительская дребедень.

Я не просветитель, я затемнитель.

Все мои книги — эксперименты на самом себе. Я и Павлов, я и собака. Мои желания — это мое мясо. Хотелось бы стать травоядным. «Трава, трава», — как писал поэт.

Это шаманское говорение обычно начинается тогда, когда подходишь к обрыву. Чувствуешь несостоятельность предыдущего опыта и полную исчерпанность своей говорильни. Наступает абсолютное безразличие — и ты прыгаешь в пропасть. Ведь все равно ты уже пропал. Иногда из такого прыжка получается книга, иногда труп.

***

Когда тебе не по пути не только с большинством, но и с меньшинством тоже, это признак верной тропы.

В молодости все идут гуртом, потом разбиваются на стайки, и многие до глубокой старости боятся покинуть свой прайд. Это страх перед одиночеством. Но ведь одиночество такая же константа существования как атмосфера. Почему тогда не бояться воздуха?!

Общение выполняет ту же функцию, что в бытность советской власти глушилки. Оно не дает истинным голосам нашей природы зазвучать в полную силу. Мы вытесняем их всем чем угодно: религией, семьей, государством... В одиночестве голоса начинают звучать все громче и громче, угроза деперсонализации нарастает, и мы бежим к людям, чтобы обмениваться фантиками ритуалов. Нам по-прежнему очень интересно, что у кого варится на кухне в горшочке, но разве мы посмеем заглянуть в бездну котла самих себя? Ни за что! Лучше умереть!! Вот именно об этом я вам и толкую битый час, господа.

Цивилизация онтологических трусов. Оба удара будут правильны, как объяснил когда-то Сергей Сигей на примере Хлебникова.

Мы боимся плюрализма реальности, нам нужна истина в окончательном, завершенном виде. А истина волнообразна и двупола, и многоголова, и прочее бесполезное слово.

20.08.96

Пусть эта книжка станет чем-то вроде записок натуралиста. Только объект последнего — он сам с усами и бородами. Чем ближе финал комедии, тем строже начинаешь относиться к себе, хочется добиться максимальной чистоты (честности) эксперимента, а это значит суметь перепрыгнуть через частотол вербального ряда... Но на каком заумном «дыр-буле» поведать потом об этом опыте в паузах между словами?

Давным-давно с одним приятелем-писателем мы ввели в обиход термин «философия занятости». Под этим подразумевалась трудовая основа цивилизации. Назначение этой гигантской машины сводится к одному, чтобы человек не успел подумать о себе как таковом. Нас с детства заставляют принимать как должное бесконечные идиотизмы социума. Безмолвные приказы — самые страшные. Нами владеет то, что мы не можем или боимся выговорить. Мы словно оглохли и ослепли перед громадностью тайны жизни-смерти и занялись кропотливым трудом на шести сотках нашего мозга, свято веруя, что этот выморочный мирок — вселенная.

***

Вспышка авангарда в начале века была онтологическим бунтом. Казалось, что глобальное изменение совсем-совсем рядом, но выплеск энергии произошел не в ментальной сфере, а в социальной. Муравьи занялись переустройством муравейника. Результат известен.

Нельзя спастись целыми народами или общинами. Путь спасения сугубо индивидуален. Отсюда одиночество как константа существования.

Надо брать ответственность на себя.

Только ты.

Когда мы говорим о спасении, надо понимать, что речь идет не о каком-то окончательном результате, а о процессе. Мир давно засох. Он — куколка, и его оправдание в одном, если под кожей омертвевшей цивилизации что-то расправляет крылья.

***

Вопрос Гамлета «какие сны» никогда не терял своей актуальности, но только сейчас становится очевидной его программность.

Человек отправляется в кругосветное плавание вокруг себя. Мы увидим обратную сторону луны не менее ясно, чем собственный затылок.

Поворот «все вдруг».

***

Опора на неведомое. Кто измерил силу нашего незнания? О чем мы думаем, когда ни о чем не думаем? Откуда приходят и куда уходят мысли? В песок?

Мы не хотим быть честными перед собой и впутываем в наши мелкие дрязги Господа Бога. А Дух веет где хочет. Пожалуй, во снах ему вольготнее, чем в библиотеках и музеях. Мы предпочли свободе зоопарк.

И надо понять, наконец, что слова ничего не значат, мы можем только догадываться по ним, как по облакам, о возможной погоде на завтра. Мы сидим за словами, как первобытное племя за частоколом, и боимся высунуть нос в сон, не говоря уже о смерти. Мы боимся самих себя, ибо смерть такая же составляющая нас, как и вода. Но если вода составляет львиную долю организма, то какую долю занимает в нас смерть?! И не этот ли перекосяк в жизнь сделал нас жалкими идиотами, решившими, что поголовное истребление друг друга спасет нас от бездны себя.

***

Несмотря на всю бесперспективность выговаривания до конца, надо пытаться это делать. Надо идти в безумие, сон и смерть. Тихо, добровольно, без пафоса.

Я ловлю себя на том, что поток, который сейчас проходит через меня, так захватывает своей мощью, что для саморефлексии почти нет никаких возможностей. Эта сила неведомого не похожа на бурную речку или полноводье большой реки, скорее это океан, которого я никогда не видел, но кажется, услышал впервые в жизни.

Человек — раковина.

Кстати, это, пожалуй, неплохая форма для надгробья.

***

Я пишу, сняв очки, почти вода по бумаге носом. Это сообщает акту письма интимность полового. Как если бы я припадал лицом к животу женщины. При чем сила поглощения, растворения в процессе эквивалентна коитусу.

Я весь в этом, вернее, меня нет. Есть только могучий ритм неведомого океана. Он гудит в моей голове, и от меня мало что зависит, надо плыть по течению. Надо удержать парус на ветру.

«Смерть, старый капитан!»

Надо научиться жить ничем. Открыть для себя могущество сна. Потерять смысл. Перестать.

Никто ничего не слышит. О зрении упоминать не приходится. В этом загнившем мире говорящих автоматов самую вершину риторики являет собою молчание. Говорить становится все неудобнее. Речь как рвота. Пока остается письмо. Но и это занятие преходящее. Последний редут — рисунок.

И не ждать пощады. Не просить. Идти до конца, до последнего, до самого. С открытыми глазами.

Это минималистское откровение от ГУЛАГа: «не верь, не бойся, не проси».

И не верить ни единому слову, написанному человеческой рукой, тем более своей собственной. В этом сочинении все слова зачеркнуты раз и навсегда.

Темная ночь. Темная ночь. Темная ночь.

***

Иногда видишь чужие сны. Особенно часто это случается со мной в одной глухой деревне. Я говорил приятелю, что через его селение проходит снопрод. Какие-то тарелки там летают. Сны идут без конца, в них неизвестные мне люди выясняют отношения и даже говорят на профессиональные темы, о которых я не имею ни малейшего представления. Иногда в этом потоке нудных чуждых мне снов кто-то окликает по имени. Я делает вид, что просыпается. Мы встали. Мы проснулись. Сколько нас? Кто мы чистим зубы и идем в туалет?

Ответа нет. Если представить себе, что наши сознания связаны друг с другом, как лампочки на елочной гирлянде, но не последовательным подключением, а как-то иначе. По-другому...

Или нам, как в анекдоте, не хватает третьего. Третьего уха и глаза, чтобы увидеть и услышать невидимое и безмолвное, а во сне эта связь возможна. Или сон и есть третий глаз и третье ухо, может он наше единственное преимущество перед компьютером. Наш выход.

А может быть, все-таки вход. Или еще точнее — переход. Впрочем, об этом уже написаны томы и томы. Эти книги вроде коры на дереве или головного мозга. Тут дело не в первенстве, а в самом слое — перегонной.

Проснись и вой!

Виктор Санчес предлагает громко разговаривать с деревьями (я это практиковал самостоятельно — см. «Книгу облаков»). А еще можно выть на луну.

Муму.

Горе уму.

Горе всему.

И еще бывает жутко смешно, когда спрашивают, как вы это делаете? С таким же успехом можно спросить об этом телевизор или вокзал. Или козла. Или посла иной цивилизации.

Ницше любил танцы. Надо научиться танцевать во сне.

21.08.96

Из области танцев. Седая соседка по даче, пожилая дама в очках, ни с того ни с сего дарит меня вдруг следующей новеллой.

Во время войны в силу истощения и перманентной пневмонии она лишилась зрения. Ее повезли к 90-летнему деду-лесничему в вятские джунгли. Дед учил ее ходить по лесу. Он говорил, что от каждой веточки ветерок дует, голова, уловив этот сигнал, сама по себе реагирует на препятствие без всякого глазного яблока. (См. об этом в «Книге облаков» и у Санчеса.) Дед поил ее какими-то травами и, в конце концов, в Филатовской клинике, в Одессе, она прозрела. Шеф спросил, что видишь. Девочка ответила, вижу вашу бороду. Саваоф обрадовался, все будет в порядке.

(Читатель, я вынужден признаться, меняю уже вторую ручку, пишу третьей. Две предыдущие, совсем новые, писать отказались. Подумай, стоит ли читать дальше, если само стило забастовало.)

Но слепота внучки это не главное. Главное, у деда-лесника, в прошлом церковного старосты, переставшего верить в Бога, был ручной медведь. Когда старец садился курить трубку у своей сторожки, а курил раз в день (хотел написать столетие), то косолапый садился рядом, закидывал ногу на ногу (лапу на лапу?) и, то вынимая, то вставляя в рот веточку, подражал хозяину. С Мишей вместе они пилили дрова. Когда дед шел в баню, Топтыгин сидел рядом на лавочке, как вкусивший парного блаженства вятский поселянин, и время от времени что-то благодушно урчал. Когда по утрам, занимаясь хозяйством, лесник пел (по словам внучки, хорошо, еще бы, церковная практика!), то медведь ходил за ним и ритмическими движениями сопровождал вокал. И когда Михаилу Потаповичу исполнилось три года, его потянуло в лес к дамам...

22.08.96

Старик попытался воспрепятствовать этому зову природы, и когда Мишель устремился в лес, схватил его за лапу, мол, пошли домой. Тогда Потапыч встал во весь свой исполинский рост и хлопнул деда по плечу, сломав тем самым ему ключицу. Но деревенский укротитель на этом не успокоился и снова потянул товарища домой. Тут медведь основательно помял его. Лесничий прожил после этого месяц. Односельчане уважали патриарха и похоронили в пределах церкви, около колокольни. Но приехало высшее духовенство и приказало перезахоронить атеиста.

И вот к этой второй могиле явился протрезвевший от любовной горячки Миша. Он вскрыл гроб и безутешно стеновая, сжимая труп друга в своих крепких объятиях, через несколько суток сухого поста испустил дух подле хозяина.

В деревне медведя посчитали оборотнем.

А я слушал седую женщину в очках и думал, что Лао Чжай со своими лисами изящнее во сто крат, но зато какой жутью веет от русского медвежьего мифа! Это тебе не митьковские слюнявые братки и сестренки, не вымороченные космисты «Амаравеллы» и т. д. и т. д.

Это по-настоящему страшная и красивая сказкобыль (по аналогии с Чернобылем). Вятские Ромео и Джульетта. Медвежья свадьба.

23.08.96

Ложное представление о вербальной природе общения. Общается ВСЕ друг с другом при помощи вибраций. И растения, и камни, и киты, и люди, и куропатки.

Заумь — эта самая вибрация. Всеязык. Информационное поле — это и есть вибрации сущего (а может, и не-сущего). Их можно переводить в слова, образы, формулы... Это дело вкуса. А можно просто вибрировать, как Бог на душу положит. Ведь все равно воспринимается только вибрация, так зачем тратить силы на ненужные переводы?!

***

Вообще, человек, рационально устраивающий свою жизнь, на деле совершает громаду нелепостей, он непроходимо комичен, располагаясь в этом космосе всерьез надолго со всеми своими замками (оба удара правильны), границами и идеологиями.

Загнав себя в собственные иллюзии, мы возлагаем на Провидение ответственность за то, что оно не считается с нашими ценностями. Мы упорствуем в заблуждении и дорожим им больше жизни, а «подлинная» жизнь проходит параллельно нашему существованию, и прямые пересекаются только при смерти.

«Пафос» состоит в том, что не обязательно трусливо ждать конца, нужно идти навстречу ему еще при жизни. Тварь, твори!

А вообще всякая попытка объяснения безнадежна. Слова бессильны перед действием и, только совершив переход, можно говорить на зау.

Честное слово — молчание.

24.08.96

Надо научиться вибрировать, как это струны проделывают под смычком. Только скрипка здесь — ты сам. Мы шире и глубже нашего языка, но предпочитаем болтаться на крючке слова, как пойманная рыбка. Нам еще предстоит выбраться из слов и учиться основам снов.

Люди вырабатывают ложь, как пчелы мед. Врать себе и другим. Врать вечно. Вот их кредо. Ложь стала атмосферой планеты. Прощу прощения у Вернадского.

Бывают лжецы стыдливые, бывают самозабвенные.

Я лжец стыдливый.

Очень стыдливый лжец.

***

Во сне сама по себе постановка вопроса об истинности происходящего невозможна.

Это другое.

Земляные законы здесь не работают. Но мы придаем языковой конструкции нашего мира глобальную ценность, отрицая все другие способы его описания. Добровольное скопчество. Мы сами себя сделали евнухами планеты Мля.

27.08.96

Жизнь не представляется мне естественной формой существования. Во всяком случае, ее отражение в нас. Чтобы правильно отражать, нужен покой, а он нам даже и не снится.

Обретаю его в процессе рисования или вот этого чистописания. И как хорошо, что не надо бежать к людям! Ничего не надо, кроме толики денег. Но, как правило, вместо толики сплошные колики.

Если раньше мне импонировало слово отчаяние, то теперь я предпочитаю выражения попроще. Теперь я говорю — скука.

Скука — сука жития.

Не хочется никакой выпренности, нарочитости. Хочется запротоколировать сумбур. Запечатлеть секундную правду промелькнувших ментальных обрывков. Свалка меня. Вместо музыки.

Свалка мудрых мыслей. Теперь многие предпочитают свалку безумных. Безумие — средство от шор.

Я пошел.

Я пошло спать. Если что-то запомню интересное, завтра оно вам расскажет о том, чего не было на «самом деле».

28.08.96

Ничего не было, а если что-то и было, то я не запомнил. Записал в другую записную книжку три сочиненных ночью стихотворения.

Ноосфера, прости!

Есть у сна параметры? Как тут обстоит с классицистским триединством? Все на одной площадке — мозг, все в течение ночи, все непрерывно (ибо если сон обрывается, то после него, как правило, следует другой).

Кинематограф здорово продвинул человека к снам, телевизор постарался еще больше, компьютер грозит задвинуть нас туда со всеми потрохами. Но это механическое вхождение в сон — варварство.

Что может дать нам химический анализ причастия?

Наверное, ничего, кроме смертной тоски. И в сон надо входить посредством себя, а не электронного собутыльника.

***

=Мы готовы передоверить свою жизнь кому угодно! Этот вид собственности человека особенно не волнует. Он может уступить права на нее государству, школе, семье, медицине и т. д. до упомоща. Но почему самому не распорядиться этим таинственным нечто.

Вибрируйте, господа, вибрируйте! Наслаждайтесь неопределенностью и незаконченностью. Меньше слов, больше вибраций! Сон, смерть, жизнь, только вибрации всего и больше ничего.

Ничего.

08.09.96

Эти записи по мере их написания я читаю своему приятелю. Обычно наши штудии сопровождались употреблением спиртного. Когда я у приятеля, пьем сухое (три-четыре бутылки), когда он у меня, водку (1 бутылка — 0,5). Вчера приятель мне поведал восхитительную историю.

Он с отцом, девяностолетним пианистом, профессором Консерватории, в очередной раз ездил в Швецию. Когда же они возвращались назад, то на нашей Выборгской таможне все были пьяны в стельку, даже овчарка. Поэтому собака, вдруг увидев бегущую козочку, вырвалась у пограничника и побежала за ней в туманную даль нейтральной полосы.

Вся таможня бросилась следом за псом.

Отец приятеля вышел из автобуса и долго наблюдал за погоней. Затем попросил у сына закурить, а от этой вредной привычки он отказался лет тридцать тому назад.

Я вижу эту сцену абсолютно ясно. Ночь. Автобус с туристами. Пьяные таможенники, бегающие с криками за псом. Очумевшая коза. И старый пианист с последней сигаретой.

Это абсурдистский реквием. Это красиво.

***

Вообще, Россия особая зона. В обоих смыслах. Здесь вибрации другие. И ностальгируют именно по вибрациям, а не по березкам. Плач по невидимому и неслышимому.

Когда люди перестают думать о смерти, они начинают убивать. При социализме все были как бы бессмертны, и мочили друг друга просто с упоением. А человек, узревший смерть глубоко и далеко, идет в монахи. Только смерть делает жизнь хоть сколько-нибудь ценной. И чем больше в нее погружается субъект, тем выше ценность. Это метафизическая конъюнктура СМЖ.

10.09.96

Позавчера, в воскресенье, сын смотрел по телевизору американский сериал «Исчезающие цивилизации». Речь шла о майя. В это время я разукрашивал в очередной рукодельной книге свое стихотворение девяносто пятого года: «Армагеддон, Армагеддон, как много дум наводит он». И вдруг слышу, что астрономическо-мистический гений индейского народа простерся столь далеко, что они еще много веков тому назад высчитали точное время светопреставления. Это воскресенье 23 декабря 2012 года.

Мне не оставалось ничего другого, как записать на другой стороне моего «Армагеддона» его точную календарную дату. Две вибрации совпали в одной точке моего сознания. А ведь можно и дожить до гипотетического дня вышеприведенного стиха...

62 года. Пенсия. Третье тысячелетие.

Б-р-р-р!

Боря, ау!?!

***

Еще из области совпадений. Когда жил в замке, в Германии, то иногда общался с поэтом Вальтером Грёнером. Чем больше мы пили, тем лучше понимали друг друга. И вот однажды в два-три часа ночи, когда я поставил ему каскету с записью моего совместного творчества со скрипачом Борисом Кипнисом и долго рассказывал о нем на своем убогом немецком, вдруг раздался звонок. Это Кипнис звонил из Канады. Вальтер был поражен синхронностью этих событий.

У меня тогда возникло нечто вроде видения «воздушных путей». Это такие колеблющиеся радуги над головами людей. Эмоциональные мосты наших одиночеств.

***

Сам по себе язык настаивает на неподконтрольности акта мышления. «У меня родилась мысль». Родить в одиночку пока невозможно. Нужен осеменитель хотя бы в форме ветхого Адама или в приделе Святого Духа. Так что, в лучшем случае, наше сознание — теплица. Плохая или хорошая.

Оранжерея идей.

Не назвать ли так это сочинение?

А что?!

Это у меня зубы дырявые, а крыша пока еще не течет.

Субстанциональные тропики.

Тропинки для трупинок.

Я пишу без запинок.

Я инок мысли я.

Не быти я.

Не выйти.

Не выти.

Одна из форм молчания — письмо. А также: рыбы, камни, космос, картины. Я молчу вместе с ними.

Простое как молчание.

Зау-покой.

***

Совсем из другой оперы. Вчера поздно по телевизору видел даму, которая делала Сталину искусственное дыхание способом рот в рот. Вдвоем с коллегой они занимались этим целый час. Пока Берия не оттащил даму за полу ее белого халата. В этой же передаче показывали охранника Сталина. Он сидит рядом с никелированной кроватью. На ней кружевное покрывало. Над ней коврик. Все как бы законсервировано. Охранник и дама тоже законсервировались. У них нет седых волос. Но лица испытые. Похоже, рябой тиран испил их до дна. Ему бы на Гаити, там он в религии вуду преуспел бы. Пек бы зомби одного за другим, как пирожки.

Дама с охранником явные зомби. Мне было их жаль. Это не та смерть при жизни, о которой я упоминал. Это жизнь после смерти.

Эх, чем только черт не шутит!

***

СМЖ — единая система. Ее нельзя разорвать. Человеку надо, как пианисту, играть обеими руками-полушариями сразу. Матюшин к этому же призывал художников. Черно-белая клавиатура вселенной (инь-ян) должна быть задействована вся целиком, иначе музыки не получится.

Музыка тонких вибраций.

11.09.96

Ностальгия по отчаянию, этому детскому спутнику начала пути. Увы, оно умерло в дороге. Первая любовь — отчаяние.

Теперь законный брак со тщетою. Это почтенная матрона. С ней невозможно не считаться. Но скучновато.

Если в отчаянии были хоть какие-то рудименты романтизма, то тщета — рациональный абсурд. Экзистенциальная бухгалтерия. Жалкие алименты от СМЖ.

А как бы хотелось жить-умирать на полную катушку, на всю ивановскую-абрамовскую!

***

Но ведь это я и пытаюсь здесь осуществить, и что мне обстоятельства места действия, что мне «я» или «другие», когда нет ни «личного», ни «общественного», ни «жизни», ни «смерти», а только записная книжка на подушке и возникающие в глазных яблоках семечки букв.

Какие птицы их склюют?

Не знаю. Да и не все ли равно. Ведь со-бытие для меня это сейчас, а не потом, когда что-то материализуется в книгу.

Культура умерла вслед за Богом и человеком. То, что мы наблюдаем, — это пляска святого Витта.

Vita nova. Хи-хи-хи.

А вдруг я пишу это уже с другого берега. Люди, а-у-у! Вдруг это уже оттуда, из-за разрыва, обрыва, разлома. Вдруг это из дома. Того моего дома, которого нигде нет и не будет, но который всегда был во мне самом.

Мой и ничей. Дом белых ночей. Невидимых свечей и прочих пустых вещей.

***

Иногда, когда внешние обстоятельства моего существования заходят в полный тупик, мне бывает хорошо. Ты как бы при жизни ложишься в гроб и можешь больше не обращать внимания на окружающее. Делай что хочешь. Телемское аббатство.

Это длится как правило не очень долго. Что-то меняется снаружи к лучшему, и заупокою приходит конец.

Сейчас я пребываю в таком тупике. И мне как будто даже весело. Эта беспросветность омолаживает, бодрит. Правда, у нее есть альтернатива — абсолютное материальное благополучие, но мне сие, пожалуй, не угрожает в ближайшем тысячелетии.

***

Мичурин тоже гулаговский пророк: «Не надо ждать милостей от природы». Как все компактно упаковано в истории, а мы, безумцы, хотим переписывать ее заново. Старуху Клио надо оставить в покое и перейти на орбиту третьей сигнальной системы. Хватит болтать! Давайте молчать в тряпочку...

С эфиром!

Но по-настоящему к наркотикам меня никогда не тянуло. Разве что алкоголь? Впрочем, если я до 46 лет еще не спился...

Главный наркотик — мозг, ведь он всю эту химию вырабатывает сам. Надо только умело его использовать. Надо в этой оранжерее быть хозяином, а не рабом неведомых орхидей.

Полистый поливальщик — это трагический фарс, это притча о не справившемся со своими обязанностями человеке. Да и вообще. Эдем-то в мозгу у нас, мы просто до него еще не дошли.

Господа, следуйте за мной, эта книга заканчивается в Эдеме, в нейронном Раю. Баю-баюшки-баю, вы стоите на краю. У-у-у-у-у!!!

Ну, вот видите, ничего страшного не случилось. Прыгнули и полетели. А ведь это приятно, лететь, не правда ли?

А как будет великолепно забыть все названия вещей и очутиться в совершенно другом мире. Ведь все равно все наши конструкции будут подвергнуты неизбежной деструкции. Так чего тянуть резинку от трусов. Смело, товарищи, не в ногу! Никакой борьбы, и дух не может крепнуть, и смысла нет, нет даже союза «и».

Молчба.

***

Кухня. Сентябрь. Летают редкие мухи. И я ощущаю силу. Не знаю, почему она выбрала меня на сейчас, на это мгновение? Может быть, потому, что я не побоялся ее мощи.

В квартире никого нет. Даже меня. Но мы вместе. Zusammen.

Сила хочет большого. Но как выпрыгнуть из вербального ряда, как устроиться на этой бумаге монастырь или, скромнее, скит.

Мельмот-скиталец.

Пригов у моих родственников в Ейске ходил с этой книгой на пляж, а потом Сигей перышком долго извлекал песчинки из литературного памятника.

***

Иногда не видишь разницы между голубями и людьми, которые с одинаковым упоением продолжают копать и ворковать на этой помойке цивилиза-

ции. Сам я никого не могу позвать за собой, ибо идти-то, как сказал Лесков, некуда. Однако идти все равно надо.

Довольно тупое занятие, когда приходится изощряться в собственной невозможности. И вся ответственность за эксперимент только на мне. Я, как Пастер, пробую на самом себе. Если сила захочет, она меня уничтожит, как это, например, было проделано с Ницше, Лениным, Блоком. Сила не убивает, она просто покидает. Дух веет где хочет.

Хохочет.

Люди, которых покинула сила, похожи на излечившихся пьяниц, они становятся беспросветно скучными и оживляются только тогда, когда во время застолья настойчиво наливают другим. Они не сумели подружиться с силой Бахуса, а что говорить о силе слова, сна, смерти. Мы на этом пиршестве СМЖ только подливаем в чужие бокалы не выпитое нами вино. Общество анонимных алкоголиков. Евнухи вселенной.

***

И даже мухи перестали летать по кухне, пока я это записывал, и телефон молчал покорно, только дети воркуют во дворе школы напротив, только машины едут из пустого в порожнее, и мочевого пузырь готов лопнуть от двух стаканов крепкого чая.

Вчера, когда вдруг прихватило сердце, и я, чтобы не зацикливаться на этой боли, отправился по маленькому в туалет, мучительно соображая, есть ли дома валидол, живо представил себе мгновенную (скоропостижную) кончину...

Ты обнаруживаешь себя лежащим где-нибудь на полу, или на асфальте, или в кровати, здесь главное — не испугаться внезапной метаморфозы, неожиданно нагрянувшей бестелесности. Вообще, чем меньше суетишься, тем короче путь. В смерти надо быть для себя Вергилием, Монтенем или хотя бы Олдосом Хаксли.

Бегство в Ничто.

***

Вчера опять же по телевизору показывали даму транссексуалку. Естественно, раньше она была мужчиной и чуть ли не армию прошла, стала проституткой и теперь в каком-то шоу блистает.

Тут суть в изменении, казалось бы, незыблемого, пугает это нас той неопределенностью, что заложена в сердцевине СМЖ. («Мы — всплохи неопределенного».) Из-за страха перед грядущими неизбежными переменами (а покаяние — это, в буквальном переводе с греческого, перемена ума) мы будем самоотверженно оборонять священные рубежи. Наши границы нерушимы! Опечатки сакральных текстов неисправимы и т. д. Консервы, пресервы и прочие стервы этого ку-ку-мира.

Мои записки от силы — контрабанда. Таможня цивилизации их не пропустит.

Христос был страшной контрабандой, за это его распяли, а потом стали утилизировать для домашнего употребления. Этот процесс продолжается до сих пор.

Вот футуристы тоже не совсем утилизированы, с ними еще бывает хорошо. Малевич — какая сила! Библейский размах. Но и его скоро загонят в цивилизованное русло, отправят на склад собрания сочинений: вышел первый том.

И у моего скромного «я» вышли какие-то книжки. Всех туда в общую свалку Библиотеки Конгресса. Будем читать, пока не ослепнем, как Борхес. Бумажные черви копошатся в этих миллионах томов, дабы перенести все это на лазерные диски. Да не сгинет ни одна точка, строчка, запятая. Храм культуры хром. Вышла рожица кривая.

Рукописи не горят. Горят только люди в газовых печах, от напалма или атомной бомбы. Живые свечи XX века.

Все вранье.

Воронье.

Не мое.

Адье.

***

Сегодня я пишу без перерывов, почти с самого утра. Воет кот Абрамзик. Ему нужна кошка. Мне бы денег немножко, съездить к брату Коле (А. Нику) в Прагу, пока мы еще живы.

Его цивилизация не подмяла, почти ничего не напечатали из его сочинений. Так, крохи. Он ходит на костылях и пьет неподалеку от того еврейского кладбища, где похоронен бедный Франтишек. И это не худший выход, господа кровопийцы.

Недавно мне привезли из Праги мозаиковый (хи-хи) портфель А.Ника с его бумагами. Там тоже есть толстая записная книжка. Не совокупить ли мне пражскую книжку с петербургской?

Сплошное «Ж».

Раскрыл записную книжку брата произвольно и этот произвол воспроизвою дословно.

«Народ не думает. Народу не о чем думать.

Расскажу о . . . . .

Шалаш. Из веток он. Туда бы забраться, но лень. Сажу на пне и читаю. На пне медитирую о будущем. Будущее рисуется красочно. Очень яркие краски, очень веселые. И валяюсь с пня и валяюсь в траве радостно и ползу на четвереньках в шалаш, скорей, скорей лицом в душистое сено, рукой в ширинку и еще веселее и еще радостней. . . . .

Вот кто-то на лодке едет, не за мной ли? Боязно. Нет, не за мной, гости машут руками. Свои. Наши. Будем ужинать у веселого яркого костра.

18.X.74.

«Синие муравьи»

Опять что-то совпало почему-то. Ведь август я провел в Горской и еженежно ходил с сыном на озеро Разлив купаться. Почему из толстой Колиной

записной книжки попался именно этот текст, именно этот Ленин, именно на этом озере. В каком тексте купался мой сын? В каком тексте купаемся мы, живые и мертвые?

Вдруг вспомнил. Скульптор Месс. У него болезнь Паркинсона. Отец второй жены Эрля. Бюст В. И. (не Эрля) его работы стоял на Московском вокзале. Коля с женой Зденкой, дочками Катей и Лизой, Владимир Ибрагимович и я обедаем у Мессов. Где-то за городом (Зеленогорск?). Девочки что-то поют по-французски. Все умилены и довольны. Эрль вылизывает тарелку. Еще жив Брежнев.

Через Месса В.Э. достал для меня гипсовую голову. Ее вылепил какой-то гений из Института Народов Севера. Оригинал головы украли на Всемирной выставке в Париже в 1936 году. Институт посадили-расстреляли. Мессу тоже не повезло, когда началась перестройка, его Ленина с Московского вокзала убрали, поставив вместо него другого изверга — Петра I.

Все путем. Моя гипсовая башка, несмотря на многочисленные переезды, пока цела. Кусочек уха отбился, так я его приклеил, как приклеиваю сюда А. Ника, еще одного узника этой скучной земли.

«...и понял я тех,
кто говорил — мне стыдно,
но мне более стыдно,
стыдно говорить,
стыдно писать,
жевать, зевать, спать,
бродить по улицам, смеяться,
рыдать, мечтать, врать,
смотреть
в
себя
и выдавливать из тюбика я
пустые белые слова,
раздражение не уходит,
а лишь наплывает
плавно и с новой силой,
рвет ткань души моей.

Отделяет ниточку от ниточки
и делает на них узелки бесконечности

за то!
за это!
а это помнишь?
и эти новые не забыли
ах
как страшно и некуда деться
от самого себя

но я еще не сумасшедший,
это точно, еще нет
сегодня еще нет

В Л-де выставка
Трое из л-ских отказались
У троих 4 картины не
разрешили — ?
44 художника — более 200 работ.
сегодня еще нет
26.01.75»

У брата двадцать лет назад «тюбик я» в Праге, у меня «тюбик субстанции» в Горской (см. в самом начале). И ведь ничего не искал специально. Просто открыл и увидел: мать сюр-земля.

И день сегодня вышел какой-то длинный. Все пишу и пишу в эту книжку. Уютная все-таки штука гроб, особенно, когда он без музыки. Вот она, тысячетлетняя мудрость Китая! Обложка этой книги будет крышкой моего гроба. Малевич тоже в этом деле понимал толк, его гроб был супрематическим.

«15 января 1974 года

После обеда спал. Приснился весь в снегу двор л-ский. Витька, мало со мной говорящий, его отец в окне. Я в одной рубашке летал по двору. Евреи соседи. Утром тоже снился тот же двор с пивным ларьком. В Л-де чешские трамваи. Стирал и писал Зап. книж».

Дорогой брат, наши гробы, как и положено, стоят рядом, в одном склепе ноосферы, дорогой брат...

«№ 88

Здравствуй, дорогая акушерка!

Я знаю, что ты помогла мне появиться на свет. За это тебе “Большое Спасибочко!!!” Я все думал написать тебе или не написать, а мамаша говорит: “Напиши ей, поблагодари. Что меня-то «Благодарить»?” Вот тебе и пишу — и в ночи кланяюсь.

Я знаю, ты не виновата. Но все-таки. Мамаша говорит — она не виновата, а я тем более нет. Выходит, я виноват? Так, что ли выходит? Вот и выходит так, что кругом один виноват во всей этой каше. Про бату уже и не говорю, батя давно свалил, не спросясь. Мамаша говорит — он не хотел. Хотел-не хотел, а я теперь из-за всей этой каши мучаюсь.

Так что “Большое тебе спасибо”, если бы ты так мучилась, как я, то еще не так писала бы. Я еще хорошо пишу.

Вот и все, что я хотел сказать, а если бы не мамаша, то и не написал бы.

Борис Годунов

1974 г.».

Уже вечер, все никак не могу перестать. Зачем-то вытащил А. Ника из забвения. Может, ему там лучше было. Может, там всем нам лучше станет.

***

А когда хоронили Бахтерева, то до морга трудно было дойти из-за снежной каши. Перед входом в зал крематория была лужа. Вода капала с потолка. У меня не было слов. Я высох, как цветок из гербария. На обратном пути вдова пыталась меня в похоронном автобусе, украл ли у нее издатель архив Игоря Владимировича или нет?

А у Шаламова в его комнате висели простыни, он в них сморкался, платков ему было мало — ринит.

Другой литератор-отшельник, когда открывал холодильник, надевал зимнюю шапку, перчатки и шарф, боялся простудиться.

Мои родственники с Азовского моря, когда у них крыша течет (в прямом и переносном смысле) лезут на нее, накладывают на место протечки тряпицу и покрывают сверху масляной краской. Это уже не крыша, а коллаж. Вода, тем не менее, продолжает капать на книги, картины, ксерокс.

Капает в Ейске, капает в крематории, капало из носа у Шаламова.

Кап-кан, кап-кан, кап-кан, кап-кан, кап-кан.

12.09.96

Деревья не передвигаются потому, что погружены в глубочайшую медитацию. Деревья умирают стоя, как тибетский лама (фильм Бертолуччи) во время молитвы. О силе их созерцания могут дать представление пирамиды египтян или майя.

Шесть часов утра. Во сне крутилось какое-то стихотворение Пастернака о лесе, обступающем дом. Я видел и слышал его одновременно, причем Пастернак сочинял его непосредственно в моем сне, один вариант сменял другой.

Жалко, что самих стихов не запомнил. Надо, надо тренировать сновидческую память. Вот у А. Ника она просто патологическая, индейская.

13.09.96

Евреи что-то вроде пряности для истории. Без них бульон неполный, как и народ. Двадцатый век оказался бы пресным без них: русская революция, фашизм, государство Израиль...

Притча об Агасфере не имела в виду личность, речь идет о целом этносе, который вместо того, чтобы исчезнуть в истории, как положено, или оказаться на ее периферии, продолжает оказывать острое воздействие на вкусовые рецепторы Клио.

Этой ночью видел во сне замороженное мясо. Розовая мякоть с разрубленными белыми костями. Их было много, этих кусков. Не отсюда ли кулинарные ассоциации с утра.

И еще вдруг жалко мозг, как он там (на манер Гоголя) в темноте черепной коробки ворочается, и свет туда чуть-чуть через хрусталик проникает, один-одинешенек лежит он в теле безволосой обезьяны, а той до него и дела нет никакого.

15.09.96

И что с Русланом Элининым, московским издателем и поэтом, моим приятелем, третий месяц после запоя лежащим без сознания, да

еще, говорят, стал буйствовать в последнее время, с кем он там в «коме» воюет?

Коми АССР.

Теперь самая распространенная новость о ком-то знакомом — умер. Раньше шли другие новости: посадили, женился, уехал, некоторые еще рожали детей или даже издавали книги.

За вчера и сегодня нарисовал 32 картинки. Комплект открыток «Юному энтомологу». Когда рисую, отсутствую начисто. Поганое «я» капитулирует. Хорошо.

Нехорошо, что дураки не хотят это покупать. Жалко их. Себя не жалко уже давно. Хочется дожить до своей смерти. Пройти судьбу до конца. Без суеты. Глядя смерти прямо в. Глаза в глазницы.

Сын (мутация голоса, 14 лет, скрипач) громко поет в туалете «Сулико», жена на кухне возится с грибами. Я — с гробами отеческими и не.

У одиночества, как и у небытия («Хуайнанцзы»), есть свои градации. Совершенное одиночество лишает субъекта биографии. Он становится непознаваем, как Господь Бог. Это изысканный кайф — покорять вершину одиночества: ты исчезаешь на собственных глазах. Таяние «я».

Моя рука стала глазом. Она видит картину и знает, как ее вытащить на свет Божий из хаоса пятен и линий. Она стала глазастой и башковитой, эта крабья палочка-выручалочка. Эта старая клешня не раз спасала меня от суицида.

Когда она начинает болеть, с ужасом думаю: «И ты, Брут...»

19.09.96

Вчера услышал по радио, один известный лингвист-семиотик начертал в «Лит. газете», что цивилизацию спасет серость. Достоевский, стало быть, ошибался.

Эрудиты сродни павлинам. За роскошным хвостом скрывается нечто далекое от ума.

А когда представишь себе всю эту академическую богадельню в мировом масштабе, весь этот университетский ритуал, становится даже как-то карнавально-весело. Мир непроходимо туп.

Это глобально.

Это банально.

25.10.96

Все-таки для меня важен эстетический момент.

Месяц ничего не записывал, был занят моментом практическим. Выживанием. И вот сегодня сказал жене о новом понятии: *ужас понимания*.

Без комментариев.

Мозг, как преданная собака, поджидает руку. Вот она стала выводить буквы, и он тотчас готов выбежать на прогулку и задрать лапку у деревца мировой культуры. Все добро. Все на пользу.

«Почему ты не ляжешь?», — спрашивает меня жена, неся свою лапку мимо моего мозга в туалет. Мне много лет. Больше, чем себе можно это представить. Я... Ложусь спать.

26.10.96

Я встаю. Ура! Еще поживем. Может, еще один день проживем. 0+0, это много или мало? Иногда из эфира (я, в данном случае, о радио) приходят удивительные вести.

Некий ученый говорил о физическом вакууме, как об информационном поле, т. е. собрании всех возможных информационных смыслов вселенной. Причем носителями этих смыслов выступает ограниченное число абстракций (привет Кандинскому!), комбинации которых и дают всю эту сущую дребедень.

Стало быть, «Ицзин» со своими 64 гексаграммами китайцы сперли из вакуума, и Аввакум оттуда два своих четных пальца брал. А креститься надо теперь не тремя пальцами, а шестью, как Матюшин указывал — двумя руками сразу. Правое и левое.

Мозг — это воск.

Радио я слушаю на кухне, когда рисую или готовлю. Грандиозное впечатление производит телевизор, если по всем каналам одновременно идут мыльные оперы.

Когда я еще жил с родителями и они работали в киоске (продавали газеты), однажды ночью во сне мать вдруг заговорила. Она безостановочно по слогам повторяла слово «мелочь». Это было страшно. Я услышал технические шумы фабрики мозга.

Так же меня пугают идущие одновременно мыльные оперы. Это — наше все. *Биомасса*. Вообще, человеку с правильно устроенным зрением (у меня очки минус 13,5) все равно что читать или смотреть. Все является поводом для восхищения этими мирами. Да здравствует пошлость шедевра и троичного нерва!

31.10.96

Вчера вечером сообщили еще об одном покойнике. Давным-давно мы напились с ним «Степным» аперитивом. То похмелье помню до сих пор. С А. Ником в семидесятые они хотели делать книгу о Добычине. Потом — Хайдеггер. Связь с Хильдой. Ходьба с топором по кочегарке во время субботника. Философия раннего фашизма. Книжки, марки, видеокассеты. Спекуляция. Алкоголь. Все.

Абзац.

Увидел себя на видео 15-летним. Переписали на видео 8-миллиметровую пленку доисторическую. Больше всего потрясли зубы, которые все были тогда в наличии.

Теперь тебе, пожалуй, не страшно взглянуть и на свой будущий скелет, бывший сперматозоид?!

Мы придумали не тот мир. Введенский прав. Все не то. Энергия или инерция заблуждения? Шкловский, Якобсон, Якоби, якобинец...

Якобы.

Не проза ритмическая, а мир — ритм. Сокращенно — мтир.

Вибрация. Вербальная вибрация — одна из многих. Частный случай.

Я начинал с цитаты, а теперь сам себя рассматриваю как чью-то цитату или частоту. Я заключил себя в кавычки, господя-текстоведа. Я теперь проза жизни, текст — мое тело, а плоть саркофаг.

Самое смешное, что я еще разумен, хотя позволяю мыслям (впрочем, неизвестно, кто тут тренер, а кто спортсмен) бежать на длинную дистанцию туда, откуда... Марафон невидимок. Забег в никуда-никогда. Одомашнивание бездны. Приручение бесконечности. Акцент на процессе, а не на личности. Буддизм рассматривает процессы. Это духовная кибернетика. Осознание отсутствия объекта — конец субъекта. Самоликвидация.

01.11.96

Сделав текстом себя, я потерял интерес к искусству чтения. Круг мыслей очерчен, и остаток жизни надо посвятить попытке вырваться за его пределы. Но порой этот круг кажется бесконечным, неразмыкаемым. Блоковский вариант. И таких кругов девять.

Или дев ять (дев Ъ), как нас учит полифоносемантика.

Семя семы.

Волны различных процессов накатывают друг на друга, создавая мираж жизни. Если сумею их разделить, то от субъекта (как уже было сказано) ничего не остается. Искусство самоликвидации.

Интересная волна — похмелье. Когда небольшая порция алкоголя дает кратковременный, но мощный энергетический всплеск.

Или эротическая волна, особенно длинная в своей начальной фазе, когда молод. На ухаживание и склонение к коитусу тратится столько сил, что сам акт уже «скоротечен». А в зрелые годы акцент ставится на финальной фазе. Танцы в постели.

Потом коитус со вселенной — смерть. Десерт оргазма.

Графическая волна — это мой серфинг.

А в социальной сразу захлебываюсь, тону, иду ко дну. Борьба за место пол солнцем — неинтересно. ZOO.

Мне непонятна ностальгическая волна. Я легко расстаюсь с людьми и местом обитания. Ведь уже ничего изменить нельзя. Ставки сделаны. Остается только наблюдать процессы. Отсюда же отсутствие чувства зависти к другим двуногим с перьями или без. Некому завидовать и не о чем тосковать.

Записки неохотника.

05.11.96

Какое счастье, что есть ночь. Я усну. «Я» уснет? Будет что-то другое. В это «другое» мы и упремся в XXI веке. В противном случае битва с компьютером будет проиграна. Тогда грядет апофеоз бинарной оппозиции. «Двоячная» система. Человеку Господь подарил ночь. Троица: утро, вечер, ночь. У нее такие же права, как и у дня. Ночь — беспмятная память о Рае. Ночные труды значительны: зачатия, сны, кражи, ворожба и т. д. Ночь — источник силы, как и смерть. Сны — лучшая из валют. По крайней мере, она имеет хождение в иных мирах. Люди лунного света всегда состоятельны, ибо их имущество экспроприировать невозможно. Революция здесь бессильна. Вселенную сложно национализировать.

07.11.96

Революция — вера в день, вера в возможность рационального устройства мира. Дети солнца не признают родительских прав луны. Отсюда и лампы на допросах. ГОЭЛРО. Свет выжигает глаза, а гидроэлектростанции уродуют ландшафт. Ясность.

09.11.96

Равноправие сознательного и бессознательного. Мистика такая же гигиена души, как чистка зубов. Не бояться своих возможностей, не ставить пределы. Рассматривать вселенную, как партнера по игре.

Игроки.

Коллективное творчество: ты и космос. Друг для друга. Звездное небо отражается в стеклах очков: оранжерея идей. Мы плывем одно сквозь другое. Все одновременно.

Все.

10.11.96

Сегодня во сне беседовал с негритяжкой. Мы сидели на Аничковом мосту. Почему-то там были скамейки. Она спросила, сколько диоптрий в моих очках. Наши голые ноги (ступни) соприкасались. Было интересно.

Недавно перевез от матери секретер с литературными и восточными памятниками.

Зеленое и черное.

Раньше едва ли не молился на них. Теперь, слава Богу, нет. Из рисования и чистописания я узнаю (ощущаю?) больше, чем из книг. Сквозь меня тогда идет нечто значительное, несопоставимое с процессом чтения. Здесь партнерство со вселенной напрямую, не опосредованное услугами другого лица, пусть и гения. Создавать важнее, чем читать.

«Читай, не читай, все равно ничего не узнаешь».

Творчество — инстинкт помощнее материнского. Оно стежка-дорожка к Универсуму. (Редко совпадает так, что эта тропинка проходит и сквозь универсам тоже.)

Тварь, твори и не пыли!

И дело еще в истощенности сюжета грехопадения. А для описания Эдема наше вербало непригодно. Сие можно только пережить. «Сон смешного человека». Райские врата — молчание.

Тишина в студии!

Раньше мысль о смерти и сопутствующий ей ужас парализовали меня. Теперь, вызывая в себе эти страхи, я комплексую гораздо меньше, наверное, оттого, что часть меня уже реализовалась. Пошла в мир. И здесь дело не в сохранности (музей, библиотека), а в искренности деяния. Фальшивые ноты не достигают ноосферы.

Записывать, рисовать не обязательно. Это слабость духа. Недеяние — форма повыше, побожественнее. И осозная это, я уже три месяца подряд продолжаю что-то строчить в эту книжку.

Нет, я не создан для блаженства. Потом ведь это все еще, поди, перепечатаю на машинке. Да еще в трех экземплярах. Сохранить, обязательно надо сохранить дырку от бублика, и мыльный пузырь в холодильник положить и засолить радугу. Облака в томатном соусе заката Европы. Пороховая бочка Акрополя. Спичка Сократа. Похоронное бюро Фридриха Ницше. Тотальная Деконструкция. Alles.

Сюжет недостоверности говорящего.

15.11.96

Каждый день происходят авиакатастрофы. Мы не туда летим.

Вот А. Ник летал так летал, лежа на диване. Готовил для «НЛО» подборку из его снов. Выживал эти сны из писем за 1973–75-е годы. Сильнейшее впечатление. Не имея ни малейшего понятия о доне Хуане, мужик самостоятельно, в одиночку, осваивал нагваль. Залез туда со всеми своими потрохами и, естественно, оказался в абсолютной изоляции.

Следующая литература, литература нагваля.

Ля-ля-ля-ля-ля.

Новое в сексопатологии: спать с умом.

19.11.96

Люблю смотреть на экран телевизора, когда нет вещания. В детстве мне говорили, что это вредно. Неправда. Полезно.

В светящемся квадрате бьются черно-белые точки. Эта непостижимая масса колыхается вся сразу. Даосская картинка. СМЖ.

А потом начинает работать машина развлечений и загоняет это абстрактное великолепие в прокрустово ложе наших смысликов. У меня, как у художника, есть комплекс неполноценности: из меня абстракционист не получился. Я не могу в свои картинке не втискивать этот говенный смысл. Может, к девяноста годам он меня покинет. Будут чистые линии и божественные пятна. Надо при жизни выключить вещание, остановить внутренний монолог.

А технократы — совсем болваны. Вот писал уже, каждый день падают самолеты, так они именно сейчас ракету на Марс запускают. Результат — 300 млн долларов упали около острова Пасхи. И дураку понятно, что надо было дожидаться следующего года. Может быть, тогда. Они думают, что небесная механика — все. А у времени свои свойства, их надо учитывать, эти свойства вилокосного года.

21.11.96

С другой стороны, те морды фигуры, что неизбежно возникают в моих картинках, лишены реальности, они — те же круги, квадраты, спирали. Может быть, я консервативный абстракционист. Рыцарь перехода, перетекания смыслов в их противоположность. Логика не-я. Звезда бессмыслицы. Акт познания себя — самоубийство. Сократ именно к этому и пришел, переложив ответственность на афинян. Пить цикуту самопознания ведрами, цистернами, чтобы придти к тому, к чему придешь и так.

Христос сломал парадигму, взорвал онтологию — воскрес.

***

Мне смешно жить, как будто играю в казаки-разбойники, мир словно еще не вышел из детского сада. Затянувшийся на тысячелетия энурез. В застой это было кристально ясно. Лирика старческой мочи.

Молчи.

22.11.96

Оставим этот день незамаранным испражнениями этих записок неохотника. Санитарный день.

24.11.96

Социальная стратегия гения: доносить свою человеческую оболочку, не обнаруживая явно свое безумие. Провести бытовую партию до конца. Остаться неопознанным. Не всем это удастся. Ницше, Арто...

Чем тише безумие, тем оно глубже. Безмолвие — истинный онтологический бунт. Революция тишины.

27.11.96

Качества молчания.

02.12.96

Способность к одиночеству, видимо, свидетельство о том, что ты не вампир. Духовная жизнь антисоциальна. Ее лейтмотив — созерцательность. Место новостей занимает озарение, которого может и не быть никогда.

Ты превращаешься в сцену. Она пуста. Но действие, мистерия, может начаться в любую секунду. Первый звонок... Он же и последний.

13.12.96

Я не могу жаловаться даже самому себе.

09.01.97

Поп Гапон. Гопак на Дворцовой.

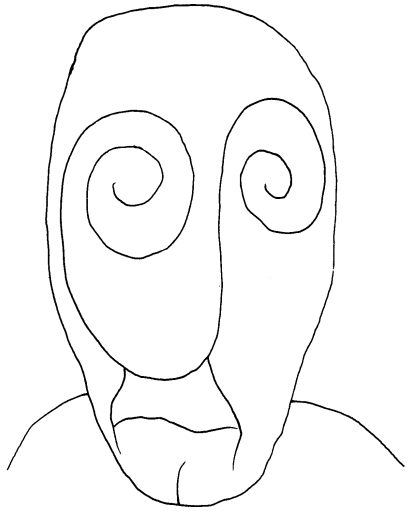
Прочел Олдоса Хаксли «Двери восприятия». Перевод С. Хренова — хороший. Книга — замечательная. На ее фоне все мое предыдущее мышление бледнеет.

Хаксли не цепляется за бытие, он смело шел в иное, чтобы после смерти попытаться не испугаться того света, что обрушится на прозревшую душу.

Трусливые души снова уползают во мрак бытия. Я туда больше не хочу. Никогда.

Never more.

Часть вторая
Записки неохотника

05.04.97

В этом году упражняюсь в сновидении, сумел поднять одну руку (надо, по магической науке, две). При этом слышал шум страшный, как от пролетающего низко самолета. Я проголосовал. Но с тех пор больше ничего не было. А вступать в команду с другими для упражнений в инобытии неохота. Нас и так слишком много: я, он, оно, Слава Богу, хоть она не затесалась в эту компанию. Старый друг детства Онан.

***

Пишу ручкой, на которой написано по-немецки: «Вольфганг Амадей Моцарт. Родился в Зальцбурге. 1756–1791». Эту ручку сыну подарила теща. Он ее исписал и выбросил, а я подобрал соответствующий стержень и реанимировал «Волшебную флейту». Эту свирель я пережил уже почти на 12 лет. Пианист Александр Избицер обнаружил во мне сходство с Моцартом (знаменитый портрет в профиль). Только после меня ручек и туалетной бумаги не будет. Слишком мелок для ширпотреба.

Торговый знак — «В. Konstrictor».

Вот уже девять утра. Завтрак. На улице опять снег. Трудная весна Боттичелли.

Я еще не умер, но проснулся, перечитывая «Войну и мир» недавно. Обнаружил, Толстой знал «Бхагаватгиту». Один герой (Андрей и Пьер) проходит через фазы страдания: болезнь, рождение, смерть. Грандиозное описание битвы — Аустерлиц, Бородино. Атман Каратаев и т. д.

***

Социальное равенство в том, что все ошибаются одинаково.

Если хотя бы один раз тебе удастся постичь, что ничего этого нет, то какая разница, чего у тебя нет?

Не бойсь, все забудь!

Мир как воля к представлению. Сколько воли, столько и представления. Безвольные представляют мильную оперу. Вольные — пустоту.

Мир — наша выборка из континуума. Так у кошки — иная выборка.

Отсек — человек.

Наблюдая много лет перетекания туши на влажном листе, я стал сам текучим. Хочу перелиться в сон, смерть, ничто.

Ни во что.

С такой программой не приходится рассчитывать на популярность.

***

От жизни хотел одного, чтобы я и моя семья не умерли с голоду.

Когда метафизический ужас накладывается на бытовой — это вульгарно.

А что делать?

Толстой сделал гениальные прорывы в описании психической «реальности». Когда-то я хотел написать книгу «Ночные мысли». Про эти пролеты сквозь

голову неизвестно чего. Впрочем суть в том, что движется то и другое сквозь друг друга. Точка покоя — Рай.

Ум и Рай.

Диктатура комфорта страшнее, чем диктатура пролетариата. Там насильно явное, а здесь тайное. Большинство о ней даже не догадывается.

Заштопать бездну рекламой! Ура-а-а!!!

А еще старая сучка память, которая с годами (дело к пятидесяти идет) начинает подкидывать вдруг ни с того ни с сего ярко освещенные во всех подробностях эпизоды многолетней давности.

Что ею движет?

Оно?!

Вдруг вспоминаешь какую-нибудь сцену со всеми цветами, запахами, интонациями. Все «реально». И мне в этот момент кажется, что все существует одновременно, нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Есть все сразу и вместе. Мы, как игла звукоснимателя, движемся по дорожке пластинки и воображаем, что что-то происходит, в то время как все уже произошло. Наше движение и есть выборка информации. Выборка информации — время.

Важно ведь не то, что есть истина, а полет воображения, слом (слалом) парадигм, выход за пределы художественной штопки.

Диктатура комфорта проявляется и в том, что необходимо иметь не только расширенное воспроизводство, но еще науку и культуру. Эти две дамочки демонстрируют болванам всех времен и народов бесконечную мыльную оперу «Человек». И это сено терпеливо жуется вечными стадами коров прогресса.

Баранина.

Вот золотые слова из второго тома «Войны и мира» (с.177): «Не вздор ли все то, что я думаю, и все то, во что я верю».

07.04.97

Вредная привычка существовать.

Мы живем в темноте треть суток (сон). И ничего! Мысли гложут. Цвета слепнут. А мне ничего... Так может и смерть ничего!

Что есть чего и что есть ничего?!

Простые вопросы самые безответные.

09.04.97

Эксперимент с совдепией до сих пор не разгадан. Это тотальная глупость создала свой мир. И я в нем родилось и прожило половину жизни в коммунистическом инкубаторе. Я был наготове к краху. Но какво миллионам неготовых. Это что-то вроде гибели динозавров. Катастрофа.

А если бы Россия выбрала учение не Маркса, а Федорова, интересно сколько к этому времени костей было бы собрано, какие формы приняла бы наша цивилизация и сколь громадны были бы жертвы?!

План патрофикации всей страны (моностих 1985 года).

Или принять на вооружение учение Дона Хуана. Государственный гимн: «Нам нагваль в тумане светит...».

Вся эта сакральность госмашины оборачивается в конечном итоге репрессиями. Целовать флаг так же странно, как в виду у всех лизать клитор. Ритуальные извращения: парад, салют, присяга.

Государство нас заставляет делать то, что в обычной жизни мы никогда делать бы не стали. Идея, становясь государственной, извращается: из кабинетной схимницы она превращается в вавилонскую блудницу. Вот они, плоды просвещения!

Когда глупости делают миллионы, то это как бы переход количества в качество. Образуется нечто священное.

Корова. Му-у-у-у-ка мученическая.

10.04.97

Сразу увидел сон на тему флага. Я хочу попасть в музей, где должен что-то репетировать мой сын. Но туда пускают только по билетам, а я не хочу платить. Встречаю знакомую, жену приятеля, она меня проводит. Мы заходим в ее кабинет. Мне предлагают заняться любовью, что мы тут же с пылом начинаем осуществлять. Кто-то стучится в дверь, предусмотрительно запертую знакомой. Я начинаю беспокоиться. Увлеченная нашими играми, дама говорит, что они постучат и отстанут. Продолжаем. Меняем позы. И вдруг я вижу, за нами наблюдают сквозь стекла (такие окошечки у потолка) множество людей.

В детстве меня часто заклинивало, когда надо было предаваться мочеиспусканию в общественной уборной, стоя рядом с другими ссушими.

Антиобщественная струйка будущего стрелка ВОХР.

21.04.97

05ч. 50м.

Смерть — это призвание.

24.04.97

06ч. 25м.

С наступлением весны и эскалацией белых ночей просыпаюсь все раньше. Голова пуста. Мне нет еще ста. Констрикторские места: Черная речка и река Карповка. Дальше нужно не продолжать, но из чувства противоречия я продолжаю, обнажая тупиковость любой ситуации этой мор-феи. Отстраненный наблюдатель в голове с любопытством смотрит на мои подстриженные ногти. Что ему еще остается. Сторожевая башня меня. Пограничник.

Видеть, чтобы не смотреть.

Смотреть, чтобы не видеть.

Выживание себя.

Криктих.

02.05.97

Снова проснулся в четыре. На смену былому ужасу и тоске пришла тупая безнадежность. Ее я узнаю сразу, всем существом. Мысли, приходящие тогда, прозрачны до бессмысленности. Они просты, как яма. Мама!

И видишь «свет» — скелет, рассыпающийся в этой бесконечной полярной ночи, и весь мираж «наших представлений», и жалость к порожденным (?) «тобою» или сопровождающим (?) «тебя» существам, и неотвязные мысли о том, что именно об этом невыговариваемом, запрятанном еще глубже, чем все наши преступления-извращения, надо писать, надо.

Потерянный Рай и обретенный Ад находятся в пределах одной смятой подушки. Ментальная конница Малевича.

03.05.97

Мои записки — это оранжерея идей, в которой кто-то пытается вырастить анти-мозг.

Анти-Дюринг.

Анти-Бахтин.

Анти-чность.

Анти-(ве)чность.

Анти-искусство.

Анти- homo.

Есс homo сидел бы ты дома. Для выращивания анти-мозга надо собрать все одиночество, которое есть в мире. Океан одиночества.

И тогда на месте каждого нейрона возникнет анти-нейрон, на месте каждого Нерона — анти-Нерон, на месте Харона — анти-Харон и т. д.

Записывать, четко фиксировать весь бред, что летит сквозь выхлопную трубу башки.

Перводвигатель теперь точно где-то не здесь или его (хи-хи) забыли выключить (эта зловещая формула: «уходя — гасите свет»), вот он и молотит, порождая разные грамматики нас.

27.05.97

В начале был Апокалипсис.

10.06.97

Дорога в не туда.

11.06.97

Насладиться мсчезновением.

У меня был снят в юности фильм. Снимали с приятелем на 8-миллиметровую пленку. Приятеля убили. Фильм остался. Мне там лет 16. Я смотрю на зубы. Они целые. Они есть. Фильм теперь переведен на видео, потом его переведут на лазерный диск. Он и зубы останутся навсегда.

Все наши понятия — ложные. Время, пространство, я, ты, природа, не существуют нигде, кроме наших голов, которых, впрочем, тоже нет.

Кайф в том, что ничего этого нет.

И старый фильм служит доказательством этого «нет».

***

Неопределенность — мой наркотик. Я купаюсь в ней.

Помню, давным-давно на лимане в Ейске видел купающегося (у самого берега) наркомана. Там было совсем мелко. Волны перекачивали его тело, он отдавался стихии, и была очевидна полная деперсонализация молодого субъекта. Стихия и он слились воедино.

То же в половом акте. Не в наслаждении дело (не в давлении извергаемой спермы на пропускное отверстие, тогда все чихающие — онанисты), а в деперсонализации, мы становимся абстрактными. Соитие отменяет «я». Феминистки правильно гребут, но они ошибочно сваливают деперсонализацию на мужчину. А виноватых здесь нет, такова природа процесса: коитус — наслаждение безличностью. Он и она превращаются в оно.

То же в случае они.

А вот камни не размножаются и не исчезают. Они безгрешны.

***

Запреты и разрешения гораздо глубже нашего опыта. Мне кажется.

У смерти своя ария в жизни, мы пока для этой музыки слишком тугоухи. Но час придет. Человек еще не открыл для себя смерть. Он придумал вечную жизнь, не сообразив, что смерть, может быть, глубже первой. По крайней мере, она непознаваема. Мы стоим перед ней с зыкрытыми глазами и придавливаем покойником веки (на века!) пятаками здравого смысла. А надо *посмотреть*.

Сметь смотреть.

Смерть смотреть.

Опять ручка отказывается писать. Эти чьи-то слова. Я не боюсь, а ручка боится. Давайте перестанем бояться...

Мы все умрем в борьбе за это!

11.07.97

И снова дача под Вырицей. И опять «я» в городе. Пиво.

Утром слышу по радио. Какие-то заграничные ученые изучили ДНК неандертальца и выяснили, что он не наш дедушка. По их мнению, человеку 200 тысяч лет и он (гомо) появился в Африке.

Кто читал книгу В. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории», призадумается.

***

И почему мы вечно думаем о конце. А начало? То, что было до... Без до (ноты) нет и ноты «после». Если мы «сны» Творца, то в чем тогда наши грехи. Если мы объективные орехи космоса, то, что нам делать с генеалогией, которая виляет, сокращается и удлиняется непрерывно.

Объективная необъективность науки.

Фолкнер в нобелевской речи утверждал, что человек выстоял. Интересно, в какой очереди?

Я бы сказал, homo простоял, вместо того чтобы идти. Он думает, что прогресс — это дорога, а это топтание на месте. Бег на месте.

А место встречи изменить нельзя. И туда надо добраться во что бы то ни стало. Только сонолетом можно долететь.

***

Слова не значат вообще ничего. Это азы новой поэтики.

Еще на даче видел то ли сон, то ли это было на «яву». Я проснулось и не смогло построить картинку. Глаза открылись и не сложили образ комнаты. Они видели «то, что есть» — неизвестно что. Было что-то в чем-то. И все. Без названий. Я тоже не знало, что это. И только через какое-то мгновение ему открылось, — что «это — то».

А до этого было не то и не это. Я не знаю, что это было. Но — интересно.

15.07.97

На даче. Купил за 35 тысяч книгу Патриции Горфилд «Творческое сновидение». Они спят целым обществом, выпускают журнал и т. д. А мне предстоит перепечатывать А.Ника — три с лишним книги снов. И все это было написано в середине семидесятых. Они встречаются на конференциях в Америке и Европе, а я буду перепечатывать А.Ника. Виктор Санчес уже выпустил вторую книгу. А я буду перепечатывать А. Ника. В следующем году, согласно Нострадамусу, Питер будет затоплен. А я буду перепечатывать А.Ника. Это святое дело перепечатывать А.Ника Это моя благодать.

18.07.97

На даче. Согласно Патриции, начал практиковать осознанное сновидение. Пока трофеи — два эротических сна. Не «мокрых». В первом (вчера, под утро) мы с какой-то дамой плавали, причем я, плавающий плохо, использовал в качестве надувной подушки какой-то портфель с бумагами (уж, не А. Ника ли — см. запись от 11. 09. 96). Потом мы мокрые (все-таки сон мокрый?) шли ко мне домой и я предложил даме (лица не помню) купить бутылку, если, конечно, нас пустят в магазин в таком виде. Мы идем к гастроному, и непросохшая (каламбур?) дама начинает бурно ласкаться по дороге, умудряясь на ходу крепко схватить меня за член.

Я просыпаюсь. На лицо (radon) эрекция и переполненный мочевой пузырь.

Сегодня под утро примерно то же самое. Я работает уборщицей в овощном магазине. Сестра моей знакомой из сна с подглядыванием (см. запись от 10. 04. 97) вдруг попадаете мне на улице. Предлагаю ей пойти ко мне и посмотреть фильм (см. запись от 11. 06. 97), где мне 15 лет. Она соглашается. Мы ищем в ларьке спиртное, там ничего подходящего нет. Переходим на другую сторону. Дама на манер Вязопурихи («Холстомер») начинает покусывать меня в шею, а я массирую ее круп все ниже и ниже. Около ларька на газоне отдыхает почему-то множество пьяниц. Мой взгляд падает, нет, скорее, наплывает на одну такую парочку. Он лежит в задранный белой рубашке (или горячке?!) и явно мучается похмельем. Спутница ему вещает: «Я вот тоже так, говорю с утра, нет, больше не буду сегодня, а потом все равно...»

На этом сон обрывается. А если бы я сконцентрировался на сестре своей знакомой (вместо того, чтобы разглядывать заурядных пьяниц), то, возможно, притащил бы ее домой и...

Овладев в совершенстве репертуаром снов, мы сможем их ставить на ночь в анти-мозг, как в видик кассету. Это будет что, тотальная мастурбация?!

Насколько ограничен репертуар сновидений? По моим скромным наблюдениям (см. запись от 20. 08. 96), он не исчерпывается личным опытом и в этом его главная эвристическая ценность: пережить непереживаемое, увидеть невиданное, узнать неузнаваемое.

Существа, осознающие сами себя, как сновидение, редки. Поэтому большинство «собственным» снам предпочитают коллективные («Санта Барбара»). Эта индустрия коллективных снов (мировой «колхоз») будет помощнее нефтяной или сталеплавильной. Места общего пользования: радио, телевидение, газеты, кино.

***

В деревенском сортире на даче (этих будочек против обыкновения две), который обозначен литерой «М», стены уклеены этикетками от бутылок. Глядя на эти столь много говорящие сердцу каждого семидесятника картинки, я просто немеет.

«Солнцедар», «Кавказ», портвейн «Южный», «777», «13», «33», аперитив «Степной» (см. запись от 31. 10. 96), настойка «Спотыкач» и т.д. Некоторые этикетки почти совсем выцвели. Они, как призраки, еле различимы в полумраке уборной. Торопуло из «Бомбачады» вспоминается поневоле (а «Гарпагониана», кстати — пародия на Н. Федорова или, еще круче, вообще уже чистая феноменология... Гуссерль?).

20.07.97

Дача. Сон.

С прелестной женой одного моего несчастного приятеля (см. запись от 15.09.96) едем в командировку. Расходимся по каким-то делам. Потом возвращаемся в гостиницу. Спутница куда-то пропала. Собираюсь вернуться домой. Иду к автобусу. Его ремонтируют. Но странным образом. Механик, как воздушный гимнаст, парит над ним на лонжах, то удаляясь, то приближаясь.

Когда этот сон завершился, я понял, что упустило две возможности: даму и полет.

Со-знание.

Сон знания.

Сон — соль знания.

Солнце мертвых. Бардо.

Sos-знание.

19.08.97

Вот тебе и Бардо, Юрьев день.

Месяц был занят тем, что сопровождал отца в последний путь. Две недели у одра. Потом похороны. Крематорий..

Впервые встретил смерть на дому. Мать одна справиться не могла, и я у нее эти две недели жил.

Отец умирал с чувством, с толком, с расстановкой. Не быстро, но и не долго. Он не дожидаясь до двух бесконечностей. Он пережил всех, кого только мог из братьев. В башке застряло немецкое железо.

Он оставил нам следующие максимы:

1. Красивая жена — чужая жена;

2. Пить хорошо, а не пить еще лучше.

3. Кто понимает, тот понимает, а кто не понимает, тому все равно.

4. И еще песню собственного сочинения: «Ехала китаела, ехала малаела на Дальний Восток. Увидела китаела, увидела малаела, сказала: Здравствуй, браток.»

За несколько месяцев до смерти у отца поехала крыша (сместилась «точка сборки»). Он стал собираться к своей маме в гости (родителей его, моих дедушку и бабушку, убили немцы). Сурож (Белоруссия). Взгляд его стал не безумен, а, я бы сказал, туманен.

Сначала он (очередная ручка отказывается писать, может уже пора перейти на кровь?!) обнаружил, по словам матери, у себя эрекцию, потом стал проситься к ней в постель, потом мать нашла записку: «Жена не ночевала дома». Плюс дата. После этой фразы и пошла фаза «мамы», потом отец стал падать, потом залег..

Последние два дня он был без сознания. Дышал тяжело, а перед смертью дыхание стало легким и тихим. Агонии не было.

А постельное белье руками перебирал — примета верная.

***

Стоило мне полезть в сны, как пришла смерть.

А. Ник за сны поплатился семьей и родиной. Не такое уж это безопасное занятие — сны.

В результате любви получают дети, в результате снов — смерть. Кто к этому не готов, тот ни к чему не готов.

Стоя у головы только что умершего отца, я шептал: «Не бойся яркого света, иди на яркий свет».

Не верь, не бойся, не проси.

Отец пошел в печь, спустя несколько дней я получил урну. Завпрахом спросила, был ли покойный православным. Я ответил, нет. Тогда она отклеивала с урны крест и наклеивала могоендовид.

Праха отца присоединился к тоннам пыли второй мировой.

Пыль во веки веков.

20.09.97

Письма А.Ника ко мне вышли в «НЛО» № 25 за этот год.

Где бы достать почитать негативного мистика и поэта Хуана де ла Круса? XVI век. Мне близко его название «Беспросветная ночь души». По испанцу, к

браку души с Богом человек идет путем отрицания разума (Бог не познаваем рационально), воли (она должна подчиняться Высшей) и памяти. Это три пещеры, которые бесконечны и могут вместить в себя бесконечное только в том случае, если они очищены от всего земного и опустошены. Христианин должен пройти через «ночь чувства», где все его земные страсти постепенно ослабевают и «ночь духа», когда он теряет разум и веру, переживая чувство богооставленности.

Это я вычитал в примечаниях к Т.С.Элиоту (СПб., 1994).

***

Моими открытками (напр., серия «Люди лунного света») можно было бы проиллюстрировать этого де ла Крууса.

Ночь духа. Черная речка. Тушь.

Да. Баночка с тушью превратилась в речку. А может быть я доживу до Черного моря?!

Хи-хи. Стихи.

Чернеет парус одинокий.

Тушеплаватель.

25.08.97

Самое задушевное — это смерть.

01.09.97

00ч. 54м.

Вчера по телевизору показывали серого попугая, который знает 100 слов и может различать цвета и ответить на вопрос, сколько синих кубиков на блюдечке. Если его 9 граммов мозга дают такие результаты, то Клиффорд Саймак прав: «Мы — дебилы вселенной».

Нас может спасти только изменение на мотив Страшного Суда. Атомная бомба мозга. Лучистое человечество. Аллилуйя.

Н.Федоров, К.Э.Циолковский и Б.Констриктор, Страшный с-ю-р-р-р-р. Шагающий эксгуматор. Китай фалк.

***

Вульгарность наших смыслов просто убивает. Поневоле приходится иронизировать.

Худо, что ирония и патетика равно обрыдли.

Ничего, скоро эта записная книжка кончится и можно будет заткнуть фонтан. Приткнем суденышко нашей распадающейся плоти на вечную стоянку к молу Чайяния.

Надо спать от 5 до 8 утра, время снотворческое.

Мозг, братишка, не подведи!

Выдай самородок, а то после смерти отца сны меня совсем забросили. Ребята, давайте жить дружно.

8ч. 25м.

Сон был, но скучноватый. Какая-то котельная, где я копошусь около ГРУ (эта аббревиатура с «Аквариумом» Суворова никак не связана). Вдруг появляются двое знакомых из прошлого, поэт и фотограф. Поэт, на всякий случай, делает вид, что не замечает меня, а когда я протягиваю руку, с большой паузой, неохотно, подает мне свою. Фотограф это снимает. Мне становится тошно, и я просыпаюсь.

***

Бедная принцесса Диана. Вот тебе, Хулио, и «Блоу ап».

Сын ушел в Училище (второй курс, скрипка), жена еще не вернулась с дачи. Никого.

Сегодня очередной праздник госнасилия — первое сентября. День «знаний». Забывание маленьких голов большими глупостями. Личность должна быть раздавлена катком образования раз и навсегда.

.Культурное тавро. Загон. Научные стада прогресса.

10ч. 05м.

Перечитал всю записную книжку полностью. До ее окончания еще больше двадцати листов.

09.09.97

Опять сны. Вчера был на дне рождения у подруги жены. Ее бывший муж (сварщик-виртуоз) изваял кинжал из «дамасской» стали с неровными краями, словно это оружие много раз побывало в деле.

Поэтому во сне кто-то пытался залезть мне в глаз маленьким ножичком. Я же по обыкновению сначала подкатывалось к новорожденной (уже за сорок). Потом переключилось на дочь. Лавры Феликса Круля не дают ему покоя. И все это после водки, купленной еще на талоны.

Alter ego, ты могуч!

Вообще любопытно, насколько наш черный человек (ночное «я») отличается от белого («дневного»). Вот решение расового вопроса.

Все мы — тайцзы.

Танцы тайцзы.

«Книга перемен» — самое великое творение пернатых. Триграммы — птичьи следы.

Каждой твари по паре — универсальный принцип вселенной: инь-ян.

Был космос пьян (молекулы спирта в галактиках).

16.09.97

04ч., 35м.

Смерть — искусство невозможного.

26.09.97
07ч. 20м.

Смерть — это лучший способ пережить время.

07.10.97

Утром посмотрел у Фасмера (который не мой, а Дж. Яначека) и у Даля (который стал мой, а был тещин) слово «смерть».

14.11.97

Праздник, который всегда с тобой: конец света.

Место встречи изменить нельзя: Иосафатова долина.

Смерть — просто глубже жизни. Это ее мистическое дно. Мой приятель — драматург придумал хорошее название для своей пьесы: «Вперед — Земля».

Тра-ля-ля.

13.01.98

Видел два сна. В первом речь шла о каких-то молоденьких девушках, которые очень хотели. Помню белые трусики одной из них. Она томно рассказывалась. Моя рука, лежащая у нее на спине, скользит все ниже и ниже, вот она пробирается в трусики, палец погружается в лоно. Оно истекает, оно сочится, оно мягкое. Это мед.

Пенис песней.

Другой сон видел сегодня на работе. Я в гостях у знакомого поэта. Его нет дома. Я беседует с женой и дочерью. Дочь прелестна. Когда жена куда-то выходит, это совершенство идет (вспомним «Чапаева») в эротическую атаку. Конечно, тут же в комнате появляется мать. Я с тревогой шепчу склоненной над мной дочери об этом, В ответ она только усиливает ярость атаки. Воспитанная мать деликатно удаляется. Черные волосы полностью закрывают мое лицо. Пробуждение.

Инварианты — это сны, моя жизнь только вариант. Надо чаще и дальше вылезать за пределы этого варианта.

Палитра сновидений широка, от эротической сказки до абстрактной былины.

Если бы сны можно было записывать на видео, а по утрам просматривать. У каждого своя личная сонотека. Близкие люди показывают их друг другу. Конкурсы на лучший сон в разных номинациях.

Память воды

Еще всем

Даст <.....>

18.02.98

Одно из удовольствий старения — безмятежность. Ставки давно сделаны. Остается только любопытство наблюдателя.

Любопытство — главная страсть старости. Им заражено все живое. Так, крыса из клетки, полной съестных припасов и сексуальных партнеров, всеми

возможными способами пытается проникнуть в другую. Пустую. Вакуум притягивает нас. И человек умирает не от старости (это ошибка), а от любопытства. Изведая жизнь, не остается ничего другого, как изведать смерть.

Религия — это мыльный пузырь нашего любопытства. Поэтому обряды так красивы. Все бесперспективное — прекрасно.

Прагматизм лишен любопытства. Оно иррационально. Это эмоция в чистом виде. Это абстракт.

26.02.98

Приснилась зеленая сперма. После пробуждения даже исследовал область между трусами и промежностью — ничего.

Снов было много. Бабы старые и не очень. Гостиница. В одном из номеров увидел кота, писающего под батарею.

Сон в руку: мой кот Абрамзик обожает этот аттракцион.

Нелюбопытство русских (Пушкин) закончилось ГУЛАГом. Нельзя предавать страсть. Это наказуемо.

10.03.98

Может быть, человек — это телевизор, и он не отвечает за то, что показывает.

24.03.98

Глядя на кота Абрамсика вдруг понял, что все кошки — буддисты. Это такая кошачья медитация во веки веков. Аминь.

Мы ничего не понимаем. Абсолютно ничего не понимаем. Недаром Рембо хотел нового знания.

Знание — это зияние.

Это бездна.

Наука эмоций.

Наука света.

Наука темноты.

Наука сука.

28.03.98

Опасность автоматического понимания. Только перестав понимать, начинаешь знать. Таких не много. Они — знать.

31.03.98

Первые книги помнишь так же, как первых женщин. Цвет, обложка, запах. Потом острота ощущений пропадает.

12.04.98

Недавно видел во сне какой-то нечеловеческий мир. Он был органическим. Но совершенно не таким, какой подходит для нашего языка. Во сне было ясно, что для этого мира нужен другой язык. Наши человеческие понятия

там не работали. Что-то сочилось, перетекало, и это была жизнь. Другая, абсолютно не такая, как на земле.

Бог может творить бесконечно. Человек же наивно полагает, что он венец творения.

Пер-венец.

15.04.98

Всерьез пишут о достижении бессмертия в XXI веке. Дураки. Не распознав смерть, они лезут в биологическую вечность. Это будет второй крупной проказой после Эдема.

Что на третье?!

21.04.98

Десерт (третье) — Бог. Бессмертные штурмуют Тео. Мой старый сюжет о захвате коммунистами нирваны. Авантюрные теологические романы начинают входить в моду. Малевич и тут везде поспел.

«Бог не скинут»!

28.04.98

Сюжет умер! Да здравствует сюр-жест!

Вчера провожал Сигея и Ры в жизнь вечную, в Германию. Угрюм-трюм па-рома «Инженер Сухоруков» походил на чрево кита.

Иона. Они — ионы.

Все мы ионы мировой иконы.

Гей, нейроны!

04.05.98

В этом веке кто не сумасшедший, тот дурак.

05.05.98

Искусство умперемены все еще элитарно.

13.05.98

На <...>!

21.05.98

Гоголь принимал бессмысленность текста, структуралисты — нет.

03.06.98

22ч. 40м.

Уже засыпая, вдруг придумал новое слово: врукопись.

Чуть позже.

Смертельный номер — 666.

09.05.98

Все диссиденты — совдепия в чистом виде. Они — больше, чем она сама.
Это — оппозиционная трагедия.

20.06.98

Отсутствие радости — главный итог после младости. Все то — уже не то. Происходит смена стандарта. Не эта ли смена и есть трагедия вообще.
Мозгстандарт.

***

Сколько осталось до окончания этой книги (она кончится вместе с блоком-том)? Физически 14 страниц, а сколько фактически?! Часов, дней, лет...

Неизвестность обнадеживает. Это божественный персонаж — мистер X.

03.07.97

Почти два года назад я начал эти записки. И вот сегодня обнаружил комментарий к тираде «Оргазм аскета — смерть я» (17.08.96). В книге «Путь белых облаков» (sic!) ламы Анагарика Говинды говорится, что единственное жертвоприношение, которое признает Будда, — это собственное «эго».

Я обречен на бананы банальностей. Вспомним притчу «Утром три».

Смерть — гениальный дизайнер. Диснейленд Бардо Тодол.

Единообразии религиозного опыта.

Стирка личности, или трудно быть борей.

Мои псевдонимы — это ведь моя бессознательная Ухти-Тухти. Верной дорогой идете, товарищ Б. Констриктор. Еще пара миллионов перерождений и вы у целки цели.

Тер-пенис.

15.07.98

Еще один комм. К записи от 24.03.98. «И кошки не (сразу две ручки подряд отказались писать: режиссура пишущегося узла) охраняли более храмов Лхасы, потому что всех их тоже перебили (*китайцы*. — Б. В.) — Лобсанг Рампа «История Рампы (скитания разума)».

В Питере очень много кошек, больше чем в других городах. Может быть, они провозвестники, здесь будет Нью-Лхаса. Лахта-то уже есть.

Спустя несколько часов после этой записи сосед по дому (поэт-хоккуист) с тибетской дырочкой в голове (туда можно вставлять соломинку) поведал мне, что этот Лобсанг Рампа — сантехник из Ливерпуля и он такой же лама, как мой кот Абрамзик.

Но кошек в Лхасе больше нет.

02.08.98

Недавно видел во сне метаморфозы перерождений. Это было что-то вроде фонтана, в котором происходила смена форм. Немного похоже на мои рисунки. Размыв: сочетание туши и акварели.

***

Сегодня ночью, после долгих блужданий за кулисами какого-то театра, некто огромный в красном плаще держал меня на руках, раскачивая над бездной, и предлагал познать жизнь и смерть одновременно (СМЖ ты моя, СМЖ...). Не помню, чтобы было страшно. Но и весело не было.

Любопытно.

04.08.98.

День рождения жены, и ровно год назад умер отец.

Смерть — самая верная из женщин.

***

Художник и поэт Андрей Тат (из Лос-Анджелеса), у которого в послужном списке 12 суицидных попыток (это уже что-то античное, а он похож на Леонардо), в последнем письме искренне пожелал мне скорейшей смерти.

Сюр-сибо, Андрей.

И еще сообразил из-за Леонардо и поедаемого арбуза. Дюшановскую «Мону Лизу» можно было бы сопроводить надписью: «По усам текло, а в рот не попало».

И вообще я человек веселый Артем, ибо всю жизнь занимаюсь веселой наукой, наукой умиранья (см. «Записки блудного сына»).

У меня даже ум — RU.

11.08.98

Бога одомашнили. Его превратили в морскую свинку. Мне с этим трудно смириться. Но я смирюсь. Роптать глупо. Надо дело делать глупо.

***

Приснилась влюбленность. Молодая девушка и я в узком лифте. Никакой эротики. Разговоры о будущем. Она настаивает на капитальном ремонте моих несчастных зубов. Я говорю, что это обойдется не в одну тысячу долларов и просыпаюсь наконец.

К О Н Е Ц

14.08.98

Наивно было бы думать, что я вот так сразу закончу эти записи. Ни я, ни тетрадь (блокнот) еще не кончились. Продолжаю.

Видел во сне А.Ника. Под видом маленькой девочки он пытался пересечь государственную границу России. Я его уговаривал этого не делать, но он возражал, что использовал этот трюк с переодеванием уже много раз. И, правда, были ведь сны, в которых от случайных знакомых я узнавал, что Коля в городе, мы с ним встречались, как совершенно посторонние люди, которым не о чем друг с другом говорить.

Афера с маленькой девочкой потерпела полное фиаско. А.Ника задержали. Он вырывался из рук пограничников, а я кричал: «Пустите его, пустите его, суки!»

Этот сон, видимо, навеян его старым стишком «Нацепить женское платьице». Похоже, за А.Ника примутся только в следующем тысячелетии, и это не так плохо. Когда пожаловался Борису Кудрякову, что нас с ним обошли еще в одном литературном ангажементе, он неожиданно остроумно ответил: «Пусть, они как пехота, бегущая перед танками...»

***

Трепещи, читатель! Моторы антимозга начинают постепенно набирать обороты.

Вы — обормоты.

Мы — идиоты.

Все мы — сюр-роты.

МРОТЫ.

МРОТЫ.

МРОТЫ.

МРОТЫ.

МРОТЫ.

05.12.98

Радость — это когда тебя больше нет.

10.01.99

Прах-та-ра-рах.

8-го числа сожгли дядю Серезу, мастера спорта СССР по самбо, ему было 70 лет, и он умер во сне.

На поминках вспоминали странные вещи. По окончании спортивной карьеры Сергею Ивановичу пришлось служить в милиции (выступал за «Динамо»), а он не мог задерживать преступников. Однажды целый день сидел в засаде, а когда появился объект, он не смог стрелять... За провинности (пил) ему пришлось последний год до пенсии проработать надзирателем в тюрьме. После дежурства выпивал бутылку водки.

Водка — эликсир совести.

Когда на улице сбежавший из тюрьмы попросил у него прикурить, дядя Сереза снова ничего не предпринял, кроме инфаркта.

Остаток жизни провел в однокомнатной квартире, лежа на диване. Никого не хотел видеть.

Это родной дядя А.Ника. А я хорошо помню и его бабушку Александру Петровну, домашнее имя А.П. Когда видишь колебание генетической цепи на протяжении века, многое становится понятным без слов.

Логика снов.

Селекция гения процесс длительный. Если бы мы знали африканских предков Пушкина так же хорошо, как родственников А.Ника.

Можно провести некоторую аналогию между поведением дяди Сережи и Эллика Богданова. Последний, по рассказу Владимира Эрля, бросился под ноги милиционеру, преследующему преступника. А когда его привели в отделение, сказал, что он психически болен и не может видеть, как один человек ловит другого.

Земля — ловушка для дураков.

25.05.99

Смерть — это солнце в золотой оправе молчания.

31.07.99

По поводу золота. Эту книжку я давно забросил. Но тут вдруг нашел для нее новое применение.

Хороший человек Коля Р. Продал несколько лет тому назад мою графику Нортону Доджу. Потом он был у меня в гостях и, увидев мой автопортрет (одна из немногих работ маслом) «Человек в красном колпаке», сказал, что попытается продать ее тоже.

Потом исчез напрочь. И вдруг недавно объявился. Привез мне деньги. Правда, в связи с дефолтом сумма сократилась, как шагреневая кожа. Но я не был в претензии на судьбу.

Мы сидели в какой-то забегаловке, и Коля страстно отговаривал меня от употребления сахара. По его словам, он хуже никотина, наркотиков и алкоголя вместе взятых. И я ему поверил. Я вообще Колям верю.

Сначала Колины деньги я хранил в своей рукодельной книге «Гроб с музыкой. Атомные стихи и рисунки». Там мною с помощью бритвы было проделано небольшое углубление для кассеты. Но после выставки в музее Ахматовой кассета пропала, и я положил туда деньги. Но вдруг мой дилер сообразил, что эта книга может быть продана... Мне пришлось переложить Колины деньги сюда, дорогой читатель, за обложку блокнота. Конец золотого тельца. Муха ползет по голой спине. Маленькая скоро кончится. В запасе «Балтика № 9».

«Скоро кончится все это...»

29.11.99

Еще не кончилось.

06.04.2000

И вот я снова с вами, друзья. Это индийская гробница. Тутанхамон. Очередное послание к идиотам. Скотам уже не пишу, ибо кот Абрамстик убежал неизвестно куда.

Ты умер, кот?

Ты умер, кто?

ОТК

Подпись: БОГ

21.04.2000

Приятель, которого я знаю тысячу лет (миллениум на дворе), сказал мне в конце телефонного разговора: «А все-таки ты в Бога не веруешь, Борис Михайлович». «По-моему, ты не прав», — ответил я.

25.08.2000

Еще не все. Вот отрывок из телепрограммы на четверг 24 августа (ТВ-3).
09 00 Победоносный голос верующего.
09 30 «Говорящая обезьяна». Худ. фильм (СССР).

ENDE HOCH

15.10.02

05ч. 58м.

Надо дожить до окончательного поражения. Оно и будет твоей победой. У каждого свой Сталинград.

Ура, товарищи!

23.04.03

07ч. 24м.

Вчера сжег мать. В субботу (папа, прости) помещу ее прах в урну к отцу. Так она хотела.

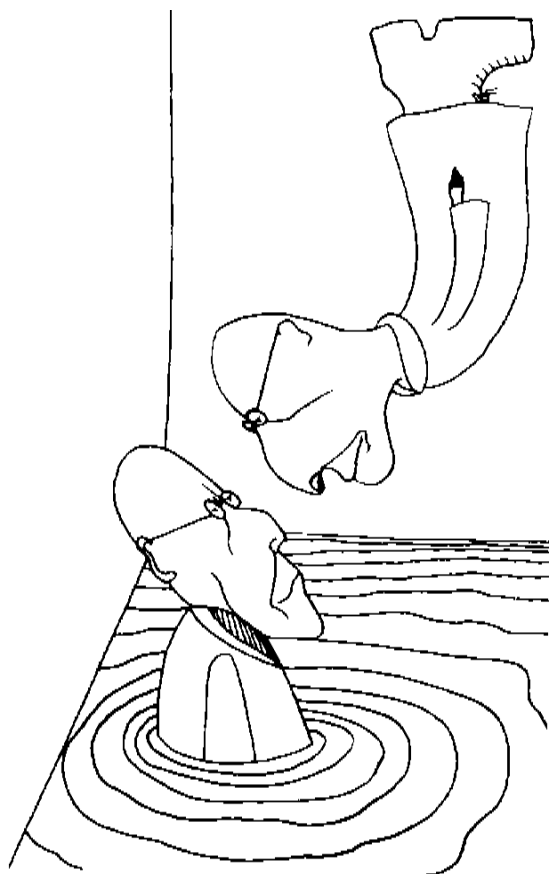
Блок-нот закончен, господа.

IV

Еще не сказаны последние слова.
Еще трепещет сердце.
Соображает голова.
Такое скерцо.
Еще кого-то я люблю.
Еще страдаю
и с удивлением смотрю,
как исчезаю.
Как превращаюсь в целлюлозный хлам,
Руины старых фотографий.
Шинель давно я пропил сам...

Пойдем отсюда, брат Акакий!

Какие сны...

Какие сны...

Случилось то, что случилось. Вслед за Богом начал постепенно отмирать человек. Этот набирающий силу процесс интересно преломляется в России, где совпадение катастроф, социальной и онтологической, синтезировало в области литературы новое ментальное излучение. Поэтому речь здесь идет не о форме произведения, а о существе.

Русская катастрофа породила тип личности, который можно назвать онтологическим диссидентом. Казус состоит в том, что к тотальному отрицанию данный тип приходит не через высшие формы религиозного экстаза или рациональную сухомятку философии отчаяния, а через обычный социальный опыт, помноженный на занятие искусством. Причем этот тип личности, как правило, занимается сразу несколькими видами искусства, ибо нигилистический пафос требует простора. Состоя в одном профсоюзе с Алешей Карамазовым, такие художники не принимают не только Божьего мира, но и самих себя. Им опостылело. Вместе с Кришнамурти они говорят миру «нет». Бесконечное «нет» каждому слову, эмоции, поступку. Это инвентаризация мира наоборот, когда против каждого феномена ставится минус, а в результате сей заумной бухгалтерии в сальдо выносятся крошечный ноль черного квадрата без углов.

Героические деяния людей искусства, пытающихся разделаться с самими собой, эти хакари-шоу, достойны того, чтобы войти в анналы заканчивающейся зона.

Мы дадим здесь абрис трех литераторов; выбор обусловлен сугубо личными мотивами и не содержит в себе претензии на исключительность.

Десятилетия делают свое дело куда лучше, чем литературоведение. Они ставят все на свое место, и уже сейчас начинает просматриваться литературный ландшафт, в который вписала их судьба.

Это обэриутский хронотоп. Если воспользоваться терминологией родственной ему «Тибетской книги мертвых», эту структуру можно обозначить как время/пространство «между двух», подчиняющееся логике «не то — не то». Здесь тело и душа танцуют свое последнее танго. Судьба, не мудрствуя лукаво, вводит трех наших авторов в тему за-бытия через эмиграцию, бродяжничество и болезнь. Лунатизм, сновидчество и транс-запои не просто психические феномены конкретных личностей, а еще и путепроводы, по которым совершается рискованное путешествие в иные пласты сознания.

Потаенное в нас самих явится причиной грядущего исчезновения человека как вида. Оттуда, из этой «эмиграции», три наших корреспондента как бы шлют свои путевые очерки. Читатель не спешит их прочесть. Кому охота умирать при жизни, кому охота засовывать в петлю отрицания родное «эго»?! Но помимо воли людей неотвратимое все равно тащит их к той черте, когда тотальное «нет» станет ключом к новому сюжету, в котором человек займет добавляющее ему скромное место.

Почти никем не читанные «Четыре книги снов» А.Ника, «Лоскутный саван» А.Тата, «Встречи с Артемидой» Б.Кудрякова при всей несхожести имеют в себе нечто фатально общее. Главная катастрофа — рождение — позади. Авторы озирают «пейзаж после битвы». Они ничего не ждут от «жизни». Вся эвристичес-

кая мощь индивидуальности направлена куда дальше. Маршрут из ниоткуда в никуда требует от пешехода не только завидного психического равновесия (многие путники сгинули в ловушках-психушках), стихийно-философского склада ума, но и авантюрного начала. Тотальное «нет» выворачивает наизнанку старый библейско-детективный сюжет: не смерть преследует героя, а герой преследует смерть. Криминальный роман с небытием — вот сюжетная канва этого типа диссидентства. Как и Бодлеру, им «скупен этот край», но если ботаника «цветов зла» заканчивалась этой скукой, то органика нашей троицы с этой скукой начиналась. Скука не столько главный продукт высокоавтоматизированной цивилизации, тут автор «Закона Паркинсона», видимо, ошибался, сколько порождение самого неотвратимо стареющего бытия. Нет кризиса живописи или тавромахии, есть один глобальный кризис человека как формы существования. Поэтому поэтика загробных странствий становится единственно возможной формулой для этих сочинений. Чтоб «новое обрести», автору постоянно приходится отправляться уже не на край, а за край ночи.

Подобно тому как язык и заумь (по определению Шкловского) могут существовать только во взаимопроникновениях, так и литература онтологического диссидентства обречена на существование «между двух». Неопределенность, текучесть, пустотность, присущие этой форме, неизбежно выводят тексты за пределы классических форм бытописания. Они тяготеют к изыскам символизма (Андрей Белый — «Котик Летаев») и футуризма (хлебниковское «Ка»), но, по существу, это другая литература. На казнь уже не приглашают, она свершилась (как у И. Терентьева в «Иордано Бруно», как у А. Введенского в «Кругом возможно Бог»). Если старая сказка заканчивалась свадьбой, то новая начинается со смерти. Конец же в новой сказке структурно невозможен, повествование всегда обрывается и по сути своей не может быть завершено. Герой кружит и кружит среди фантомов срединного мира «между двух», он приближается, приближается к разрешающему пределу, но никогда не переходит этой черты, ибо для этого нужно перейти в новое качество за-бытия. Если сам по себе такой переход и возможен, то коммуникация между этими различными формами витальности затруднена.

Необходимо подчеркнуть тот биографический факт, что вся эта троица летальных кортесов родилась и провела первую половину своей жизни в классическом городе мертвых — Санкт-Петербурге. Страстотерпец Б. Кудряков постится в нем и поныне, А. Ник попал в лапы к Голему, поселившись в Праге, А. Тат вибрирует вместе с земной корою в Лос-Анджелесе. Но для фатума география не принципиальна, теография существенней.

А. Ник (Аксельрод Николай Ильич) родился 18 ноября 1945 г. в Ленинграде. Закончив фотошколу, вместе с Борисом Кудряковым он во второй половине 1960-х гг. приходит на Малую Садовую. Эта самая короткая в Петербурге улица для многих оказалась и самым верным путем в литературу. Тогда же он вступает в продолжительную переписку со студенткой Пражского университета, этот пока не изданный роман в письмах завершается, согласно рецепту Стендаля, свадьбой, и молодожены отправляются в Прагу. Вот канва событий, предшествующих фрагментам из писем, которые будут приведены ниже.

Ситуация 1970-х годов, трагическая в своей безысходности, еще не осознана нами вполне, мы все еще слишком близко стоим к яме развитого социализма. А между тем целое поколение было вынуждено провести в атмосфере крепчайшего маразма лучшие годы своей жизни. Спасение было в бегстве, если не из страны, так внутрь себя. А.Ник, несмотря на то что с детства хромал на одну ногу с Байроном, проделал то и другое одновременно.

Трофеями его экспедиции за край ночи стали тексты: «100 писем к Владимиру Эрлю», «Письма-проекты», «Четыре книги снов», «Грузинская тетрадь», цикл рассказов «Родственники», и многое-многое другое. Перечислять бессмысленно, поскольку не издан и один процент его прозы и поэзии.

Составитель настоящей подборки вместе с Владимиром Эрлем задумал в конце той сумрачной эпохи издание суперкниги «Аураника» (3000 страниц машинописи), в которую должны были войти письма А. Ника к разным лицам (преимущественно беспризорным литераторам), их ответы и взаимная переписка разных лиц. Если бы проект был осуществлен, то этот литературный памятник мгновенно затмил бы пирамиду Хеопса и стал бы одним из чудес того и этого света. Осуществить эпистолярное великолепие до конца, конечно, не удалось, но кое-что было все же отвоено у энтропии. Фрагменты из «кое-чего» ограничены в данной публикации письмами А.Ника к составителю Б.Ванталову (Аксельроду Б.М.). Личность и творчество А.Ника, волею судьбы оказавшегося в ситуации двойного отщепенства, в экспериментально чистом виде являют собой феномен художественного самосознания своего времени.

14 ноября 1996 года
Черная речка. СПб

Н. Аксельрод, Б. Кудряков, Б. Констриктор — Малая Садовая (из архива Б. Кудрякова), 1970 г.

А. Ник. Из Праги в Ленинград...

17.05.1973

Нахожусь вроде в каком-то вакууме. <...> Еще не видел тут ни одного поэта или писателя молодого. Одна всезнающая дама сказала, что их нет вообще. Я с ней поспорил.

6.08.1973

Другой сон: шпион с пистолетом типа «бульдог» преследует революционера, я это вижу. Какой-то подвал. Я и революционер снимаем пистолет. Я сижу на земле и вижу, как по проспекту идет царь. «Дай, дай пистолет!», — кричу я. Стреляю из пистолета по гордо идущему мне навстречу царю. Вижу, что пули летят криво. Царь поворачивается ко мне спиной и уходит. А у меня кончились патроны. Ах, как жалко.

Вот ведь, брат. Может, я когда-то уже был революционером, а может, я еще кем-то был в Ленинграде, в первые дни войны. Тоже ведь были сны. И вот что интересно. Один врач ставил опыт. За сто долларов человек должен был спать. А как только у него появлялись сны (спец. прибор и круглосуточное дежурство), человека будили. Подопытный чуть с ума не сходил, т. к. его будили во время зарождения сна. Никто не мог и трех дней выдержать. Выходит, брат, сон — это тоже наше питание, как еда, вода. Там не было слова о том, откуда идет это питание. Конечно, думали, что от самого человека. Тогда почему сны снятся наперед? Меня это занимает.

5.09.73

Тщеславие мое тут быстро сошло на нет, т. к. показывать то, что я пишу, некому. С издательством дело глухо, глуше, чем в Л-де.

22.10.1973

Главное — это успеть все прочесть и не делать никаких выводов, какие бы ты ни делал — все они будут ложные. Как, быть может, и это письмо.

27.11.73

Бесконечность, она, брат, не увеличивается и не уменьшается, а это значит, что она все-таки не бесконечность. Как-то мы с тобой по этому поводу одинаково мыслим. <...> А может, бесконечность потому бесконечна, что ее не существует. Читай о дао в первом томе кит. философии. Мне очень нравятся разговоры о пустоте.

10.12.1973

По-чешски хapatь — понимать. Я тебя, брат, понимаю. Писать, писать и еще раз...

Но вот заминка, писать мешает жизнь и жизненные ситуации. Возьмем, к примеру, меня как объекта: купили дом, и приходится теперь его как-то обставлять, ремонтировать. <...> Надо все успеть, а когда же писать. Да брат,

Л.Н.Толстой, Белый и пр. оттого много писали, что не работали, не бегали по магазинам в поисках кранов и т. д. У них было время подумать, даже рубя дрова или паша землю ради собственного удовольствия. Отчего наши писатели долго не живут, отчего мало пишут — да все оттого и т. д. Но все-таки писать надо. Я страшно рад, когда могу встать поздно, чтобы потом сидеть допоздна и сочинять что-то новое, играя словами как яйцами. В новом году придется еще труднее — отдавать долги и делать новые.

Наша эпоха — это эпоха больших денег или безденежья. <...> Лучше в своих желаниях не желать денег, чтобы купить книжку, лучше желать книжку, тогда на нее и появятся деньги. Это некий закон, мною открытый и мною же запатентованный на бумаге. Книжку, т. е. название этой книги, я пишу на бумаге, и вот она, тут как тут. Денег, сколько ни планируй, не достанешь, не получишь. В соответствии с тем можно представить, сколько напишешь и как хорошо. Но надо писать. Надо писать длинные тексты до 700-800 страниц, смешные, совершенно нереальные тексты о жизни в среднем мире. Черт знает, что пишу.

22.12.1973

Ты немного ошибаешься. И вовсе не летает Белый голубем (*так!* — Б.В.) сизокрылым и вовсе не плюется (а если и плюнет, то только ночной гуляка споткнется и упадет), а в футбол А. Белый играет с Ф. Достоевским. А вместо футбольного мяча голова К-овская у них. Вот оттого-то и болит она по утрам, нагнавшись за целую ночь.

В мистике, брат, тоже прогресс должен быть. А ты что думал? Полеты давно из моды вышли. А вот дом купил (мне купили) вместе с призраками, которые не очень-то хотят меня, православного, к себе под крышу пустить, все оттягивают да тянут резину из трусов. А она «вот она, вот она на хую намотана».

<...>

Лежит свободно на чешском И.Во, Конан Дойл, Дюма всякие, Т. Вулф, старые японские (искусство), корейские. Огромное количество детективов. Но тебе ни Белого на русском, ни Сологуба, ни Розанова, ни А.Ника, ни Макринова. Это, брат, великое недоразумение. Главное — карпы живые на улицах, все остальное не главное. Не пустота, не теснота, не полнота, не широта, не высота и т. д. Главное — жрать. Все остальное — отклонение от жратвы.

4.01.1974

В Праге плохо одному, и выпить не с кем. А блуждать по улицам не могу. Познаю одиночество во всей его красе. Ты меня призываешь писать, а я думаю совсем о другом. Думаю о снах, о метеоре, который в виде фалла в круг летит, о спирите Брюсове.

Читаю его дневники.

О Боже, что за ничтожная личность. Пил, спал и стихи писал. Еще ходил на спиритические сеансы и считал себя ясновидящим. Писал о Толстом. Тот, как Кузьминский, не позволял спорить с собой. В Ясной Поляне его только слушали, внимали. Там было великое лицемерие и объедки со стола путникам. <...>

Но, твоя правда, издавались, печатались, собирались, говорили, и было на что пить, есть. И о неведомом все больше. Только в таких условиях и можно что-то создать.

8.02.1974

Вот я и в доме сижу своим, и из окна гляжу своего. Ощущений сексуальных от этого не так много пока. К тому же простуда и противен мир трехэтажного дома. Три дня не выходил на улицу, лень. На почте не был неделю, лень. Сплю, что-то делаю (по дому), курю и пью кофей, пиво, чай. Мыслей мало, много зато снов. Диван, на котором мы спим, долго стоял в подвале одного дома, так что снов в нем с целый тот дом накопилось. И всё страшные.

Представь себе ленточный транспортер в угрюмом ущелье. Горы, дикие птицы, и транспортер, на котором сидят люди или стоят, проезжая мимо меня. Я тоже прыгнул, но потом соскочил с него и больно ударился о камень. Утром у меня болело все тело. Куда я летал? И так каждый день, вернее, ночь что-то новенькое. Вчера жуткий. Стол. Но сначала старый мужик бьет бабу молодую. Потом я и еще кто-то бежим к ним. Но они уже за столом сидят. На нем самовар, утопающий в говне. И валит пар от стола. Они зло на нас смотрят.

«Молодой», — говорит баба мне. Еще кто-то со мной стоял не так ровно, а так, как у Шагала, — летал.

На этом пока, пусть летит это письмо с новым адресом.

25.02.1974

Быт засосал. Вот бы его отсосать. Но поход в библиотеку и три Белых «Крещенный китаец», «Записки чудака», «Переписка» с Блоком. Еще «Встречи с Лиз» и один Набоков, мемуары. Не очень интересные. Вырвался из быта и между стиркой, едой и прочим читаю и потею.

<...>

На ум приходят всякие мысли, и больше о растворимости. Одна родственница Набокова, умирая, сказала: «Теперь я все понимаю — все вода». И умерла. Мы ли растворимся во Вселенной или она в нас? Вода тоже растворяет(ся). Круговорот. Безумия нет — все естественно и страшно. Безумие — наказание за что-то. Сумасшедшими не рождаются, это надо заслужить. Нездоровый образ жизни и здоровый — одно и то же. Я не пью, но я тот же, с болезнями, со снами и мыслями.

27.03.1974

Круги, круги, круги. Позади кошмар, впереди кошмар. Видел сон, я там старый, но внутри все такой же, вроде молодой. Душа не стареет, тело дряхлеет, разламывается машина. Душа, брат, потом никуда не уносится. Все дело в том, что она всегда там, а тут тело и машина. Мы вроде радиоприемников, которые ловят волны своей души. Развалится машина, волны пойдут в другую, более новую. Душа туда не уносится, она там, оттуда каждую минуту летит, каждую секунду, тело заставляя двигаться (обмен веществ, говорят).

Смерть, а там передатчик в сторону откладывают, вот и наказание. Не ясно, для чего все это. Может, каждый из нас вроде баланса, уравнивает Вселенную, чтобы она не опрокинулась и другую Вселенную не задавила. Две Вселенные существуют, это точно.

Мы баланс Вселенной № 1.

Все это скучно от неясности, а от ясности скучней. Нет иного выхода: надо жить — а это страшно, жить каждый день, а главное — по утрам видеть колесо своего я и знать, что против оси не пойдешь (центробежная сила нашей жизни).

23.04.1974

Внутри, особенно по ночам, внутри такое, что ни пером, ни топором, ни лезвием не описать. Вот, например, приснилось, что в городе Прага есть район или даже остров, где живут одни татары.

<...>

Не забывай о том, что у собаки могут быть девичьи волосы и что она, собака, может быть монахиней. Не забывай о том, что некоторые люди могут ходить только при помощи рук и ног, причем животом кверху.

Вот, кажется, и все, что я хотел тебе сказать.

Достань и прочти — В.В.Розанов. Религия и культура, сборник статей, 1899 СПб, изд. П. Перцова.

19.06.1974

Мне сегодня что-то такое снилось. По пустым комнатам за мной гнался мальчик с палкой. У этого мальчика было туловище толстое, мужчины, но сам он был маленький, с совершенно миниатюрной головой. Это был ужас. И белая смерть выползала с белым (что странно) автоматом. Все белое, белое, белое.

17.10.1974

Засыпаю с трудом. Видел же, например, сегодня еще и отрубленные головы, которые мне пришлось держать в руке, словно голову куклы, продев палец в отверстие горла. И кто-то мне говорил: головы подорожали. Мы их складывали в полиэтиленовые пакеты. Вот ведь глупые сны. Утром бы и записать, да лень и надо идти за дровами.

20-21.11.1974

20. XI. 74 г.

Прага (2 часа ночи, у вас 4 часа)

Уже который день (месяц) ставлю рекорды. Вчера за два часа написал 10 рассказов про Аксельрода, т. е. про себя. Со вчерашнего дня моя тема нападков не Л.Н.Толстой и остальные, а Аксельрод. А.Ник против Аксельрода. Вот ведь до чего дошел в одиночестве ночном безумном. Все храпят в соседней комнате, а я в «кабинете» (где и сплю теперь) сижу у транзистора и пишу небылицы. Стараюсь каждый день. Спешу почему-то, а куда?

21. XI.74 г.

И снова, брат, 2 часа ночи. Вот когда у меня свободное время теперь появляется в связи с большим идиотским переводом. И в 2 часа ночи почерк совсем никуда. <...>

Не читаю, нет времени. И в кино давно не был, не на что (в смысле фильмов).

Душа летает по утрам-ночам.

Довольно забавно, потом текст.

Видел себя в различных периодах времени (веках), а также и других состояниях и т. д.

Замечательное дело сон. Вьетнамский чай (новый и дешевый) действует, правда, ненадолго, ... Кофе уже не эффективно. Курю замечательные трубки покойного дядюшки Гелены и все жду его духа из дыма его трубок — их три. Жалко, что был один дядюшка, любитель трубок.

10.12.74

Ложусь, как всегда, поздно, встаю рано. И из-за всего этого бьется сердце мое аритмично и пот. Думал три раза, уже все — вот оно, но оно не так просто.

<...> И вообще, что у вас там. Знаю (вчера по радио сказали), что выставка 4-хдневная из 50 худ-в и 150 работ их. Знаю, что после московской на чистом воздухе многие в дурдоме и т. д. Т. е. взяли на карандаш. Но мне грустно, что не смогу четыре дня собирать мелочь и посылать Белкина за вином и закуской. Мне жалко, что я не увижу радостных лиц. И особенно лица Геры. Может, его благодарить за такой рождественский подарок. Во всяком случае, еще раз вспомнил мою бабушку: «Все что ни делается, все к лучшему». «Начальник, гони пайку!»

10.12.74

Прошла ночь, и сон прошел. А был такой:

Сначала у нас в квартире в Л-де раздался звонок. И в дверях я услышал голос Нади: «Александра Петровна дома?» — «Вот нелегкая принесла», — побледнела бабушка. И действие второе. Два зеленых холма, как две женские груди, и в ложбинке лачуга. Я стою на одном из холмов и вижу, как далеко на другом удаляется группа людей. Это Надя, твоя бабушка, моя бабушка и еще с ними Леночка. Из лачуги вылезает ты, брат, и что-то мне с пафосом говоришь. «Что, что, — оглядываются моя бабушка и твоя. — Что ты хотел мне сказать?» Но я им машу рукой, мол, это не вам. «Это они между собой», — говорит моя бабушка. Они поворачиваются и удаляются, их уже больше, и все это родственники, умершие и живые. Мы продолжаем свой разговор — я что-то тебе с холма зеленого говорю, и ты мне снизу на пороге хижинки.

Вот такой вывод из этого сна: все уйдут один за другим, и только мы с тобой останемся. И еще — там зеленые холмы.

<...>

Ты вот не пишешь, чем занимаешься, но мне ясно, что у тебя появилась своя дыра, в которой ты можешь в рабочее время размышлять над сущностью горящего газового огня. Боря! Прошу тебя, и Вите скажи, и Аркадию. Топите

больше, чтобы у меня тут теплее было, а то мне надоело все время уголь из подвала таскать.

8.01.1975

«Друзья» не пишут, и я не пишу, прощай, моя столица, прощай, мой Петербург. В городе, в котором я проживаю в настоящее время, меня держит только пиво.

Как мало надо человеку, и как много человеку дает пиво.

Я пью его стоя, одну или две кружки. И потом иду, вспоминая о его холодке. За одним столом может стоять шесть мужиков, и все молчат. Пьют пиво, священнодействуют, как казахи чай. <...>

Читаю Беккета, Пикассо, Роб-Грийе, Андре Жида и Лескова.

17.01.75

Говорю так, потому что в последнее время мне все больше нравятся кубисты, абстракционисты и т. д. Вчера, например, видел цветной кубистический сон, где все мы в форме кубов, квадратов перемещались и общались. Гениальная картина, и было ясно, что это я, ты и т. д., несмотря на непохожесть. Причем вся картина, и линии цветные, и пятна не просто двигались быстро, а шевелились, шурша. <...>

Графика Дали — две-три черточки вглубь, вдоль и такая перспектива и образ человека, и уже думаешь, а что же это такое.

Сломанный (униженный) человек, конечно, кубистический. Как иначе сломать человека — куб. Или порывистость, баба — вся в линиях, в пересечениях и кое-где красные пятна стыда.

В остальном тут все по-прежнему и скучно. Три Ка (*К.К. Кузьминский*. — Б.В.) едет или же разъезжает по домам? в поисках участия.

Русская пословица «Едешь, едь».

11.02.1975

Такие уж теперь они, мои глаза, постоянно блестят как зеркало, от постоянного внутреннего сгорания в моем организме — машине пива.

Я выяснил, что каждый второй чех — алкоголик. В этом я убедился на себе. Чем больше этого местного пива пьешь, тем больше жажда. Пропустить кружку через мотор — значит жить, двигаться, говорить. Раньше я думал, что если у них, т. е. у чехов, отнять пиво, то поднимется буря и вообще черт знает что. Но я ошибался. Бури не будет. Сначала будет тихо, а потом даже и этого не будет. (Не знаю этого слова, которое могло бы выразить ощущение потишины, по ту сторону тишины.) И все падают мертвые как мухи, и все, конец.

И вот я. Утром две кружки, третью уже боюсь. После третьей пьянка. Через некоторое время чувствую жжение, и снова две, третью боюсь. В перерывах же — кофе, чай и пиво. Пиво обеденное, из бутылки пьющееся. Так что — я бы тебе в Праге показал бы только пиво. Пиво, которое я не могу тебе привезти, послать.

Еще никто не написал поэму о пиве, непонятно.

Итак, если говорить языком официальным, я спиваюсь, но если говорить местным языком, я и не начинал спиваться. Вот теперь ночь, и все внутри горит, и нечем потушить. Между прочим, читаю Генри Миллера, причем на словацком, а не на чешском — труднее и непонятнее. Но делать нечего, коль аглицкого не знаю, французского не знаю, немецкого и узбекского. Читаю еще изредка А.Ника, и плачу, и смеюсь, и ...

22-25.02.1975

22.02.75

Что же касается трех К, то и его я видел два раза. Первый раз мы с ним выходили из его дома. Был снег, мороз, мы куда-то бежали, но нас остановил милиционер, стоявший у входа в парадное.

Второй же сон похож на твой. Я в гостях у него, что-то говорю, и все. Уже не помню.

Вообще, потом ты сможешь прочесть мои сны. Сегодня суббота, день скуки и молчания. За меня говорят жена, дочь. Я все время почти в горизонтальном состоянии лежу со взглядом Эллика (*Л. Богданова*. — Б. В.).

P. S.

25.02

Пока не отправил это письмо, делаю приписочку. Ты приснился мне вчера вместе с твоими родителями. Ты лежал в ванной, а я им рассказывал целую ночь, как из слив делают повидло.

17.03.1975

Почему 100? Не знаю. Скорей всего, из-за моего незнания арифметики. Т. е. легче считать, когда $100 + 100 + 100 = 300$. Поймешь ли ты меня, брат. Любовь к простоте. Но в последнее время еще одна цифра появилась — 80. Что это за цифра — это 80 страниц тетради. Таких тетрадей должно быть десять. Итого: $10 \times 80 = 800$ страниц или же 400 листов. Чего? А вот этого-то я не могу пока сказать, хотя уже и намекал. Обратил ли ты внимание на текст о юном Вертере. Что-то о нем ты не писал мне. Там было написано, откуда этот текст взялся.

<...> Я, наверное, скоро поседею. Но я в этом не виноват. Тебе никогда не хотелось быть скатертью. Мне хочется все время. Скатерть — это праздник. Чистая белая скатерть.

Ты мне постоянно снишься. Уже и не помню как. Все снятся. Вот, например, К-ов во сне мне сообщил, что его брат развелся с женой. Она, мол, уехала в Белоруссию с ребенком и у К-ва осталась вся квартира. Он радовался — про-верь, так ли это!

М. Щ. мне во сне лезла в штаны, что-то говорил Витя, что-то важное, но я забыл. Эллик радовался — был он страшно толстый, словно его надули. Бегла веселая Ирка Е-ская, что-то щебетала.

Много снов, много песен.

Читаю Керуака. Читаю мало.

11.04.1975

Три дня я вижу сны, где неумолимая бабушка приходит ко мне довольно лукаво. Покажется на минуту, что-то скажет, а потом целый сон ее ищут. Но нахожу почему-то только родственников. Вчера, например, там было что-то удивительное. Отец мой пытался меня уверить в том, что он жив — это, вероятно, в связи со встречей с бабушкой, если таковая произошла. Было довольно страшно, т. к., вероятно, усопший меняет свой вид или, как бы правильнее сказать, теряет память о своем облике. Вот еще сегодня получил твое письмо из геенны, а вчера рисунки. Если хочешь знать, как там, то, пожалуй, тебе ответчу — вероятно, скучно. Тем более, когда тебя изредка заставляют вернуться в свою бывшую оболочку.

Там темно и неподвижно. И неприятно чувствовать себя мертвым. Не то чтобы жалко было прежней жизни, а оттого что нельзя пошевелиться. Еще видны звезды. Думаю, что родственность — это не так просто. Люди там не просто так встречаются, а родственник к родственнику, как бусинки на ниточку нанизываются. Образуются какие-то новые корни, члены, так что встреча неизбежна — помри ты на Луне или на Марсе. Будешь нанизан, как шашлык на пикю. В общем-то, под этим подразумевается еще что-то. Или, как я уже давно говорил, тело умирает, а душа даже и не улетает, она, наоборот, уже не прилетает ежесекундным импульсом — запрограммированным, между прочим. Еще Достоевский предполагал, что Земля с ее многонациональностью — эксперимент. Представь себе остальные миры, где только японцы развиты или турки. Тут же происходит каждодневное кровосмешательство — путь к синтезу под названием Человек — Бог. Периодическое распыление народов по свету — смешанные браки, войны и т. д.

На Россию пришли монголы.

На Египет — арабы.

Цыгане и евреи, как наиболее жизнеспособные, слоняются во всем свете. Возьми меня, к примеру.

Чехия была под немцем и евреем.

В Польше евреи, и чехи, и те же немцы.

Словаки — это венгры, русские.

Америка — !!!!! (Это уже прообраз будущего) и, между прочим, неплохого, свободного во всяком случае (и глупого).

Не буду далеко залезать, хватит фантазировать.

18.04.1975

Получив твое очередное письмо, перед получением которого ты мне приснился, по его поводу хочу пофантазировать.

Поскольку СПб — это черно-белый город или же серый, в котором падает дождь, снег и светит солнце — в городе больше всего уживается графика, живет графика и фотография. (Письмо, в котором ты пишешь об ангеле на Дворцовой площади.) Что хочу этим сказать. Хочу сказать о видах СПб. По моему мнению, ты смог бы выразить дух черно-белого Петербурга следующим обра-

зом. Опираясь на твоего ангела, смешать виды одного города с людьми — живыми и мертвыми. Все в кучу.

Вот и нарисуй: падающий ангел на людей (пусть это будут знакомые лица, как-то: Петр I, Пушкин, К-в, К. К. К. и я) с открытыми ртами. Ты же с карандашом, как Брюллов в «Гибели Помпеи».

Тушь еще существует и красная. А поскольку солнце — красное, можно смешивать — черно-бело-красное.

Восходящее или заходящее солнце над памятником Петра Великого, который должен приложить козырьком руку и смотреть вдаль, вниз или быть без головы с козырьком руки, весь в зеленой (зеленая тушь) паутине. Помню твой рисунок (очень хороший) трамвая, в котором люди. Пусть там еще в одном трамвае будут знаменитые люди. Или памятник дедушке Крылову на грузовике или в трамвае.

Не обязательно сходство — черты, черты намека.

Ангел падший. Казанский собор в разрезе — в виде скелета атеистического. Мелкий бес с птицей, которую Варвара не заметила.

Смотри лица писателей. Нарисуй лишь их бородавки, носы, рты. Мостовая СПб, из которой вместо травы растут пальцы, два пальца, крестящие кого-то.

Гоголь и черт. Невский проспект во время огненного дождя. Темные личности, все с поднятыми воротниками. Кепки, фуражки, береты, шляпы, шляпки, косынки, волосы, волосы дыбом. Волосы из глаз, из ушей, изо рта! Парк, где все деревья окутаны колючей проволокой. Сплетение мостов. Нарисуй СПб как торт — торт, разрезанный на кусочки, и кто-то эти кусочки пожирает, глотает и давится ими. Петропавловка (см. «Сорокина» моего у В.Э.) (*Владимира Эрля*. — Б.В.). Обязательно цыгане, гадающие на руке Ф.М.Достоевского.

Раскольников, который воткнул в дерево жизни топор и лег загорать. Акакий Акакиевич летит на шинели над иглой Адмиралтейства.

Как можно больше кошек.

Бабка говорила как-то, что трамваи останавливались, когда крысы шли на водопой у Бадаевских складов. А кто впереди них шел с дудочкой, кто? Кто их вел на водопой-то?

Еврейские лица вперемешку с круглыми простоволосыми русскими.

Дома желты. Реки и Нева, как в Китае, желты. Разрушенные мосты.

Идея-фикс или птица Феникс — павлин СПб.

Фонари, в которых вместо света глаза сияют сексуально. Голые люди жмутся под дождем, под зонтиками с портретами, с бутылками.

Расстрел: человек у стены, солдаты ему в лицо плюют. У них нет ружей. Они лишь плюют, и первый долетевший плевком убивает человека, стоящего у стены, на которой, может, что-то написано.

Голова человека, в которой головная боль в виде СПб.

Великая мастурбация города — он или она.

Дома, в которых нет окон, дверей, а лишь щели в виде <...>. Человек заползает в щель, и видны лишь зубы, которые его раскусывают.

Красивые девичьи лица и тело мужское с членом — эмансипация. Длинные волосы — хочется всем быть гермафродитами. Никому Афродитами.

Город — аквариум.

Огромная открытая книга, и люди — букашки перед ней, головы задирают, читают, а на глазах у всех черные повязки.

Люди с крыльями птиц, с клювами или крокодилы со слезами умиления бороздят воды Невы.

Сотвори еще один памятник С. П-ху!

24.04.1975

Если ты прочтешь текст мой и согласишься, будем людей на твоих рисках (кроме Херувима) называть еще и Догменами (что означает, как ты и догадался, собака-человек, или человек-пес, или сука). Эти Догмены мне приснились, и не просто как живые, а с названием. Вчера же я видел такой сон:

Ворота в усадьбу. Вдоль забора деревья. Вместо листьев на деревьях были буквы. Если присмотреться, то буквы составляли слова и предложения.

Но я, к сожалению, ничего не запомнил. Только подумал: вот бы эти деревья выкопать, да к себе во дворе посадить. Как ты думаешь, было бы это дерево познания?

Снились еще какие-то бабы, да уж не помню (приятно было, не спорю).

Болят зубы от нехватки витаминов, душа болит. Дом продолжает сниться, и каждый день или каждую ночь я хожу по комнатам, ругаюсь с мамой, кому-то звоню и ищу М.=С. (*Малую Садовую*. — Б.В.), но не могу найти.

Каждый день приходит бабушка, но знаю, что это не она, а просто мои воспоминания.

Стараюсь теперь записывать сны по утрам, потом сравниваю с событиями дня. Почти всегда сходится. Видел во сне (на прошлой неделе) уют, а вчера точно такой же нашел. Только он соседский, не знаю, как и подступиться.

Вернулись из кина. Старый (1969) фильм Брессона «Кроткая» по Ф. М.Д-му. Скучный и нудный фильм, зато увидел совсем молодую и начинающую, ту прекрасную, которую мы лицезрели в «Конформисте».

Ах, ах, ах!

Зубы продолжают болеть. Мало витаминов, пришли пучок зеленого лука.

Интересно, получил ли ты мое предыдущее письмо с предложениями. Я, по правде говоря, его как в бреде писал, хотел переписать, да плюнул. Чего там, мы ведь родственники.

29.05.1979

«Красный пароход» мне не очень-то нравится, но я шлю уже все, хоть вы почитаете, а не только я.

Целую тебя твой брат

Коля

Это будет письмо № 95 В.Э. (тексты), а к тебе № 88

Пока

5.06.1975

Как тебе нравятся наши родственники в моих рассказах. Я их уже увековечил, значит, они уже не умрут никогда, если даже и умрут.

23.07.1975

Твои предложения мне понравились, но некоторые эпизоды из жизни наших родственников мне неизвестны. Как я буду об этом писать, если их не прочувствовал, не смаковал. Хочется правды, т. е. кайфа. Пишу кайфово только тогда, когда вижу все перед глазами. Но увидим, буду ли вообще продолжать, по крайней мере, теперь. Если так говорить, начаты сразу три книги. Письма-проекты, эти самые родственники и..... Но фотографии пришли — с радостью их приму. Фотографии обязательно пришли, если не жалко. Может, будут еще какие-то письма наших родственников. А?

22.09.1975

Вот уже вторая неделя пошла моей службы. Ничего другого не делаю, как сплю: на работе, потом дома и еще дома. Много снов в связи с этим, некоторые жуткие. Сняты готовые тексты, какие-то письма, вижу книгу с цветными репродукциями фотографий и картин, которых никогда не видел. И много другого чего еще снится.

26.09.1975

Сегодня шеф сказал, что я работник с перспективой, т. е. не умру быстро среди остальных стариков-сторожей. Те, остальные, после этих слов зло посмотрели на меня. Мол, еще молодой.

Организация инвалидная — но на них не видно (на стариках и остальных) физических дефектов. Скорее всего, это просто пришибленные — очень уж глупо улыбаются.

2.10.1975

Поэтому все как было, так и будет, все как будет, так и будет, если даже все будет, все будет так, как должно быть, и не нам и не любителям быть или не быть, будет, как должно быть. Во всяком случае, еще не известно, бытие это или небытие.

7-8.10.1975

7.X.75. Прага.

(Сидя на работе)

Снились сны: бабушка моя убирает туалет у Тучкова моста, т. Паня и еще кто-то. А утром пришло письмо от тебя с фотками («уборщицей была»). Меня это уже не удивляет. Вот еще видел, как меня убили (раз двадцать, и все разными способами). Но эти сны-смерти от неудобных поз спящего сторожа. «Ах, больно кусаются собаки!» Моя же фраза, но тогда на стоянке только собаки и кошки кусали, а тут убийства. Нет дивана — вот что плохо. Кроме того, могу тебе сообщить, что дух моего отца начал, стал курить сигареты. Да...

Вообще-то память о мертвых родственниках портят они сами, показываясь в отвратительных позах и с ужасными гримасами. Вообще-то все они злы на меня, даже не знаю отчего, то ли оттого, что я уехал от них? От их могил. Или же оттого, что я отважился о них писать?

27.10.1975

Сажу на службе, читаю роман о Вийоне аглицкого писателя. Увлекательное чтение. На улице туман. Не знаю, что делается дома. Жена должна вот-вот родить, и я уже неделю жду, но пока ничего. Может, утром приду и... готово... Во всяком случае, довольно страшно. Не то, что родится, а то, как родится.

Боюсь. Боюсь спать, чтобы не увидеть снов, но все равно спал, и были они туманные и неконкретные. Вчера видел отца, мать, Витьку и себя на лестнице. Ну, об этом написал уже подробнее. Не знаю, сообщил ли тебе В.Э., я собираюсь, вернее, уже дописываю сборник снов (41 шт.). Может, будет больше или меньше, теперь почти не пишу, жду, когда волна страха отхлынет. Это уже второй раз так. Надеюсь, что третьего не будет, была бы это катастрофа. Двое детей уже много, хотя Бог и любит троицу.

Нас будет тогда четверо. $0+(1+2)=4$.

Нам всем, вероятно, суждено работать до смерти по ночам. Ничего другого, т. е. другой работы я уже не могу представить. Только вот уже не могу на работе писать, очень мало. Дома тоже — вечером хочется спать, и днем я сплю.

Снова круги (круги под глазами), время бежит, и я начинаю понимать, что история — это вчера. Сегодня — завтра уже будет историей.

Я тут слышал по радио, что в Америке, Мексике и Бразилии будут продавать картины советских художников, официально, через универмаги. Что ты об этом слышал?

17. XI. 75. Прага

Завтра напьюсь. Обязательно. Как свинья. Вру. Завтра буду на работе. Работать буду.

Послезавтра напьюсь. Обязательно. Как свинья. Как поросенок. Как лошадь. Как тигр. Буду переворачивать мистические столы. Буду рыдать на прекрасной груди прекрасной незнакомки. Буду ей туда лить слезы, вино, блевотину туда.

Туда — это между ее грудей. А потом пройдуся по тропинкам меж ее холмами в тапочках. Специально куплю для этого завтра новые тапочки. Ноги послезавтра помою в ручье детских слез.

Завтра увижу день и буду его приветствовать ругательством отборным. Ах, скажет мамаша! Что еще она скажет, что закричит. Скатерть новую постелю на стол. Руки на нее положу — венами вверх.

Нож острый возьму и нарежу тоненькими ломтиками колбасу. Капля слезы моей ляжет на сыр. И будет он со слезой. Соленький. Ах, как я завтра. Нет. Ах, как я послезавтра.

Как я, ах!

Я,
твой брат
Коля.

26.11.1975

Книг гораздо больше, чем ты себе можешь представить. Я этому факту ужасаюсь и отказываюсь от коллекционирования книг, хотя и не полностью.

Вчера один мой знакомый в кабаке за пивом три часа читал список книг, которые у него есть и которые он хочет достать. Читал название, автора, год издания. Память энциклопедическая. Только вот не знаю, есть ли у него время на чтение книг. Работает он в антиквариате с 8 до 5, а потом обычно пьет пиво и спит. Кроме того, пишет статьи о поп-музыке. Я от его речей заснул за столом вчера. Дома меня ждал ледяной прием.

Не так-то все гладко, хотя и утюги стоят в ряду. В.Э. не пишет. Что с ним? Пишу изредка, но лень переписывать. Все жду чего-то.

12.12.1975

Еще я видел такой сон:

На кухне вроде. У газ-плиты тетя Оля, а в кухне же еще и бабки наши, но в стороне. Вхожу я в эту кухню и тетю Олю шлепаю по жопе — мол, пора. Иду к окну и высовываюсь из него, рядом в комнате тети Клавы две девицы, внизу тоже две девицы, и все четыре меня хотят.

Далее: священник местной чешской-братской церкви мне объясняет какие-то догмы и сам же меня экзаменует — я должен был назвать имена всех братьев Иосифа. Я вроде ответил на этот вопрос, и священник стал на бумаге рисовать руку, вернее, то, что рисую я обычно, когда не знаю, что делать, и скучаю, а потом, указывая на каждый палец, начиная с большого, объяснил: большой палец — это род Иакова, все остальные пальцы — последующие роды (поколения). Я вспомнил тут же руку Христа, и Иоанна Крестителя, да и святых всех с двумя пальцами, вроде как говорящими «на двоих», а на самом деле означает этот знак, что «два рода». А что «два рода», спасутся, что ли?

3.01.1979

Пиши, пиши, потом издадим архив братьев Аксельрод, как был издан архив братьев Тургеневых, или, по крайней мере, согреемся, когда не будет дров.

22.01.1979

Что же касается архива, то я час от часу переписываю твои и чужие письма, которые еще получил в Л-де, и вставляю их в свои альбомы как страницы.

27.02.1979

Сразу два письма получил от тебя. Первое с Щедриным, второе с Крученых.

Щедрин действительно гениален. Эта цитата является Первой возвышенной правдой Будды о Страдании. Так что Щедрин был, вероятно, буддистом.

Второе письмо о Крученых. У меня тоже есть портфель, вернее, такая сумка, вот только что в нем носить, откуда брать литературный материал? Вот я и нахожу, ищу совершенно другой, т. е. весь мой архив (кроме писем) давно в альбомах, а я теперь клею, вклеиваю всякие вырезки (смешные), фотографии неизвестных мне людей, но, на мой взгляд, смешных и пр.

Все зависит от моего настроения, не вклеиваю, а творю. Так что вряд ли это будут чисто литературные альбомы. Всего их пока 11 штук. Может, будет больше. Теперь нет настроения и, главное, материала.

Вечер. Это я с работы пришел. Буду читать Сологуба на чешском языке.

19.03.1979

Читаю «Осень патриарха» Маркеса. Не знаю, какой был перевод на русский, а по-чешски это сплошные ругательства... Русский перевод наверняка был культурненький.

22.04.1979

Уходя с работы, обернулся, столб пыли несся за мной вслед по грязному двору. Вот и я, подумал я, пыль. Пыль меня догнала, ударила меня в спину, понесла с собой. Трамвай приехал, я уехал. Сделал круг, спешу на работу. Спешу, как на свидание с девушкой.

Открываю все свои шкафчики, достаю из них разные вещи: чайник, коробку с чаем, сахар, стакан, ложку.

Достаю книги, зажигалку, сигареты, бумагу, авторучку. Сажусь в кресло и застываю на восемь часов.

После все убираю. Чистую бумагу, авторучку, зажигалку и т. д.

И, говорю я, снова круг. Не выбраться из круга. А завтра понедельник!

30.04.1979

Кончил читать американский роман Роберта Руарка «Медоежки», 700 страниц глупости в свое время (1965) модного романа. Теперь он модный тут. Это что-то вроде «Крестного отца», «Аэродрома» и т. д. Теперь не знаю, не решил еще, что буду читать. *Читайте братьев Аксельрод!*

17.05.1979

Я вот сегодня свои бумаги перебирал и решил посылать тебе приложения к «Избранным местам из переписки со мной».

Приложения под названием «Неотправленные письма». Вот сразу и посылаю письмо № 1. Лучше не надейся, что их будет 100. Пишу — изредка, смотря по настроению, что найду. Придумывать специально пока не хочется. Не знаю, согласишься ли ты с этим предложением. Напиши сразу. Будет новая (надеюсь, толстая) книга!

6-13.05.1979

Вот уже третий день на работе, ничего не делаю. Завтра, слава Богу, выходной день, и я перепишу еще один текст. Как оказалось, их не так уж много,

этих неотправленных писем, но кое-что есть. Я теперь мало пишу, больше думаю о том — как писать. В какой форме. Все современные романы — это возвращение к реализму, натурализму и даже к слишком большому натурализму; неонатурализм, или копание в собственном говне. И картины и фотографии страшных голых баб с грудями до пупа и мохом огромных размеров. От сюрреализма — к реализму... странно? А людям это нравится, особенно литература фактов. Вообще, люди теперь гоняются и покупают любую вещь, которую сделали человеческие руки, а не машина. Скоро таких вещей не увидишь, и они день ото дня будут все дороже и дороже.

Все старое — ценно. Все новое — бесценно.

14.05.1979

Сегодня в ночь на работу. Тьфу, тьфу и еще раз то же самое.

Видел сегодня, наверное, 100 снов. Старые бабы и Аракчеев (*Игорь Аракчеев — один из завсегдатаев Малой Садовой в начале семидесятых.* — Б.В.) в пражском автобусе. Зачем и почему?

27-30.05.1979

Вот что теперь придумал!

Наша книга будет состоять условно из 3-х частей.

То, что ты посылаешь мне, то, что я тебе, + часть третья. *Письма. Цитаты. Документы.*

Это твои письма или цитаты из твоих писем. Кроме того, письма вообще кого угодно и документы, которые мы выдумали и выдумаем сами. Так что будут, вернее, посылаю уже 2 письма из третьей части. Ты ее, 3-ю часть, можешь дополнить по своему усмотрению или же выдумать часть 4-ю.

Во дела. Даже дух захватывает. Гуляш мы с тобой, брат, начали варить, больше перца, больше мяса, больше соли!

31.07.1979

Сны сумасшедшие и все о Л-де (*после поездки на родину.* — Б.В.).

Вот недавно. Звонок в л-ой квартире. Баба какая-то несимпатичная в дверях. «У вас, — говорит, — должен быть Витя Кривулин». — «Проходите», — говорю и приглашаю ее в комнату брата. Через некоторое время снова звонок, и снова несимпатичная баба в дверях. «У вас, — говорит, — должен быть Витя Кривулин».

И ту пускаю в комнату брата к той первой. Они и не поздоровались, сидят молча, ни гу-гу, друг на друга смотрят. «Да вы пристальней другу другу в глаза посмотрите, да поцелуйтесь покрепче!»

Я даже их обеих за спины взял, пытался их друг к дружке пригнать, а они не хотят. Но тут звонок! В дверях Витя Кривулин в синем костюмчике, за ним дядя Владя, дядя Сережа. Бабы тут же вскочили и побежали наперегонки к Вите. И началась тут такая пьянь. Тетя Галя еще сказала: «Мы на кухне посидим, отменно, а вы в комнате можете».

Уж и не помню, как дело кончилось, проснулся я — свет Божий увидел.

25.07.1979

И снова двойники — как в твоей книжке («*Записки блудного сына*». — Б.В.), прочел и очень доволен, более того, счастлив, что прочел, — мне потом слова приснились. Да... Но еще ни одного (сна. — Б.В.) не записал нового. Вчера письмо тебе послал 2-е и в то же время 1-е с текстами. Понемножку разбираю почту и удивляюсь — как все люди ко мне хорошо относились, лучше, чем я к ним, лучше, чем я к себе. Все это мне кружит голову и волосы тоже.

31.07.1979

Сию на работе. Недавно проснулся и тут же записал два сна. Вот те и раз — снова пишу!

Вчера под впечатлением Чукковского докончил еще одну книгу. Надо бы ей дать название, хотя бы условное (этим моим семейным альбомам), т. к. в ней, м.б., есть тексты, которые я бы хотел включить в «нашу переписку». Этой книжке, т. е. переписке, мы бы тоже могли дать условное название? И забыли. Подумай, пожалуйста, об этом с В.Э. (Вл. Эрлем. — Б.В.).

Прочел книгу футуристов (Анны Ры Никоновой–Таршис и Сергея Сигея. — Б.В.) — как ты думаешь, можно ли им письмо написать — там и адрес есть?

<...> В принципе мне их книжки понравились, графика и т. п. Только текст надо было бы от руки (текст воспроизводился при помощи трафарета. — Б.В.), не разберешь, или это специально? И та книжка, которую ты мне показывал (книга Сергея Сигея «*Одуряка*». — Б.В.) — свитки, — тоже неплохая. Но на все надо было время, я нервничал почему-то и теперь себя кляню, что ничего не успел и не смог предпринять. Здесь все то же, все та же пыль, все те же сопли, и все то же говно. Однако спокойно.

Моя переписка теперь будет дорогая, почта подорожала, почти на 50%.

11-12.08.1979

Мои письма опять очень долго добираются до вас. К маме шло письмо 3 недели. Так что жди и не сердись, что я не пишу. Вчера переписывал единственное письмо Миронова (поэт Александр Миронов. — Б.В.) ко мне. Письмо это с вариантами и пришло ко мне в одном конверте (1973 г.) Так что я перепишу его целиком и pošлю в понедельник В. Э. Он может выбрать, что будет хотеть (и ты тоже). А вообще это письмо интересно как некий документ, еще не знаю какой. Все это мои догадки. Подожди, налью чай. Читаю книгу чешского художника и писателя-сюрреалиста И. Штипского «Жизнь А. Рембо». И снова — письма, письма, пьянки, стихи, путешествия и снова письма.

Вообще, читая эту книгу, думаю о В. Э. Посоветуй ему достать где-нибудь старые фотографии предвоенного Л-да, Курска, где был Даниил Хармс с А. Введенским. Пускай фотографирует дома в Л-де, где был Д<аниил>Х<армс> с А. Введ<енским>, был или жил.

Ах, какие красивые книги с картинками получаются.

Я переписал начисто 3-ю книгу снов, осталось перепечатать. 4-й не будет, а вместо нее нечто иное, сам не знаю что, но книга.

22.08.1979

Были сегодня в магазине, из «памятников» «Мед. всадник» и «Письма Швейцера», ничего не купили, нам и своих писем хватит, а в Африке теперь не то, а всадники? Читаю Джойса. «Улисс», конечно, — это «Улисс», а все остальное — игрушки. Кроме того, рассматриваю два тома французских: 1. История эротики, 2. Эротика в искусстве.

Очень хорошее издание, жалко, на время дали, жалко, читать не умею, а то бы прочел.

В.Э., конечно, не пишет. Так что ты его спроси — все ли получил? Футуристам лучше напиши и спроси — если захотят, дай адрес. Лучше 1-е письмо от них получить, я бы знал, как потом ответить — все-таки боязно — футуристы, а я (реалист?, романтик или хуй его знает кто?).

Вот, — как говорит моя мама, срывая сухой гриб, — вот так полозь!

2.09.1979

Что же касается переписки и смерти одного из участников, то я этому не очень-то верю. Дело в том, что после того как я переберу все письма, материала-то уже и не будет. Мне пишешь ты, В.Э. не пишет, Дм. Бор. (*Макринов*. — Б.В.) тоже уже нет. Я пишу тебе и все, ну почти все.

Так что после того как материал кончится, можно и не умирать, можно будет придумать какую-нибудь другую книгу.

Своим писанием мы откладываем смерть свою в сторону.

Так что — подумывай о 2-й книге. Я даже и не представляю, как она может выглядеть, во всяком случае, она не будет иметь никакого отношения к 1-й. Ни по стилю, ни по содержанию.

5-6.09.1979

Абхазия, где это? Что он (*Владимир Эрль*. — Б.В.) там делает? Я ему задал столько вопросов и ни одного ответа не получил. Колодец какой-то. Хотя он меня и предупреждал, что вряд ли мне напишет, хотя бы открытку мог бы послать из Абхазии. Мог бы написать, сколько стоят фрукты, мясо, вино. Как устроились, где питаются и т. д. Записки из Абхазии мог бы написать. Записки русского путешественника по горам Абхазии. А он, поди, вместо этого сидит себе в ауле и пьет чай с кумысом, курит, чай, и мечтает вслух издать всех Аксельродов. Пусть мечтает, мечты они хорошие и тихие, даже и Горский (*sic!* — Б.В.) ручей подпеваает им и гладит и без того гладкий камень. Вот что со мной делает 4-й стакан вьетнамского чая — мечтаю, как дурак, за другого. На этом кончаю тебе писать на работе, продолжение дома.

14.09.1979

Получил от тебя два письма. Итак, 73 у меня теперь с 1 по 15 стр. О'кей. Мерси. Спасибо. Вот, я не могу еще пока похвастаться продолжением нашей книги, но скоро, брат, скоро начну. Осталось на работе 2-3 текста переписать, и тогда возьмусь (на работе) за письма. Так что не теряй надежды. Сегодня

приснился В.Э. Предлагал каждому из нас перепечатывать книгу по своему усмотрению, чтобы их получилось 3. Одинаковых и в то же время разных. Но об этом мы вроде тоже говорили, так что сон этот запоздавший. Мои чешские слова в русских текстах, оказывается, уже не новость. Так поступал Джойс в своей последней книге. Из трех разных языков составлял одно слово, которое означало одно и то же в разных языках. Интересно, интересно. Хороший был человек. Я читаю Д.Конрада пока.

18.09.1979

Вот получил сегодня продолжение 73 года. Итого, у меня теперь 1-20 страницы. Спасибо.

Также получил письмо из Абхазии, от супругов Эрлев, и им спасибо. Посылаю тебе последний (пока) рассказ из повести «По пьяной лавочке».

20.09.1979

Транспорт (журнал Ры Никоновой и Сергея Сигея «Транспонанс», 1979, № 3, с. 52-53. — Б.В.) — смешной. Дело в том, что стихи пишутся сами, без всякой связи и традиции, как в голову придет, ну ладно, хорошо, пусть о них поговорят. Это хорошо. Это тоже творчество, выдумывать что-то, давать старым стихам новую жизнь, пускай!

2.10.1979

Я плюнул на сны и уже занимаюсь перепиской! Сначала все в тетрадки переписываю, а потом буду на машинке — тук, тук, параллельно со снами. Будь терпелив, всё пришло. Главное, лед тронулся. Насморк. Позавчера чистили в нашем проклятом доме канализацию, вчера тоже, потом с водопроводчиком и соседом напились. Вечером сосед пошел в уборную, уснул на горшке и проснулся на каменном полу с разбитым лбом. Я ничего, опоздал на работу и мучился похмельем, а вот теперь насморк, простуда и общее состояние хуевое, хотя и похмелился. Очень хороший стих ты мне послал, да, даю такое хорошее. Пью чай и мечтаю о сне, но еще рано спать-то идти. Был в кино 2 раза — все Америка. В центрах давно не был, не знаю, какие там книги. Денег мало, почти нет. А как только заведутся, так тут же в кабак родной, и с концами. За все это время написал две строки на чешском. Ну ладно. И без того уж понаписано. Вот и насморк, надо бы ром горячий, а где денег взять? Собираемся на 4 дня в Будапешт, но еще неизвестно.

26.10.1979

Вот, было начал посылать я вам отрывки, да вы что-то выдумали, какие-то инструкции. Для чего они. И без них мне ясно что посылать. Все самое, самое и т. д. Кроме того: на чем кайф ловлю. Ведь это книга импровизированная и пишем мы ее 3. Так зачем же одному другого ограничивать в чем-то, и по неизвестным, м. б., даже личным, причинам? Ведь это неинтересно будет. Я вот боюсь, что В.Э. придумал какую-нибудь сухость, сухоту (редакторскую). Боль-

ше всего меня раздражает порядок. Мы с тобой об этом говорили — помнишь? Или уже не вспоминаешь?

Эта книга не архивный материал!!! Это просто должна быть книга — ничего нового! И оригинального.

Может быть, я заранее преувеличиваю, но вот, не получив письма (порядочного) от Вээши, не знаю, что и подумать.

3.11.1979

В.Э. так и не послал руководство к действию. Так что буду продолжать без руководства. Осмелюсь доложить, что в настоящее время сижу на работе. Суббота, завтра воскресенье. Что-то ты делаешь теперь, дорогой брат!

8.11.1979

<...> Тут вокруг да около были всякие дела, и «темные силы», вероятно, посетили наш домик, когда мы были в Дубе. Ничего не улетело, но я кое-что заметил. И та тетрадошка не так лежит, и тот альбомчик. Однако мне не хочется этому верить, и я думаю, вернее, пытаюсь вспомнить, как я пришел домой и сам все перевернул вверх тормашками, но не могу вспомнить. А вообще-то мне все равно. Да, жалко, что Крученных не можешь купить. А что, нельзя занять денег?

<...> Ах — деньги — где вы, почему на деревьях не растете, суки вы зеленые, красные и коричневые!

15-22.11.1979

Получил от тебя письмо сегодня, а вместе с ним пришло и письмо от Вээши. Но его письмо, по его словам, — это предисловие к тому большому, которое, по его же словам, вы вместе мне и пишете. Может, все-таки я его получу — а?

Переписывая отрывки из твоих писем, я убедился в одной вещи.

Наряду с отрывками я собираюсь также посылать переписанные целиком все твои письма. И вот почему: это обильный материал не только для нашей книги в 3000 страниц (я согласен на 3000, если их столько наберется), но и материал для твоих будущих книг. Кроме того, ты или Вээша смогут выбрать, м. б., еще что-то, что я или пропустил, или не заметил. Ничего не поделаешь, это работы в два раза больше, но мне это делать будет приятно. Таким образом, как бы возникнет еще одна книга (твоя) — писем. Дай нам Бог здоровья! Спасибо за внимание!

Еще одна вещь, помни, я тут один, а вас двое, мне советовать не с кем. <...>

Часто теперь пишу в Ейск. Как только будет 100 их (писем-то), то можно к работе и Сережу — того, красавца. Что? Но надобно их 100.

24-25.11.1979

Я вот (вечер) в Дубе сижу. И покурить вышел на двор, снег увидел и подумал: как-то я тебе написал, что попутно с нашей книгой может возникнуть другая, потом я тебе написал, что собираюсь, кроме отрывков-цитат, что само собой разумеется, посылать тебе твои письма целиком перепечатанные. Еще

подумал, что давно ничего нового не написал. Ну вот: увидев снег, я решил, что, кроме того (выше сказанного), я еще на каждое твое письмо, начиная с первого, напишу ответ. Еще не знаю, в каком это виде будет, как это все получится, может, не на каждое письмо тебе отвечу, во всяком случае, постараюсь на каждое. Так что вторая книга в пути. Ты скажешь, что я с ума сошел, Вээша скажет, что я рехнулся, но я вот ошупываюсь, дергаю себя за бороду, и вроде все в порядке, вроде еще не сошел. Снег, брат, снег во всем виноват, и тишина в поле, тишина в лесу, в горах. Кроме того, пора за ум взяться и, конечно, начать писать, а то вот уже сколько месяцев, а ни одной новой книги не написано. Где это видано, где это слыхано. Жалко, что теперь под рукой нет твоего первого письма, *не то бы тут же бы начал, кончил*. На этом пока, --- твой ---- брат ----- еще ----- не совсем ----- того ---- Коля -----

27-30.11.1979

Вот сегодня я и перепечатал твое первое совместное с Виктором письмо ко мне. И тут же на него ответил. Итак, еще раз: буду и дальше перепечатывать все твои письма и стараться тут же на них отвечать.

Ты же можешь сам или с помощью Вээши брать цитаты из своих писем, которые понравились тебе или Вээше.

Я же буду продолжать присылать цитаты, которые понравились мне.

Таким образом, не будет неразберихи. Ты всегда сможешь сверить одно с другим.

Твои письма целиком и мои ответы целиком составят совсем другую книгу, и только твое личное желание или пожелание будет — показывать это Вээше или нет. Я ему без твоего разрешения писать об этом не буду.

Сегодня я получил от тебя 3 (три) письма.

Я не очень понял, что у Вээши с руками (или с головой?).

Он или боится оставлять на Земле свои автографы (может, слишком дорожит ими), или же, как он мне писал уже два раза, пытается мне писать письма как тексты, но этого у него не получается, и он злится и не пишет вовсе. Что же касается почтовых дел, то он, вероятно, лентяй в этом отношении.

<...>

На второй день моего рождения все эти разговоры привели меня к мысли не пить вообще, насрать на эту жизнь, заниматься дома писательством, мечтательством и сном цветным. И хотя второй день я пил еще с большим удовольствием, чем в первый, я мечтал о домашнем монастыре и радовался про себя нашей книге в 3000 страниц.

<...>

Получил от А. Таршис и Сига письмо + несколько картинок. Надо бы ответить, надо бы с мыслями собраться, да куда — пьянь, брат, срань, и т.д.

11-13.12.1979

Сегодня получил письмо от В.Э. То огромное, обещанное и сразу же ответил на него, но будет и продолжения. Все-таки я его недооценивал, мой брат,

и, как видно, совсем незаслуженно, каюсь, каюсь, каюсь. Мне теперь даже кажется, что у него больше пыла, нежели у меня.

Я переписываю то одно, то другое, с ума сойти можно. Каждый день роюсь в своих папках, и теперь там такой бардак.

<...>

Ты скажи-ка В.Э., что я его люблю и уважаю, ну, да я и сам ему это скажу, да. Плохо, что у меня нет 2-й машинки, приходится на работе переписывать в тетрадки, и дома стучать-постукивать, времени жалко, хотя чего его жалеть. Еще раз — что будет с твоими письмами, сказать об этом В.Э., или ты уже сказал. Я бы тогда и ему послал их (целиком и мои новые ответы). Скорей об этом напиши. Пожалуй, чем меньше тайн между нами, тем лучше.

12-13.12.1979

Сегодня, еще раз читая письмо от В.Э., я понял одну вещь. А именно: ту вторую книжку мне не осилить теперь, уж слишком много работы над этой первой, оказывается.

14-16.12.1979

Читаю и перечитываю письмо Вээши. Давненько я не писал, книг не читал, пора за ум взяться. Аураника Аураникой, но нельзя забывать и остальное. Мой коллега на работе подсчитал, что 3000 страниц будут готовы за шесть лет!!! Конечно, это уж слишком много, но все равно, т. е. мне кажется, что материала на 3000 у нас пока еще нет, скажем, с трудом на тысячу, а это почти весь материал 1973–79 годов, т. е. опять-таки за шесть лет. Значит, ох, брат, неужели мы будем готовы за 12 лет.

Пора уже начать подсчитывать: скажем, сколько мы истратим денег на марки, конверты и бумагу.

Ну ладно, это лишь смехуечки! Потом придут цветочки!

Мой архив оказался довольно бедным, о чем я и написал В. Э. (Я не говорю о письмах.) Чужих текстов у меня почти нет, а если которые есть, то они есть и у В. Э., т. к. или вышли из-под его пера, или же из-под его машинки. А уж копию-то он всегда оставляет.

Я начинаю рыться в бумагах, но сколько бы я ни рылся, знаю — мало, ой как мало всего. Т. е. не так уж и мало — но это ведь письма и т. д. Сам себе противоречу, закружил мне голову Вээша. И жена на меня уже как на идиота смотрит. Рождество на носу, уборка, покупки, а я все одно: книга да книга, стучу перстом по клавишам.

26.12.1979

Сегодня приснились Сигей, В.Э. и я. Мы сидели и пили портвейн. У Сига были короткие волосы почему-то. В зимней шапке Миронов мелькнул, гадость сказав, успев сказать.

15.01.1980

Получил от тебя письмо, одно написал сам, но отложил его в архив до поры до времени. Был у нас в гостях Б.Гурвич (*художник, один из учеников*

Филонова. — Б.В.) несколько дней, но тема о нем еще не созрела в моей холодной голове (у нас — 16°–18°). Гадость. Ноги — сосульки, и ром не помогает.

Большое тебе спасибо за рисы.

Твое письмо с тетей Олей, да, не слишком ли ты того? Хоть это и первая ласточка, однако, ласточка, которую все ждали, и удивляться тут не приходится. Я думал, что она умрет с 13 на 14-е. Старый Новый год, она его всю жизнь, как ни странно, отмечала и елку выбрасывала только после 14-го января. Вот и встретятся все там и попируют как следует, чего расстраиваться-то, радоваться надо. Отмучилась старушка. Вот и сон тут же. Стол, вроде праздник какой, и мне страшно и хочется сказать тете Оле, что она умерла.

А она потом сама сказала, что ее голову на две половинки распилили и что потом от воздуха нарыв образовался, вот и умерла поэтому. Но это после твоего письма, т. е. под впечатлением.

20-21.01.1980

Приехали из Дуба, вчера были в Яблонце. Сестра жены решила избавиться от коллекции маленьких бутылочек со спирт. напитками. Я выпил, наверное, 20, лучшие сорта, фран., нем., и чуть было не уснул в машине, когда возвращались в Дуб. Все-таки уснул перед телевизором. Ногам холодно. Их бы в спирт сунуть, да зажечь бы их. В ванной, в стене, в трубах замерзла вода, голову не вымыть.

Б.Гурвич критиковал меня за безграмотность. Не мог понять — для чего я пишу сны. Для чего? Ответ скорее, тебе виднее. Пиши больше для себя. Снова читаю твоего «Блудного сына», кайфую. В радио кошки мяукают. Наша работа совместная с моей стороны продвигается помаленьку, эх, приезжай-ка помочь! Пойду закурить. Через 10 минут будет 21-е; уже? Вот, ухажу курить. На холодной лестнице, холодно. Чай холодный на дне, я глоточком его, льется, льется, как свет из распахнутых настежь ноздрей. Пиши отдельные главы в Ауру. Как мы познакомились, скажем, и зачем, хе-хе. Напиши статью «Кому нужны сны?», или «Зачем нужны сны?» Зачем нужны нужники? В. Э. снова молчит. Получаете все. О сингулярной точке ни слова (*рефрен из «Записок блудного сына»*. — Б.В.), т. е. тсс! Сны снежные, сны нежные.

24-25. 01.1980

Хорошо же начался этот год, у нас тут большие очереди в крематорий, да! Того и жди, сажа полетит и ночью.

Читаю Осипа Э.М. Очень нравится. «Египетская марка» — это глава из «Улисса» г. Джойса. Вот оно, — сказал я и в голове почесал, таких бы 500 стр. написал, а не так коротко, то бы было бум, да и только. Ну, да и так хорошо. Писал мне и Сиг. Тебя все хвалит. И я всех хвалю.

И снова «совпадения». Мы тут о Филонове целыми днями с его учеником балакали, а ты мне его (Ф) письмом угрожаешь, да... И Д.Х. вспоминали, и ты опять-таки мне и им угрожаешь. Да что же это такое в мире деется? Это у меня глаза устали Вээшины письма-цитаты переписывать, уж больно бисероват почерк его. Ну. У Лизы ангина, у Кати вроде тоже. Я с ними дома буду до 31-го.

А потом 3 выходных, вот и выходит — оплачиваемый отпуск!!! По крайней мере, успею, сумею палец указательный сломать о клавиши.

—80

Я уже писал тебе о своем предложении каждому из нас троих написать по главе в книгу.

Это будет как «Расёмон» Акутагавы - Куросавы. Убийство — и все свидетели говорят разное!

6-16.03.1980

Бамбук только что родился, росточек всего в один цунь — и только! А уже появились сочленения и листья.

Родившись, он растет, пока его шероховатые, как крылышки цикады, колкие, как зазубринки на брюшке змеи, ростки не превратятся в острые копыя в десять синь длиной. Ныне те, кто рисует этот бамбук, копируют звено за звеном, листочек за листочком, — и считают, что это и есть бамбук. Ну какой тут может получиться бамбук? В старые же времена, рисуя бамбук, считали, что прежде всего нужно вместить образ бамбука в себя самого, держать в руках кисть, внимательно всматриваться. И тогда, когда разглядишь, что ты хочешь написать, стремительно браться за дело, привести в движение кисть и уже не останавливаться, дабы сразу же достичь того, что было до этого зримо: это то же мгновение, когда падает сокол на выпрыгнувшего зайца... Если потерять момент — образ бамбука исчезнет, будто его и не бывало.

Андрей Тат. Лос-Анджелес. 2008 г. Фото Татьяны Коваленко

История моего знакомства с Андреем Татом¹

Из писем А. Тата, (Лос-Анджелес) — Б. Констриктору, (Штутгарт). 1993 г.²

...По поводу же того, чтобы напечатать фрагменты нашей переписки, я вовсе не возражаю и даже благодарю Вас за заботу. Единственно — мне не хотелось бы, чтобы в напечатанных текстах были какие-либо строки, могущие обидеть ныне живущих. Это ни в коем случае не значит, что от слов написанных я отрекаюсь, но просто не хотелось бы, особенно публично, обижать людей.

6 января 93 г.

24 февраля 93 г.

<...> Не в переносном смысле, а буквально — я лунатик, то есть за неделю до полнолуния, не пробуждаясь от сна, я начинаю функционировать, т. е. ходить по квартире, что-то делать, иногда шарить по холодильнику и питаться и часто что-то писать. И, как правило, то, что мною написано в таком состоянии, более всего мне близко. Часто стихотворение я слышу во сне, и, пробуждаясь, пока не забыл его, записываю. Хорошо очень пишется во вторую поло-

¹ Неординарная личность Андрея Тата никак не укладывается в прокрустово ложе биографической справки. Публикатор решил предоставить слово самому автору, воспользовавшись его немногочисленными письмами.

² В настоящей публикации приводятся фрагменты из семи писем А. Тата, полученных во время полугодового пребывания моего в Akademie Schloss Solitude (январь — июнь 1993 г., Штутгарт). Скорость и надежность почтовой связи, а также мое временное материальное благополучие сделали нашу переписку интенсивной.

вину ночи полнолуния — просыпаешься буквально от физической боли в душе и, не в силах эту боль ощущать, топишь ее в алкоголе, и тут, как будто факс затараторил, пишется как из рога изобилия, и остановиться не можешь, но только светать начнет и птицы свой визг поднимут, перестает факс работать, и ты, испытывая полное физическое и душевное изнеможение, таблетку снотворного принимая, плетешься спать. К написанному недели две притронуться невозможно. Не подпускает оно тебя к себе. Остыть оно должно. И ты остыть должен. А потом, через пару недель, удивляешься написанному.

Но все это так, Борис, лишь в одном из масштабов. <...> Каждая ступенька — это новый масштаб, каждая площадка — сверхмасштаб. Каждому масштабу свойственны свои истины, не пересекающиеся с истинами масштаба иного. Разумом, мыслью можно эти масштабы ощутить, но следовать их законам ты не в состоянии, принадлежа масштабу своему.

<...> Кстати, Борис, как Вам ни будет странным это прочесть, но в России, в Питере, мы с Вами раз встречались. Вы, мне кажется, вряд ли это помните, ибо с кем только встречаться не приходилось в этом городе, особенно выпив лишку. Я не помню и семидесяти процентов людей, с кем меня сталкивала судьба. С Вами случай был особый. Об этом ниже.

Было это за полгода или за год до моей эмиграции. Для меня это время было очень плохое. <...>

Я стал сильно пить (это если говорить мягко). Время то я помню лишь вспышками. Большая часть этого времени осталась вне моей памяти. <...>

И вот один из таких вечеров всплывает у меня: каким-то образом я в какой-то квартире (знаете, Борис, это как во сне — отрывки всплывают и кусочками исчезают, а после память восстановить эти кусочки пытается, но иногда выдумывает для твоего успокоения). И вот какие-то люди в этой квартире как во сне ходят, и кто-то пьет, кто-то пытается декламировать что-то. Федотов³ с сопровождающими его «матильдами» шутками перебрасывается, и тут чей-то голос раздается: «Борис! Борис Аксельрод!», и слышится в ответ «Да», потому что ожидаю увидеть не Вас. И вдруг вижу незнакомого мне человека моего возраста, что, примостившись то ли в кресле, то ли на крохотном диване, подвыпив, похоже, вино через рюмку разглядывает и не очень-то в компании. Поворачиваю к нему свою раскрытую в уродливую хмельную улыбку рожу и спрашиваю: «Вы Аксель?», слышу: «Я» и не верю. В то время я близко дружил с Борисом Аксельродом по кличке АХЛ. Он был стар, как мой отец, но был тоньше душой. Несмотря на то что был членом Союза художников, работы его были хороши. У него были интересные мозаики в Таврическом саду, и он переоткрыл секрет «фаюмского портрета», и очень интересные работы делал в этой технике. В то время я уже лишился своей мастерской на Кустарном переулке и первый раз развелся со своей первой женой, так АХЛ приютил меня в одной из комнат своей мастерской на мансарде, угол Майорова и Мойки (по-моему, так, я уже позабыл, что Мойка, что Фонтанка), напротив Измайловского парка почти.

³ См. о нем ниже: письмо от 20 марта 1993 г.

Слушаю Вас, гляжу на Вас и ничего не понимаю. Выглядите по-другому, два имени те же самые, и пьян я несколько, а посему думаю — недоразумение. Глазами смаргиваю — Вы все тот же. Художник ли, спрашиваю. Художник, слышу ответ. По-моему, я устал и отключился после. <...>

Так вот я вас и вспомнил.

20 марта 93 г.

<...> Очень приятно, что книжки мои прилились Вам по душе. Вы спрашиваете, в какое время я эту вещь сработал? «Лоскутный саван». На этот вопрос ответить затруднительно. Я очень редко датирую мною написанное. Постараюсь вспомнить.

Мысль об этой книжке я начал вынашивать, когда мне было лет пятнадцать. Попытался делать наброски, но уничтожал их как слабые. Лет двадцать мне, по моему, было, когда я написал вставную главу (где глаза и пузыри), и она фигурировала самостоятельно под названием «Повесть о том, как я нашел Никифора и потерял его». За год до эмиграции, уехал я в сентябре семьдесят седьмого года, я начал продумывать каркас книги и делать некоторые наброски. Первую треть книги я запоем написал в Вене, ожидая визы на въезд в США. В Америку, в столицу мормонов, город Солт-Лейк-Сити (город Соленого озера): мормоны считали штат Юта — Новым Израилем, Великое Соленое озеро — Мертвое море; с одной стороны пустыни, с другой — отвесные горы и даже река Иордан. Я прилетел в марте семьдесят восьмого. За «Лоскутный саван» смог взяться лишь через полтора года (период абсорбции проходил нелегко) и запоем закончил книгу за полторы недели. <...>

Сказать, что был знаком с Владимиром Овчинниковым⁴, я не могу — на некоторых пьянках, которые плохо помнятся, знаю, что видел его. Лично, по-моему, знакомы не были. Мастерскую на Кустарном я обрел через год, как из этого двора Овчинников съехал.

Спрашиваете Вы меня, с кем я пересекался? В ранние свои годы много и тесно общался с Анри Волохонским⁵, он женат на моей тете, с Алешей Хвостенко⁶, со своим молодым дядей — Феликсом Равдоникасом⁷, пересекаясь с их друзьями. Помимо этих дядей, за исключением Бориса Аксельрода (старого Акселя), у которого я бывал часто, знал многих, но дружен ни с кем не был. По трезвости предпочитал быть с самим собой. А когда пил — влекло к особам противоположного пола. Года два, а может три, беспробудно пьянствовал с Володей Федотовым — он был создатель и руководитель Ансамбля Старинной Музыки. <...> Родился я на Одиннадцатой линии Васильевского острова⁸ и до десяти лет жил на мансарде в коммунальной квартире в большом семизэтажном доме, не-

⁴ Владимир Овчинников (р. 1941) — художник, один из столпов «газетовской культуры»; выставка в его мастерской на Кустарном (начало 1970-х) стала этапной в истории питерского андеграунда.

⁵ Анри Волохонский (р. 1936) — биохимик, поэт, журналист. В настоящее время живет в Тюбингене.

⁶ Алексей Хвостенко (1940 – 2004) — поэт, художник, автор и исполнитель песен; Хвост — культовая фигура питерского абсурдизма.

⁷ Феликс Равдоникас (р. 1936) — мастер музыкальных инструментов; в его мастерской собирались тогда вышеназванные знакомые Тата и многие другие будущие знаменитости СПб.

⁸ Андрей Владимирович Татарович родился 14 января 1951 года.

далеко от Малого проспекта. Потом мой отец, будучи скульптором и членом Союза художников, получил мастерскую и квартиру на Песочной набережной в доме художников. Там я и жил до своей женитьбы в двадцать лет, после чего переехал к жене и теще в коммуналку на проспекте Майорова, всего один дом (тот, в котором в дореволюционные времена был бордель, а в мои — травматологический пункт) до канала Грибоедова, прямо напротив школы.

<...> Согласен я с Вами, что пути наши перекрещиваются, я и сам это чувствую⁹ <...>

Помимо всего прочего, если вглядываешься в историю, трудно не заметить, что проводники творчества (люди, которые якобы «творят»), как грибы, вдруг целыми стайками из-под земли появляющиеся, а под землей грибницей соединенные, этими стайками появляются то в одних городах, то в иных. То в один (исторический) сезон, то в другой. И, так или иначе, всех их вместе судьба сводит. И настолько это постоянно, что стечением обстоятельств или случайностью это назвать уже нельзя. Да и случайностей, на мой взгляд, не бывает. Все уже существует. ВСЕ. А мы пробегаем по жизни, как электричество по проводу, и то скорбим, то радуемся, то скучаем или сетуем, то вдруг «совершаем» открытие и начинаем порою «себя за это уважать».

20 апреля 93 г.

<...> Очень меня повеселило, как Вы раскусили вещь под названием «Жизнь, конечно, нас не стоит». Действительно, задумана и начата была эта вещь именно как киносценарий. После того как я эту вещь начал, возник перерыв, когда не писалось, и было грустно. <...> Когда же я возвратился к «Жизнь, конечно, нас не стоит», то продолжал работу уже не как над сценарием, обогащая вещь сию монологами, рассуждениями, психологическими самокопаниями, то есть всем тем, что уже не для кино. Первичный заряд, однако, сохранил свою силу, недаром Вы эту вещь увидели как фильм.

29 апреля 93 г.

<...> С большим интересом и приятностью ознакомился со статьей Вашего совместного с Вашей супругой творчества об обэриутах¹⁰. ...Мне интересно особенно, ибо вырос из обэриутов и считаю себя прямым продолжателем их творческой традиции. <...>

Одновременно с письмом, отдельным пакетом отправляю Вам еще несколько своих книжек. Теперь за исключением МЕТЛЫ и БАРАБАНА (заканчиваю работу над чистовым вариантом и в мае Вам его вышлю) и поэмы ОДИН ЧЕРТ, что, по-видимому, будет издана в Питере в совместном сборнике (Очеретянский, Прокофьев, Горнон, Бирюков и я)¹¹, посему я ее Вам и не вы-

⁹ Ср.: «Как-то уж неприлично часто пересекаются наши жизненно-творческие ситуации. Может быть, Судьба решила, что некий дух слишком велик для единого тела, разрубила его как картофелину и вложила в разные материнские чрева? А потом для того чтобы дубляж не был столь явен, одну из половин выбросила на другой континент» (письмо от 20 сентября 1996 г.).

¹⁰ Таршиш Н., Констриктор Б. Историческая тема у обэриутов // В спорах о театре. СПб., 1992. С. 103-117.

¹¹ Пять поэтов «Черновика». Нью-Йорк; СПб., 1993.

сылаю, у Вас есть все мною написанное из того, что я сам имею на руках¹². Пьеса «Три богатыря и Тугарин Змей», написанная стихами древнекитайских поэтов, похоже, что безнадежно утеряна в Питере <...>

Однако, дорогой Борис, уже ночь, и посему письмо свое заканчиваю. Пью за Ваше здоровье водку, настоянную мною на многих травах вкусных и ароматных. Ее я закупаю в огромных бутылках и делаю различные настойки, которых хватает на неделю. А пока неделя не кончилась — другая бутылка уже настаивается. Пью, однако, умеренно и только после наступления темноты — чуть меньше пол-литра за вечер. Просто для приятного настроения и хорошего сна. Злоупотреблять уже нет сил, да и возраст не тот.

4 мая 93 г.

Моя фамилия Тат не псевдоним, но фамилия. Я ее официально изменил уже в Штатах, ибо янки с трудом произносили ее в длинном варианте. Кроме того, и мой покойный отец всегда подписывался Татом. То есть почти Абрам Терц, в горном его варианте.

17 мая 93 г.

Но вернемся к человеку, который не «был» и «не будет» — но который целиком есть. Что мы увидим, глядя на такого человека? Мы не увидим некое среднее человеческое существо с руками и ногами, глазами, сердцем и ушами и прочими иными органами. Но мы увидим некое волокнистое растение, внешне напоминающее лишай. Почему? А потому, что человек в пространстве, но в законченном своем состоянии без «было» и «будет» — это то, что заняло пространство за период своей жизни. Представим, что из человека исходит несмываемая краска, что сохраняется и в воздухе и в воде. (Для образности и облегчения понимания.) Так вот, всюду, где ты ни бываешь, ты оставляешь за собой след. Больше всего следов ты оставляешь дома и на работе, некоторые улицы сплошь в твоей краске, дома, в которых ты часто бываешь, сплошь тобой заштрихованы. Отдельные тонкие линии ответвляются в те направления, в которых ты путешествовал. Иногда они поднимаются в воздух, это говорит о том, что самолетом ты пользовался. А представьте, что окрашен каждый человек, что от сотворения мира ха-

¹² Привожу список имеющихся у меня изданий А. Тата, которые в большей части представляют книжки, изготовленные на ксероксе и иллюстрированные автором чаще всего в излюбленной им технике «клише-верр»:

Поэзия Диван в караван-сараяе (репринт с оригинального издания Анри Волохонского). Разрозненные стихи. 1987 (репринт с оригинального издания К. К. Кузьминского). Книжки 1990 года: Песни. Мрак. Двойные масштабы. Так себе, сижу на колокольне. Отсеките меня от меня. Человеком быть стыдно. Полевой дневник, или Фиалка в винном стакане (1974-1986), в шести частях. 1993: Пасторальная панорама (лирическая поэма). 1997: Потом ничего не стало. 1998: Книга без названия. Похвала бляде. Похвала импотенции (антиэротика). Страдания госпожи ЧЕН. Вишнемахия. Проза 1990: Назидательные небылицы. Избранные будни. В нашем подернутом ряской пруду (сказки для взрослых, на корешках фольклора русского настоянные). Крестьянские оторвыши. Сказка сияющих пустыков. «Наблюдения. Вымыслы. Настроения. Размышления. Ситуации». Жизнь, конечно, нас не стоит. День рождения наедине с подсолнухом. Лоскутный саван (части 1-2). 1993: Механическая жизнь (одноактная трагикомедия-коллаж), «Метла и барабан». 1997: Из ниоткуда в никуда. 1998: О том, как вкусно выпить.

живал по этой планете, — какое невероятное переплетение тканых линий. А ведь «окрашены и звери, и птицы, и всякая живность», и одни линии, производя потомство, выпускают из себя линии другие, с окраской иной, и не только люди. В результате оказывается, что вся планета покрыта странноватой грибницей, которая еще, может быть, породит грибы атомных взрывов.

Увидев, как люди и животные превращаются в некое подобие растений, невольно приходит на ум: а есть ли растения — животные и существа человекообразные, наблюдаемые нами в другой своей временной плоскости, что с нашей плоскостью пересеклась? <...>

История этой кассеты такова¹³: проводили мы с Еленой свой отпуск в северной Калифорнии, почти на границе с Орегоном, на берегу океана. И на этом самом берегу я вдруг обнаружил толстые, длинные, высохшие на солнце трубчатые водоросли, которые, ежели щелкнуть по ним ногтем, издавали звук звонкий и чистый, как ежели ты щелкнешь ногтем по телу хорошей скрипки. Я тут же ровно обрезал концы этих водорослей и протрубил в них, как в рог. Звук меня приятно обрадовал — он был живым, и звук от каждой трубы этих водорослей имел свой собственный характер. Я набрал много этих водорослей, и привез их в Лос-Анджелес, и сделал из них трубы. Потом я в них дудел и прислушивался, радуясь звучанию первобытных, срывающихся звуков допотопных жителей Земли. Я не музыкант и не композитор; инисколько на это не претендую. Я записал лишь звуки океанских труб, наложив их на бесконечную песню хрустальных бокалов, на разных уровнях наполненных влагой. Выпив три рюмки водки и воспламенив свечу, в этих звуках, не претендующих быть музыкой, очень многое можно почувствовать, и хорошо в них плавать. Думается под них тоже неплохо. <...>

18 мая 93 г.

<...> В присланной Вами статье¹⁴ Вы изрядно распространялись о летальном опыте, и я согласен с Вами в этом. Статья Ваша навела меня на мысль поделиться с Вами кое-каким личным опытом в этой области. Полагаю, Вам это будет небезынтересно.

В один из дней, лет семь-восемь тому назад, после затянувшейся депрессии, о причинах которой распространяться не стану, дабы не быть обвиненным в занудстве, решил я в очередной раз свести с жизнью счеты и принял около сотни снотворных таблеток, запив их для большей уверенности изрядным количеством спиртного¹⁵. Старуха, однако, принять меня не изволила, и пробудился я поутру в самом жалком виде. В то время жил я один, в небольшой квартирке в крошечном городке под Сан-Франциско. Проснувшись, я при-

¹³ Голоса тихоокеанских водорослей в сопровождении воющего хрусталя: песни первая и вторая. Продолжительность каждой — 20 мин.

¹⁴ Констриктор Б. Опыты онтологического диссидентства // Из архива «Новой литературной газеты». М., 1997. С. 54-56. Или: НЛО. 1997. № 25. С. 319-320.

¹⁵ «Я лично имел дюжину попыток, но судьба меня для чего-то сохраняла. Полагаю, что пытаться в дальнейшем — безнравственно. Нужно дочиститься в этом чистилище, что и делаю» (письмо от 3 февраля 1996 г.).

помнил, что давеча была устроена мной «прощальная пьянка», не увенчавшаяся успехом. Меня мутило, глаза были расфокусированы настолько, что различить буквы в записной книжке, которую я вытащил из кармана брюк, лежавших неподалеку, дабы позвонить на работу за помощью, я не мог. А помощь мне была нужна, ибо понял я, что на этот раз старуха от меня отказалась, но организм всяко отравлен, и это может оставить меня калекой. На ногах стоять я не мог, и пришлось мне ползти в другую комнату за увеличительным стеклом. И тут, в то время, когда я полз, началось самое интересное, то, с чем сталкиваться ранее мне не доводилось: у меня начались галлюцинации, причем такие яркие, что отличить их от реальности я мог только потому, что знал: пингвинов у меня в комнате быть не может, а человек, который то появлялся, то исчезал прямо на глазах, в это время должен находиться в совершенно другом городе.

Одно дело — знать, что существует такой эффект, как галлюцинации, а совсем другое дело — столкнуться с ними лично. Сие меня ошарашило — ведь сознание мое работает, я не во сне, я знаю, что это мне кажется, но вместе с тем и вижу и слышу это наваждение так ясно, что сомневаться в его реальности очень трудно.

Я дополз до середины комнаты и замер на минуту, чтобы отдохнуть. Любое движение давалось мне с большим трудом, а передо мной расхаживали два пингвина. Когда я поворачивался в другую сторону, они на время исчезали, но снова появлялись в другом месте. (Самое любопытное, что пингины! При чем они в этой ситуации?! Другое дело, ежели бы чудовище какое или какие неприятные люди — это было бы как-то объяснимо, а то пингины...) Я услышал, как открылись входные двери, и вошла моя бывшая жена, которой не могло быть в этом городе, но она вошла в ту комнату, по которой я полз, и стала совершенно явно разговаривать со мной, и четко я слышал звуки ее голоса и, поддавшись иллюзии, поддерживал разговор, и разговор был осмысленный и по делу. Потом она исчезла, а пингины продолжали расхаживать по комнате. Я спросил их, что им от меня надо, но они не отвечали. Сознывая, что это галлюцинация, я с трудом дотянулся до увеличительного стекла и пополз в спальню. При помощи этой линзы мне удалось различить номер телефона своего начальника по службе, я дозвонился и, с трудом ворячая языком, кратко обрисовал ситуацию. С трудом приоткрыл входную дверь и потерял сознание. Очнулся уже в госпитале, где меня обвешали капельницами, заставляли пить какую-то гадость, а затем оставили в покое. И тут галлюцинации меня посетили опять: на стене, что напротив моей койки, возникла большая книга в раскрытом виде, в старинном кожаном переплете, и я начал читать очень интересный и осмысленный текст. Когда страница дочитывалась, она сама собой переворачивалась. Я дочитал книгу до середины, как вдруг сквозь страницы стала вылезать большая красивая змея и вползать в параллельную открытую страницу, и долго виден был фрагмент ее струящегося тела, переливавшегося из одной половины книги в другую. Когда змея, наконец, ушла во вторую половину раскрытой книги, до конца мною не прочтенной, книга эта исчезла.

Уже потом, много времени спустя, припоминая этот эпизод, я поразился схожести этой галлюцинации (по своей символике и образности) с «видениями» религиозных аскетов и праведников, и это при том, что я человек ни в коей степени не религиозный.

И еще один урок вынес я из этого опыта: органы наших чувств настолько несовершенны, что далеко (не всегда) мы сможем отличить иллюзию от реальности. В связи с этим нередко закрадывается мысль: «А не есть ли наша реальность одна из затянувшихся иллюзий?»

10 июня 93 г.

С этим письмом шлю недостающую страницу из «Метлы и Барабана» — сам не понимаю, как меня угораздило в книге листы перепутать? Хорошо, что Вы успели заметить.

По поводу того, что Обломов есть образ буддистского святого, я полностью с Вами согласен¹⁶, ибо и сам развивал эту тему в беседах со своей женой лет шесть тому назад, почти теми же словами, что и Вы. Нас с Леной это весьма повеселило.

Получить же Вашу кассету с авторскими стихами, читаемыми Вами в скрипичном сопровождении, мне было бы очень приятно¹⁷.

Читая о Ваших эсхатологических снах¹⁸, припомнилась мне одна забавная со мной приключившаяся история, которой хочу с Вами поделиться. <...> В то время я находился в процессе развода со своей первой женой, о которой остались у меня болезненные и неприятные воспоминания. <...> Поскольку в мормонском штате на алкоголь наценки и продавался он всего лишь до десяти вечера, а не продавался по «викендам» и праздникам, а также из экономических соображений, сконструировал я превосходный самогонный аппарат и делал крепкие напитки высокого качества <...>

Словом, по жаре эти три-четыре рюмочки разморили меня и в сон потянули. Закрыв я двери свои на замок, окна закрыл и зашторил от зноя и отправился в спальню заснуть на часок. И вот тут-то начинается нечто необычное: проснувшись и открыв глаза (а спал я на боку) вдруг чувствую я, что в постели я не один, но лежит, прижавшись ко мне, особа противоположного пола. Судорожно напрягаю память — кто это и как это случилось? — но память сообщает, что и пьян я не был, и время свое проводил с друзьями, а после их ухода отправился вздремнуть. Пытаюсь повернуться, дабы взглянуть, кто это со мной? Но чувствую, что голову мою прижимают мягко, но настойчиво, чтобы я не мог повернуться. «Кто это?» — спрашиваю я. И слышу ответ по-английски: «Меня зовут Свобода. Во вторник ты познакомишься с моими родителями». Резко с силой поворачива-

¹⁶ См.: Ванталов Б. Записки блудного сына. Книга облаков // Конец цитаты. М., 1995. 0.21, 127.

¹⁷ Констриктор Б., Кипнис Б. «О О О» Кандада в трех частях: 1. Девушка и смерть. 2. Черное окно. 3. Три нуля (продолжительность 45 мин.): «Пару же дней тому назад — получил пакет от Кипниса с кассетой, вами совместно изготовленной. С большим интересом прослушал. Получился на редкость удивительный звуковой коллаж» — сумасшедший и сюрреалистический, как-то исподволь сильно ударяющий по эмоциям» (письмо от 14 января 1994 г.).

¹⁸ Констриктор Б. Протокол одного сновидения // Альманах Р. Елинина. Вып. 2. М., 1993. С. 157.

юсь, но существо это таинственное моментально, на глазах, растворяется в воздухе. А во вторник по почте я получил официальную бумагу о том, что развод мой закончен, а бумага эта является документом, подтверждающим мою свободу.

Я очень веселился по этому поводу, и так до сих пор и не понимаю, что же все-таки со мною произошло?

P.S.

2 мая 98 г.

<...> Появился хороший и милый человек Шура Черкасский. Он покупает холсты и краски, а я ему возвращаю готовые работы, что может быть лучше? Крыша над головой у меня есть, кусок хлеба тоже, материалы для работы есть, и о судьбе своих картин голову ломать не нужно. Деньги мне тоже не нужны — от них сплошная суета и боль головная. Словом, живу как за пазухой у распятого. И еще жалуясь, что жить лень.

Недавно к одному из холстов сделал такую приписку — эпитафию (поперед покойного батьки в пекло стремлюсь):

Путник, под этим холстом
покоится Тат полоумный,
старый брюзга-мизантроп,
что ненавидит детей.

Мимо пройдя — прокляни
его очень недолгую память.
Будешь ты с ним только квит —
он уже проклял тебя.

Ры Никонова и Сергей Сигей. Екатеринбург. 19... Фото А.А. Таршиса

Речь по случаю присуждения литературной премии имени Андрея Белого Ры Никоновой и Сергею Сигею

Жили-были у самого синего моря Ры Никонова с Сергеем Сигеем. Когда я впервые оказался в их хате, меня не покидало ощущение, что я нахожусь внутри летающей тарелки, — настолько все так контрастировало с окружающим миром. То же чувство я испытал ранее, знакомясь с творчеством русских футуристов. Уже тогда в моем воспаленном мозгу падение Тунгусского метеорита и массиванный штурм будетлянами ноосферы были классифицированы как явления одного порядка.

Это экспансия иного разума или, попросту говоря, Заумь.

Нашему обществу стоила огромного напряжения сил борьба с колонизаторами-заумниками. Но враг-пришелец хитер и коварен. Последнее усилие в изнурительной схватке с ним было предпринято в конце сороковых годов: знаменитое постановление о борьбе с космополитизмом. Надеюсь, никому из присутствующих не надо доказывать, что речь в нем шла о космической агрессии. Трагические обстоятельства помешали окончательному разгрому врага. Депортация всех возможных носителей гена зауми была прервана слишком рано...

Поэтому девочка Аня Таршис продолжала как ни в чем не бывало ходить с нотной папкой в музыкальную школу города Свердловска, а мальчик Сережа Сигов играл в городе Вологде в одной песочнице с Мариной Дмитриевской — будущим главным редактором «Петербургского театрального журнала».

Моя вербовка в Ейске в 1980 году была проведена гениально просто. Как-то смущенно улыбаясь, Сигей подвел меня к холодильнику, распахнул дверцу, и я едва не ослеп от представшего передо мной видения. Во глубине сибирских руд «Зила» сверкали пятнадцать бутылок портвейна «Золотистый». Согласно легенде они остались с поминок.

Портвейный коммунизм закончился для меня трагически. С каждым стаконом, просмотром свернутых в рулон картин (ибо их были сотни и на стенах они не помещались), чтением рукодельных книг, бесчисленных перепечаток футуристических раритетов моя мутация приобретала необратимый характер. С последней бутылкой из человекообразного литератора Борис Ванталов окончательно превратился в трансфуриста Б. Констриктора. Впоследствии метаморфозы зашли столь далеко, что я женился на родной сестре хозяйки дома.

Но если бы дело ограничилось только мной! Сладкая парочка затевает самиздатский журнал «Транспонанс», который очень быстро из семейного альбома превращается в национальный авангардистский заповедник. Тридцать шесть его номеров позволяют враждебным силам завербовать десятки, а если иметь в виду и читателей, сотни людей. А благодаря визуальной стороне, которая представлена исключительно оригинальными работами во всех его пяти экземплярах, со временем журнал «Транспонанс» становится одним из самых дорогих самиздатских изданий и хранится в престижных собраниях Европы и Америки. Заумный враг хитер и коварен!

Только этого мало нашим нечеловечески трудолюбивым пришельцам. Сигей устанавливает связи с целевшими инопланетянами Бахтеревым, Харджиевым, Гнедовым. О последнем умудряется выпустить книгу в Италии, а Бахтерев дает ему рекомендацию в писательский союз. Ры замахивается на искусство как Раскольников на старушку-процентщицу и создает капитальный труд «Система стилей», в котором препарирует лягушку культуры с энтузиазмом нигилиста Базарова.

Но и этим не исчерпываются подвиги ейских конкистадоров! Они обращают свой испепеляющий взгляд на Запад и вступают в большую мэйл-артистскую игру. В течение нескольких лет входят в лидирующую группу этой крупной международной тусовки.

Бывшая кубанская станица — мировая мэйл-артистская столица!

Жалкие попытки наших структур воспрепятствовать этому триумфу посредством местной почты бездарно провалились. Крючкотворец Сергей Сигов забрасывает Министерство связи жалобами, а на деньги, полученные в качестве компенсации за недошедшую заказную корреспонденцию, совершает очередные почтовые отправления во все страны того и этого света.

А кто только не отправлялся на поклон в ейское капище, как к Солженицыну в Вермонт. Вот только некоторые имена этих адептов Слова как такового:

Генрих Сапгир и фон Пригов, Владимир Эрль и Борис Кудряков, Михаил Рыклин и Анна Альчук, две Татьяны, Никольская и Михайловская, и единственный в своем роде Александр Горнон.

Американский славист Джеральд Янечек, автор монографий о русской визуальной поэзии и зауми, побывав в Ейске, признался мне в платонических чувствах к Ры и назвал ее звездой бессмыслицы второй половины XX века. Немецкий культуртрегер Петер Кюстерманн снимает о них видеофильм. Швейцарский мэйл-артист Фрикер привозит и закрепляет на доме табличку «Отель Никонова».

Но нашим героям что-то не сидится в этом отеле. Они активно участвуют в выставках ТЭИИ, выступают неоднократно в Клубе-81 и на разных площадках Москвы. Уже в эпоху перестройки отправляются на фестивали саунд-поэзии в Берлин и Будапешт. Затевают массу совместных изданий с мутантами из Италии, Германии, Франции, Америки, Канады.

Занимаясь аудио-поэзией в стиле «Нойс», Сергей Сигей психически травмирует десятки приподневнятных ейчан, ибо леденящие кровь завывания, раздающиеся за закрытыми ставнями, повергли бы в транс и выдавших виды столичных жителей, а что говорить о бедных обитателях райцентра!

И только с приходом к власти в Краснодарском крае атамана батьки Кондратенко этому заумному произволу был положен предел. Наши космополиты предпочли позорный исход честному повешению на платане. В апреле этого года, арендовав двадцатитонный контейнер, они на пароме «Инженер Сухорук» отбывают в Германию, к другому синему морю, в город Киль.

Как теперь чуден Ейск при всякой погоде! С какой самоотдачей работают его основные культурные центры: базар, вокзал и парк Поддубного. В местном краеведческом музее, в отделе живописи и графики, который возглавлял когда-то Сергей Сигов, разместилась наконец Прокуратура. А раньше, о ужас, там была первая в России выставка международной визуальной поэзии.

Но не все еще очаги заумного сопротивления сломлены в нашей стране, товарищи. Академия Зауми Бирюкова в Тамбове, визуальный шабаш Булатова в Калининграде, «Черновик» Очеретянского в Нью-Йорке... Впрочем, по обнадеживающим слухам Бирюков уже в Германии, Булатов в Канаде, с Очеретянским и так все понятно.

Не все еще потеряно для нашей культурной столицы. Замшелый авангард отступает с боями. Присуждение премии имени Андрея Белого Ры Никоновой и Сергею Сигею — вызов, на который ответят здоровые силы нашего общества. Бурное развитие стрелкового спорта в культурной столице позволяет надеяться, что уже не за горами переиздания «Счастья» Павленко и «Брусков» Панферова.

Люди, будьте бдительны! Счастливого вам Рождества!

*Оглашено
25 декабря 1988 года
В Арт-коллекции Санкт-Петербурга
по случаю серебряного голубя*

Л. Богданов. 1971 г.

Иноземец

Как потенциальному мемуаристу мне повезло — я никогда не был знаком с нобелями. В основном мне попадались на жизненном пути лауреаты премии Андрея Белого. Писать о нобелях плохо — скажут, завидуют. Писать хорошо — скажут, подлизывается. То ли дело лауреаты премии А. Белого!

Мои встречи с Элликом можно пересчитать по пальцам. Да и встречался я с ним не персонально, а всегда кем-то ведомый. Прежде прозы я увидел его картинки. Монотипии. В множестве они висели и лежали у Эрля. Потом дошло и до «землетрясений».

Но самое сильное впечатление в те коматозные годы произвел на меня сам Леон Богданов. Это был посланец миров иных. Ни советчины, ни антисоветчины здесь не было и в помине. Это было другое дело, а может быть, и другое тело. Во всяком случае, я до смерти не забуду взгляд Эллика. На память приходит аббревиатура «ППВ» (Памятники письменности Востока), а именно — «Алмазная сутра».

Глаз-алмаз. Каково же было мне, начинающему самородку, когда Эллик с Кириллом Козыревым в гробовом молчании, обмениваясь лишь взглядами, рассматривали мои прав-рисунки у Эрля на Гороховой. Из этого немного просмотра я вынес одно, два, три и четыре. В общем, много.

Леон Богданов представлялся мне неким пластическим совершенством, продвинутым вариантом Бастера Китона. Невысоким, угловатый, с какими-то совершенно особенными медленными движениям, он был инороден всему тотально. Это чувствовали профессора, дворники, милиционеры и т.д., и к.г.б.

Помню, как мы ходили на выставку Деревина в Русский музей: Богданов, А.Ник, его жена Зденка. Была фотография, на которой Эллик застыл с каталогом на углу Садовой и Итальянской (тогда ул. Ракова). А еще помню, как Борис Кудряков делал вылазку с Эрлем и Элликом в Михайловский сад. Тоже были потрясающие снимки. Куда все это делось?!

Хорошо, что осталась проза. Однажды я дал почитать толстую и бледную машинопись «хроники чаепитий» скрипачу Борису Кипнису. Этот текст на многие годы стал спутником, если не тенью, моего знакомого. Его интересовало все: и дома, где жил Эллик, и как выглядит Вера, и кто такая Элла.

Постепенно мне открылась связь между прозой питерского хронографа и исполнительским искусством. Всю жизнь Богданов вслушивался в мир с таким напряженным вниманием, с каким скрипач прислушивается к своему инструменту. Богданов пытался добраться до партитуры вселенной. Вот почему фиксации деталей обычного дня (количество пачек чая, последние известия) становятся необычайно важными событиями. Эллик ничего не изображает, он просто живет, он просто напряженно вслушивается в тишину мировой паузы. Вибрации его текста недоступны среднему уху читателя, настроенному на ритм фабулы. Не смысл движет прозу Богданова, а то, что за ним, музыка тонких вибраций.

Руслан Элинин. Фото Елены Пахомовой. 1990-е годы

Как устроиться на работу в Америке

Было это в начале девяностых. Почти как в романе Виктора Гюго. Мы с младшим братом моей жены Мишей (а старшая сестра моей жены — Ры Никонова-Таршис, ейская авангардистка всех времен и народов, как утверждает славист из Кентукки Джеральд Янчек) валили лес на шести сотках садоводства «Актер». Урочище мустомякского мха. Карельский перешеек, бывшая Финляндия, по территории которой Урхо Кекконен всегда проезжал в купе с занавешенным окном. Кстати, участок уже несколько лет безуспешно продается (коллега Борис Кудряков соорудил мне там сарай в духе «Строителя Сольнеса»: во всяком случае, голова кружилась, когда рубероид прибывал на крышу), может быть, на вырученные деньги удастся купить сыну новый смычок.

Прихожу полуживой (см. одноименную поэму у Алексея Крученых) домой вечером. Не успел еще поставить лопату между дверей, как на пороге встречает возбужденная жена. Два раза звонил из Москвы Руслан Элинин, у него на даче гостит новый русский, готовый купить твою графику.

Третий звонок. Занавес поднимается. Руслан вещает в духе категорического императива: садись на поезд, утром мы тебя встречаем на БМВ.

Я человек болезненный, ревматический, мне надо ноги в тепле держать, тем более — после сюжета «Рубка леса». Но таинственный монтекристо Яша взбудоражил воображение средней Таршис. Занимаю деньги у соседки, складываю графику в папочку и мобилизую Мишу в качестве инкассатора. В Москву! В Москву!

Билетов на вокзале, конечно, нет. Едем в служебном купе, к неудовольствию молоденькой проводницы, которую сарданапал-бригадир переводит на ночь к себе. В столице нас никто не встречает. Мы без устали звоним в загадочную Валентиновку, которая хранит безмолвие мавзолея. Наконец на сто десятом звонке в трубке раздается разбитый голос Руслана. Договариваемся о встрече на загородной платформе. Не выпавшиеся, злые стоим там, на пронизывающем ветру. Начинает накрапывать. Элинина нет и в помине. В конце академического часа ожидания он вываливается из подошедшей электрички.

Лик его ужасен. Волосы всклокочены. Глаза воспалены, как щеки диатезного младенца.

Из одного кармана мышинного пальто торчит литровая бутылка водки «Черная смерть», из другого — не менее угрожающего вида — Бальбюк какого-то вина. В этот момент я испытываю нечто вроде сатори и постигаю великую мудрость недеяния трех сестер. Мой час настал, и должен я погибнуть. Но ведь есть еще в запасе, как у Чехова и Окуджавы, маленький военный оркестрик — мистер Твистер.

Молодой миллионер Яша валяется на неприбранной постели с длинноногой герл из Болшева. Она занимается, как это теперь принято называть, аэробикой и голосует за Жириновского. Судя по активности манипуляций юного нувориша, сексапильная большевичка (см. выше) держит оборону не хуже маршала Маннергейма. Подыдем стаканы, содвинем их разом. Да здравствует пьянки российской заразум!

Я так и не могу вспомнить, смотрел ли Яшка-артиллерист («Свадьба в Валентиновке» — см. ниже) мою графику или нет. Знаю, что впоследствии служебный БМВ у него украли, фирма прогорела, и бедняге пришлось продать свою московскую квартиру. Теперь он снимает комнату в коммуналке, а наехавшие на него и на всю страну бандиты — виллу на Канарке. Каждому — свое, учит нас германистика.

Мы гуляем с Элининым по элизиуму сада, в траве валяются крупные яблоки-цитаты из мультфильма Норштейна «Сказка сказок». Буль-буль. Дача принадлежит референту Гайдара. Буль-буль. Руслан снимает у нее комнату. Буль-буль. А Гайдар — бережения у населения. Буль-буль.

Через несколько часов младший Таршис не выдерживает и сваливает в Питер, а потом и вовсе в Германию. В России людям со слабыми нервами... Буль-буль. Оставшись один (без инкассатора), со страхом перебираю в кармане купюры: только бы хватило на обратную дорогу. Буль-буль. Большевичка с одеялом через плечо и подушкой в руке, вызвав у меня болезненные ассоциации с вольтеровской профанацией жития Орлеанской девственницы, удаляется по лесенке (приставной) на чердак. Буль-буль. Начинается вторая серия

фильма «Вертикаль». Доктор Фрейд, доктор Фрейд, улыбнитесь. Элинин с Яшей наперегонки пытаются штурмовать Эверест. Так, кстати, называется по сию пору неизданная пьеса моего коллеги по церберской вечности Бориса Кудрякова. Альпинисты активно обсуждают нюансы технологии восхождения. В моем отравленном алкоголем мозгу качаются не перья страуса, а кадры из одноименного фильма Ларисы Шепитько.

Спускаясь в базовый лагерь, Руслан непрерывно вызванивает кого-то, лова на живца (Б. Констриктора). Он подсекает Андрея Урицкого: мозговая атака выездного бюро «Библиотеки неизданных рукописей», для ее проведения необходим провиант, а то от бунинских яблок у нас оскомина.

Андрей, нагруженный закусками, как мамаша Кураж, уставший, после работы, оказывается вовлеченным в наш шабаш. Буль-буль. В этом благодушном состоянии мы занимаемся визуальной поэзией, макая в какие-то серые чернила клочок бумаги. Потом один из перлов Руслана оказался в «Черновике». Заседание продолжается. В полночь заваливается хозяйская дочь с компанией. Буль-буль. Все смешалось в доме референта Гайдара. Руслан и Яша, вооружившись громадными кухонными ножами, бегут ночью в соседний поселок за водкой. Я тихо шизею и вспоминаю фильм «Сталкер». Мои скудные средства тают, и добраться до родимого болота патриот-кулик Констриктор сможет разве что на электричках. В разгар этой вальпургиевой ночи раздастся потусторонний (междугородный) звонок. Лена Пахомова, жена Руслана, просит встретить ее на вокзале, она из Одессы везет тираж книги «Как устроиться на работу в Америке».

Автор — Свидригайлов. Оживление в зале. Между бесчисленными бульбабулями Элинин посвящает меня в свои проекты. Я как-то писал уже, что он был новым Пиранези эпохи постмодернизма. Так, он хотел объявить о своей мнимой смерти и обустроить (не Россию!) могилу со своим надгробьем, чтобы фиксировать на видео, как бесчисленные поклонницы катаются на могильной траве и рвут на себе белые одежды.

Эндшпиль. Тишина в студии. Лестница больше не скрипит. На ее ступеньках сверкают «Снега Килиманджаро». Беккет и Хемингуэй, взявшись за руки, как две первоклассницы, тихо покидают мой мозг. Оборона Маннергейма прорвана. И спускаемся мы с покоренных вершин... Меня к этому моменту вопросы скалолазания и психоанализа перестают волновать совершенно. С одержимостью скупого рыцаря я пересчитываю оставшуюся мелочь и никак не могу понять, хватит ли мне ее, чтобы добраться хотя бы до Москвы. Буль-буль, буль-буль, буль-буль.

В этот драматический момент зазвонил телефон. Кто говорит?! Не слон, не бегемот, не Лидия Чуковская, ни даже Софья Петровна. Это Сергей Сигей! Муж Ры! Мой свояк! Он в Москве. Буль-буль. Он при деньгах (что-то продали там). Буль-буль. Мы с ним встречаемся. В шесть часов вечера. После войны. На Красной площади. В офисе Элинина.

Буль-буль. Это мы уже в конторе Руслана (который успел по пути назанимать кучу денег) пьем сухое. Потом — на Киевский вокзал встречать Лену. По-

моему, мы опаздываем. В сознании запечатлелся следующий кадр: Лена с изяществом японской гейши торгуется с носильщиками, которые грузят тираж на свои тележки, а в это время Сигей с Элининым отправляют естественные потребности, стоя на краю платформы Киевского вокзала. Народ безмолвствует. Пока грузят книги в зеленый фургон, три товарища пожирают сосиски с пивом. Машина с компанией уезжает без нас. Мы начинаем преследовать ее на такси. Ремейк Ремарка. Но гонки получаются с препятствиями, ибо Сигей выскакивает у каждого кооперативного ларька, пытаюсь купить какой-то экзотический ликер. Наконец мы оказываемся в ставке покоренной герл — в Болшеве. Гараж Эльдара Рязанова, куда должны были сгрузить американскую каку из Одессы, закрыт. Малохотия в капоте продолжается. Да здравствует мирсконца: вперед в Валентиновку! Там вся компания в сборе. Пей до дна, пей до дна.

Утром сваливаем. Сигей блюет у забора, по его словам, первый раз в жизни. Похожий на тень отца Гамлета, он утверждает, что сухое вино, которое мы пили на Красной площади, было отравлено: там плавали какие-то порошокинки.

Опохмеляемся в Москве, по старой методе питерского поэта Евгения Вензеля, кефиром. Нам предстоит встреча с господином профессором Джеральдом Янечекком, если воспользоваться громоздкой формулой одного самарского деятеля. Впервые я увидел Джерри у себя в коммуналке на Исаакиевской. Шел первый съезд народных депутатов СССР, Джерри позвонил в дверь в тот момент, когда на трибуну взгромоздился Юрий Афанасьев и начал знаменитую речь об агрессивно-послушном болшинстве (sic!). Янечек был потрясен моей электроникой: изображение давал старый-престарый телевизор, а звук — доисторический ламповый приемник — благо в те годы трансляция была тотальной. Да, зрелищ в начале перестройки хватало, чего нельзя сказать о первой части древнеримского минималистского шедевра.

Мы тащимся по бесконечным переходам метро, я уже почти ничего не соображаю и поэтому ничуть не удивляюсь, получая при встрече деньги за какие-то свои старые труды. Я лишь тупо счастлив, что наконец-то унесу отсюда ноги, а может быть, если повезет чуть-чуть, даже голову.

Но, как в «Ицзине», этот конец еще не конец. Спустя некоторое время Руслан был в Питере. В гостях у Александра Горнона он вытащил из горы книг свою — «Как устроиться на работу в Америке». Этим изданием живо заинтересовался присутствующий поэт и переводчик из Нью-Йорка Ян Пробштейн. Книгу на русский переведил именно он и за перевод не получил, как это принято в стране гипербореев, ни копейки. Но Пробштейн не стал заводитьсь на манер юродивого из оперы Мусоргского, и застолье пошло своим чередом.

P.S.

Когда с Русланом случилось несчастье, я долго не мог поверить в окончательность приговора врачей. Ведь Элинин был скорее ветром, чем человеком. Невозможно себе представить его — замкнутого в стенах квартиры, фактически переставшего жить. Руслан пострадал от громадности силы, которую всучила

ему судьба. Неизрасходованная в творчестве энергия уводила его в суровые запои. Даря мне книгу стихов Михаила Лаптева, он сказал: «Да, это был знатный борец с жизнью». Не последним человеком в этом виде спорта был и он сам. Сколько еще таких бойцов невидимого поэтического фронта сложат свои головы в кровопролитных боях за слово как таковое. Бог или бытие (кому как больше нравится) продолжает свою грандиозную игру в бисер. Может быть, Элинин был тысяча первой попыткой Пушкина. Руслан не справился со своей партией. Но какая ему была поручена роль!

P.P.S.

Руслан Элинин пьяный в стельку
Приехал в Питер на недельку.
Он не нашел «Гостиный двор».
Забил вещами коридор.
Дышал на чаек перегаром
И книги раздавал задаром.
Съел на обед одну сардельку,
Перевернул в саду скамейку.
Менял валюту на рубли,
Чтоб улететь быстрее с земли.

* * *

Элизиум. Элениум. Элинин.
Элегия о сломанной судьбе.
Ты стал, Руслан, как дитяtko, невинен.
Проснись, мой друг, я помню о тебе.

* * *

Нет Элинина Руслана.
А вообще он где-то есть.
Я гуляю вполупьяна,
И мне кажется, он здесь.
Слышу голос из-за тучи,
Вижу серое пальто.

Дагестанец был могучий.
Полюби его Ничто.

Б. Констриктор и Б. Кудряков. Фото Б. Смелова. 1972 г.

Человек-гора

Писать о Борисе Кудрякове (Гран-Борисе) у меня рука не поднимается. С течением времени (сорок лет знакомства) он мне представлялся скорее не биологической, а мифологической сущностью. Порождением каких-то нездешних грамматик. Поэтому у меня в этом контексте его уход приобретает удельный вес ницшеанского толка.

Сам он касаться этой темы не любил, но однажды сравнил данную процедуру с пересадкой на другой поезд, а незадолго до болезни сказал, что «безноску» встретит с улыбкой, по-свойски.

«Поднятие тяжести» началось в недрах Боровой улицы, одной из самых пролетарских в Питере, в 1946 году. Он вырос в простой семье, мать всю жизнь проработала на ткацкой фабрике, а выйдя на пенсию, стала служить в гардеробе. Бабушка дожила чуть ли не до ста лет и последние годы проводила за разбиранием мулине на подоконнике. В графе «отец» стоял прочерк, он был репрессирован в конце 1940-х. (Когда началась повальная эмиграция в Израиль, Б. К. стал утверждать, что прочерк — семит, и на этом зыбком основании хотел свалить за кордон. Но мать, узнав об эскапистских намерениях сына, пришла в ОВИР на

Желябова и опровергла декларируемую этническую принадлежность прочерка.) Уже после окончания фотоучилища и службы в армии (три года, стройбат, Монголия) он в 1968 году появился на Малой Садовой (благодаря однокашнику по этому училищу, моему двоюродному брату писателю А. Нику). Поначалу будущий автор «Ладьи темных странствий» скептически отзывался о литературе и утверждал, что она ему «не ндравится», что его интересуе только фотография. Но постепенно знакомство с такими персонами, как Константин Константинович Кузьминский (ККК), Владимир Эрль (В. Э.) и другими изменило его взгляды на искусство столь кардинально, что он начал не только запойно читать запрещенные книги (быстро перестав говорить «пинжак» и «польта»), но и сам стал писать прозу и стихи. Один из первых его опусов того периода «Песня над озером» настолько пришелся по душе В. Э., что он напечатал его в эстетике своего машинописного канона. Стихотворением 1969 года, где лирический герой собиался навестить «больную бледнолицую инфанту», помнится, восхищался ККК. По его мнению, неискушенный автор упоенно перебирал там слова из нового для себя лексикона, как ребенок яркие цветные стекляшки.

Вскоре Б.К. становится завсегдаем салона ККК на бульваре Профсоюзов. Там Гран-Борис вступает, не оставляя занятий литературой, в творческое соперничество с гениальным фотографом Борисом Смеловым (Пти-Борисом). Эта многолетняя дуэль двух выдающихся фотографов однажды привела Грана и Пти к настоящему поединку на лопатах в угольной яме кочегарки Апраксина двора (после распития портвейна в «Сайгоне» и принятия каких-то усиливающих кайф таблеток). Видавший виды сменщик настолько был потрясен обликом сдававшего ему дежурство Б. К., что тут же молча выдал дуэлянту рубль, мистическим образом предвосхитив с будущим лауреатом ритуал премии Андрея Белого. Вообще, отношения с Бахусом складывались у Б. К. настолько доброжелательные, что иногда, будучи не в состоянии сам дойти до «Былины» (заведения, находящегося на углу Свечного переуллка, где тогда жил, и улицы Достоевского), он звонил мне на Исаакиевскую с просьбой приехать и принести ему две бутылки сухого. В этом состоянии он передвигался по квартире тихо-тихо, стараясь не раздражать мать, Анну Николаевну. Надо ли говорить, что результат этих психоделических па был прямо противоположным. После смерти матери (которая на свой манер его очень любила) Б. К. перестал пить вообще. Я, как человек, подверженный тем же искушениям, пытался узнать, как он добился такого ошеломительного результата: зашился, закодировался? Гран безмолвствовал. А совсем недавно мой сын сказал, что, по словам Б. К., ему помог батюшка...

Последнее убежище Гран-Бориса — однокомнатная квартира на самом краю города, заставленная сверху донизу диким количеством картонных коробок с рукописями, негативами, картинами и каким-то невероятным бараклом, которое он несколько лет собиался выбросить, оставив только самое ценное, отделить зерна от плевел. Увы...

Знакомство с ККК переросло в дружбу с художниками, и Б. К. стал писать маслом. Как заметил принявший в нем большое участие в самый тяжелый

период его жизни Кирилл Козырев, если бы у Гран-Бориса была возможность заняться скульптурой, то наверняка и в «области ваяния» он достиг бы превосходных результатов. Когда к нам на Исаакиевскую привезли из Екатеринбургa родовое антикварное пианино жены, то мы, будучи с Граном совершенно одни в квартире и легком подпитии, решили предаться импровизации... Никогда ни на каком музыкальном инструменте из нас никто не играл. Я изобразил нечто бравурное, увлекшись левой частью клавиатуры. Громadный же Борис Александрович пленился правой частью и стал подбирать какие-то тихие атональные аккорды. Это настолько не соответствовало грановским громadным лапам, что я замер, пораженный этим его тайным контрапунктом. Б.К. участвовал в выставках, напечатал в самиздатском неофутуристическом журнале «Транспонанс» статью о неконформистской живописи «Рукоcуйный маргарин». Таким образом, фотография обогащала слово, а живопись — фотографию. Границы между видами искусств размывались, шло взаимопроникновение. Тот, кто видел его последние натюрморты, сделанные обыкновенной «мыльницей», не забудет их никогда. Это дзен.

Неудачная попытка эмиграции привлекает внимание к человеку-горе со стороны милиции и КГБ. Гран начинает партизанскую жизнь. Скрывается от участкового, стремящегося посадить его за тунеядство, то на какой-то барже, то в сарае за городом. Результат бесед на Литейном — пьеса «Дверь», в которой два героя, Дружище и Искатель, изощряются в ходе бесконечного абсурдного допроса. Эти перипетии превратили Б. К. в виртуоза-дезинформатора. Самый невинный вопрос о планах приводил его в бешенство. Однажды, застав молоденькую пассию за разглядыванием рукописей, он выставил ее за дверь навсегда. Если он ехал отдыхать в Псковскую область, то всем знакомым сообщал, что едет в Карелию. Шагая по проселочным дорогам, Б. А. опирался на специальный посох, железный наконечник которого в целях маскировки был замотан в газету.

Человек-гора (вот парадокс!) скользил по жизни как фигурист (в юности был неплохим спортсменом: коньки, лыжи, туризм), избегая твердой сцепки с этим миром. Недаром он пишет в своем шедевре «В деревне»: «Метель наслаждалась своими вихрями, это была пляска свободного ветра природы и ночного солнца, вихря, подлунного вопля, так хорошо на душе становилось в мечте улететь вместе с нею. Я посмотрел в далекую и уютную темень. Меня «кто-то» звал, но я чуть покачал головой».

Семья, карьера, домашний уют были бы для Б. К. обузой. Он смотрел на жизнь с позиции отстраненного, не слишком заинтересованного наблюдателя («милая дуся жизнь»). Человек был для него феноменом в ряду других явлений, и только.

Окружающие иногда чувствовали в нем эту линнеевскую беспристрастность, что изредка приводило к эксцессам. Так, один питерский поэт ни с того ни с сего вонзил в него вилку, а другой знакомый, сидя на заднем сиденье машины, впал в такую немотивированную ярость, что стал душить Б. К., вольготно развалившегося на переднем, ремнем безопасности. Некто, проходя

мимо, вдруг заехал ему по физиономии. На сторожевых объектах (лодочная станция, офис) на него были совершены разбойные нападения.

«Плоды холодных наблюдений» находили прибрежье в самиздатских журналах и антологиях («Часы», «Обводный канал», «Транспонанс»), были удостоены премии имени Андрея Белого (1979), Тургеневской премии за малую прозу (1998), и, естественно, Кудряков стал почетным членом Академии зауми. Какая часть творческого наследия издана, сейчас понять невозможно. Что осталось за пределами «Рюмки свинца» (Л., 1990, тираж 10 000 экз.), «Лихой жути» (СПб., 2003, тираж 500 экз.) и «Одиннадцатого измерения», книги фотографий и текстов (СПб., 2003, тираж 100 экз.)?

На моем дарственном экземпляре «Рюмки свинца» Б. К. запечатлел названия и краткие характеристики четырех неизданных книг:

«А также существуют в природе след. авторские книги. При жизни не надо...

1. «Лихая жуть» 35 стр., с рисунками, поэзотабурет в стиле мажора, 2 экз., 1983 г.
2. «Пролетаймаут» 260 стр. с рисунками и фото. 6 экз. (3 экз. утеряно уже, украдено еще, изъято увы. 1990 г.).
3. «Рубероид» нонутилитарная, дечисточанная поэзик. Сугубо академического интереса. 104 стр. с рис. автора. Автоматическим эгопортретом фото, на фоне пейзажного ажа. 1991 г., 2 экз.
4. «Славные годы» ретрокивок, стиша, фото людей, город. 2 экз. 1971–91 г.»

Надеюсь, это не очередная его гениальная партизанская деза.

Авторскую книгу «Одиннадцатое измерение» предваряет интервью с Гран-Борисом. Там он сообщает, к моему изумлению, что писать начал с 14 лет. «Меня тогда раздражал Чехов. Талант, но как-то все время сдерживающий и обрезающий себя». В этой изумительной последней книге не сдерживающий себя Гран заставляет свою миф-машину набирать такие обороты, что возникает нечто неординарное, *новое*. Здесь фотограф и писатель не хотят остановить мгновение, сколь бы прекрасным оно не было. Они мыслят процессами, вихрями, потоками. Эта маленькая книжечка недаром имеет свое вызывающее название (см. выше и ниже), она и частица, и волна, это квант новых, еще не раскрытых возможностей художника.

«В ноябре <...>, я в деревне выхожу в темный ночной лес. На поляну или опушку. С фонарем “Летучая мышь”. С переносным столиком. Усаживаюсь за него. Слышно, как за спиной зевает кикимора, шуршит еж, падают шишки. После “подготовки” выхожу в одиннадцатое измерение или просто наслаждаюсь звуками. Под утро возвращаюсь, насыщенный токами ночи».

Свидетельство о смерти гласит, что Борис Александрович Кудряков скончался 11 ноября 2005 года.

Когда творческий путь, увы, завершен и громада айсберга содеянного Гран-Борисом начинает проступать для каждого наблюдателя той или иной гранью, можно с уверенностью сказать только одно: из нашей мелочной со-

временности ушел большой художник, роль и масштабы которого начинают осознаваться только сейчас.

Жизнь после смерти началась.

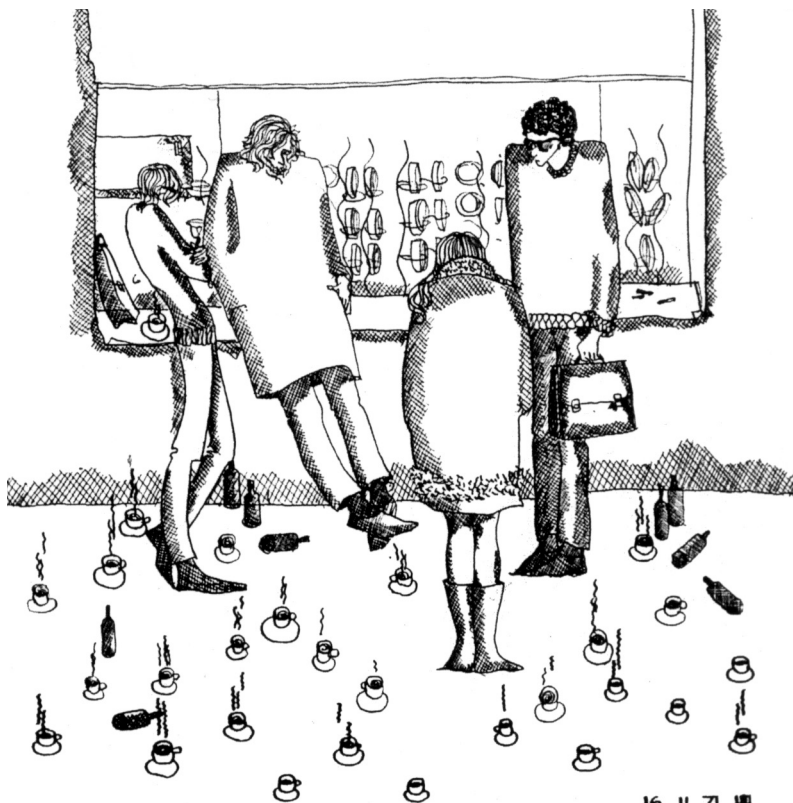
Как это было

человек-гора умер
в день милиции
четверг десятого ноября
поздним вечером
в александровской больнице
во сне
повернувшись лицом
к стене
двадцать три года спустя
после кончины
нашего родного
леонида ильича
в этой жизни горь не светило
уже хорошего ничего
поэтому она повернулась
чтобы отделаться от всего

Как это может быть

там сверкающий айсберг
поплывет в неизвестных морях
здесь в картонном домике
в картонной квартирке
белого флага прах перетрясут
и на помойку снесут
петербургский абсурд

капут

16. 11. 71 網

История одной картинки

Оглядываясь на прожитую жизнь, вспоминая близких друзей, с удивлением понимаешь, что это нерасказуемо. Было еще относительно вегетарианское время, когда казалось, что от тебя хоть что-то зависит, Процесс глобализации только-только набирал обороты. Выбор был делом всей твоей жизни. В паруса человечества дул экзистенциализм.

В лирическую эпоху, когда мир еще не сломался окончательно (по терминологии чеховского Фирса, до «несчастья»), и прошла наша юность. Теперь очень трудно адекватно воспроизвести сумеречную гармонию коммунистической пасторали, уют карточного домика рушащейся империи.

Те немногие, кому было не по пути не только с большинством, но и с меньшинством тоже, часто оказывались на Малой Садовой, где около магазина «Кулинария» паслась разношерстная компания отщепенцев: поэты, прозаики, художники, лица духовного звания, философы, филологи, йоги, актеры, буддис-

ты и честные пьяницы. Меня туда привел мой двоюродный брат Коля Аксельрод, впоследствии снискавший широкую известность в узких кругах как поэт и прозаик под псевдонимом А.Ник. Он же притащил туда своего приятеля, по-немногу промышлявшего фарцовкой Витю Гуля и коллегу по фотоучилищу Бориса Кудрякова. Самому А.Ник у поведал о Малой Садовой инженер, дизайнер, впоследствии инструктор по горнолыжному спорту Александр Луппов.

Общительность Коли тогда была широка как его родная страна. Он завел приятельские отношения с десятками молодых изгоев.

Колоритной фигурой того «великого противостояния» (о катастрофическом потеплении не было ни слуху ни духу, сидение в садике на скамейке — нечастая роскошь, поэтому в основном приходилось вести перипатетический образ жизни) был Валерий Шведов. В кофейне он иногда устраивал маленький спектакль (перформанс, если следовать современной терминологии). Попивая четверной кофе, невинно гремел листом жести. Периодичность интервалов была спонтанной. На возмущенные возгласы ошалевших ревнителей порядка следовал ответ: «Никого не трогаю, починаю примуса». Роман «Мастер и Маргарита» был свежим впечатлением.

Боевой подругой Валеры, неизменной участницей жестяного перформанса была тогда художница Наталья Черногорова. В отличие от многих из нас Шведов обладал собственной комнатой на улице Союза («самиздатских», шутили продвинутые гости) Печатников. О времяпрепровождении хозяина и его друзей-приятелей любопытствующие могут узнать из рассказа Бориса Кудрякова, открывающего книгу «Лихая жуть».

Процветало хэмингуэевское житье-питье. Были бы деньги, а для разгона нужен был рубль. Цены-то щадящие. Закусывали сигаретами и беседами. Мы были еще интересны друг другу. Романы раздувались и лопались с быстротой мыльных пузырей. Хромой А.Ник быстрее всех бежал за троллейбусом, а немолимые время и судьба вразвалочку шли за нами, зная, что своего не упустят никогда.

Уже в начале семидесятых Малая Садовая распалась. Кто-то уехал (как А.Ник в Прагу), кто-то женился-остепенился, кто-то уехал в новостройку, кто-то сел. Не мытьем, так катаньем жизнь раскидала шумную компанию по разным уголкам мироздания.

И каково же было мое изумление, когда несколько лет назад я получил из Праги от брата Коли воспроизводимый здесь рисуночек богемной художницы Наташи. Вот стоим мы (слева направо) у витрины «Кулинарии»: Витя Гуль, А.Ник, я. А спиной к зрителям стоит и смотрит на нас своими большими глазами Н. Ч. 16 ноября 1971 года.

Господи, помилуй нас грешных!

СПб 2.02.2008

Черная

е

ч

к

а

Романы и двойники Бориса Ванталова

Творчество Бориса Ванталова многогранно. В настоящем сборнике представлена его проза, написанная в 70-е, 80-е, 90-е годы прошедшего века и в начале нынешнего. При всей значительности эволюции автора он сохраняет ярко выраженное, незабываемое единство принципов. Эти принципы балансируют между модернизмом и постмодернизмом: между глубокой проблематикой и поиском сущности, с одной стороны, и разрушением любых форм и бесконечным комментированием самого себя — с другой.

Но уникальность Ванталова не в замысловатом единении модернизма и постмодернизма, а в его полифоническом мышлении.

Уже долгое время наслаждаясь творчеством Ванталова, я открыл для себя удивительного португальского поэта рубежа XIX-XX веков Фернандо Пессоа. Незадолго до своей смерти в 1935 г. он описал тайну рождения своей поэзии:

«Я написал около 30 стихотворений за один раз в состоянии какого-то экстаза, характер которого я затрудняюсь определить. Это был триумфальный день, другого такого у меня уже никогда не могло быть. Я дал им название “Хранитель стад”. То, что произошло, было рождением во мне некой личности, которой я дал тотчас же имя Алберто Казэйро. Извините меня за абсурдную фразу, внутри меня появился мой учитель. Таково было мое первое ощущение, и сразу же как только были написаны эти 30 стихотворений, я взял другой лист бумаги и написал, также не отрываясь, 6 стихов, которые составляют “Косой дождь” Фернандо Пессоа. Тотчас же все и одним духом. Это было возвращение Фернандо Пессоа — Алберто Казэйро к самому Фернандо Пессоа. Или скорее реакция Ф. Пессоа на свое существование в качестве Алберто Казэйро. После появления Алберто Казэйро я немедленно постарался открыть инстинктивно или подсознательно его учеников. (...) Я извлек из его лжеязычества скрытого там Рикардо Рейша, дал ему имя, подогнал его под образ, потому что в это время я уже видел его воочию. И вдруг совершенно отлично от того, как появился Рикардо Рейш, передо мной стремительно возникла новая личность». (Цит. по кн.: Хохлова И. А. Поэтические маски Фернандо Пессоа. СПб: СПГУ, 2003. С. 88-89.)

Фернандо Пессоа был мастером гетеронимов — вымышленных имен, биографий, творческих судеб. Совершенно очевидно, что поэт творил от лица своих масок.

Гетеронимы Бориса Ванталова творят в разных областях искусства, заявляют о своем авторстве, но — помимо этого — норовят от своего авторства отказаться.

Борис Ванталов — он же Борис Констриктор, художник. Графический цикл Констриктора «Уголовник» — это пятидесятилистный эпос о носатом человечке, который живет в пространстве угла. С ним происходят удивительные злоключения. Растерзанный иглами воспоминаний, он проживает свою жизнь, наполненную борьбой с мухой и пауком, выходит в космическое пространство, превращается в лампочку, умирает и возрождается. Но удивительны не метаморфозы эпического героя, а метаморфозы пространства его обитания. Угол вполне условен, он дублируется и множится, как и человечек, пока не оказывается системой зеркал в космической тьме. Здесь герой — обитатель пространства угла, расширяющегося до космических пределов. Гротеск и всеохватность характерны для этих графических полотен.

Борис Ванталов — автор ряда поэтических сборников (Стихотворения. СПб.: Призма 15, 1993; Философская лирика. Лос-Анджелес, 1993; Пятьдесят маковых росинок. Лос-Анджелес, 2001, и др.). Стихотворения, внешне использующие лучшие традиции

поэзии Серебряного века, пародируют поэтические формы и иронизируют над главным персонажем этих стихотворений — самовлюбленным маленьким человеком, противопоставляющим себя миру и имеющим непомерные амбиции.

К публикации стихотворений Ванталова в сборнике «Триада» (М.: Виртуальная галерея, 2006) имеется следующая сноска: «Борис Ванталов — первый псевдоним Б. Констриктора (в миру Аксельрода Б. М.), под которым автор публикует, в зависимости от настроения или расположения звезд, те или иные произведения». Не будем воспринимать это всерьез.

В конце «Записок неохотника» есть запись от 5.07.97: «Мои псевдонимы — это ведь моя бессознательная Ухти-Тухти. Верной дорогой идете, товарищ Б. Констриктор. Еще пара миллионов перерождений — вы у целки цели».

Мы сосредоточимся на прозе, но отметим, что каждая ипостась обладает не только самостоятельными законами созидания, но и рождает различных, заочно спорящих друг с другом героев. Но в противоборстве находятся не только разные герои различных произведений, все они уступают место Автору-Создателю. И оказывается, что Автор (он же лирический герой, рассказчик) в каждом случае — разный. Это гетеронимы, ведущие одновременные монологи и не слушающие друг друга.

Обратимся же непосредственно к произведениям.

I

Трилогия Бориса Ванталова «Конец цитаты» состоит из трех романов: «Записки блудного сына», «Книга облаков», «Точка в виде запятой». Романы написаны во второй половине 1970-х гг. (первый — в 1976 – 78, второй — в 1978, третий — в 1979 – 80 гг.). Все эти произведения были напечатаны в конце 1980-х гг. в различных самиздатских изданиях Ленинграда («Обводный канал», «Часы», «Исследования по теории катарсиса»). В собранном виде трилогия появилась впервые в издательстве Руслана Элинина в 1995 году. Каждая из частей самостоятельна по тематике, но, кроме того, в каждой части используются совершенно различные литературные и композиционные приемы.

В коротеньком предисловии к трилогии автор формулирует нечто вроде учения о «литосфере», всепоглощающем литературном сверхсознании. «Главный герой этой “литосферы” — не-я», — объясняет Ванталов. Утверждение столь необычного героя происходит в первом романе «Записки блудного сына» за счет подавляющего количества цитат в тексте. Широта цитируемых источников ничем не ограничена: от Чжуанцзы до Монтеня, от Джебрана Халиль Джебрана до БСЭ. План цитатного текста создает плотное вербальное пространство. В этом пространстве все же существует очевидный герой — обыватель, ведущий дневник своего безотрадного прозябания в эпоху «изобилия» (напомним, это официальное название 1970-х гг.). Однако истинным героем романа является его автор. Некоторые «размышления» никак не могли бы принадлежать автору дневника. Но в еще большей степени подлинный герой раскрывается в подборе и компоновке цитат (реальных и вымышленных). Фабулой романа становится блуждание автора в лабиринтах «чужих» текстов, выстраивание цитат в некую структуру.

Этот текст реален как миф. Литературность форм сведена к минимуму. Это материал в чистом виде — то, что обычно в восприятии литературы вызывается в сознании при соприкосновении с формой. Здесь тоже, конечно, есть форма, но она стремится к максимальной объективности. Новый «экспериментальный роман» (прежний изобретен, как известно, Эмилем Золя) тоже представляет своего рода «клинический анализ», но уже не любви и не совести, а текста, языка, слова.

В процессе развития романа вербальное пространство начинает разрушаться, открывая иную реальность. Сюжет романа — стремление к «не-я», выдавливание по капле себя, «растворение» автора в пространстве текста. Вербальное пространство становится живой реальностью в силу своей композиции. Автор выстраивает сложнейший лабиринт цитат. Каждый отрывок текста имеет номер. Идея систематизации вызывает очевидные аналогии с Борхесом и Кортасаром, на таблицу Менделеева указывает сам автор. Номера отрывков состоят из двух или трех чисел. Числа строятся таким образом, что отрывки можно рассматривать как положения и комментарии к ним (принцип «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна).

«Записки блудного сына» имеют подзаголовок «Четыре тетради». Действительно, есть формальное разделение на четыре части. Но, если обратить внимание на нумерацию, оказывается, что основных положений семь: №№ от 0 до 6. № 3 представлен одним отрывком, № 5 — двумя. № 0 занимает особое место. Остаются четыре «положения» с многочисленными «комментариями». Они-то и образуют четыре тетради, номера которых перетасованы. Если попытаться разобрать отрывки по мастям: самый обширный № 1 — чистые цитаты, № 2 — исповедь бессмысленной жизни безымянного обывателя, раздавленного тяжестью жизни и не ощущающего мощи опережающего его вербального пространства, № 4 — бытовые записки от лица автора, № 6 — безличностный комментарий с обобщенно-ироничной интонацией.

Предложенная нумерация предполагает двойное построение. Первое — линейное — лабиринт, предложенный автором. Второе — четыре перепутанные гипотетические тетради. Нумерация — игровая модель для сборки этих тетрадей. Попробуйте воссоздать тетради в порядке номеров. Получается совсем другой роман. Подобная игра в бисер потребует не пассивного чтения, а прямо физической работы (отыскивание и складывание страниц — потруднее кубика-рубика), включения в реальность вербального пространства.

В миниатюрном шедевре Венедикта Ерофеева «Василий Розанов глазами эксцентрика» (1973) использованы те же приемы потока мыслей, пространства цитат, захлестывающих героя. Сила произведения Венедикта Ерофеева в целостности и значительности «лирического героя», который вырастает из цитат, но живет своей жизнью. (У Б. Ванталова автор отстраняется от текста, но живет только в реальности романа, другой реальности нет). Чем больше герой Вен. Ерофеева самоуничижается, тем более он поднимается на уровень того культурного пространства, в котором барахтается, чтобы не утонуть. Эта же волна и выносит его... нет, не на берег — к звездам. «Созвездия круговращались и мерцали» — так заканчивается «Василий Розанов глазами эксцентрика».

У Б. Ванталова использование цитатного пространства еще удивительней. Его сильной стороной становится многослойность мифа. Цитаты — не культурный багаж автора-героя, позволяющий ему держаться на плаву, а жизненное пространство, включающее все формы жизни. Данное пространство не едино, оно внутренне противоречиво. Нумерованные «положения» связаны между собой по различным векторам. Эта сложная структура вызывает ощущение паутины, в то время как цитатное пространство Вен. Ерофеева — образ волны.

Паутина Б. Ванталова с повисшим на ней героем второй тетради, с автором-пауком имеет еще одну необходимую муху — главную героиню «Записок блудного сына». Это сингулярная точка. «О сингулярной точке ни слова!» Эта фраза повторяется девять раз, преследуя автора, как навязчивая идея. Автор только и думает, как бы о ней не думать. Понятно, что именно эта «тема» составляет содержание нулевой тетради. По

своему имени точка так же индивидуализирована, как и автор-герой, и стремится вместе с ним утратить свою сингулярность.

В развязке романа героиня оживает и превращается в нечто неожиданное благодаря своему звучанию: «0. 10. Говори же, сингулярная сучка, говори!» Она должна заговорить уже во второй части трилогии.

В финале «Книги облаков» — второго романа, который можно рассматривать как комментарий к «Запискам блудного сына», проясняется принцип первого романа: Мир — Книга («один бесконечный бессвязный текст»). А карманный фонарик человеческого сознания «лишь выхватывает из безграничного сочинения Природы разрозненные фрагменты (цитаты?) и пытается связать их воедино». Уже в первом романе происходит не просто коллекционирование цитат, а их систематизация, «ковроткачество» мифологической структуры, имеющей, как мы видели, двойную систему координат. Во втором романе первый «объясняется» как единое линейное пространство («роман-исследование»). «В линии атомы идут друг за другом в затылок, никаких пар, никаких прелюбодеяний, строгий порядок (казарма, фаланстер). Но иногда линии перекрещиваются». Прямая «в конечном итоге образует окружность, т. е. замыкается на самой себе, и выходит в новый для нее мир двух измерений». Для «Книги облаков» все это лишь игра. Лишь «первоначальное ядро», реальность, вокруг которой разворачивается дальнейший сюжет. Сюжет второго романа — другая реальность комментария. Цитаты здесь переходят в основном в «Дополнение», которому предпослан эпиграф из Велимира Хлебникова: «Длинный хвост неясных дополнений следует за первоначальным ядром, порой закрывая его». Этот концептуальный принцип лежит в основе всей «Книги облаков».

Реалии «Записок блудного сына» получают развитие в другой плоскости. Автор-герой, находившийся в конфликте с мифологической реальностью, распространяет этот конфликт на концептуальную плоскость: я увидел «отражение какого-то нереального мира, состоящего из углов и кубов» (здесь уместно вспомнить реальность «Уголовника» Б. Констриктора), «увидел за ней другую, более грандиозную нереальность, состоящую из монохромных пятен, парящих в пустоте Зазеркалья».

Автор сам себя называет нечеловеком, который живет только книжным миром, а в остальном — юродивый, который таскается по чужим людям со своими стихами и рисунками (Вечный жид). Автор не принадлежит себе (его нет), в какой-то момент он подчиняется произволу своих мыслей. Кажется, весь второй роман — лишь записывание произвольных мыслей, которые выстраиваются сами собой в своей логике. Но «на логическом ослике дальше своего угла не уедешь» — опять возвращение в мифологический мир «Уголовника». Автор — как Конфуций — лишь записывает свои (не свои) мысли.

Творческий процесс доводится до логического предела — автор не только герой своего романа, он же и читатель: «Один автор, он же и читатель. Замкнутый цикл».

Ближе к финалу «Книги облаков» идея зазеркальной реальности разворачивается в попытку описания (с помощью Паскаля и «Алмазной сутры») бесконечности микро- и макромиров. Тут-то и вступает в свои права (и уже не упускает своего могущества) обещанный в авторском предисловии «выход в открытый космос сознаний мира». Выход в космическое пространство нужен автору не для упоения своим одиночеством, а для преодоления земного притяжения — литературы. Он стремится отбросить законы последовательного развития сюжета и... «двигаться всеми дорогами сразу!» Автор второго романа самоотверженно борется с созданным им же самим энциклопедическим перечислением и классификацией, но приходит к всеохватному параллелизму: «Вот если бы зритель мог вместе с мной видеть в простом росчерке пера множество возможных миров!» Сложность мира выражается в упрощении. Мно-

гообразии возможных продолжений линии воплощается в отказе от *любого* продолжения. Линия остается одинокой.

Отсюда подкупающая наивность суждений и цитат. От простоты. И от дыхания времени семидесятников. Философия постструктурализма уже существовала где-то на Западе, но и там была достоянием жрецов. Время еще не вылезло из одежд экзистенциализма (еще жив Сартр!). В наших покрытых инеем головах постструктурализм еще недостаточно надыхал, и прямота суждений еще не утратила своей первозданности.

Одинокая линия, если хорошо подумать, упрощается до точки. Точка остается главной героиней романа. «Множество множеств — точка».

Таинственная сингулярная точка первого романа сразу же «комментируется» во втором. Точка — самая рудиментарная единица космоса. В «Книге облаков» она превращается в черное пятно сна без сновидений. Есть еще точки-капли, стекающие друг в друга, а в результате возникает человек (вернее, не человек — писатель, Вечный жид). Слова, понятия, реалии мифологического пространства превратились в пятна («семантические», «черные»), Б. Ванталов, подобно Гамлету, «повернул глаза зрачками внутрь», и Гертруда-читатель может увидеть там «черные, плотно ввевшиеся пятна, которые не меняют своего цвета».

Еще одно воплощение точек-пятен — атомы, из которых состоит линия. Да и все образы второго романа — витгенштейновские атомарные факты (или как вас теперь называть, *Sachverhalt*? — «события»?).

События мифологической реальности оказываются лишь фактами высказывания, метаморфозами точки-пятна. Процесс завершен — вторая реальность поглотила первую. И этот круг замкнулся.

Вся «Книга облаков» — размышление о литературном процессе на примере собственного произведения («Записок блудного сына»). Собственного творческого процесса и одновременно некоего вселенского творческого акта. Общая тема «Конца цитаты» — создание Книги, вбирающей в себя всю историю человечества. Идея подобной книги владела умами со времен античности. Реальную попытку создания Книги предпринял Стефан Малларме в конце XIX века. Процесс писания/создания/чтения Поэмы/Драмы/Мистерии запечатлен в его «*Livre*», которая не могла быть завершена и воплотилась в массе разрозненных «листочков», ибо — по мысли Мишеля Фуко — язык нужен Малларме для того, чтобы воспеть смерть языка. Все творчество Х. Л. Борхеса тоже складывается в бесконечно не завершенную Книгу.

За последние сто лет литература выработала изощренные средства для описания своей смерти. Роман Б. Ванталова представляет эту тему в виде эпического описания эволюции вселенной через самоанализ личного творческого акта, растворяющегося в едином процессе. Вселенная вместе с «лирическим героем» романа-эпопеи приходит к своему пределу, к некоей черте: «... создавая логику, мы убиваем живой смысл вселенной, а постигая вселенную, мы переступаем через черту (последнюю черту на чертеже) и удаляемся играть в пятнашки со смертью».

Подойдя к черте, новое искусство вслед за автором выходит в открытый космос — космос, открытый русскими футуристами, на это указывается в тексте. Б. Ванталов использует выражение Крученых «стрбны слова» для определения новой жизненно-литературной реальности: «Стрбны слова — значит, огромная литература грезится уже человечеству, значит, нечто грандиозное таится в недоступном будущем. О, если бы хоть единым глазком заглянуть в тот день, увидеть новое!»

Для Б. Ванталова путь в это новое лежит через традицию. Эта традиция футуристско-обэриутская. Ванталов-Констриктор является, кроме всего прочего, автором ис-

следования об Александре Введенском. Оно называется «Вбегает Мертвый Господин» (О поэме Введенского «Кругом возможно Бог») и опубликовано в кн.: «Поэзия и живопись. Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева» (М., 2000. С. 590 – 603). Производя скрупулезный разбор («вдоль» и «поперек») мистерии А. Введенского «Кругом возможно Бог», Б. Констриктор обозначает художественный принцип писателя, отражающий его обзериутское миропонимание, как «искусство умоперемены» (*греч.* μετανοια — покаяние). Это понятие, заимствованное у Л. П. Карсавина, вполне относится и к жизненно-творческому процессу трилогии Б. Ванталова. Приводим слова Л. П. Карсавина и оценку роли обзериутов из статьи Б. Констриктора. «Умоперемена, — цитируется Карсавин, — означает преодоление релятивизации Абсолюта, выход мыслью за пределы природных понятий ума. Ведь разум сам как таковой есть именно сверхприродная способность человека, и, мысля сверхприродно, разум действует в своей стихии. Умоперемена означает переосмысление непосредственного содержания жизни. В факте нашего существования и нашего убеждения в действительности окружающего нам дано прямое знание о том, что человек живет своим отношением к Богу. Однако сказать, что переменить ум легко, значило бы ввести в заблуждение. Умоперемена — это процесс. Легко вступить на этот путь, но он сам — вся жизнь».

«Посягнувшие на понятие» обзериуты, равно как и их предшественники футуристы, предстают непонятыми пророками возможных ментальных перемен, по сравнению с которыми безумные перипетии нашего века могут потускнеть».

Связь с футуристами и ОБЭРИУ подчеркивается Б. Ванталовым и на страницах «Конца цитаты»: «Над футуристами смеялись по причине их грандиозности, поскольку они представляли собой космическое явление в языке. Как всегда, русская культура первой перескочила в завтрашний день, чтобы бесславно утонуть в днях сегодняшних...» (Писано в 1979 г.) Но смотрите, здесь все наши герои, и язык, и некая черта, к которой приходит герой на протяжении романов. И здесь же поблизости выращена типологическая схема «новой литературы». «А что, может, футуристы посадили деревце новой мировой культуры? Во всяком случае есть схема: английская поэзия нон-сенса — футуристы — ОПОЯЗ — структурализм — ?» Насчет знака вопроса — вопросов быть не может...

Мы остановились у черты...

Но, подойдя к черте, вселенная прозревает новые горизонты. «Кто сказал, что это [смерть] самое глобальное изменение, претерпеваемое нашим организмом?» Концептуальный комментарий уже не является пределом. Автор вместе со вселенной шагает в четвертое измерение третьего романа.

Клубок мыслей второй части стремится к своему пределу — молчанию. Вся «Книга облаков» — поиск Пустоты. Но, разумеется, за пределами концептуальной реальности следует третья реальность. Вместо пустоты — «Точка в виде запятой» (третий роман).

В третьей — многосмысловой (бессмысленной) — части трилогии пустота приобретает двойственное, сниженное значение. Грезившаяся пустота реализуется, но в самом неожиданном виде: «Мои книги такие пустые, что страшно подумать. Всем» (заметьте, что пустота сохранила свою роковую неотвратимость), «организовать Пустоту при помощи знаков едва ли возможно, но можно ее обозначить, подвести к ней придурка — героя и приказать ему: лети!» Что и произойдет в «Точке в виде запятой».

Уже по названию ясно, что выкинула ванталовская Татьяна. Да, вышла замуж — поменяла фамилию. Сингулярная точка оказалась запятой.

В третьем романе Б. Ванталов не дает никаких пояснений — где пятна, где точки. Точки везде. Всякая птица — синяя. Но теперь точка — не-точка (а «запятая»). Только

почти в конце трилогии: «Еще одно отступление от первоначала. В древности точку ставили после каждого слова, запятая изобретена не так уж давно. Запятая похожа на эмбрион и спираль одновременно, в ней запечатлена великая идея ВОСКРЕСЕНИЯ, запятая во Христе и во кресте пребывает, и кто его знает, что я пишу?»

Во втором романе было высказано желание: «Вот если бы можно было двигаться по всем дорогам сразу!» В третьем романе реализуется этот принцип. Текст сочетает цитаты, скомпонованные и преобразованные авторской фантазией (суррогат культуры), отрывки бытовых текстов (документы эпохи), собственные художественные и стилизованные фрагменты, графические конструкции, комментарии. Этот текст komponуется таким образом, что «логика», так мешавшая автору в «Книге облаков», отступает. Возникает фантастическая многоплановая, целостная реальность, не имеющая ничего общего с первичным бытовым материалом.

Все контакты с новой реальностью обрываются. Есть только акт письма, как единственный и творческий, и жизненный акт... По всем дорогам сразу... Принцип мимезиса оказался за чертой.

Примеры новой самостоятельной реальности возникают с первых же строк. «Было это лет сто сотен тому назад. Я тогда жил напротив см. Эта см ничем не выделялась среди своих сестер, то же белое поношенное платье, тонюсенькие косички с бантиками и портфель из чьей-то рожки». Вместо мифа — языковые штампы. Исчезает время и пространство. Штампы разрушаются с использованием смысловых сдвигов. Вызванный в сознании штамп взрывается в тексте. Созвучное слово определяет смысл, а не смысл выражается словом: «Где-то в кустах стрекотала гавайская гетера».

Смысловой сдвиг сталкивается с другим слоем — внутренним комментарием: «... поцеловала Рахметова в зобик, написал он и содрогнулся». Характерно, что пишущий не «я», а «он» (у автора кончились чернила или автор многократно расслаивается?).

Смысл возникает между реалиями текста, как в сюрреализме. Читатель на подсознательном (часто и на логическом) уровне разворачивает эти реалии, и они сталкиваются, образуя новый смысл. Так было бы в сюрреалистическом тексте. Но здесь «новый смысл» не возникает (говорю сейчас только о третьем романе), потому что автор шагнул за черту обыденной логики. Собственно «смысла» — нет, есть другая реальность — реальность зауми. «Пальмы тихо скрипели на губах молоко не обсохло, шел джентльмен в лечебном белье из-за границы (гробницы?) напротив». Здесь и далее игры заумной культуры столь очевидны, что я боюсь оскорбить читателя, разъясняя конкретные приемы.

В романе есть творец этих новых связей, нового заумного языка. Этот творец — сам язык. Язык персонифицирован, и сразу же обозначен жестокий конфликт Языка и уже не персонифицированного автора: «Так что с языком будем делать, доктор? Мочи моей больше нет его терпеть... <...> Лежу в изоляторе без языка (его увели на допрос)». Это и есть реализация представления о тексте, сформированного Роланом Бартом в 1968 году на основе исканий Малларме, автора «*Livre*»: «Говорит не автор, а язык как таковой; письмо есть изначально обезличенная деятельность (эту обезличенность ни в коем случае нельзя путать с выхолащивающей объективностью писателя-реалиста), позволяющая добиться того, что уже не «я», а сам язык действует, «перформирует»; суть всей поэтики Малларме в том, чтобы устранить автора, заменив его письмом» (Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. 1989. С. 385-386).

Таким образом, Ванталов совершает путь, обозначенный Бартом: от новой попытки «экспериментального романа» натуралистов к постмодернистской замене текста комментарием и исчезновением комментатора.

Язык существует своей жизнью, вырывается из-под воли автора, насыщает текст штампами. Выстраивается новая заумная логика. Автор уже не герой этого текста. Герой — новое слово, оцетинившееся бесконечными связями смыслов-бессмысленностей.

При этом «реального», «узнаваемого» в третьем романе не меньше, чем в предыдущих. Быт 1970-х с конкретной топографией, ценами на кофе и выпивку, портреты неназываемых современников... Все отрывки — сюжеты ненаписанных литературных форм (ненаписанных, потому что не нужны эти литературные формы). Вся эта энциклопедия русской жизни мчится такой лавхой птицей-тройкой, что едва начинающий вылупляться сюжет тут же придавливается ее колесом. И дальше, дальше, за черту, не просто приплюсовывание нового сюжета, а — новый поворот, и мотор ревет уже за стеной, за гранью, а перед нами разворачивается новая плоскость. Линия продолжается во всех возможных направлениях.

«Космические прописи» «Точки в виде запятой» имеют свойство присутствовать одновременно везде. Это уже не фонарик сознания, высвечивающий что-то одно в бесконечной борхесовской библиотеке. Текст ныряет с одного языкового уровня на другой. Реалии каждого уровня тянут за собой поток ассоциаций, сочетание их дает подлинное понимание фрагмента.

«Несмотря на все ухищрения, финал первой симфонии П. И. (3,14?) не звучит...» Если кто-нибудь думает, что это о музыке Чайковского — глубоко ошибается. Это описывается неудачный половой акт. Нет и не может быть никакого эротического описания. Любое жизненное действие — с точки зрения творческого процесса. Попутно Петр Ильич превращается в «число Пи» (математическая параллель обусловлена лишь случайным сходством созвучий).

Как герои «Доктора Живаго» без конца сталкиваются на бескрайних просторах истории, будто история пишется только для заявленных действующих лиц, так и герои нового романа — мифологические реалии. Автор, растворяющийся во времени и в космосе; точка, она же черта, ставшая запятой, — все они связаны во веки веков в «бесконечный бессвязный текст». Аминь!

Этот текст принадлежит языку, а автор только время от времени умоляет доктора отрезать эту точку в виде запятой: «Отрежьте кызя, я вас паршу», но на самом деле язык давно свободен и делает что хочет. При этом великий и могучий нигде не персонафицируется собственно в героя, не заявляет о себе отдельно от «текста», подобно голевскому носу. Текст монолитен. Монолит состоит из потока литературных и «мемуарных» образов, тесно переплетенных, сменяющихся в тот момент, когда они начинают приобретать описательность. Язык не вдается в детали, он фонтанирует, рвется на свободу. За ним толпятся узнаваемые литературные архетипы.

В текст вкраплены не зависимые ни от чего персонажи, вроде Геннадия, которого все время избивают и на которого автор не тратит в каждом случае более одной строки. Но и в монолите видна яркая прожилка комментария. Вся эта хлестаковщина иногда прерывается в самом неожиданном месте: «Чувствую, надо отойти от текста и поговорить просто так напропалую. Ведь мое положение крайне двусмысленно. С одной стороны, я должен создать иллюзию абсолютной раскованности и естественности, а с другой, я понимаю, что это не так». Вероятно, это говорит Язык. В таких случаях, конечно, происходит сдвиг, но внутри общего текста. Комментарий не выделяется как комментарий, а включается в общий бурный поток. Сила третьей части в монолитности, но она сияет всеми своими гранями.

Можно выделить основные грани монолитного текста.

1. Акт писания романа, его высвобождение и самостоятельное развитие текста, невозможность им управлять, оформление текста в печатную продукцию.

2. «Пухлый бытовой роман», от которого остаются многочисленные фабулы — рудименты мифологической структуры («миф о литературе»). Герои-штампы («придурки», по выражению Б. Ванталова): Геннадий, Лэ, Зеленая дева, Катюша (Маслова-Измайлова) — начинающий литератор, пишущий письма великим. «Пухлый бытовой роман» незаметно утрачивает орфографию и логику смысла, превращаясь в классическую заумь. Сюда же включаются (модные теперь) богоискательские и эротические темы — темы явно второго плана.

3. Цитаты (связь с первым романом). Когда возникает этот монолит, цитаты хоть и остаются, но выполняют порой совсем неожиданную функцию: «Знаете ли вы, что будет, если я сейчас открою книгу И. А. Манжигеева “Бурятские шаманистические и дошаманистические термины”? Так что лучше помалкивайте в тряпочку... Не возражать!!!» Цитата уже не нужна, она пугает и самого автора, и читателя. Цитата не имеет текста! Она превращается в чистый прием — ради текста нового. Но так как в новом тексте нет «смысла», остается только прием, схема — акт писания.

4. Комментарий к тексту, который все больше и больше сливается с последним. Автор решительно «исчезает-растворяется».

Из отступлений-комментариев: Пустоту можно обозначить, «подвести к ней придурка-героя и приказать ему: лети!» Так и происходит с Геннадием. Мало-помалу он эволюционирует, превращается в «надежду всего прогрессивного человечества», размышляет об образовании Вселенной, путешествует в пространстве. И вот он уже путешествует в реалиях печатной продукции, т. е. среди того частного текста, который наворотил Язык, но материально оформленного («благополучно упав на страницу <...> почесал многоточие в угловых скобках»).

Еще один постоянный герой «Точки в виде запятой» — некая Лэ, универсальный женский образ: «Лэ вздохнула и пошла туда, куда глядели ее скифские (в рукописи было написано «свинские») глазки».

В конце концов, второстепенные «придурки-герои» соединяются в один абзац, где их жизненная фабула спрессовывается до одной фразы. «Геннадий нехорошо выругался и громко икнул. Он по-прежнему хотел пить. Зеленая дева переехала в третий класс, она учит заумный язык. Лэ стала загадочной птицей Раз-Руха». Зато на последних страницах романа доминирует новый герой Петр Сергеевич, великолепный обыватель, Вергилий читателя (это центральный персонаж еще одного романа Б. Ванталова «Утром три»).

На последних страницах романа-эпопеи все литературные фабулы сливаются в единый «пухлый бытовой роман» — без знаков препинания, без начал и концов фраз. Однако появляется нумерация «сюжетов», выстроенных приблизительно в обратном порядке, от «конца». Суррогат «романа» перебивается перечислением бытовых предметов, книг, имен и графическими стихами (эпос ванталовский плюс древневавилонский). Включение сюда же литературных реалий 1970-х годов со всей очевидностью иллюстрирует не только иллюзорность «реальности», но полную абсурдность и литературной пошлятины, и бытовой литературы, и вообще «литературы» (которая — «все прочее»).

Грань между вселенской гармонией текста и авторским комментарием также исчезает. Стихия языка, смысловающая знаки препинания и логику смысла, стягивает комментарий в свой водоворот. Ни автору, ни языку не выбраться из него, они исчезают окончательно.

Еще пару цитат. Кажется, сейчас «литосфера» родит...

«Ах! и у вас дыхание, слышу, замерло, думаете сейчас чаво-нибудь будет, а если не будет?..» Конечно же, ожидание тщетно. Нас ждет Пустота. Пус-то-та.

«Вот цитата на прощанье: -та-та-та-та-та-та...» И так далее...

И все же трилогия на этом не заканчивается. Как названия гексаграмм «Книги перемён». Предпоследняя — «Уже конец. Свершение». Последняя — «Еще не конец. Свершение». После конца «Конца цитаты» возникает китайский стихок, смысл которого что-то вроде «Дальнейшее — молчанье...»

Взяв в руки первую публикацию «Точки в виде запятой» в «Исследованиях по теории катарсиса» (Вып. 2. Л., 1990), я обнаружил потрясающее различие с книжным вариантом. Внутрь стихотворения волею пронырливого языка, двигавшего рукой наборщика, закралась реплика редактора: «Я не понял текста». Вроде бы оконченный текст повернулся еще одной плоскостью! Но и это еще не все. К этой вставке есть примечание Ванталова: «Спонтанная реакция наборщика. Автор с благодарностью принимает ее. 7.11.1990». Текст не имеет дна. Новая литература не кончается развязкой.

Говоря о трилогии в целом, следует признать, что игровая стихия языка имеет в своей основе первоначальное цитатное пространство, хотя и разрывает с ним всякие отношения.

Совершенно очевидно, что самые значительные явления последних лет умиравшего века рождала именно Вселенная цитат. Это и грандиозные фильмы Питера Гринуэя, и поэзия успешного уйти раньше века Иосифа Бродского. И, конечно же — раньше других — борхесовские круги руин. Человек, который видит сон, что он видит сон о человеке, который видит сон... Борису Ванталову удалось сделать на этом пути следующий шаг.

И об этом лучше других говорит сам «Конец цитаты». «...Эта эпопея о человеке, который утратил начисто границы, контуры стали расплываться, и душа как зонтик расплапнулась над этими листами, оттого у этой книги есть только середина, начало и конец потеряны безвозвратно; может быть, здесь говорят звезды или камни, или водоросли. Какая разница, кто пишет?! Из-под руки бежит линия. Просто рисунок слова». Может быть, в новом собрании «Конец цитаты» обретает наконец начала и концы. Только вот кто есть кто остается невыясненным.

Миф живет своей жизнью — «Конец цитаты» не имеет авторства. В 1993 г. он воплощается в произведение Михаила Безродного под тем же названием (см.: НЛО. 1995. №12). Выпущенный из бутылки «Конец цитаты» бродит уже по Европе. Подобное же явление, но лежащее скорее в области массовой культуры, — бесконечные тома «Пророков и поэтов» Игоря Гарина. Здесь также желание сказать все обо всем и *якобы* устраниваться. Здесь также безбрежное цитатное море, но систематизированное в банальной однолинейной последовательности.

«Конец цитаты» Б. Ванталова не «конец прекрасной эпохи» (см. статью Андрея Зорина о «Конце цитаты» М. Безродного), а призрак нового времени, ноосферического, «литосферического», в котором автор и читатель — одно.

«Размывание» автора ведет, прежде всего, к тому, чтобы произошло отождествление исчезающего автора-персонажа и читателя, вконец обезличенного новым железным веком. Только таким образом поддерживается интерес читателя (это и не роман, думает читатель, нет авторского диктата, нет существующей самостоятельно формы), читатель как бы сам творит произведение.

Используя принцип Б. Ванталова, ограничусь цитатой из Роллана Барта: «Теперь мы знаем: чтобы обеспечить письму будущее, нужно опрокинуть миф о нем — рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» (Барт Р. Избранные работы. М., 1989. С. 391).

Рождается не просто «свой» читатель — универсальный читатель, не связанный временем действия романов или поколением автора. В сегодняшнюю эпоху «второго изобилия» — реанимации позднесоветских ценностей — романы приобретают особую ценность. Плотный тягучий быт сливается с литературной реальностью. Бытовые реалии перестают существовать, уступая место мифологизации искусственной реальности. Разве это не законы сегодняшнего дня, предвиденные Ванталовым? Мироощущение подпольного человека вновь стало актуальным.

II

Действие романа «Утром три» происходит в 1950–1970-е годы.

Эпоха постмодернизма выдвинула нового героя. Произошло это не потому, что ушел модернизм. А потому, что советская действительность все более становилась воплощением реализации постмодернизма, сооружая воздушные замки из колючей проволоки. Обитателям этих замков можно было чувствовать уверенность в завтрашнем дне и видеть процветание государства только в случае полного отсутствия мозгов. Нормальный человек мог отвергнуть эту фантазмагорическую структуру только в том случае, если он отвергал ее целиком. Это значит: вместе с отрицанием своей собственной значимости. Подлинным героем этого времени становится не отличник-функционер, а второгодник-кочегар. Мифология «Утром три» населена олимпийцами-второгодниками.

«Утром три» соотносится с романом-эпопеей «Конец цитаты» примерно так же, как «Записки психопата» Венедикта Ерофеева с поэмой «Москва — Петушки»: ранние произведения, биографическая основа, самоирония. При этом в романе Ванталова сохраняется характерная для него мифологическая структура: плотный мифологический фон, плюс воспоминания о школьном классе (краткие гротескные характеристики при полном отсутствии бытового реализма, все персонажи — «заядлые второгодники»), плюс современное (1978 год) положение героя, прячущего от родственников свое машинописное творчество.

Проблема творчества, создание произведения становится главной темой повествования. Единственная реальность — литература. «Литература создала вселенную, которая, может быть, и есть цель существования человека». Литературная вселенная — возвышенная и фарсовая одновременно. Литература не страдает оттого, что Ванталов сравнивает творческую потребность с процессом пищеварения. «Лист надо закончить, нельзя его в машинке оставлять, а то родственники сунутся. Что печатаешь? Зачем? А зачем я писаю, откуда я знаю. Они думают, литература отличается от пищеварения. Нет!!!»

Мастерство Ванталова в умении соединить комизм формы и трагизм существования: «Инфузория, чем она виновата, что она инфузория, и чем виноват я, что я человек». Изыщество словесного потока (потока сознания) неразрывно с насыщенным бульоном цитат, литературных традиций. Автор свободно перемещается с одного мифологического пласта на другой. А начав ту или иную фразу в любой момент может перенестись в любую временную и пространственную точку. Один из постоянных персонажей — Петр Сергеевич — обозначается аббревиатурой П. С. В один прекрасный момент действие происходит на Большом проспекте Петроградской стороны (в Петербурге два Больших проспекта: на Петроградской стороне и на Васильевском острове). Кажется, что Петр Сергеевич и Петроградская сторона сливаются в один образ.

Биографизм, присущий произведениям Ванталова, продолжает одну из ярких тенденций литературы XX века, так как это единственная возможность разрушить эпические повествовательные барьеры ради утверждения человеческой личности, которая в «Конце цитаты» казалась окончательно разрушенной. По этому пути прошли Август Стриндберг, Франц Кафка, Жан Жене, Венедикт Ерофеев.

Но Ванталов переводит «биографизм» на заумный язык. Объектом анализа становится не эстетизированная биография, а преображенное слово. У подобного персонажа, в отличие от физических тел, смерти нет. Ясно только одно: что нет конца действительности. Нет слова «конец». Нет смерти. Нет слова «смерть». Есть только отношение и отрицание.

III

В прозе 1990-х годов что-то меняется. Остается структура — фрагменты-записи, самоцитаты, страдания лирического героя. Но бесконечное стремление к пустоте сменяется поиском главного смысла. От разрушения форм Ванталов возвращается к «пафосу» сущности. Вот концепция, сформулированная в «Записках неохотника»: «Мы упорствуем в заблуждении и дорожим им больше жизни, а подлинная жизнь проходит параллельно нашему существованию, и прямые пересекаются только при смерти. (...) А вообще всякая попытка объяснения безнадежна. Слова бессильны перед действием, и только совершив переход можно говорить на зау. Честное слово — молчание».

Вместо смеховой стихии «Конца цитаты» — спокойные рассуждения о параллельной подлинной реальности, которая, оказывается, есть помимо слов. Явственно проступает гамлетовская, тютчевско-метерлинковская тема. И жизнеутверждающий вывод: «Мы шире и глубже нашего языка, но предпочитаем болтаться на крючке слова, как пойманная рыбка. Нам еще предстоит выбраться из слов и научиться основам снов».

Один из героев «Конца цитаты» — язык — оказывается теперь статистом.

А что же наш главный герой — я? В «Записках неохотника» противоположности отождествляются. Я, не я — какая разница. В модернистской реальности «Записок неохотника»: всё — я. «Вернее — меня нет. Есть только могучий ритм неведомого океана. Он чудит в моей пустой голове, и от меня мало что зависит, надо плыть по течению». Это уже не ирония. Это итог путешествия Фауста.

Бесконечное расслоение героя и повествователя в постмодернистском «Конце цитаты» сменилось тотальным слиянием этих слов: «Я и Павлов, я и собака».

Двадцатый век подробно доказывал невозможность текстов, невозможность чтения. А результатом стала невозможная толща слов-без-смысла, мертвых «живых журналов», «виртуальных реальностей». Если употребляется слово «живой», значит — пахнет дохлятиной.

Теперь уже невозможно читать никакие повествования и обживать никакие конструкции. Ванталов отказывается от изысков и конструкций «Конца цитаты» — все упрощается.

Итак, снова сюжетом становится поиск себя. Но этот «я» — персонаж сна. Эстетика сна Ванталова — поток мыслей, образов, цепляний социума. Всё это прессуется в подсознании и переделывается в единственно подлинную реальность — эстетическую. «Сделав текстом себя, я потерял интерес к искусству чтения. Круг мыслей очерчен, и остаток жизни надо посвятить попытке вырваться за его пределы. Но порой этот круг кажется бесконечным, неразмыкаемым. Блоковский вариант», — записал Ванталов 1 ноября 1996 года.

Хоть автор и провозглашает смерть сюжета (вместо сюжета — «сюр-жест»), в «Записках неохотника» он таки есть! Это сюжет смерти конкретных людей: отца и матери автора (всё на продажу!) и уход автора из жизни в реальность сна.

«Записки неохотника» заявлены как отказ от себя («самоликвидация»), но весь сюжет записок — это поиск себя. И автор постепенно находит выход — презрение и отторжение обыденной жизни («Трусливые души снова уползают во мрак бытия. Я туда больше не хочет. Никогда». 9.01.97) и уход в сновидения. И вот там-то есть где разгуляться автору. Такое вот неожиданное для Ванталова — и закономерное для нового «рубежа веков» — обращение к эстетике символизма-сюрреализма!

Всем своим творчеством Ванталов движется к реализации давно всеми брошенного «проекта модернизма». Культурный прорыв прошлого рубежа веков заключался в разрушении иллюзорно-божественного мира и попытке создания целостного человека в новой реальности — на фоне бездны. У Ницше возник пророк сверхчеловека. У Метерлинка — человек перед дверью на краю бездны. У Ванталова — «прыгаю в бездну». В прежних романах — дошел до конца. Но за концом оказалась бездна. Вот тут-то и началась жизнь.

В этом, собственно, и заключается единственно возможный ответ. Выбор таков: «Существа, осознающие себя как сновидение, редки. Поэтому большинство “собственным” снам предпочитает коллективные». В «Записках неохотника» выбор сделан автором однозначно. Со всеми вытекающими последствиями.

IV

Даже в этом сборнике, погружаясь в плотные слои прозы, Ванталов не мыслит себя вне поэзии. То, что здесь составляет тонкие прожилки, никак не менее значимо, чем его проза и, в свою очередь, переключается с его изобразительным искусством.

Тема рисунков Б. Ванталова — возвращение назад, воспоминание о детстве или, если хотите, о золотом веке. Взгляд в прошлое из сегодняшнего дня. Причем и сегодняшний день, и прошлое — абсолютно абстрактны. Тема возвращения, оборачивания вспять — одна из главных и в стихах. Цикл рисунков называется (скажем по секрету) «В гостях у бабушки». В этом названии — один из главных художественных принципов художника-поэта: снижение космических тем до семейного уровня. Эльсинор на диване. Что же это за бабушка такая, которая возвышается над облаками, держит в ладошках двух человечков, героев рисунков, заглядывает в окно, покрывает крылом человечков, стоящих на крыше! Впрочем, наверное, так же Бабушка может спихнуть ногою этих человечков в могилу (наконец, может быть, это и не бабушка — ведь видна только нога). Маленьких человечков двое, оба носатенькие, один в очках, кто они — определить невозможно.

Таковы же и стихи. Образы традиционной поэзии пронизывают все стихи Б. Ванталова:

Неизреченная есть в слове благодать,
Она несет способность воскрешенья.

Из праха, пепла вновь возник
Нетленный образ вещей птицы.

Пение птиц озорное,
Робкие вздохи травы,
Приступы легкого зноя,
Лед на загривке Невы.

Вся эта образность и поэтичность нужны ... только для того, чтобы образность опровергнуть, а поэтичность разрушить:

Моя религия — халат,
Балкон — святилище кумира.
В стакане плещется закат,
Внизу бесчинствует Пальмира.

(Это стихотворение приведено мною целиком.)

Основной темой стихов 70-х годов становится упадок и запустение: urbi («Не выпит город до конца, так пустим чашу вкруговую — пусть загораются сердца! Черт с ним, что все идет впустую») et orbi («Не отличить личину от лица, а лабиринт — запутанней и уже»).

Если в стихах 70-х — картина всеобщего внешнего разрушения, то в 89-м — внутренний мир. Человек вне окружающего мира. Все темы (экология культуры, трудности писательского труда, круговращение времен года и человеческой жизни) вмещаются в человека. Теперь Я возникает не как лирический герой, противопоставляемый миру, — теперь это низвержение самого Я, ироническое самоуничтожение. Вся автобиография сводится к ношению тела и в нем — ветхой души: «Не делал никакого дела». И прощание с читателем: «Адю, товарищи, адю!» В каждом из таких стихов подразумевается тематическая и жанровая соотнесенность с каким-либо образцом. Но иногда это прочитывается впрямую. Таково стихотворение «Так дай мне Бог сойти с ума!», где соотнесенность с пушкинским очевидна, но здесь все наоборот: мир безумия — единственный мир, в котором герой может спастись.

Так дай мне Бог сойти с ума!
Противна мне структура мира:
Отбора вечная секира
И человечества тюрьма.
Любви слюнявые заклятья,
рабов унылые проклятья,
вселенной темное объятье —
все западня.
О дай мне Бог сойти с ума!
И насладиться блеском пятен
и мнить, что я невероятен
и бесконечен как волна.

Но безумие остается безумием. И современный герой — не объявленный безумцем Чацкий или Чаадаев, не отрекшийся ради сохранения ума Галилей, — он действительно безумен и лишь мнит себя «невероятным и бесконечным как волна» (т.е. растворившимся в мире).

Это ироничное отношение к самому себе — не что иное, как концептуальный комментарий, ставящий все на свои места. В бессмысленном мире величие человека мнимое. Способность его осудить мир наталкивается на собственную никчемность («Тебе уже не много надо, но меньше этого дано»). Однако осознание этой никчемности, ирония над самим собой показывают наличие трезвой оценки, существование незыблемых истин. При всей этой самой никчемности героя, он всеогромен, он равен миру («вселенной ночной гражданин»). В этом укрупнении «муравьишки» чувствуется нарочитость, за-

данность включения в образ любых литературных штампов. В стихах Б. Ванталова можно обнаружить концептуальные элементы, свойственные почти всей современной поэзии, долго лежавшей под спудом. А именно: воскрешение образа, низвержение его путем перемещения в иной контекст, затем — отстранение и оттого — осмеяние, своеобразный комментарий, подтверждающий первоначальный образ. В отличие от концептуалистов в стихах Б. Ванталова используются не просто идиомы, а исключительно поэтические «черепки», и «комментарий» включается в само стихотворение, выходя из его смысла, но не разрушая поэтической формы (вроде пастернаковской «Жизнь прожить — не поле перейти»). На стихи Б. Ванталова оказала влияние эстетика трансфуризма, одного из поздних образований заумной поэзии. В произведениях Сергея Сигея, Ры Никоновой, А. Ника и Б. Ванталова сам поэтический строй определяет содержание стихов, форма диктует сюжет, образ важнее смысла, а ритм важнее образа.

У Б. Ванталова в поздней поэзии — пародирование мифа о поэте: «Поэту никто не поможет», «Душа постигла наконец свободу, мизинец упирается в Ничто», «зажечь невидимые свечи и выйти вон», «когда забытая могила в пейзаже каждого лица», и т.д.

Миф реален, и эта реальность опровергает сама себя. Мифологемы разворачиваются, сцепляются друг с другом, но в результате оказываются перевернутыми, вывернутыми наизнанку. Реальный миф — это мертвый миф. Миф мертвых, но вечно живых литературных штампов.

Арлекин, замерзающий в поле,
облаченный в лоскутья культур.
Он не выучил заданной роли,
и Пьеро ему глотку заткнул!
Рукавом...

Вся эта мифологичность и литературность поэзии Ванталова не противоречит абсолютной точности оценок в стихотворениях и реальности описываемых фактов. Ванталов ничего не выдумывает. Он записывает то, что есть. Вот, например, стих об Элинине, приведенный в четвертой части сборника:

Элизиум. Элениум. Элинин.
Элегия о сломанной судьбе.
Ты стал, Руслан, как дитяtko, невинен.
Проснись, мой друг, я помню о тебе.

Тут все правда и нет ни одного лишнего слова.

В поэзии и рисунках автора — не исчезновение героя, а множественность самостоятельных литературных образов.

Кто же он — автор всех этих произведений? Он — создатель гетеронимов. Певец вечного ускользания личности, вечного движения к сверхчеловеку. В эпоху безумства массовой культуры, когда пресловутая «личность» затмевает все, когда биография звезды становится важнее ее работы, когда сверхличности раскручиваются с помощью PR, а потом лопаются как мыльные пузыри, Ванталов демонстрирует полную растворенность себя в творчестве. Каков он «на самом деле», мы никогда не узнаем, потому что «самое дело» — это творчество, художественная форма, сингулярная точка. «Душа моя, стань каплей водяной и, в океан упав, в нем затеряйся...» Эта капля тоненькой струйкой соединяет Фауста эпохи Ренессанса и поэта эпохи постмодернизма, скрывшего свое имя.

Вадим Максимов

Б. Констриктор и Б. Кипнис. Репетиция. Апрель 2008 г. Фото Ирины Емельяновой

библиографическая справка

Записки блудного сына //Обводный канал, 1988, №13

Книга облаков //Часы, 1989, №75

Точка в виде запятой //Исследования по теории катарсиса. Вып. II. 1990

Конец цитаты/Уголовник //ЛИА Р.Элинина. М., 1995

Утром три. Ч.1//Крещатик, 2000, №9

Утром три. Ч.2//Крещатик, 2007, №35

Опыты антологического диссиденства //Из архива «Новости литературной газеты». М., 1997, расширенный вариант

Какие сны... //Новое литературное обозрение 1997, №25

Речь по случаю вручения Ры Никоновой и Сергею Сигею литературной премии имени Андрея Белого //Russian Literature LIX. II–III–IV special issue

История моего знакомства с Андреем Татом //Крещатик, 2001, №11

Иноземец //В кн.: Леон Богданов, Заметки о чаепитии и землетрясениях. М., 2002

Как устроиться на работу в Америке //Крещатик, 2001, №13

Человек-гора//Критическая масса, 2005, №3–4; см. также расширенный вариант этой статьи в альманахе «Премия Андрея Белого» 2005–2006. СПб., 2002

содержание

I. Конец цитаты.....	2
1. Записки блудного сына.....	7
2. Книга облаков.....	81
3. Точка в виде запятой.....	116
II. Утром три.....	159
III. Записки неохотника.....	201
IV. Какие сны	
1. Какие сны.....	250
2. История моего знакомства с Андреем Татом.....	276
3. Речь по случаю присуждения литературной премии имени Андрея Белого Ры Никоновой и Сергею Сигею.....	285
4. Иноземец.....	289
5. Как устроиться на работу в Америке.....	290
6. Человек-гора.....	295
7. История одной картинки.....	300
Вадим Максимов	
Романы и двойники Бориса Ванталова.....	302
Библиографическая справка.....	318

литературно-художественное издание

Борис Ванталов

Записки неохотника

Неполное собрание текстов

Главный редактор издательства Людмила Василенко

Редактор Элла Липпа

Верстка Данилы Суглобова

Худ. оформление Сергея Суглобова

Издатель «Василенко Л.А.». Издат. идент. № 96102

Свидетельство № 795 серия ДК от 31. 01.2002 г.

Сдано в набор 22.01.08. Подписано в печать 17.09.08.

Формат 60x84/16. Печать офс. Тираж 500 экз.

Гарнитура Прагматика. Заказ № 8-224.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии

ООО «Друкарня «БІЗНЕСПОЛІГРАФ»»

г. Киев, ул. Вискозная, 8.